

СИБ Sib Script
СКРИПТ VOL 27 No 5
2025

TOM 27 № 5
2025

СибСкрипт = SibScript

СибСкрипт – национальный научный рецензируемый журнал.

Издается с 1999 г. Выходит 6 раз в год.

До 17 февраля 2023 г. – Вестник Кемеровского государственного университета.

Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых журналов Высшей аттестационной комиссии РФ. Журнал относится к категории К1 в соответствии с Итоговым распределением журналов Перечня ВАК по категориям К1, К2, К3. Журнал включен в ЕГПНИ (Белый список) – 4 уровень.

Позиция редакции может не совпадать с мнением авторов.

Плата за публикацию не взимается. Журнал издается за счет средств Кемеровского государственного университета.

Все научные статьи, соответствующие требованиям журнала, проходят двойное слепое рецензирование.

Сведения о политике журнала, правилах для авторов, архив полнотекстовых выпусков размещены на сайте издания: <https://sibscript.ru>

Журнал включен в базы данных: ErichPlus, DOAJ, Scilit, Ulrich's Periodicals Directory, РИНЦ.

Статьи распространяются на условиях лицензии CC BY 4.0 International License.

Регистрационный номер СМИ: серия ПИ № ФС 77-84812.

Выдан Роскомнадзором.

ISSN 2949-2122 (print); 2949-2092 (online).

Подписной индекс в интернет-магазине периодических изданий «Пресса по подписке» – 42150.

Учредитель, издатель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Кемеровский государственный университет» (КемГУ).

Адрес учредителя, издателя: Россия, Кемеровская область – Кузбасс, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6;
+7(3842)58-12-26; rector@kemsu.ru

Адрес редакции: Россия, Кемеровская область – Кузбасс, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6;
+7(3842)55-87-61; vestnik@kemsu.ru

SibScript is a Russian scientific peer-reviewed.

Founded in 1999. Published 6 times a year.

Until 17 Feb 2023 – The Bulletin of Kemerovo State University.

The Journal is on the Russian List of Leading Peer-Reviewed Journals recommended by the Higher Attestation Commission of the Russian Federation. The Journal belongs to Top Category (K1) of scientific periodicals as classified by the Higher Attestation Commission. The Journal is included in "White List" (Russia) – the fourth level.

Opinions expressed in the articles published in the Journal are those of their authors and may not reflect the opinion of the Editorial Board.

The Journal is funded by Kemerovo State University. Authors do not have to pay any article processing charge or open access publication fee.

The scientific articles, drawn up according to the rules of the journal, undergo double-blind peer review.

For more information about our publishing politics, instructions for authors, and archives of full-text issues, please visit our website: <https://sibscript.ru>

The journal is registered in the following databases: ErichPlus, DOAJ, Scilit, Ulrich's Periodicals Directory, RSCI.

The articles are distributed under the terms of the CC BY 4.0 International License.

Registration number: PI no. FS 77-84812. Registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Communications.

ISSN 2949-2122 (print); 2949-2092 (online).

Subscription indices: 42150 – in the online-store of periodicals "Press by subscription".

Founder and publisher: Kemerovo State University.

Address of the founder and publisher: 6, Krasnaya St., Kemerovo, Kemerovo region (Kuzbass), Russia, 650000;
+7(3842)58-12-26; rector@kemsu.ru

Editorial Office Address: 6, Krasnaya St., Kemerovo, Kemerovo region (Kuzbass), Russia, 650000;
+7(3842)55-87-61; vestnik@kemsu.ru

16+

Серый Андрей Викторович

главный редактор, д-р психол. наук, проф.,
КемГУ (Кемерово, Россия).

Редакционная коллегия

Аникин Александр Евгеньевич

д-р филол. наук, проф., академик СО РАН, Институт
филологии РАН (Новосибирск, Россия).

Бобров Владимир Васильевич

д-р ист. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).

Дятко Дмитрий Васильевич

д-р. филол. наук, проф., БГПУ им. Максима Танка
(Минск, Беларусь).

Жиличева Галина Александровна

д-р филол. наук, НГПУ (Новосибирск, Россия).

Зиновьев Василий Павлович

д-р ист. наук, проф., ТГУ (Томск, Россия).

Кобенко Юрий Викторович

д-р филол. наук, проф., ТПУ (Томск, Россия).

Колотов Владимир Николаевич

д-р ист. наук, доцент, СПбГУ (Санкт-Петербург, Россия).

Колпинская Екатерина Глебовна

д-р философии, канд. ист. наук, Университет Эксетера
(Эксетер, Великобритания).

Кузнецов Илья Владимирович

д-р филол. наук, доцент, НГТИ (Новосибирск, Россия).

Лукьянин Олег Валерьевич

д-р психол. наук, проф., ТГУ (Томск, Россия).

Лушникова Галина Игоревна

д-р филол. наук, проф., ГПА (филиал) КФУ
им. В. И. Вернадского (Ялта, Россия).

Мельник Наталья Владимировна

д-р филол. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).

Микляева Анастасия Владимировна

д-р психол. наук, доцент, РГПУ им. А. И. Герцена
(Санкт-Петербург, Россия).

Молодин Вячеслав Иванович

д-р ист. наук, проф., академик РАН, Институт археологии
и этнографии СО РАН (Новосибирск, Россия).

Налегач Наталья Валерьевна

д-р филол. наук, доцент, КемГУ (Кемерово, Россия).

Невзоров Борис Павлович

д-р пед. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).

Васютин Сергей Александрович

зам. главного редактора, д-р ист. наук, доцент, КемГУ
(Кемерово, Россия).

Овчинников Владислав Алексеевич

д-р ист. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).

Пименова Марина Владимировна

д-р филол. наук, проф., Международный гуманитарный
университет им. П. П. Семенова-Тян-Шанского
(Санкт-Петербург, Россия).

Прокурик Сергей Геннадьевич

д-р филол. наук, проф., НГУ (Новосибирск, Россия).

Резанова Зоя Ивановна

д-р филол. наук, проф., ТГУ (Томск, Россия).

Рудакова Светлана Викторовна

д-р филол. наук, доцент, МГТУ им. Г. И. Носова
(Магнитогорск, Россия).

Серкин Владимир Павлович

д-р психол. наук, проф., Высшая школа экономики
(Москва, Россия).

Терехов Олег Эдуардович

д-р ист. наук, доцент, КемГУ (Кемерово, Россия).

Тюопа Валерий Игоревич

д-р филол. наук, проф., РГГУ (Москва, Россия).

Хахалкина Елена Владимировна

д-р ист. наук, доцент, ТГУ (Томск, Россия).

Хьюитт Карен

магистр гуманитарных наук, проф., Институт
непрерывного образования Оксфордского Университета
(Оксфорд, Великобритания).

Шунков Александр Викторович

д-р филол. наук, доцент, КГИК (Кемерово, Россия).

Эрдэнэболд Лхагвасурэн Салжиуд

канд. ист. наук, проф., Монгольский университет науки
и технологии (Улан-Батор, Монголия).

Юревич Андрей Владиславович

д-р психол. наук, проф., чл.-корр. РАН, Институт
психологии РАН (Москва, Россия).

Яницкий Михаил Сергеевич

д-р психол. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).

Andrey V. Seryy

Editor-in-Chief, Dr.Sci.(Psychol.), Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Editorial board**Alexander E. Anikin**

Dr.Sci.(Philol.), Prof., Member of the Russian Academy of Sciences (RAS), Institute of Philology of the Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk, Russia).

Vladimir V. Bobrov

Dr.Sci.(Hist.), Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Dmitriy V. Dzyatko

Dr.Sci.(Philol.), Prof., Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank (Minsk, Belarus).

Lhagvasuren Erdenabold

Ph.D.(Hist.), Prof., Mongolian University of Science and Technology (Ulan Bator, Mongolia).

Karen Hewitt

M.B.E., M.A. (Oxon.), Prof. of Department for Continuing Education, University of Oxford (Oxford, GB).

Elena V. Khakhalkina

Dr.Sci.(Hist.), Assoc. Prof., Tomsk State University (Tomsk, Russia).

Yuriy V. Kobenko

Dr.Sci.(Philol.), Prof., Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russia).

Vladimir N. Kolotov

Dr.Sci.(Hist.), Assoc. Prof., Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russia).

Ekaterina Kolpinskaya

PhD in Politics, Cand.Sci.(Hist.), University of Exeter (Exeter, GB).

Ilia V. Kuznetsov

Dr.Sci.(Philol.), Assoc. Prof., Novosibirsk State Theater Institute (Novosibirsk, Russia).

Oleg V. Lukyanov

Dr.Sci.(Psychol.), Prof., Tomsk State University (Tomsk, Russia).

Galina I. Lushnikova

Dr.Sci.(Philol.), Prof., Humanities and Education Science Academy (branch) of V. I. Vernadsky Crimean Federal University (Yalta, Russia).

Natalia V. Melnik

Dr.Sci.(Philol.), Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Anastasiya V. Miklyaeva

Dr.Sci.(Psychol.), Assoc. Prof., Herzen State Pedagogical University of Russia (St. Petersburg, Russia).

Vyacheslav I. Molodin

Dr.Sci.(Hist.), Prof., Member of the RAS, Institute of Archeology and Ethnography of the Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk, Russia).

Sergey A. Vasyutin

Deputy Editor-in-Chief, Dr.Sci.(Hist.), Assoc. Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Natalya V. Nalegach

Dr.Sci.(Philol.), Assoc. Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Boris P. Nevzorov

Dr.Sci.(Ed.), Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Vladislav A. Ovchinnikov

Dr.Sci.(Hist.), Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Marina V. Pimenova

Dr.Sci.(Philol.), Prof., International Humanitarian University named after P. P. Semenov-Tyan-Shansky (St. Petersburg, Russia).

Sergey G. Proskurin

Dr.Sci.(Philol.), Prof., Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russia).

Zoya I. Rezanova

Dr.Sci.(Philol.), Prof., Tomsk State University (Tomsk, Russia).

Svetlana V. Rudakova

Dr.Sci.(Philol.), Assoc. Prof., Nosov Magnitogorsk State Technical University (Magnitogorsk, Russia).

Vladimir P. Serkin

Dr.Sci.(Psychol.), Prof., Higher School of Economics (Moscow, Russia).

Alexander V. Shunkov

Dr.Sci.(Philol.), Assoc. Prof., Kemerovo State Institute of Culture (Kemerovo, Russia).

Oleg E. Terekhov

Dr.Sci.(Hist.), Assoc. Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Valeriy I. Tyupa

Dr.Sci.(Philol.), Prof., Russian State University for the Humanities (Moscow, Russia).

Mikhail S. Yanitskiy

Dr.Sci.(Psychol.), Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Andrey V. Yurevich

Dr.Sci.(Psychol.), Prof., Corresponding Member of the RAS, Institute of Psychology of the RAS (Moscow, Russia).

Galina A. Zhilicheva

Dr.Sci.(Philol.), Novosibirsk State Pedagogical University (Novosibirsk, Russia).

Vasily P. Zinoviev

Dr.Sci.(Hist.), Prof., Tomsk State University (Tomsk, Russia).

Уважаемые коллеги, дорогие читатели!

Представляемый вашему вниманию новый выпуск журнала «СибСкрипт» отражает многогранную палитру исследований в области психологической науки с широким спектром предметного поля – от проблемы безопасности до творческого и ценностного потенциала человеческого Я. Материалы этого номера, объединенные в тематические разделы, складываются в целостную картину научных изысканий, отражающих сложные, динамичные процессы самоосуществления человека в стремительно меняющемся мире.

Открывает выпуск раздел, посвященный **психологическому феномену безопасности**, рассматриваемому в публикациях как теоретическая конструкция и представленному в конкретных социальных группах и жизненных обстоятельствах. В современных условиях, отмеченных неопределенностью и цифровизацией всех сфер жизни, эта тема приобретает ключевое значение. Статья М. С. Иванова закладывает методологический фундамент, предлагая системный взгляд на отношение к безопасности. Исследование Н. Н. Крыловой отражает актуальный контекст информационной среды, демонстрируя, как у студентов эмоциональное чувство безопасности взаимодействует с расчетом интеллектуальной оценки рисков. Завершает раздел работа М. А. Фризен и Л. В. Щукановой, которая на примере педагогов Камчатского края наглядно показывает, что психологическая устойчивость специалиста неразрывно связана с тем, насколько безопасной он воспринимает окружающую его образовательную среду.

Второй раздел затрагивает острые **клинико-психологические аспекты социального взаимодействия**. Здесь фокус смещается на зоны повышенного риска. Работа Е. А. Азаровой и М. А. Вышкыркиной обращена к тревожному феномену враждебности и суициdalного риска у подростков и напоминает о ценности своевременной диагностики и профилактики. В коллективном исследовании Д. Н. Чугунова и соавторов раскрывается тонкая материя семейных отношений, анализируется, как в супружеских парах воспринимаются эмоциональные расстройства. Проблема перекрестных оценок поднимает важнейший вопрос о том, насколько человек способен видеть не только свои, но и чужие переживания.

Третий раздел статей посвящен **онто- и социогенетическим аспектам развития и жизнеосуществления личности**. В нем прослеживается линия развития личности от старшего дошкольного возраста до юности. А. П. Архипова и Д. Н. Долганов исследуют становление эмоционального интеллекта у детей как основы будущего социального

благополучия. О. А. Браун и М. Г. Аркузин рассматривают связь идентичности и инфантилизма в юношеском возрасте, что крайне актуально в эпоху отложенного взросления. П. Р. Юсупов предлагает оригинальный ракурс изучения процесса личностного развития, демонстрируя корреляции стилей юмора с показателями социабельности и самоотношения у студентов.

Четвертый раздел поднимает нас на уровень **пространственно-временных и ценностно-смысовых составляющих образа мира и Я-концепции личности**. Это область высших психических функций и экзистенциальных оснований личности. В. И. Кабрин и Э. В. Галажинский вводят понятие *коммуникативная ноодинамика*, раскрывая, как в общении рождается и реализуется креативный потенциал. Исследование А. В. Котельниковой и соавторов посвящено личностному восприятию образа тела у пациентов со сколиозом, подчеркивает связь между физическим Я и психологическим благополучием. Статья Л. В. Скоровой, посвященная исследованию смыслового пространства представлений о маме у студентов, демонстрирует действие многих бессознательных установок уже у взрослой личности.

Завершает номер раздел **психолого-педагогических проблем личностного развития**, статьи в котором сфокусированы на практических аспектах. Т. О. Колесник и Е. Ю. Брель показали, что эффективность обучения первой психологической помощи зависит от личностной стрессоустойчивости самого помогающего. О. М. Краснорядцева и Е. С. Тетерина анализируют, как когнитивные особенности влияют на один из самых судьбоносных выборов – выбор профессии. Т. П. Скрипкина и Е. А. Кусакина знакомят нас с уникальным миром специалистов-кинологов, раскрывая динамику их профессионально-личностных качеств в период профессионального обучения.

Мы надеемся, что представленные работы не только обогатят научный дискурс, но и найдут практическое применение в работе психологов, педагогов и всех, кто интересуется психологией.

Dear authors and readers,

this issue offers you a bright tapestry of psychological studies that range from psychological security to creativity. The articles you are about to read form a kaleidoscope of complex and dynamic processes that make up human existence in this rapidly changing world.

First, we invite you to investigate **the phenomenon of psychological security**, a multifaceted theoretical construct that manifests itself in different social groups and life circumstances. The current global uncertainty and total digitalization make it a priority research issue. Start with M. S. Ivanov's comprehensive review of scientific attitudes towards security, then move on to N. N. Krylova's article that describes how emotional sense of security interacts with intellectual risk assessment in university students. M. A. Frizen and L. V. Tsukanova offer an exciting insight into the routine of school teachers who work in the extreme conditions of Russian Far East to prove that psychological resilience depends on the safety of work environment.

The section about **clinical and psychological aspects of social interaction** focuses on such sensitive areas as family life and self-destruction. E. A. Azarova and M. A. Vyshkvyrkina address the correlation between hostility and suicide in teenagers. D. N. Chugunov et al. investigate the way spouses perceive emotional disorders in the family and help each other to overcome psychological crises.

The section of **ontogenetic and sociogenetic aspects of personality development** traces the meanders of human life from preschool to college. A. P. Arkhipova and D. N. Dolganov explain how emotional intelligence acquired early in life shape

your social well-being in adulthood. O. A. Braun and M. G. Arkuzin study the effect of infantilism on self-identity in teenagers. P. R. Yusupov links humor styles with sociability and self-attitude in university students.

Next section brings us to the level of **higher mental functions and existential foundations of personality**. It describes the chronotope and meanings of the world as we see it and the way we see ourselves in it. V. I. Kabrin and E. V. Galazhinsky introduce the concept of communicative noö-dynamics that helps us to realize our creative potential in communication. A. V. Kotelnikova et al. study the body image in patients with scoliosis, linking their physical self with psychological well-being. L. V. Skorova uses the case of mother image to explain the way unconscious attitudes affect our adult self.

The final section offers a set of applied studies into **the psychological and pedagogical issues of personal development**. T. O. Kolesnik and E. Yu. Brel describe the effect of personal stress resistance on the results of psychological first aid training. O. M. Krasnoryadtseva and E. S. Teterina trace career choices to particular cognitive characteristics. T. P. Skripkina and E. A. Kusakina reveal some important issues of canine training as an important military occupation.

We hope that these fascinating articles will find practical application in psychology, teaching, and psychological counseling.

Безопасность как психологический феномен

Отношение к безопасности как психологическое образование: понятие, структура, подход к измерению

Иванов М. С.

783

Связь чувства безопасности и интеллектуальной оценки риска безопасности в информационной среде у студентов

Крылова Н. Н.

801

Психологическая устойчивость педагогов общеобразовательных школ во взаимосвязи с их субъективной оценкой психологической безопасности образовательной среды (на примере Камчатского края)

Фризен М. А., Цуканова Л. В.

813

Клинико-психологические аспекты социального взаимодействия личности

Враждебность и факторы суициального риска у подростков

Азарова Е. А., Вышкыркина М. А.

824

Особенности прямых и перекрестных оценок эмоциональных расстройств в супружеских парах

Чугунов Д. Н., Негореева И. Г., Шкильнюк Г. Г., Рудель А. Е., Буткевич М. А., Гаврилов Ю. В.

838

Онто- и социогенетические аспекты развития и жизнеосуществления личности

Анализ компонентов эмоционального интеллекта детей старшего дошкольного возраста

Архипова А. П., Долганов Д. Н.

852

Взаимосвязь характеристик системы идентичности и уровня инфантилизма в юношеском возрасте

Браун О. А., Аркузин М. Г.

865

Взаимосвязь стилей юмора с социабельностью и характеристиками самоотношения студентов

Юсупов П. Р.

877

Пространственно-временные и ценностно-смысловые составляющие образа мира и Я-концепции личности

Коммуникативная ноодинамика креативного потенциала личности

Кабрин В. И., Галажинский Э. В.

889

Образ собственного тела у пациентов со сколиозом как внешний критерий валидности

методики SRS-22

Котельникова А. В., Еремушкина С. М., Киселева М. Г., Сыркин Л. Д.

905

Смысловое пространство представлений о маме у студенческой молодежи

Скорова Л. В.

916

Психолого-педагогические проблемы личностного развития

Личностная стрессоустойчивость как фактор эффективности обучения навыкам первой психологической помощи

Колесник Т. О., Брель Е. Ю.

931

Профессиональный выбор первокурсников: в призме когнитивных особенностей личности

Краснорядцева О. М., Тетерина Е. С.

947

Профессионально-личностные качества специалистов-кинологов Росгвардии на различных этапах профессионализации

Скрипкина Т. П., Кусакина Е. А.

957

Psychological Security

Safety Attitude as a Psychological Entity: Concept, Structure, and Assessment

Ivanov M. S. 783

Sense of Security vs. Information-Related Risk Assessment in University Students

Krylova N. N. 801

Psychological Stability vs. Subjective Assessment of Psychological Safety in Secondary School

Teachers (Kamchatka Peninsula)

Frizen M. A., Tsukanova L. V. 813

Clinical and psychological aspects of social interaction

Hostility and Suicidal Risk Factors in Teenagers

Azarova E. A., Vyshkvyrkina M. A. 824

Direct and Cross-Sectional Assessments of Emotional Distress in Married Couples

Chugunov D. N., Negoreeva I. G., Shkilnyuk G. G., Rudel A. E., Butkevich M. A., Gavrilov Yu. V. 838

Ontology and Sociogenetics of Life Fulfillment

Emotional Intelligence Structure in Preschool Children

Arkipova A. P., Dolganov D. N. 852

Identity vs. Infantilism in University Students

Braun O. A., Arkuzin M. G. 865

Humor Styles, Sociability, and Self-Esteem in University Students

Yusupov P. R. 877

Spatio-Temporal and Value-Semantic Components of Worldview and Self-Concept

Communicative Noö-Dynamics of Personal Creative Potential

Kabrin V. I., Galazhinsky E. V. 889

Body-Image in Patients with Scoliosis as External Validity Criterion for SRS-22

Kotelnikova A. V., Eremushkina S. M., Kiseleva M. G., Syrkin L. D. 905

Semantics of Mother Image in University Students

Skorova L. V. 916

Psychological and Pedagogical Issues of Personality Development

Personal Stress Resistance in Mental Health First Aid Training

Kolesnik T. O., Brel E. Yu. 931

Career Choice Issues in First-Year Students: Cognitive Profile

Krasnoryadtseva O. M., Teterina E. S. 947

Canine Trainers in Russian National Guard: Professional and Personal Qualities during Training

Skripkina T. P., Kusakina E. A. 957

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/lxyeco>

Отношение к безопасности как психологическое образование: понятие, структура, подход к измерению

Иванов Михаил Сергеевич

Кемеровский государственный университет, Россия, Кемерово

eLibrary Author SPIN: 3006-0121

<http://orcid.org/0000-0001-5444-0069>

Scopus Author ID: 57196449787

ivanov.mikail@gmail.com

Аннотация: В исследовании обсуждается возможность изучения отношения к безопасности как психологического образования, отражающего психическую деятельность по восприятию и переживанию опасности, детерминирующей и регулирующей поведение человека с точки зрения его безопасности. Цель – описать теоретическую модель отношения к безопасности как психологического образования и ее эмпирическую верификацию посредством содержательного анализа феноменологии отношения к безопасности на различных выборках (в том числе выборках специалистов в области безопасности, выступающих модельными группами для предмета исследования). В ходе теоретического анализа показано, что категория отношения может быть применена к изучению психической деятельности, связанной с переживанием опасности и регуляцией безопасного поведения. Представлена модель отношения к безопасности, включающая в себя отношение к опасности и отношение к безопасности, в многообразии общих (центральных) и частных (периферийных) отношений, функционирующих как единая система. В эмпирическом исследовании собраны описания отношений к опасности, выявлена и описана феноменология этих отношений. В результате содержательного анализа описаний получены обобщенные категории опасностей, на основании чего предложена методика измерения серьезности угроз и усилий по обеспечению безопасности. Методика применена на широкой выборке, состоящей из испытуемых разных категорий: студенты, взрослые (разных профессий, разного уровня образования и социального статуса), шахтеры, кардиобольные, офицеры Росгвардии, сотрудники ФСИН. В общей сложности в исследовании приняли участие 454 испытуемых. В результате исследования предложенная теоретическая модель отношения к безопасности получила ряд эмпирических подтверждений: 1) отношение к безопасности имеет конкретное психологическое содержание, состоящее в общих и частных отношениях человека к опасностям и обеспечению безопасности, имеющих индивидуальные различия и профессиональную обусловленность; 2) содержательно отношение к безопасности предполагает единство отношения к опасности и обеспечению безопасности; 3) общая структура отношения к безопасности может рассматриваться как включающая общие и частные отношения к безопасности; 4) частные отношения к безопасности, названные опасениями, имеют определенную структуру, включающую представления об источнике опасности, характере предполагаемого воздействия и последствиях этого воздействия. Сделан вывод, что отношение к безопасности может изучаться как психологическое образование, определяющее безопасное поведение, показаны действенные способы его измерения и изучения в научном исследовании.

Ключевые слова: отношение, безопасность, психологическое отношение, отношение к безопасности, психология безопасности

Цитирование: Иванов М. С. Отношение к безопасности как психологическое образование: понятие, структура, подход к измерению. *СибСкрипт*. 2025. Т. 27. № 5. С. 783–800. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2025-27-5-783-800>

Поступила в редакцию 09.07.2025. Принята после рецензирования 29.09.2025. Принята в печать 29.09.2025.

full article

Safety Attitude as a Psychological Entity: Concept, Structure, and Assessment

Mikhail S. Ivanov

Kemerovo State University, Russia, Kemerovo

eLibrary Author SPIN: 3006-0121

<http://orcid.org/0000-0001-5444-0069>

Scopus Author ID: 57196449787

ivanov.mikail@gmail.com

Abstract: Attitude is a category that can be applied to the study of safety-related mental activity. Safety attitude is a psychological entity that reflects mental activity associated with perceiving and experiencing danger. This attitude governs one's safety behavior patterns. The model of safety attitude described in this article was verified on 454 different samples, including students, miners, cardiac patients, military officers, and security specialists. It consisted of attitude to danger and attitude to safety, represented as a variety of general (central) and particular (peripheral) attitudes unified in a single system. The empirical research yielded a set of descriptions of attitudes to danger and their phenomenology. The descriptions were generalized into categories of hazards to develop an assessment methodology. The resulting theoretical model received a number of empirical confirmations: 1. Safety is associated with specific mental content that consists of general and particular attitudes to danger and safety; they depend on one's personality and profession. 2. Safety attitude consists of attitudes to danger and safety measures. 3. The general structure of safety attitude includes general and particular safety relations. 4. Particular attitudes to safety are called concerns; their structure includes ideas about the source of danger, its nature, and consequences. Safety attitude can be studied as a psychological entity that determines safe behavior that can be measured and studied.

Keywords: attitude, safety, psychological attitude, attitude to safety, psychology of safety

Citation: Ivanov M. S. Safety Attitude as a Psychological Entity: Concept, Structure, and Assessment. *SibScript*, 2025, 27(5): 783–800. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/sibscript-2025-27-5-783-800>

Received 9 Jul 2025. Accepted after peer review 29 Sep 2025. Accepted for publication 29 Sep 2025.

Введение

Фундаментальное противоречие, которое определяет проблему безопасности, связано с дуализмом окружающей среды, которая предоставляет условия и ресурсы для жизни и одновременно выступает источником угроз выживанию. С психологической точки зрения проблема безопасности человека связана с указанным противоречием, субъективно предстающим в виде осознания необходимости вступать во взаимодействие с этой неизбежно опасной окружающей средой, поскольку она является безальтернативным условием выживания. В этом смысле обеспечение безопасности может рассматриваться как важнейшая функция психики, состоящая в регуляции такого поведения индивида, при котором возможно наиболее безопасное взаимодействие со средой.

Подавляющее большинство исследований в области психологии безопасности связаны с изучением поведения человека в нестандартных условиях,

в которых угрозы безопасности существенно возрастают: экстремальных, чрезвычайных, трудных, опасных производственных ситуациях и т. п. Между тем совершенно очевидно, что регуляция поведения с точки зрения безопасности осуществляется постоянно, выступая, по выражению Г. Ю. Фоменко, явлением повседневности [Фоменко 2010], как и ощущение себя субъектом личной безопасности, ответственным за жизнь и здоровье себя, своих близких, имущества. Кроме того, переживание угрозы традиционно изучается в психологии как проблема тревоги и страха – мы почти не находим исследований психической деятельности, связанной с восприятием и переживанием объективной опасности, за редким исключением, например [Вещикова 2015]. В результате имеется существенный недостаток теоретических представлений о психологической детерминации безопасного поведения в повседневных ситуациях

жизни и деятельности, не являющихся экстремальными, представлений о нормальной тревоге и объективном страхе, и в целом о психической деятельности, связанной с переживанием опасности и регуляцией безопасного поведения в нормальных условиях. Наличие теоретического пробела в изучении такой близкой каждому человеку сфере, как личная безопасность повседневной жизни, побуждает нас к исследованию этой проблемы.

В изучении проблемы безопасности в психологии в последние годы преобладает личностный подход, согласно которому безопасность поведения человека определяется набором личностных свойств. Так, Н. А. Лызь предлагает концепцию безопасной личности, под которой понимается определенный уровень развития и сочетания ценностно-смысловых и других личностных образований, создающих общую направленность личности на безопасность [Лызь 2005; Лызь, Куповых 2015]. Распространенная концепция психологической безопасности (И. А. Баева, Т. Н. Березина, Н. Е. Харламенкова и др.) также опирается на личностный подход, в данной концепции анализируются психологические факторы, связанные с безопасностью человека. Личность как динамическое психологическое образование выступает общим основанием регуляции безопасного поведения, в чем состоит несомненное достоинство личностного подхода.

Появляются исследования, которые обращают внимание на необходимость анализа психологического содержания, непосредственно детерминирующего отношение и поведение человека в аспекте его опасности / безопасности. Так, Т. М. Краснянская и В. Г. Тылец пишут о самообеспечении безопасности как самостоятельном психическом процессе, не сводимом к другим процессам [Краснянская, Тылец 2013], предлагают понятие *персональные концепции безопасности* как некоторое психологическое образование в отношении безопасности, анализируемое содержательно и не сводимое к динамическим характеристикам личности [Тылец, Краснянская 2023]. На необходимость изучения психологического содержания указывает Б. С. Братусь, отмечая, что психологию нельзя сводить к изучению только динамической стороны психической деятельности, оставляя ее содержание философии, этике и другим наукам; изучая смысловые процессы, автор указывает, что без анализа содержания будут упущены важнейшие детерминанты, определяющие черты как конкретных, так и общих свойств личности [Братусь 1988].

В предлагаемом нами подходе предпринимается попытка рассмотреть психическую деятельность, связанную с переживанием опасности и регуляцией безопасного поведения, посредством анализа структуры и содержания психологических явлений, которые образуют эту психическую деятельность и лежат в основе регуляции такого поведения. К таким образованиям можно отнести целый ряд явлений, как сознательных, так и частично неосознаваемых, например, знания в области безопасности, представления об опасностях и их предупреждении, ценностные и смысловые образования в отношении опасности и безопасности, страхи, тревоги, волнения и прочие явления, связанные с эмоциональным переживанием опасности; потребностно-мотивационные образования, выступающие побудителями опасного и безопасного поведения.

Удобным понятием, позволяющим в единстве анализировать различные психические явления, относящиеся к какому-то одному аспекту реальности, которым и выступает в том числе аспект безопасности, представляется понятие *отношение*, предложенное и разработанное в школе А. Ф. Лазурского и В. Н. Мясищева и развитое в последующих исследованиях. Анализ публикаций по проблеме психологии отношений показывает не угасающий интерес исследователей к этой категории [Артемьев, Распопова 2024; Карпова и др. 2020]. Согласно представлениям В. Н. Мясищева, отношение в целом понимается как психическая связь человека с миром, а отдельное отношение выступает законченным элементом психологического содержания, что делает его, по мнению автора, единицей анализа психики, в отличие от других используемых категорий, в том числе личности [Мясищев 2003]. Изучив психологические аспекты безопасности, В. Б. Обуховская и Э. И. Мещерякова отметили, что базовым понятием в изучении безопасности может стать категория отношения, т. к. исследование «отношения» позволит рассмотреть безопасность как психологический конструкт и выявить ее социально-психологическую направленность [Обуховская, Мещерякова 2018].

Анализ психической деятельности через категорию отношения не противоречит личностному подходу, поскольку система отношений не тождественна личности и не заменяет ее содержания. При этом, анализируя теоретические представления В. Н. Мясищева, становится понятно, что отношение, выступая единицей анализа психики, задает самостоятельное методологическое основание

психологического исследования, альтернативное личностному подходу. Отношения понимаются как система психологических содержаний, в то время как личность в основном понимается как система психологических свойств, выступающих не чем иным, как устойчивыми проявлениями этого содержания. Тогда исследование отношений к безопасности дополняет изучение личностных оснований безопасного поведения посредством анализа содержания и динамики конкретных психологических образований, в которых представлен процесс и результат психической деятельности по обеспечению субъектом личной безопасности.

Понятие *отношение* позволяет содержательно и конкретно раскрыть представленность в сознании той части психической деятельности и ее результатов, которая связана с отражением действительности в аспекте ее опасности / безопасности. Такой подход способствует решению целого ряда задач не только психологии безопасности, но и психологии в целом. Например, проблема объективной тревоги, обозначенная еще З. Фрейдом, связанная с критерием ее отделения от невротической тревоги, а значит с проблемой сущности самой тревоги и невроза, до сих пор остается нерешенной. Добавим сюда проблему реальной и субъективной опасности, по поводу чего Дж. Боулби писал, что любая опасность, о которой говорит клиент, на самом деле реальна [по: Бек, Эмери 2020]. Тот факт, что изучение психического отражения опасности исчерпывается на сегодняшний день исследованиями восприятия опасности, а изучение безопасности проводится в основном в контексте экстремальных и чрезвычайных ситуаций, также не может устраивать психологию безопасности, которая стремится изучать безопасность как явление повседневности, что отмечает Г. Ю. Фоменко, анализируя проблемы психологии безопасности личности [Фоменко 2010].

В терминологии теории отношения *отношение к безопасности* – это психологическое образование, отражающее сознательную, активную, избирательную, целостную, основанную на опыте психологическую связь субъекта с объективной действительностью в аспекте ее опасности и безопасности. Отношение к безопасности является частью отношения человека к миру и самому себе и выступает единицей анализа психической деятельности, связанной с психологическим отражением опасности и регуляцией безопасного поведения. Отношение к безопасности представлено в психике непосредственно, за ним стоит конкретная

психическая реальность, связывающая субъекта с самой сущностью опасности и безопасности как объективных явлений действительности.

В философском исследовании природы безопасности Н. Н. Рыбалкин доказывает, что поскольку феномен безопасности представляет собой рефлексивную форму определения существования через опосредование опасностью, он не может существовать самостоятельно в отрыве от феномена опасности [Рыбалкин 2003]. На опосредованность безопасности опасностью в сознании указывают Т. М. Краснянская и В. Г. Тылец, в исследования которых психосемантическим методом показано, что опасность имеет более простую ментальную реконструкцию, чем безопасность [Краснянская, Тылец 2024].

Итак, отношение к безопасности должно рассматриваться как включающее в себя две стороны: отношение к опасности и отношение к обеспечению безопасности. Отношение к опасности по своему содержанию можно понимать как отношение к окружающему миру в аспекте создаваемой действительной или возможной опасности, что, вероятно, и проявляется в системе представлений об угрозах и опасностях. Тогда отношение к обеспечению безопасности будет состоять в отношении к возможности противостоять опасностям, владении средствами предупреждения и противодействия опасности. Вместе, отношение к опасностям и обеспечению безопасности, т. е. отношение к безопасности, представленное на разных уровнях психического, может изучаться как психологическая система, регулирующая поведение в аспекте его безопасности.

Одной из сущностных характеристик отношений В. Н. Мясищев называл их иерархический характер, в котором реализуется уровневое строение системы отношений. Иерархичность отношений означает их соподчиненность, включенность частных отношений к отдельным элементам действительности, в общие отношения – к целым классам элементов, категориям или областям реальности.

Отношение к безопасности выступает частью общей системы отношений к миру, и само может изучаться как система, состоящая из множества отдельных отношений, общую структуру которой можно представить в виде иерархии из подсистем отношений двух уровней: центрального (общие отношения) и периферического (частные отношения).

Идея центральности в разделении разного рода уровневых структур на центральное (ядерное) и периферическое присутствует в работах Ф. Хайдера

(обращение к ядру для объяснения атрибутивных процессов), в работах С. Аша, где речь идет об иерархии элементов: при восприятии человека информация о нем структурируется вокруг «центральной черты», которая «ответственна» за его целостный образ [Бовина 2010]. Подобная дихотомия используется и в теории социальных представлений С. Московичи, развивая которую, Ж.-К. Абрик включает в структуру представлений центральное ядро (или центральную систему) и периферическую систему [Abric 2001]. В контексте анализа психологической безопасности Н. Е. Харламенкова предлагает использовать понятия общих и частных установок, которые такжеозвучны синтагме ядро – периферия. Автор пишет, что психологическая безопасность – это сложный конструкт, который включает в себя мотивационно-потребностное состояние субъекта, комплекс эмоциональных переживаний, когнитивную и регулятивную составляющие. Отношение субъекта к миру с позиций мотивационной и когнитивной составляющих психологической безопасности выражается в виде общей и частной жизненных установок. Общая установка связана с осмысленностью жизни субъектом (смыслом жизни); частная установка возникает на конкретную ситуацию (событие) и сопряжена с оценкой этой ситуации как опасной (угрожающей) или безопасной. Определенное отношение к миру в целом и к конкретному событию в частности вызывает различные переживания (благополучия или неблагополучия) и является эмоциональной составляющей психологической безопасности [Харламенкова 2019].

Таким образом, общая психологическая «топология» системы отношений к безопасности, на наш взгляд, основывается на первичном разделении отношений на общие (центральный или ядерный уровень отношений) и частные (периферический уровень отношений).

Анализируя имеющиеся исследования сходных с отношением к безопасности психологических образований, в некоторых из них находим подходы к структуре этих образований. Так, Л. Л. Тимофеева, анализируя культуру безопасности в педагогическом исследовании, выделяет следующие ее компоненты: ценностные установки, мотивы и потребности, личностный опыт, представления в области безопасности жизнедеятельности, умения и навыки безопасной деятельности, способность к саморазвитию и культуро-творчеству [Тимофеева 2022].

В. Н. Мошкин в педагогическом исследовании культуры безопасности выделяет в ее структуре

компоненты деятельности (мотивы к безопасности, знания и умения обеспечения безопасности, опыт творческого решения проблем безопасности, опыт самоконтроля в обеспечении безопасных условий жизнедеятельности), качества личности (ценностные ориентации, личные смыслы, способности, взгляды и убеждения как основу безопасной жизнедеятельности), направления базовой культуры личности (прежде всего мировоззренческую, нравственную, психологическую готовность к безопасной жизнедеятельности) [по: Гафнер 2013: 41].

Таким образом, учитывая имеющиеся подходы к структуре психологических образований, связанных с регуляцией безопасного поведения, а также согласно методологической традиции изучения психологического отношения, в структуре отношения к безопасности и внутри каждого отдельного отношения к безопасности может быть выделен когнитивный (представление об опасности и возможностях обеспечения безопасности), аффективный (переживание) и потребностно-мотивационный (побуждение) компоненты; подробнее содержание каждого компонента описано нами ранее [Иванов, Яницкий 2015; Иванов и др. 2016; 2018].

Цель статьи – описать теоретическую модель отношения к безопасности как психологического образования и ее эмпирическую верификацию посредством содержательного анализа феноменологии отношения к безопасности на различных выборках (в том числе выборках специалистов в области безопасности, выступающих модельными группами для предмета исследования). Формат публикации не позволяет привести результаты эмпирической верификации всех компонентов системы отношения к безопасности, поэтому в данной статье приводятся результаты по основным составляющим – общим и частным отношениям к безопасности, причем только по их когнитивному компоненту (представлениям).

Методы и материалы

Как показано результатами теоретического анализа и подтверждается проведенными нами пилотажными исследованиями, отношение к безопасности наиболее непосредственно выражено и доступно субъекту в виде представлений о конкретных, актуальных опасностях (опасений), образующих периферический уровень отношения. Актуальные опасения относительно легко вербализуются испытуемыми при правильной постановке экспериментальной задачи. Центральный уровень содержит фундаментальные

элементы отношения в виде конструктов и обобщенных представлений о безопасности, поэтому до них сложнее добраться в эмпирическом исследовании и это проще делать через периферические отношения. Поэтому общая логика построения эмпирического исследования отношения к безопасности состоит в движении от периферического уровня отношения к центральному при сборе и анализе эмпирической информации.

На первом этапе исследования отношение к безопасности периферического уровня изучалось в специально организованных процедурах. После подготовительной работы испытуемым ставилась задача описать в письменном виде свои актуальные опасения. В подготовительной работе, проводимой в форме групповой дискуссии, решались следующие задачи: 1) определение и разведение понятий опасности и угрозы, опасения и страха в житейском и научном значениях; 2) актуализация опасений в сознании на примере общечеловеческих опасений глобального характера; 3) инициация рефлексии личных опасений испытуемых.

Далее испытуемым предлагалось выполнить задание, которое было сформулировано следующим образом: *Перечислите, пожалуйста, то, что вы считаете опасным для себя.* На основании анализа и категоризации эмпирических данных об опасениях была разработана общая классификация представлений об опасности, далее используемая для изучения когнитивного компонента отношений центрального уровня. На первом этапе использованы материалы обследования 56 испытуемых (студенты, рабочие и служащие). Средний возраст по выборке составил 24,5 года. В общей сложности были проанализированы 455 описаний представлений об опасности.

На втором этапе исследования применялась авторская методика, представляющая собой списки наиболее распространенных опасностей, полученных на первом этапе. Испытуемым предлагалось оценить по 5-балльной шкале два параметра:

1. Серьезность каждой опасности, как если бы она была угрозой: *Насколько вы воспринимаете эту опасность как угрожающую себе?* Уточнялось, что оценка 1 балл означает низкую угрозу (слабую, потенциальную), оценка 5 баллов – высокую угрозу (реальную, серьезную).

2. Усилия по обеспечению безопасности: *Насколько активно вы занимаетесь обеспечением личной безопасности от данных угроз?* Поставьте оценку от 1 до 5 баллов, где 1 – ничего не делаю, 5 – делаю максимум.

Методика включает в себя 3 списка опасностей:

- 1) источники опасности (источники основных типов опасности – природные, техногенные и социальные);
- 2) опасные воздействия (опасные воздействия и действия, в том числе умышленные, неумышленные, а также опасное бездействие);
- 3) последствия реализации угроз (наиболее распространенные опасения о возможных последствиях реализации угроз и опасностей).

Исследование проводилось в разное время в период с 2016 по 2024 г., были обследованы разные категории испытуемых, выступающие в том числе модельными группами в контексте предмета исследования. На данном этапе в исследовании приняли участие 398 испытуемых. При анализе используются следующие группы:

- студенты гуманитарных и социальных направлений обучения 1–4 курсов, средний возраст – 20 лет, n = 237 (группа *студенты*);
- люди разного возраста, в основном средней взрослости: представители разных профессий, разного уровня образования и социального статуса, средний возраст – 31,5 года, n = 41 (группа *взрослые*);
- офицеры войск национальной гвардии РФ – преподаватели военного вуза, профессионалы в области государственной и общественной безопасности, средний возраст – 34,9 года, n = 20 (группа *офицеры*);
- служащие ФСИН РФ – сотрудники исправительной колонии, средний возраст – 31 год, n = 24 (группа *служащие*);
- работники опасных производств (угольных предприятий подземного типа) – профессиональные подземные рабочие со стажем, прошедшие специальное обучение по вопросам промышленной безопасности, средний возраст – 33,9 года, n = 56 (группа *шахтеры*);
- кардиологические больные с тяжелыми сердечно-сосудистыми заболеваниями, находящиеся на стационарном лечении, средний возраст – 63,2 года, n = 20 (группа *больные*).

Результаты

Предварительный контент-анализ описаний, полученных от испытуемых, показал, что в семантической структуре представлений об опасности отчетливо выделяются три типа единиц содержания, соответствующих представлениям об источнике опасности, опасном воздействии и последствиях опасного воздействия. Эти категории описаний опасности могут соответствовать компонентам опасений, наличие которых предполагается и теоретически. На основании

этого каждое описание было проанализировано отдельно по этим трем составляющим: источник, воздействие, последствие. Определялся сам факт наличия или отсутствия каждой составляющей, затем степень ее определенности – указана явно или предполагается, и, наконец, в случае, когда составляющая указана явно, проводилась классификация ее содержания. Распределение выявленных компонентов опасений по выборке представлено в таблице 1.

Существенно чаще других удается определить компонент последствия (73,3 %), реже других – компонент источника (25 %), примерно в трети вербализованных опасений определяется компонент воздействия (32,7 %). При этом в тех опасениях, в которых тот или иной компонент определяется, явным образом он указан примерно в двух случаях из трех, а в одной трети случаев лишь предполагается. Например, испытуемый опасается *ходить по плохо освещенной улице*. Опасение вполне понятно, при этом точная классификация по компонентам оказывается в данном случае довольно затруднительной: источник опасения не указан прямо, поэтому не ясно, чего именно опасается человек; точно также не указано и опасное воздействие, и последствия. Все же подобные опасения являются вполне рациональными, а значит компоненты предполагаются, но не описаны, либо не актуализированы в отношении испытуемого к данной опасности. В таком случае наличие компонентов опасений определялось нами как прямо не указанное, но предполагающееся.

Приведем общий пример анализа составляющих представления об опасности. Например, представление об опасности, высказанное испытуемым как *Фура собирает или задавит меня в машине*, дает возможность

выделить все три составляющих: 1) источник опасности – грузовая машина как техническое средство повышенной опасности; 2) опасное воздействие – физическое воздействие в виде столкновения или заваливания; 3) последствия опасного воздействия прямо не указаны, но определяются из контекста – ущерб здоровью разной степени тяжести.

Далее был проведен содержательный анализ опасений по каждому компоненту отдельно, в результате которого выделены категории опасений по каждому компоненту.

Анализ представлений об источнике опасности. Основная задача при классификации представлений об источниках опасности заключается в наиболее точном понимании того, как именно та или иная опасность осознается испытуемым. В описаниях испытуемых источники опасности могут быть названы прямо, косвенно или не названы вовсе. Процентное распределение выделенных категорий источников опасности от количества представлений, по которым источник опасности может быть определен, представлено в таблице 2.

Наиболее представленным источником опасности в нашей выборке выступает субъект представления об опасности, т. е. *Я сам как источник опасности* (20,4 %). В подавляющем большинстве случаев в таких представлениях субъект является опасностью сам для себя; реже встречаются опасения, где субъект

Табл. 2. Распределение представлений об источниках опасности по категориям, %

Tab. 2. Ideas about the sources of danger by category, %

Представления об источниках опасности		%
Субъект представления (Я)		20,4
Техника и технологии (машины, механизмы, устройства, технические объекты, информационные технологии и т. п.)		19,0
Природные явления		18,3
Незнакомые люди		15,5
Свой собственный организм		13,4
Должностные лица, наделенные властью		4,9
Близкие люди		4,9
Власти иностранных государств		1,4
Общество		1,4
Преступные группы и организации		0,7

Табл. 1. Распределение выявленных компонентов опасений, %

Tab. 1. Components of concerns, %

Компоненты	Определяется			Не определяется
	Указан явно	Предполагается	Всего	
Источник	16,1	8,9	25	75
Воздействие	20,8	11,9	32,7	67,3
Последствие	43,5	29,8	73,3	26,7

становится опасностью для других, например, *опасаюсь кого-то обидеть, задеть*. В целом переживание опасений, где источником является *Я сам*, состоит в том, что человек, обобщенно говоря, боится сам себя – своих собственных ошибочных или недостаточно контролируемых действий или бездействия, что может причинить вред: *боюсь не оправдать своих собственных ожиданий; боюсь ошибиться и потерять деньги; боюсь иногда сделать выбор, потому что могу потом жалеть об упущеных возможностях*.

Отметим, что в высказанных испытуемыми опасениях почти не оказалось глобальных угроз – экологических, военных и прочих экзистенциальных, от которых отдельно взятый человек не может сколько-нибудь существенно самостоятельно обеспечивать безопасность. Совершенно отчетливо обнаруживается, что при постановке задачи испытуемым стараться высказывать не страхи, а обоснованные опасения, глобальные угрозы озвучиваются крайне редко. Это указывает на то, что система отношений к опасности, как минимум на периферическом уровне, содержит в основном актуальные опасности, с которыми человек контактирует повседневно, имеющие относительно высокую вероятность реализации, и в отношении которых возможны собственные действия по обеспечению безопасности.

Анализ представлений об опасных воздействиях. Еще один компонент отношения к опасности – это представление об опасном воздействии, т. е. о способе, которым источник опасности может нанести вред субъекту в его понимании (табл. 3). В теории безопасности это также называют *характер дестабилизирующего воздействия*.

Подавляющее большинство опасений содержат опасные физические воздействия (57 %). По представлениям о физических воздействиях выделяется два основных типа опасений: 1) физическое повреждение тела – в основном содержатся в опасениях дорожно-транспортных происшествий и природных опасностей, например: *на улице очень скользко, я боюсь упасть и сломать что-нибудь; опасаюсь, что меня сбьет машина; крупные собаки*; 2) опасное ухудшение физического состояния организма, например: *боюсь сильно замерзнуть; опасаюсь жары и т. п.* Важно отметить, что мы не относили к физическим воздействиям опасения, связанные с заболеваниями, поскольку эти опасения, хотя и предполагают ухудшение физического состояния, но обусловлены внутренними причинами, что предполагает иной характер предупреждения и обеспечения безопасности.

Табл. 3. Распределение представлений об опасных воздействиях по категориям, %

Tab. 3. Ideas about hazardous effects by category, %

Представления об опасных воздействиях	%
Физическое воздействие	57,0
Заражение, отравление	12,7
Ограничение свободы	7,6
Предательство, измена	6,3
Угрозы личности	3,8
Бездействие, отвержение	3,8
Лишение собственности	2,5
Психологическое воздействие	2,5
Обман	1,3
Информационное воздействие	1,3
Нарушение частной жизни	1,3

Анализ представлений о негативных последствиях реализации опасности. Негативные последствия – третий компонент представлений об опасности. Если представление об источнике опасности отвечает на вопрос, условно, *кто (или что) представляет опасность?*, представление об опасном воздействии – *что опасное этот кто-то может сделать?*, то компонент последствий состоит в опасениях относительно возможных потерь в случае реализации опасного воздействия в представлении субъекта: *что произойдет, если это случится, что я потеряю?*

Представления о последствиях являются наиболее сложными психологическими образованиями. В их конструировании задействованы не только процессы антиципации, связанные с прогнозированием будущего, но и смысловые процессы, основная функция которых, по мнению Б. С. Братуся, как раз и состоит в создании образа будущего [Братусь 1988]. В случае представлений о негативных последствиях мы имеем дело с образом негативного, нежелательного будущего. Следует отметить, что такие образы мало изучены в рамках психологии личностных смыслов, в основном изучаются образы потребного, желаемого будущего – именно в их построении исследователями показана ведущая роль смысловых образований. Распределение представлений о негативных последствиях реализации опасности по категориям представлено в таблице 4.

Табл. 4. Распределение представлений о негативных последствиях реализации опасности по категориям, %
Tab. 4. Ideas about negative consequences of danger by categories, %

Представления о последствиях реализации опасности	%
Проблемы со здоровьем, болезни, травмы	34,1
Угрозы идентичности и самореализации	19,5
Потеря близких людей или отношений с ними	14,6
Психологические проблемы	14,6
Потеря сбережений и имущества	6,5
Потеря источников дохода	4,9
Потеря трудоспособности	2,4
Потеря репутации и связей	1,6
Утечка личной информации	0,8
Потеря прав и свобод личности	0,8

Анализ полученных описаний представлений об опасности позволил выявить компонент последствий в 73,3 % описаний. Наибольшую представленность получили опасения, связанные с негативными последствиями в виде проблем со здоровьем, болезнями, травмами (34,1 %). Преобладают опасения, связанные с получением травм, в основном в результате дорожно-транспортных происшествий. Среди опасений, связанных с болезнями, преобладают боязни заболеть онкологическими и сердечно-сосудистыми заболеваниями.

Достаточно распространенными оказались представления об опасностях, последствия которых связаны с угрозами идентичности и самореализации (19,5 %). Под угрозами идентичности здесь понимаются такие негативные последствия, которые в представлении субъекта не согласуются с его собственными представлениями о себе реальном или идеальном, например: *боюсь ожирения; получение каких-то телесных травм, которые могут изуродовать тело, в особенности лицо; бесплодие* и т. п.

Представление об опасности потери близких людей или отношений с ними (14,6 %) включает по большей части опасения болезней и смерти близких, например: *смерть близкого человека; боюсь смерти родных; мама не сможет доносить и родить братика* и т. п. К этой же категории отнесены и опасения потери домашних животных. Психологические проблемы (14,6 %) также выступают распространенным

негативным последствием реализации угроз в представлениях испытуемых. К этой категории мы отнесли достаточно широкий круг представлений: опасения наступления негативных психических состояний (*бессмысленная жизнь; сожаление в старости об упущеных возможностях; жить прошлым; вернуться к суициdalным мыслям*), опасения когнитивного снижения (*забыть важные счастливые моменты в жизни*), опасения проявить некомпетентность (*когда в общественном транспорте у кого-то случается приступ эпилепсии или падает в обморок, и я не знаю, как ему помочь*) и т. п.

Опасение потери сбережений и имущества (6,5 %) открывает группу экономических последствий реализации опасности. К этому типу отнесены опасения, связанные с фактическими материальными потерями, утратой материальных ценностей, например: *меня кто-то ограбит в полном автобусе; пожар* и т. п. Другой тип экономических последствий – потеря источников дохода (4,9 %), например: *потеря работы; остаться совсем без денег* и т. п. Наименее представленными в нашей выборке оказались опасения потери репутации и связей (*быть отвергнутой и ненужной*), утечка личной информации (*мои переписки и личная информация будут слиты*) и потеря прав и свобод личности (*отсутствие свободы получения информации*).

Анализ обобщенных представлений об опасности. Категориальный анализ представлений об опасности периферического уровня, проведенный на предыдущем этапе исследования, позволил выделить основные виды опасностей в разрезе их составляющих и разработать методику для их субъективной оценки испытуемыми. Формат публикации не позволяет представить все результаты, поэтому будут представлены результаты только по источникам и последствиям как наиболее интересные, на наш взгляд. Результаты 5-балльной оценки по категориям источников опасности для разных групп испытуемых приведены в таблице 5.

В среднем по выборке наиболее серьезной оценивается опасность, исходящая от преступных групп ($M = 3,54$), – категория, которая в стимульном материале была описана как *преступные группы и организации, в том числе террористические*. Оценка по этому источнику также занимает лидирующее положение во всех представленных группах, кроме шахтеров, у которых оценки по всем категориям опасностей относительно низкие и сильно отличаются по приоритетам от остальных групп,

Табл. 5. Усредненные оценки субъективной серьезности опасности по источникам

Tab. 5. Subjective severity of danger by sources, mean values

Источники опасности	Студенты	Взрослые	Офицеры	Служащие	Шахтеры	Больные	Все
Преступные группы	3,98 (1)	3,40 (1)	4,10 (1)	3,33 (1)	1,50 (6)	4,00 (2)	3,54 (1)
Природные явления	3,19 (2)	2,27 (3)	2,30 (4)	1,88 (6)	1,52 (5)	3,30 (6)	2,74 (2)
Окружающие люди	2,99 (4)	2,60 (2)	2,65 (2)	2,04 (3)	1,50 (6)	3,60 (4)	2,69 (3)
Свои власти	3,16 (3)	1,86 (7)	1,60 (8)	1,13 (10)	1,55 (4)	3,40 (5)	2,61 (4)
Свой организм	2,49 (5)	1,90 (6)	2,10 (5)	1,92 (4)	1,73 (2)	4,60 (1)	2,38 (5)
Общество	2,35 (6)	2,04 (4)	2,00 (6)	1,46 (6)	1,63 (3)	3,70 (3)	2,21 (6)
Движения, партии	2,24 (7)	1,40 (10)	1,70 (7)	1,92 (4)	1,43 (9)	2,70 (10)	2,02 (7)
Иностранные власти	2,02 (8)	2,00 (5)	2,35 (3)	2,21 (2)	1,39 (11)	2,50 (12)	1,98 (8)
Деловые партнеры	1,76 (9)	1,66 (8)	1,40 (9)	1,38 (8)	1,77 (1)	3,10 (7)	1,78 (9)
Соседи, знакомые	1,73 (10)	1,59 (9)	1,40 (9)	1,29 (9)	1,30 (12)	3,10 (7)	1,68 (10)
Непознанные явления	1,53 (11)	1,10 (11)	0,95 (11)	1,13 (10)	1,43 (9)	2,70 (10)	1,48 (11)
Близкие люди	1,41 (12)	1,03 (12)	0,95 (11)	1,08 (12)	1,48 (6)	3,00 (9)	1,42 (12)
Среднее	2,40	1,90	1,96	1,73	1,52	3,31	2,21

Прим.: в скобках указаны ранги оценок в группах.

и кардиобольных, у которых все оценки очень высокие. Наиболее высоко угрозу, исходящую от преступных групп, оценивают офицеры Росгвардии ($M = 4,1$) – профессионалы по работе с террористическими угрозами, оценки которых можно считать экспертными. Отметим, что и в группе сотрудников ФСИН – также специалистов по безопасности – эта угроза оказалась на первом месте ($M = 3,33$). Вообще оценки офицеров Росгвардии и сотрудников ФСИН во многом схожи, и это убеждает, что они, вероятно, являются экспертами в одной области – общественной безопасности. Хотя выявление экспертных оценок серьезности угроз и вообще изучение объективной безопасности не являются задачами исследования, все же отметим, что наиболее серьезные угрозы безопасности, согласно профессиональным представлениям, исходят от: 1) преступных групп и организаций, в том числе террористических; 2) незнакомых окружающих людей; 3) властей иностранных государств.

Отдельного анализа заслуживают оценки опасности в группе шахтеров, которые существенно ниже средних по выборке как по общему среднему показателю по группе ($M = 1,52$), так и соответственно по отдельным источникам опасности. Такие результаты согласуются с имеющимися данными о психологических особенностях шахтеров – высокой

склонностью к риску, оптимистичностью, смелостью и т.д., что усиливается влиянием профессиональных ценностей отваги, мужества, бесстрашия и проявляется в выраженной толерантности к опасности как общей характеристике их системы отношения к безопасности [Иванов и др. 2008]. В показателях нашей модели это отчетливо проявляется в виде низкой общей оценки субъективной серьезности угроз.

Перейдем к анализу оценок серьезности опасности по возможным негативным последствиям их реализации (табл. 6). Анализируя оценки субъективной серьезности последствий реализации опасности по сравнению с оценками источников, следует отметить меньший разброс оценок и их более высокие абсолютные значения. Так, общая средняя оценка по всем опасным последствиям составила $M = 3,31$, что на целый балл выше, чем средняя оценка по источникам опасности ($M = 2,21$), оцениваемым также по 5-балльной шкале. Вероятно, опасности, представленные как последствия, воспринимаются более угрожающими, поскольку по определению являются видами тяжелого ущерба. Большое разнообразие оценок и более существенные различия между модельными группами означают, что представления об источнике опасности больше определяют индивидуальные различия в системе

Табл. 6. Усредненные оценки субъективной серьезности опасности по последствиям

Tab. 6. Subjective severity of danger by consequences, mean values

Последствия	Студенты	Взрослые	Офицеры	Служащие	Шахтеры	Больные	Все
Потеря близких людей или отношений с ними	3,81 (5)	3,91 (1)	3,65 (1)	4,71 (1)	1,98 (5)	3,9 (4)	3,61 (1)
Потеря трудоспособности	3,93 (3)	3,31 (4)	3,35 (4)	4,25 (2)	2,11 (4)	4,1 (2)	3,61 (1)
Проблемы со здоровьем, болезни	4,00 (1)	3,37 (2)	3,40 (3)	3,67 (5)	1,79 (7)	4,5 (1)	3,60 (3)
Потеря источников дохода	3,59 (6)	3,33 (3)	3,45 (2)	3,92 (4)	2,34 (3)	3,7 (5)	3,41 (4)
Потеря сбережений и имущества	3,52 (8)	2,96 (5)	2,55 (9)	4,21 (3)	2,48 (1)	4,1 (2)	3,34 (5)
Потеря прав и свобод личности	3,82 (4)	2,78 (6)	3,15 (7)	3,58 (7)	1,46 (9)	3,2 (9)	3,30 (6)
Психологические проблемы	3,94 (2)	2,22 (10)	2,20 (10)	3,13 (10)	1,25 (10)	3,7 (5)	3,23 (7)
Потеря комфорта	3,41 (9)	2,77 (7)	3,25 (6)	3,63 (6)	2,36 (2)	3,6 (7)	3,21 (8)
Утечка личной информации	3,56 (7)	2,41 (9)	2,65 (8)	3,46 (8)	1,80 (6)	3,2 (9)	3,12 (9)
Потеря репутации и связей	2,75 (10)	2,51 (9)	3,35 (4)	3,38 (9)	1,75 (8)	3,6 (7)	2,70 (10)
Среднее	3,63	2,96	3,10	3,79	1,93	3,76	3,31

Прим.: в скобках указаны ранги оценок в группах.

отношений к опасности, чем представления о последствиях, а значит убеждают в правильности предположения о ведущей роли представлений об источнике опасности в структуре опасений.

Представления об обеспечении безопасности.

Для изучения ядерных представлений об обеспечении безопасности необходимо выявить несколько аспектов представлений. В первую очередь, это представления о возможности и необходимости обеспечения безопасности от тех или иных видов опасностей. На этапе анализа представлений периферического уровня было показано, что далеко не все потенциальные вредные воздействия субъективно воспринимаются как угрозы, и в отношении не всех угроз может быть реализовано то или иное противодействие. В изучении представлений о возможности обеспечения безопасности реализуется обоснованный на теоретическом этапе исследования принцип единства отношений к опасности и обеспечению безопасности.

Для выявления представлений о возможности обеспечения безопасности в эмпирическом исследовании использовались оценки испытуемых их собственных усилий по противодействию угрозам по каждому из выделенных видов опасности. Фактически эти оценки указывают не только на представления о возможности обеспечения безопасности,

но и на интенсивность реальной деятельности, связанной с обеспечением безопасности. Иными словами, мы выявляем здесь представления, реализуемые в поведении. Усилия оценивались испытуемыми по 5-балльной шкале в одном задании с оцениванием серьезности угроз. Усредненные результаты в разрезе групп представлены в таблице 7.

Общая средняя оценка усилий по обеспечению безопасности по источникам угроз выглядит довольно низкой ($M = 1,97$), учитывая, что оценивание проводилось по шкале от 1 до 5 баллов, где 1 – не прикладываю усилий», а 5 – прикладываю максимум усилий. Промежуточные баллы в задании не были описаны, но исходя из заданной дихотомии оценка около 2 баллов должна означать «прикладываю некоторые усилия». Получается, что в среднем испытуемые прикладывают усилия по обеспечению личной безопасности на 1,97 балла из 5 возможных. Интенсивность усилий по обеспечению личной безопасности, конечно, определяется серьезностью угроз, причем как субъективной, так и объективной, поэтому вряд ли возможно определить универсальный показатель некоторой оптимальной или нормальной активности по противодействию угрозам. Однако, в большинстве случаев активность по обеспечению личной безопасности вряд ли будет излишней, и высокие оценки здесь в целом

Табл. 7. Усредненные оценки усилий по обеспечению безопасности от разных источников опасности

Tab. 7. Safety efforts for different sources of danger, mean values

Источники опасности	Студенты	Взрослые	Офицеры	Служащие	Шахтеры	Все
Свой организм	2,99	2,36	3,05	1,88	2,68	2,81
Окружающие люди	2,69	2,57	3,40	3,21	2,21	2,68
Преступные группы	2,18	2,38	3,85	3,33	2,32	2,39
Общество	2,34	2,25	2,85	1,75	2,57	2,35
Деловые партнеры	1,91	2,29	2,85	1,71	2,79	2,12
Природные явления	2,04	1,79	3,05	1,92	1,52	1,98
Соседи, знакомые	1,90	2,14	3,05	1,38	1,46	1,89
Близкие люди	1,66	1,35	2,35	1,04	2,38	1,73
Свои власти	1,64	1,33	1,95	1,00	1,38	1,55
Движения, партии	1,40	1,25	3,00	1,50	1,38	1,47
Непознанные явления	1,34	1,19	2,45	1,00	1,41	1,37
Иностранные власти	1,16	1,18	2,60	1,88	1,25	1,30
Среднее	1,94	1,84	2,87	1,80	1,94	1,97

указывают на ответственное, деятельное отношение человека к безопасности, в отличие от оценок серьезности угроз, которые при высоких значениях указывают на не всегда продуктивную и, возможно излишнюю напряженность системы отношений к опасности – это было убедительно показано на примере группы кардиобольных – когда здоровые опасения в отношении тех или иных реальных угроз перестают соответствовать усилиям по противодействию этим угрозам, приобретая характер страхов.

Далее проанализируем усилия по обеспечению безопасности, но уже в разрезе разных видов опасных последствий (табл. 8). Картина выраженности усилий по обеспечению безопасности в отношении различных последствий реализации опасности отличается в первую очередь достаточно высокими оценками – среднее значение существенно выше ($M = 3,27$), чем при оценивании усилий в разрезе источников опасности.

Наибольшие усилия испытуемые прикладывают к противодействию опасностям, которые могут повлечь потерю близких людей или отношений с ними, проблемы со здоровьем, потерю сбережений и имущества, источников дохода. При том, что оценки усилий по противодействию всем представленным видам опасности достаточно высоки, несколько ниже оцениваются усилия

по предупреждению потери репутации и связей и потери прав и свобод личности.

Анализ представлений об опасности с точки зрения возможности обеспечения безопасности. С точки зрения безопасности функция отношения к опасности состоит в указании на угрозу, от которой требуется оградиться, поэтому полезным представляется такое опасение, которое помогает противодействовать или предупреждать опасность. Таким образом, полезность (функциональность, продуктивность) опасения состоит в том, насколько это отношение способно регулировать безопасное поведение, т. е. способствовать обеспечению безопасности.

Очевидно, компетентный анализ отношений к опасности с точки зрения точности содержащихся в них оценок реальных угроз выходит за рамки психологического исследования. При этом возможен общий анализ внутренней логики содержания представлений об опасности с точки зрения того, предполагает ли то или иное опасение в том виде, в котором оно вербализовано, какие-либо действия по обеспечению безопасности – предупреждению, профилактике опасности, подготовке к ее возможной реализации и т. д. Таким образом, при анализе мы не оценивали реалистичность опасений, как и их разного рода объективность, рациональность и т. п., т. е. любые опасения принимались за содержащие возможную реальную

Табл. 8. Усредненные оценки усилий по обеспечению безопасности в отношении разных опасных последствий

Tab. 8. Safety efforts for various dangerous consequences, mean values

Последствия	Студенты	Взрослые	Офицеры	Служащие	Шахтеры	Все
Потеря близких людей или отношений с ними	3,68	3,58	4,05	4,67	3,13	3,67
Проблемы со здоровьем, болезни	3,68	3,36	4,25	3,67	2,64	3,52
Потеря сбережений и имущества	3,33	3,29	3,15	4,58	3,61	3,44
Потеря источников дохода	3,34	3,69	3,55	4,38	3,02	3,41
Потеря трудоспособности	3,30	3,37	4,05	4,33	2,86	3,34
Потеря комфорта	3,28	2,77	3,80	4,04	2,98	3,26
Утечка личной информации	3,29	2,75	3,55	3,63	2,82	3,19
Психологические проблемы	3,53	2,44	3,70	3,54	1,70	3,15
Потеря прав и свобод личности	2,99	2,63	3,80	3,63	2,16	2,91
Потеря репутации и связей	2,71	3,09	3,70	3,54	2,30	2,79
Среднее	3,31	3,10	3,76	4,00	2,72	3,27

опасность. Определялось только одно условие – предполагает ли опасение хотя бы гипотетические действия по обеспечению безопасности, т. е. способствующие предупреждению опасности, снижению силы опасного воздействия или тяжести ущерба.

В результате все опасения разделились на предполагающие действия по обеспечению безопасности, такими в нашей выборке оказались 32,7 %, и не предполагающие – к таким отнесены оставшиеся 67,3 %. Указанные результаты означают, что в среднем только треть опасений, составляющих систему отношений к опасности, являются продуктивными, т. е. способны формировать действенное отношение к безопасности, выступающее регулятором безопасного поведения. А две трети отношений к опасности фактически бесполезны с точки зрения обеспечения безопасности.

Проанализируем полученный показатель в разрезе особенностей структуры представлений об опасности с целью определить, как связано наличие тех или иных компонентов опасений и полезность опасения (табл. 9). Полезными оказались большинство опасений, содержащих внешние источники опасности: незнакомые люди; власти иностранных государств; техника и технологии; природные явления; близкие люди; должностные лица, наделенные властью; общество.

Противоположная ситуация с внутренними источниками опасности: опасения, содержащие источник *Я сам*, предполагают обеспечение безопасности

в 41,4 % случаев, а содержащие источник *свой организм* – и вовсе лишь в 21,1 % случаев. Это означает, что опасения, содержащие внутренний источник опасности, особенно связанный с проблемами со стороны организма, статистически снижает полезность опасения. Такой результат объясняется большим количеством полученных опасений, связанных с боязнью заболеть онкологическими заболеваниями, которые мы считали не предполагающими действий

Табл. 9. Доля представлений об опасности, предполагающих обеспечение безопасности, по видам источников, %
Tab. 9. Perceptions of danger involving safety measures, by source type, %

Виды источников опасности	Предполагает обеспечение безопасности
Незнакомые люди	100
Власти иностранных государств	100
Техника и технологии	92,6
Природные явления	88,5
Близкие люди	85,7
Должностные лица, наделенные властью	71,4
Общество	50
Субъект представления (Я)	41,4
Свой собственный организм	21,1

по обеспечению безопасности. Разумеется, встречаются и вполне полезные опасения, содержащие внутренние источники, когда, например, человек опасается определенной проблемы со стороны организма, но знает условия ее возникновения и может ее эффективно профилактировать.

Заключение

Представленные результаты теоретического анализа и эмпирического исследования подтверждают возможность изучения психической деятельности, связанной с восприятием и переживанием опасности, а также регуляцией безопасного поведения, с позиций методологического подхода, развиваемого В. Н. Мясищевым в рамках теории отношений. Выдвинутые теоретические предположения нашли свое подтверждение в эмпирическом исследовании, что позволяет представить в общем виде структуру системы отношений к безопасности, отразив в ней наиболее существенные компоненты, особенности их системного взаимодействия и содержательного наполнения (рис.).

Исследованием показано, что отношение к безопасности включает в себя две стороны – отношение к опасности и отношение к возможности противодействия этой опасности. Диалектическое единство опасности и безопасности доказывается философскими исследованиями безопасности и находит подтверждение в приведенных в данной статье результатах: анализ частных и общих отношений к безопасности показывает, что называемые испытуемыми

субъективные угрозы личной безопасности почти всегда могут быть оценены ими с точки зрения усилий, прикладываемых к противодействию этим угрозам. Выявленная закономерность позволяет предполагать, что и другие компоненты системы отношений к безопасности содержат в себе одновременно отношение к опасности и отношение к безопасности, в том числе отношение к себе как к субъекту личной безопасности и отношение к миру с точки зрения его опасности и безопасности.

К центральному, или ядерному, уровню системы отношений к безопасности следует отнести обобщенные отношения к явлениям опасности и обеспечению безопасности, поступательно складывающиеся в процессе жизни и деятельности человека, представляющие собой относительно устойчивые, лично обусловленные образования. Наиболее общие отношения к безопасности – это отношения человека к миру и самому себе с позиций принципиальной опасности или безопасности существования. В нашей теоретической модели в центре системы отношений к безопасности располагается отношение человека к себе как к субъекту личной безопасности, выступающее своеобразным ядром системы. Общие отношения к миру в аспекте его опасности и безопасности похожи на изучаемые Р. Янофф-Бульман базисные убеждения личности, к которым автор как раз и относит обобщенные представления, связанные с безопасностью окружающего мира [Janoff-Bulman 1988]. В наших предыдущих исследованиях показана взаимосвязь

Система отношений к миру

Отношение к себе
Отношение к миру
Общие отношения к сторонам деятельности
Частные отношения к объектам и ситуациям

Система отношений к безопасности

Отношение к опасности

Отношение к обеспечению безопасности

Центральный уровень

Отношение к себе как к субъекту личной безопасности

Отношение к миру с точки зрения его опасности / безопасности

Общие отношения к безопасности

Периферийический уровень

Частные отношения к безопасности

Рис. Общая структура системы отношений к безопасности
Fig. Attitude to safety as a system

результатов по методике базисных убеждений Р. Яноффа и наших данных по отношениям к безопасности [Иванов 2020].

В отличие от центрального уровня отношений к безопасности, периферический уровень образован отношениями к личной безопасности, отражающими конкретные условия жизни человека в окружении воспринимаемых опасностей, субъективно значимых и определяющих поведение в аспекте его безопасности, что придает этим отношениям смысловой и деятельный характер. Исследованием показано, что по своему содержанию эти отношения в своем функционировании сложнее, чем традиционно описываемые восприятие опасности, знания в области безопасности и другие отдельные явления, которыми обычно описывается психическая деятельность, связанная с опасностью и безопасностью. Сознание взрослого человека содержит множество отношений к самым разным опасностям – локальным и глобальным, долгосрочным и повседневным, рабочим и бытовым. Отдельное отношение к личной безопасности можно называть опасением, поскольку оно представлено субъекту как отдельное, завершенное в себе переживание в отношении субъективно воспринимаемой угрозы. Устойчивые опасения относительно объективно существующей опасности З. Фрейд называл объективной тревогой, а Р. Мэй – нормальной тревогой, противопоставляя ее невротической тревоге [Мэй 2001]. Вероятно, опасение представлено в сознании субъекта как проблема, требующая решения, и выступает основой для соответствующего поведения, которое будет тем действеннее, чем опасение лучше конкретизировано и адекватнее отражает опасность.

Между центральным и периферическим уровнями отношений к безопасности существует взаимообусловленность, отображенная на схеме двунаправленной стрелкой. Эмпирические результаты показывают, что испытуемые легко оценивают угрозы безопасности, представленные категориально, в большинстве случаев не испытывая необходимости в расширении представленных списков. Это означает, что частные и общие отношения соответствуют друг другу категориально, а значит одним из механизмов формирования общих отношений может быть обобщение частных отношений. С другой стороны, содержание частных отношений при их порождении и изменении, очевидно, регулируется общими отношениями в соответствии с общими принципами системной регуляции от ядра к периферии.

Эмпирическими результатами подтверждается, что каждое отдельное отношение к безопасности в части опасения содержит компоненты источника опасности, ожидаемого воздействия и последствий реализации опасности. Показано, что в подавляющем большинстве случаев опасения присутствуют в сознании как последствия реализации опасности, т. е. определяются компонентом, наименее ценным с точки зрения возможности обеспечения безопасности и наиболее емким по продуцированию тревоги и страхов. Наиболее же ценный компонент опасения при его осознании – источник опасности – определяет опасения реже всего. Ведущая роль представлений об источнике опасности подтверждается наибольшим разбросом индивидуальных различий в оценках по этому компоненту. Кстати, Т. М. Краснянская и В. Г. Тылец показали, что при неопределенности источника опасность оценивается как наиболее высокая (т. е. наиболее высокое значение источника опасности), в сравнении с неопределенностью других параметров [Краснянская, Тылец 2024].

Предложено оценивать продуктивность отношений к опасности (опасений) как способность регулировать поведение по противодействию опасности. Показано, что количество продуктивных опасений составляет около трети от общего числа описанных. Разделение опасений на продуктивные и непродуктивные сродни традиционному разделению тревоги и страхов на объективные (нормальные) и невротические. В структуре целостного отношения к безопасности продуктивное опасение, сочетаясь с адекватным отношением к обеспечению безопасности, образует действенный регулятор безопасного поведения.

В исследовании получен целый ряд результатов, касающихся отдельных закономерностей в содержании отношений к безопасности и их представленности в выборке. Так, примечательным результатом является то, что чаще всего источником опасности в своих опасениях выступает сам субъект, который опасается своих ошибочных действий или бездействия. Также примечательно, что подавляющее большинство опасений связано с бытовыми и производственными проблемами повседневности и почти не содержит, например, глобальных угроз. Это позволяет предположить, что отношения к личной безопасности функционируют по механизмам обыденного сознания. К подобным выводам приходят Т. М. Краснянская и В. Г. Тылец, доказывая имплицитную природу персональных концепций безопасности [Тылец, Краснянская 2023].

Включение в выборку модельных групп сотрудников Росгвардии и ФСИН позволило подтвердить предположение о высокой профессиональной обусловленности отношений к безопасности и получить экспертные данные об опасениях. Так, профессионалы в области безопасности считают наиболее серьезными для своей личной безопасности угрозы, исходящие от:

- 1) преступных групп и организаций, в том числе террористических;
- 2) незнакомых окружающих людей;
- 3) властей иностранных государств.

Эти приоритеты отличаются от средних по выборке, где в число ведущих опасностей попадают, например, природные явления.

Исследованием показан действенный методический подход к выявлению и измерению некоторых параметров отношений к безопасности – серьезности угроз и интенсивности усилий по обеспечению безопасности по основным видам опасностей, эмпирически выявленным в результате категоризации большого массива вербализованных содержаний. Описан методический прием, основанный на субъективном оценивании испытуемыми списков опасностей,

представлены результаты применения методического приема на репрезентативной выборке.

В целом представленные результаты показывают, что проблема безопасности в психологии должна изучаться в единстве переживания опасности и средств противодействия ей. В этой связи в сферу психологического исследования должны попасть не только традиционно изучаемые невротические тревоги и страхи, но и продуктивные опасения, которые в составе отношений к безопасности выступают необходимыми регуляторами поведения с точки зрения безопасности. Это целый пласт психологических образований, имеющих свою динамику, механизмы и закономерности функционирования, которые и предлагается изучать как систему отношений к безопасности.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Литература / References

- Артемьева О. А., Распопова П. С. Вклад В. Н. Мясищева в разработку категории «отношение». *Известия Иркутского государственного университета. Серия Психология*. 2024. Т. 49. С. 3–13. [Artemeva O. A., Raspopova P. S. V. N. Myasishchev's contribution to the development of "relationship" category. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series Psychology*, 2024, 49: 3–13. (In Russ.)] <https://doi.org/10.26516/2304-1226.2024.49.3>
- Бек А. Т., Эмери Г. Тревожные расстройства и фобии: когнитивный подход. СПб.: Диалектика, 2020. 432 с. [Beck A. T., Emery G. *Anxiety disorders and phobias: A cognitive perspective*. St. Petersburg: Dialektika, 2020, 432. (In Russ.)]
- Бовина И. Б. Теория социальных представлений: история и современное развитие. *Социологический журнал*. 2010. № 3. С. 5–20. [Bovina I. B. Theory of social representations: History and the actual development. *Sotsiologicheskiy Zhurnal*, 2010, (3): 5–20. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/pbdson>
- Братусь Б. С. Аномалии личности. М.: Мысль, 1988. 304 с. [Bratus B. S. *Personality anomalies*. Moscow: Mysl, 1988, 304. (In Russ.)]
- Вешникова М. И. Восприятие опасности подростками и его связь с личностными чертами у подростков в норме и при психической патологии. *Вестник ЮУрГУ. Серия: Психология*. 2015. Т. 8. № 1. С. 56–62. [Veshchikova M. I. Danger perception and personality traits affecting on it healthy adolescents and adolescents with mental disorders. *Vestnik JuUrGU. Seriia: Psichologija*, 2015, 8(1): 56–62. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/tnyidr>
- Гафнер В. В. Культура безопасности: аналитический обзор диссертационных исследований (педагогические науки, 2002–2012 гг.). Екатеринбург: УрГПУ, 2013. 200 с. [Gafner V. V. *Safety culture: An analytical review of dissertation research (Pedagogical Sciences, 2002–2012)*. Ekaterinburg: USPU, 2013, 200. (In Russ.)]
- Иванов М. С. Убежденность в ценности собственного Я при разном отношении к угрозам личной безопасности. *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2020. Т. 22. № 4. С. 992–999. [Ivanov M. S. Assumptions of self-worth with a different attitudes to personal security threats. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2020, 22(4): 992–999. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-4-992-999>

Иванов М. С., Горбатова М. М., Тополова Е. В., Янко Е. В. Структура психологической готовности к деятельности по обеспечению безопасности. *Личностное развитие: прогностические модели, факторы, вариативность*, ред. И. С. Морозова. Томск: ТГПУ, 2008. С. 421–430. [Ivanov M. S., Gorbatova M. M., Topolova E. V., Yanko E. V. The structure of psychological readiness for security activities. *Personal development: Prognostic models, factors, and variability*, ed. Morozova I. S. Tomsk: TSPU, 2008, 421–430. (In Russ.)]

Иванов М. С., Серый А. В., Яницкий М. С. Индивидуальные представления об угрозах как фактор предпочтения стратегий личной безопасности. *Личность в экстремальных условиях и кризисных ситуациях жизнедеятельности*. 2016. № 6. С. 48–56. [Ivanov M. S., Seryy A. V., Yanitskiy M. S. Individual perceptions of threats as a factor in preferences of strategies of personal security). *Lichnost v ekstremalnykh usloviakh i krizisnykh situatsiiakh zhiznedeiatelnosti*, 2016, (6): 48–56. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/wkprfz>

Иванов М. С., Солодухин А. В., Помешкина С. А., Серый А. В., Яницкий М. С., Горбунова Е. В. Опасения и страхи в системе отношения к личной безопасности у больных сердечно-сосудистыми заболеваниями. *Вестник Российской университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика*. 2018. Т. 15. № 4. С. 458–472. [Ivanov M. S., Solodukhin A. V., Pomezhkina S. A., Seryy A. V., Yanitskiy M. S., Gorbunova E. V. Worries and fears in the system of attitudes to personal security of patients with cardiovascular diseases. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 2018, 15(4): 458–472. (In Russ.)] <https://doi.org/10.22363/2313-1683-2018-15-4-458-472>

Иванов М. С., Яницкий М. С. Отношение к личной безопасности: понятие, структура, ценностная вариативность. *Психология отношений в постнеклассической парадигме*: Междунар. науч.-практ. конф. (Белово, 1–7 июня 2015 г.) Белово: КузГТУ, 2015. С. 54–68. [Ivanov M. S., Yanitskiy M. S. Attitude to personal security: Concept, structure, value variation. *Psychology of relations in the post-non-classical paradigm*: Proc. Intern. Sci.-Prac. Conf., Belovo, 1–7 Jun 2015. Belovo: KuzSTU, 2015, 54–68. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/slsbpl>

Карпова Э. Б., Исурина Г. Л., Журавлев А. Л. Психологическая концепция отношений В. Н. Мясищева: основы и содержание. *Психологический журнал*. 2020. Т. 41. № 2. С. 5–14. [Karpova E. B., Isurina G. L., Zhuravlev A. L. Psychology of relations by V. N. Miasishchev: Origins and contents. *Psikhologicheskii zhurnal*, 2020, 41(2): 5–14. (In Russ.)] <https://doi.org/10.31857/S020595920008488-2>

Краснянская Т. М., Тылец В. Г. Вариативность неопределенности в ментальной реконструкции опасности и безопасности. *СибСкрипт*. 2024. Т. 26. № 2. С. 172–180. [Krasnianskaya T. M., Tylets V. G. Variability of uncertainty in mental reconstruction of danger and safety. *SibScript*, 2024, 26(2): 172–180. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21603/sibscript-2024-26-2-172-180>

Краснянская Т. М., Тылец В. Г. Понятийные ориентиры развития психологической безопасности личности в предметном поле современных исследований. *Образовательные науки и психология*. 2013. № 1. С. 59–64. [Krasnyanskaya T. M., Tylets V. G. Conceptual guidelines for the development of psychological personal security in the subject field modern research. *Education Science and Psychology*, 2013, (1): 59–64. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/pzdlkj>

Лызь Н. А. Модельные представления о безопасной личности. *Известия ТРТУ*. 2005. № 7. С. 21–25. [Lyz N. A. Model representations of a secure personality. *Izvestiia TRTU*, 2005, (7): 21–25. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/koicuz>

Лызь Н. А., Куповых Ж. Г. Представления о безопасности как предмет эмпирических исследований. *Современные научные исследования и инновации*. 2015. № 8-2. С. 161–166. [Lyz N. A., Kupovykh Zh. G. Ideas about safety as a subject of empirical studies. *Sovremennyye nauchnyye issledovaniya i innovatsii*, 2015, 8(2): 161–166. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/uhwjpj>

Мэй Р. Смысл тревоги. М.: Класс, 2001. 379 с. [May R. *The meaning of anxiety*. Moscow: Klass, 2001, 379. (In Russ.)]

Мясищев В. Н. Психология отношений. М.: МПСИ, 2003. 400 с. [Myasishchev V. N. *Psychology of relationships*. Moscow: MPSI, 2003, 400. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qxixzj>

Обуховская В. Б., Мещерякова Э. И. Ресурсные и дефицитарные характеристики внутренней картины болезни пациентов с неврологической патологией в контексте психологической безопасности. *Психолог*. 2018. № 5. С. 1–13. [Obukhovskaya V. B., Meshcheryakova E. I. Resourceful and deficiency features of the internal picture of the disease typical for patients with neurological pathology in terms of psychological well-being. *Psychologist*, 2018, (5): 1–13. (In Russ.)] <https://doi.org/10.25136/2409-8701.2018.5.27461>

- Рыбалкин Н. Н. Природа безопасности. *Вестник Московского университета. Серия 7: Философия*. 2003. № 5. С. 36–52. [Rybalkin N. N. The nature of safety. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Serii 7: Filosofia*, 2003, (5): 36–52. (In Russ.)]
- Тимофеева Л. Л. Формирование культуры безопасности у младших школьников (к постановке проблемы). *Начальное образование*. 2022. Т. 10. № 2. С. 11–16. [Timofeeva L. L. Formation of safety culture among younger schoolchildren (to the formulation of the problem). *Primary Education*, 2022, 10(2): 11–16. (In Russ.)] <https://doi.org/10.12737/1998-0728-2022-10-2-11-16>
- Тылец В. Г., Краснянская Т. М. Персональные концепции безопасности в научном пространстве психологического знания. *Научно-педагогическое обозрение*. 2023. № 6. С. 154–163. [Tylets V. G., Krasnyanskaya T. M. Personal security concepts in the scientific space of psychological knowledge. *Pedagogical Review*, 2023, (6): 154–163. (In Russ.)] <https://doi.org/10.23951/2307-6127-2023-6-154-163>
- Фоменко Г. Ю. Психология безопасности личности: теоретико-методологические основания институционализации. *Человек. Сообщество. Управление*. 2010. № 1. С. 83–99. [Fomenko G. Yu. Psychology of personal security: Theoretical and methodological foundations of institutionalization. *Chelovek. Soobshchestvo. Upravlenie*, 2010, (1): 83–99. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/pygpxb>
- Харламенкова Н. Е. Понятие психологической безопасности и его обоснование с разных научных позиций. *Психологический журнал*. 2019. Т. 40. № 1. С. 28–37. [Kharlamenkova N. E. The concept of psychological safety and its justification from different scientific perspectives. *Psichologicheskii zhurnal*, 2019, 40(1): 28–37. (In Russ.)] <https://doi.org/10.31857/S020595920002985-9>
- Abric J.-C. A structural approach to social representations. *Representations of the social: Bridging theoretical traditions*, eds. Deaux K., Philogène G. Oxford: Blackwell Publishers, 2001, 42–47.
- Janoff-Bulman R. Rebuilding shattered assumptions after traumatic life events: Coping process and outcomes. *Coping: The psychology of what works*, ed. Snyder C. R. N.Y.: Oxford University Press, 1998, 305–323.

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/epwrbr>

Связь чувства безопасности и интеллектуальной оценки риска безопасности в информационной среде у студентов

Крылова Наталья Николаевна

Пензенский государственный университет, Россия, Пенза

eLibrary Author SPIN: 9007-7651

<https://orcid.org/0000-0003-4535-821X>

krilovann76@mail.ru

Аннотация: Интеллектуальная оценка риска, чувство безопасности и оценка рисков информационной безопасности рассматриваются нами как личностные ресурсы адаптации студентов в информационной среде в учебно-профессиональной и повседневной деятельности. Цель исследования – проверка гипотез о существовании связей интеллектуальной оценки риска с чувством безопасности и оценкой рисков информационной безопасности в информационной среде у студентов. Участниками исследования стали 103 студента (87 – мужского пола, 16 – женского) 2 и 3 курсов технических специальностей бакалавриата и специалитета Пензенского государственного университета в возрасте 18–20 лет ($M = 19,09$; $SD = 0,90$). Были использованы следующие методы: анализ литературных источников, анкетирование (проведение опроса), тестирование, корреляционный анализ с использованием коэффициента корреляции Спирмена. Были применены психодиагностические методики и авторская анкета: 1) опросник «Шкала интеллектуальной оценки риска» (Subjective Risk Intelligence Scale, SRIS; G. Craparo и др., 2018; адаптация – Т. В. Корнилова, Е. М. Павлова, 2020); 2) опросник чувства безопасности (Security Questionnaire, SQ; C. Zhong, A. Li Juan, 2004; адаптация – П. А. Кисляков, Е. А. Шмелева, 2023); 3) авторская анкета «Оценка риска информационной безопасности в информационной среде студентом» (Н. Н. Крылова, 2024). Результаты проведенного корреляционного анализа позволили констатировать: 1) значимые выраженные положительные и отрицательные связи чувства безопасности, межличностной безопасности и уверенности в контроле со шкалами интеллектуальной оценки риска; 2) положительную значимую связь отдельной шкалы интеллектуальной оценки риска эмоциональная ранимость с общей оценкой риска информационной безопасности в информационной среде; отрицательную значимую связь самоэффективности при принятии решений с оценкой риска распространения информации, угрожающей репутации в информационной среде. Дополнительно были обнаружены факты о положительных значимых связях общей оценки риска информационной безопасности и оценки рисков информационной безопасности, существующих в межличностном взаимодействии в информационной среде. На основе полученных результатов даны психолого-педагогические рекомендации для реализации в учебно-воспитательном процессе высшей школы. Обнаруженные факты могут быть использованы: при выборе стратегии проектирования развивающих программ, направленных на совокупное формирование исследуемых личностных характеристик для успешной адаптации в информационной среде в будущей профессиональной деятельности и жизнедеятельности; для формирования представлений о проявлении личностных характеристик в информационной среде у современных юношей и девушек.

Ключевые слова: интеллектуальная оценка риска, чувство безопасности, информационная безопасность, информационная среда

Цитирование: Крылова Н. Н. Связь чувства безопасности и интеллектуальной оценки риска безопасности в информационной среде у студентов. *СибСкрипт*. 2025. Т. 27. № 5. С. 801–812. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2025-27-5-801-812>

Поступила в редакцию 22.05.2025. Принята после рецензирования 21.08.2025. Принята в печать 25.08.2025.

full article

Sense of Security vs. Information-Related Risk Assessment in University Students

Natalya N. Krylova

Penza State University, Russia, Penza

eLibrary Author SPIN: 9007-7651

<https://orcid.org/0000-0003-4535-821X>

krilovann76@mail.ru

Abstract: Intellectual risk assessment, sense of security, and information security risk assessment are personal resources that facilitate the adaptation of students to university environment. Intellectual risk correlates with a sense of security and information security assessment. The research involved 103 second- and third-year students (87 men, 16 women) of technology majors, Penza State University (18–20 y.o.; M = 19.09; SD = 0.90). The methods included a scientific review, a survey, testing, and correlation analysis (Spearman's rank correlation coefficient). The psychodiagnostic techniques included: 1) Subjective Intellectual Risk Scale by G. Craparo et al. (2018); adapted by T. V. Kornilova & E. M. Pavlova (2020); 2) Security Questionnaire by C. Zhong & A. Lijuan (2004); adapted by P. A. Kislyakov & E. A. Shmeleva (2023); 3) Student's Assessment of Information Security Risks by N. N. Krylova (2024). The analysis revealed the following correlations: 1) significant positive and negative relationships between the sense of security, interpersonal security, and control confidence correlated with the scales of intellectual risk assessment; 2) emotional vulnerability demonstrated positive significant relationship with the general assessment of information security risk; self-efficacy in decision making demonstrated negative significant relationship with the assessment of reputation risk; 3) the general assessment of information security risks had positive significant connections with the assessment of information security risks in interpersonal interactions. The obtained results made it possible to make some psychological and pedagogical recommendations. They may facilitate in selecting the optimal strategy for university adaptation support.

Keywords: intellectual risk assessment, sense of security, information security, information environment

Citation: Krylova N. N. Sense of Security vs. Information-Related Risk Assessment in University Students. *SibScript*, 2025, 27(5): 801–812. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/sibscript-2025-27-5-801-812>

Received 22 May 2025. Accepted after peer review 21 Aug 2025. Accepted for publication 25 Aug 2025.

Введение

Безопасность современного человека в окружающей среде обусловлена дополненными как влиянием, так и воздействием информационной среды. Информационная среда включает в себя, с одной стороны, «информационные потоки и информационные влияния разного рода, которые испытывает человек, характеризуется совокупностью динамических факторов, способных оказывать на человека прямое или косвенное, немедленное или отдаленное воздействие» [Ежевская 2009b: 38], с другой – совокупность условий и влияний, обеспечивающих возможность удовлетворения потребности человека в разного рода взаимодействиях как с окружающей средой, так и с представляющими ее людьми (субъектами) [Панов, Патраков 2020: 9].

Психологическая безопасность личности как психическое состояние способствует сохранению устойчивости в среде с определенными параметрами и «характеризуется сопротивляемостью человека деструктивным внутренним и внешним воздействиям, которая отражается в переживании своей защищенности / незащищенности в конкретной жизненной ситуации» [Баева 2020: 186]. В концепции А. Н. Maslow и соавторов, психологическая безопасность рассматривается как чувство безопасности и принадлежности, чувство контроля над социальной средой, уверенность в свободе от страха; в свою очередь, противоположное чувство психологической небезопасности – ожидание риска или опасности [Maslow et al. 1945].

Рассматривая сложный характер взаимодействия, складывающегося в системе человек – информационная среда, необходимо учитывать, что «регуляция деятельности в ситуации опасности осуществляется дихотомией "безопасность – риск"» [Субботина 2017: 369]. Информационный риск представляет собой пограничное состояние между информационной угрозой и реальным действием по ее применению [Кириллов, Матяш 2013: 107]. В исследованиях обозначается, что наряду с известными угрозами возникает множество рисков, связанных с освоением и использованием новых технологий современным человеком. Так, «разработка нового интерактивного пространства – виртуальной реальности – порождает риски, связанные с тем, что человек непосредственно взаимодействует с иммерсионными образами как новой реальностью, по силе ощущений, порой не отличающейся от реального мира, которые представляют ему не только дополнительные возможности, но и угрозы психологическому здоровью» [Литвинова и др. 2022: 100]

В качестве рисков могут выступать: отдельные характеристики информации, циркулирующей в информационной среде; адекватность эргономических характеристик информации и их потоков перцептивным параметрам органов чувств; наличие в информационных потоках специальных элементов, меняющих поведение как отдельного человека, так и больших масс людей и т.д. В качестве риска в том числе могут выступать отдельные факторы, которые могут быть присущи самому человеку. К ним относят незрелость личности, установки на конформизм, негативно измененное функциональное состояние головного мозга и психики, повышенную внушаемость, хронический или острый психоэмоциональный стресс, фрустрацию, тревожность [Ежевская 2009а]. В классификации Г. У. Солдатовой, Е. И. Рассказовой и Т. А. Нестик показаны риски цифровой реальности, представляющие опасность для молодежи: контентные, коммуникационные, потребительские, технические и интернет-зависимость [Солдатова и др. 2018]. Помимо перечисленных учитываются риски отсутствия культуры обработки информации и нанесения вреда физическому здоровью человека информационной инфраструктурой и т.д. [Петрова 2016: 122].

Необходимо различать существующие в информационной среде обособленные и интегрированные друг в друга информационные пространства, включающие информационно-техническую и информационно-психологическую составляющие. Последняя направлена

на защиту личности в различных аспектах ее социальной деятельности [Марков 2011: 70].

В отечественных исследованиях описание ряда характеристик содержится в самом определении понятия *информационно-психологическая безопасность* (*информационная безопасность личности*):

- «устойчивое состояние защищенности личности от негативных информационных воздействий, которые могут изменять психические состояния и психологические свойства человека, модифицировать его поведение, а также способность личности сохранять свои системообразующие свойства и основные психологические характеристики по отношению к данным воздействиям» [Ежевская 2009б: 39];
- «готовность личности противостоять информационным рискам с позиции общественных ценностных установок, характеризующаяся способностью осмысленно воспринимать, интерпретировать, оценивать информацию за счет актуализации приобретенного опыта» [Петрова 2016: 121];
- «состояние и условие ее жизнедеятельности, при которых отсутствует или минимизирована угроза нанесения вреда личному информационному пространству и сбоя информации, которой обладает индивид» [Поляков, Тараксина 2020: 216];
- «защищенность жизненно важных интересов личности в информационной сфере, а также осознание личностью негативных информационно-психологических воздействий и освоение механизмов противодействия», под которыми рассматриваются механизмы саморегуляции, способствующие эффективности копинг-поведения, и механизмы информационно-психологической самозащиты [Писарь, Ребрик 2012: 109].

Рассматривая проблему психологической безопасности в риск-ресурсном подходе (И. А. Баева, Д. А. Леонтьев, А. А. Обознов и др.), предполагается выделение наиболее актуальных факторов риска нарушения психологической безопасности и противопоставление им ресурсов [Баева, Шахова 2014: 11], т.е. возможностей личности противостоять внешним воздействиям [Козлова, Щеглова 2015: 40].

Таким образом, безопасность личности в информационной среде связана как с характеристиками среды, так и самой личности, а также с характером взаимодействия личности и среды, при этом необходимо учитывать существующий «некий баланс соотношения обеспечения безопасности в среде и за счет ресурсов личности» [Петрова 2016: 121].

Согласно позиции И. А. Баевой, «"стержневыми" личностными ресурсами, обеспечивающими сопротивляемость личности негативным влияниям среды в разные возрастные периоды и в разных жизненных ситуациях, выступают жизнестойкость, устойчивый положительный эмоциональный фон, удовлетворенность жизнью» [Баева 2020: 187], ценностно-смыслообразующие мотивы [Ежевская 2009b: 39] и т.д. Подчеркнем значение интеллектуальной культуры как саморегулирующегося интеллектуального ресурса, оказывающего влияние на продуктивное взаимодействие с цифровой средой в различных видах деятельности (информационно-поисковой, коммуникативной, профессиональной и потребительской) [Бадалова 2018]. Результаты отечественных исследований демонстрируют связь между уровнем критического мышления и психологической безопасностью [Козлова, Щеглова 2015: 40].

Одним из ресурсов обеспечения безопасности личности в информационной среде, на наш взгляд, является интеллектуальная оценка риска. В зарубежных исследованиях интеллектуальная оценка риска определяется как способность человека оценивать плюсы и минусы принятия решений в ситуациях, когда не все результаты полностью ожидаемы. В этом случае человек с высоким уровнем интеллектуальной оценки риска склонен интерпретировать любые изменения, недостаток информации или неопределенность как возможность, а не как опасность. Наоборот, низкий уровень интеллектуальной оценки риска свидетельствует о неспособности принимать решения в условиях неопределенности или когда результат непредсказуем [Crarap et al. 2018]. В отечественных исследованиях данный конструкт рассматривается как индикатор психологического здоровья молодежи в условиях ситуаций риска и неопределенности, представляющий собой «индивидуальное многомерное психологическое свойство, которое обозначает способность эффективно оценивать преимущества и недостатки решений в ситуациях, когда не все исходы можно предсказать» [Левицкая и др. 2025: 141].

В исследованиях обнаруживается специфическая связь склонности к риску и состоянию безопасности. Так, склонность к риску положительно коррелирует с переживанием безопасности ситуации у представителей профессий особо опасной категории (спасатели, пожарные) и отрицательно – в профессиях других типов [Субботина 2021: 41]. Заслуживает внимания выявленная специфика проявления психологической безопасности личности студента на этапе

профессионального обучения в условиях внедрения цифровых образовательных технологий. Т. Л. Худяковой и др. были выделены критерии для оценки влияния на уровне психологической безопасности студентов, одним из факторов рассматривается защищенность от рисков и угроз взаимодействия [Худякова и др. 2022]. В исследовании по выявлению факторов риска образовательной среды вуза студентами А. В. Лялюк и О. Р. Тучина отмечают как наиболее значимые риски, связанные с управлением и организационной культурой вуза (большая учебная нагрузка, неудобное расписание, в том числе информационно-психологические перегрузки), и риски, связанные со здоровьем и самочувствием. Как было обнаружено авторами, среди собственно психологических рисков студентами обозначены проблемы, связанные с самоопределением после окончания университета, с самореализацией в профессии и выбором рода профессиональной деятельности [Лялюк, Тучина 2018].

Интерес представляют предложенные программы по формированию информационно-психологической устойчивости к социокультурным угрозам у студентов вуза, предполагающие развитие личностных ресурсов, нивелирующие эти угрозы (ценности, мотивы, социокультурная идентичность, навыки снятия информационного стресса и обеспечения психосоциального благополучия, просоциальной направленности и критичности мышления) [Меерсон 2022]. В зарубежных исследованиях актуальны вопросы связи восприятия онлайн-рисков и его влияния на цифровое поведение молодых людей [Ramos-Soler et al. 2018]; формирования представлений о кибербезопасности обучающихся в образовании [Chen et al. 2021; Grover et al. 2023; Rahman et al. 2020], в том числе с применением различного психологического инструментария, например игрового обучения [Jin et al. 2018].

Исходя из того, что интеллектуальная оценка риска, чувство безопасности и оценка рисков информационной безопасности рассматриваются нами как личностные ресурсы адаптации студентов в информационной среде в учебно-профессиональной и повседневной деятельности, проблема установления связей между этими личностными характеристиками, безусловно, представляет как научный, так и прикладной интерес. Исследования о выявлении связи интеллектуальной оценки риска с чувством безопасности и оценкой рисков информационной безопасности в информационной среде на выборке студентов технических специальностей, которые затрагивали бы совокупно эти психологические феномены, отсутствуют.

Цель исследования – проверка гипотез о существовании связей интеллектуальной оценки риска с чувством безопасности и оценкой рисков информационной безопасности в информационной среде у студентов.

Основными гипотезами исследования выступили предположения о существовании: связи между интеллектуальной оценкой риска и чувством безопасности (гипотеза 1); связи между интеллектуальной оценкой риска и оценкой рисков информационной безопасности в информационной среде (гипотеза 2). В качестве дополнительной гипотезы выступило предположение о связи общей оценки рисков информационной безопасности в информационной среде и оценки рисков информационной безопасности межличностного взаимодействия в информационной среде.

Методы и материалы

Участники исследования: 103 студента (87 – мужского пола, 16 – женского) 2 и 3 курсов технических специальностей бакалавриата и специалитета Пензенского государственного университета в возрасте 18–20 лет ($M = 19,09$; $SD = 0,90$). Все респонденты дали добровольное согласие на участие в исследовании. Процедура исследования предполагала заполнение бумажных версий опросников в условиях учебных аудиторий.

Методы: анализ литературных источников, анкетирование (проведение опроса), тестирование, методы математического анализа. Для первичной обработки результатов эмпирического исследования была применена программа Excel и статистические методы обработки эмпирических данных: описательная статистика (среднее арифметическое, минимум, максимум, стандартное отклонение). Статистическая обработка полученных данных проводилась с использованием программы STATISTICA 10, а также приложения для статистики Graphpad. Выявление связей между параметрами исследуемых личностных характеристик осуществлялось с помощью корреляционного анализа с использованием коэффициента корреляции Спирмена, т. к. распределение данных отдельных параметров личностных характеристик не соответствовало закону нормального распределения.

Для проведения комплексной диагностики были применены психодиагностические методики и авторская анкета:

1. Опросник «Шкала интеллектуальной оценки риска» (Subjective Risk Intelligence Scale, SRIS) (G. Craparo и др., 2018) разработан с целью исследования особенностей регуляции принятия риска. Русскоязычная версия опросника включает общую

шкалу интеллектуальной оценки риска и 4 шкалы. Шкала *эмоциональная ранимость* направлена на измерение способности модулировать эмоциональные реакции в стрессовых ситуациях. Шкала *неприятие неопределенности* отражает общую ориентацию на избегание риска при принятии решений в обстоятельствах неопределенности. Шкала *воображение* связана с креативностью и принятием нового. Шкала *самоэффективность при принятии решений* демонстрирует самоконтроль, уверенность в себе и веру в способность справляться с трудностями [Корнилова, Павлова 2020].

2. Опросник чувства безопасности (Security Questionnaire, SQ) был разработан C. Zhong и A. Lijuan [Zhong, Lijuan 2004]. В русскоязычной апробации опросника выделены общая шкала *чувство безопасности*, выраженность значений по которой отражает высокое чувство безопасности; шкала *межличностная безопасность*, демонстрирующая опыт личной безопасности в межличностном общении; шкала *уверенность в контроле*, указывающая на прогнозирование личной жизни, предсказуемость событий, развитость чувства уверенности и контроля [Кисляков, Шмелева 2023].

3. Авторская анкета «Оценка риска информационной безопасности в информационной среде студентом» (Н. Н. Крылова, 2024) разработана с целью оценки студентами по 10-балльной шкале существующих рисков информационной безопасности в информационной среде в плане утечки конфиденциальной информации, потери или недоступности важных данных, использования неполной или искаженной информации, а также распространения информации, угрожающей личной репутации. Отдельно предлагалось оценить возможность существования риска информационной безопасности в системах межличностного взаимодействия в информационной среде: информационная образовательная среда; общение по интересам (хобби) в информационной среде; неформальное общение (общение с друзьями, знакомыми и др. в информационной среде); профессиональная деятельность (работа) в информационной среде.

Результаты

Результаты исследования показателей интеллектуальной оценки риска, чувства безопасности и оценки рисков информационной безопасности в информационной среде у студентов представлены в таблице 1. Обнаружены средние значения $62,00 \pm 9,08$ по шкале интеллектуальной оценки риска (в диапазоне от 21 до 105; минимум – 31; максимум – 80).

Табл. 1. Описательные статистики показателей интеллектуальной оценки риска, чувства безопасности и оценки рисков информационной безопасности в информационной среде у студентов

Tab. 1. Intellectual risk assessment, sense of security, and assessment of information security risks in university students

Показатель	M	SD	Min	Max	As	Ex
Интеллектуальная оценка риска	62,00	9,08	31	80	-0,50	0,32
Эмоциональная ранимость	6,98	3,12	3	15	0,48	-0,53
Неприятие неопределенности	8,03	3,68	5	22	1,45	1,96
Воображение	20,66	5,39	7	30	-0,22	-0,25
Самоэффективность при решении проблем	26,39	5,44	14	35	-0,22	-0,68
Чувство безопасности	62,46	8,26	38	76	-0,79	0,38
Межличностная безопасность	33,91	4,76	17	40	-1,30	1,83
Уверенность в контроле	28,55	4,87	15	38	-0,49	-0,05
Риск утечки личной информации	3,75	2,61	1	10	0,93	0,14
Риск потери важных данных	3,56	2,25	1	10	0,80	0,14
Риск использования искаженной информации	4,85	2,52	1	10	0,33	-0,51
Риск распространения информации, угрожающей репутации	2,87	2,16	1	10	1,29	1,20
Риски в информационной образовательной среде	3,74	2,51	1	10	0,81	-0,03
Риски в сфере общения по интересам	3,91	2,59	1	10	0,64	-0,53
Риски в сфере неформального общения	4,32	2,85	1	10	0,60	-0,72
Риски в сфере профессиональной деятельности (работы)	3,96	2,35	1	10	0,66	-0,25

Обнаруженные средние значения по шкалам:

- эмоциональная ранимость – $6,98 \pm 3,12$ (в диапазоне от 3 до 15; минимум – 3; максимум – 15);
- неприятие неопределенности – $8,03 \pm 3,68$ (в диапазоне от 5 до 25; минимум – 5; максимум – 22);
- воображение – $20,66 \pm 5,39$ (в диапазоне от 6 до 30; минимум – 7; максимум – 30);
- самоэффективность при решении проблем – $26,39 \pm 5,44$ (в диапазоне от 7 до 35; минимум – 14; максимум – 35).

В исследуемой выборке средние значения чувства безопасности ($62,46 \pm 8,26$) выше среднего уровня. 4,85 % испытуемых характеризуются низкими значениями чувства безопасности ($41,60 \pm 2,51$). В свою очередь, у 30,10 % ($55,42 \pm 4,15$) и 65,05 % ($67,29 \pm 4,17$) студентов отмечаются средние и высокие значения чувства безопасности соответственно.

Диапазоны распределения значений по анкете характеризуют низкий (1–3 балла), средний (4–7 баллов) и высокий (8–10 баллов) уровни оценки рисков информационной безопасности в информационной среде (рис.). Так, наиболее выражены на среднем

уровне у 55,34 % опрошенных оценки риска использования искаженной информации, а у 40,78 % – риски, связанные со сферой будущей профессиональной деятельности.

У 17,48 % были выявлены высокие значения в оценке рисков, связанных со сферой неформального общения, и у 12,62 % – риска использования искаженной информации.

Ответы у 70,87 % опрошенных характеризуются низкими значениями оценки риска информационной безопасности, связанного с распространением информации, угрожающей репутации.

Наиболее выражен результат оценки рисков использования искаженной информации (4,85) и существующих рисков в сфере неформального общения (4,32) (табл. 1). На последнем месте среди перечисленных отмечается риск распространения информации, угрожающей репутации (2,87). Причем средние значения (3,74) оцениваемых студентами рисков, которые могут присутствовать в информационной образовательной среде, среди перечисленных находятся на шестом месте.

Рис. Оценка рисков информационной безопасности в информационной среде, %
 Fig. Assessing information security risks in the information environment, %

Обнаруженные факты частично согласуются с результатами исследования, в котором обозначено, что студентами отмечается наибольшая незащищенность в области контентно-технических рисков, связанных с нарушениями приватности и потерей хранящейся на компьютере информации. Также авторами был выявлен факт: студенты отмечают полную защищенность от рисков и угроз в разных системах взаимодействия [Худякова и др. 2022: 139, 140].

Нами было обнаружено (рис.), что существующие риски в информационной образовательной среде оцениваются студентами в основном на низком (54,37 %) и среднем (35,92 %) уровнях; лишь у 9,71 % опрошенных – на высоком.

Данный факт находится в некотором противоречии с результатами исследования А. В. Лялюка и О. Р. Тучиной, в котором утверждается о средней и высокой оценке рисков образовательной среды студентами, что позволило авторам сделать вывод о наличии проблемы психолого-педагогической безопасности вузовской среды [Лялюк, Тучина 2018: 63].

Рассмотрим результаты проведенного корреляционного анализа.

1. Обнаружены положительные связи интеллектуальной оценки риска с чувством безопасности ($p \leq 0,05$) и межличностной безопасностью ($p \leq 0,001$) (табл. 2). Воображение и самоэффективность при решении проблем положительно связаны с чувством безопасности, межличностной безопасностью и уверенностью

в контроле ($p \leq 0,001$). Не выявлены связи интеллектуальной оценки риска с уверенностью в контроле.

Эмоциональная ранимость и неприятие неопределенности отрицательно связаны с чувством безопасности и уверенностью в контроле ($p \leq 0,001$). Повышение эмоциональной ранимости и неприятие неопределенности как черт интеллектуальной оценки риска сопутствуют снижению чувства безопасности и уверенности в контроле.

Неприятие неопределенности отрицательно связано с межличностной безопасностью ($p \leq 0,01$). Снижению последнего показателя сопутствует повышение неприятия неопределенности. Не проявляет связи со снижением межличностной безопасности эмоциональная ранимость.

2. Эмоциональная ранимость как черта интеллектуальной оценки риска положительно связана с общей оценкой риска информационной безопасности в информационной образовательной среде ($r = 0,199$; $p \leq 0,05$). Самоэффективность при принятии решений отрицательно связана с оценкой риска распространения информации, угрожающей репутации в информационной среде ($r = -0,196$; $p \leq 0,05$). Снижению самоэффективности при принятии решений сопутствует повышенная оценка риска распространения информации, угрожающей репутации в информационной среде.

3. Оценка существующих рисков информационной безопасности в информационной образовательной

Табл. 2. Статистически значимые связи показателей интеллектуальной оценки риска и чувства безопасности
Tab. 2. Statistically significant relationships between indicators of sense of security and intellectual risk assessment

Переменные	Чувство безопасности	Межличностная безопасность	Уверенность в контроле
Интеллектуальная оценка риска	0,223*	0,312***	–
Эмоциональная ранимость	-0,364***	–	-0,412***
Неприятие неопределенности	-0,419***	-0,298**	-0,408***
Воображение	0,432***	0,452***	0,319***
Самоэффективность при решении проблем	0,482***	0,453***	0,422***

Прим.: * – $p \leq 0,05$; ** – $p \leq 0,01$; *** – $p \leq 0,001$. В таблице отражены только установленные значимые связи.

среде положительно связана с рисками утечки личной информации и потери важных данных ($p \leq 0,01$), а также риском распространения информации, угрожающей репутации ($p \leq 0,001$). Причем оценка риска распространения информации, угрожающей репутации, положительно связана с оценкой рисков информационной безопасности во всех сферах межличностного взаимодействия: в информационной образовательной сфере ($p \leq 0,001$), в сфере общения по интересам ($p \leq 0,001$), в неформальном общении ($p \leq 0,01$) и в сфере профессиональной деятельности (работы) ($p \leq 0,001$). Связь оценки риска использования искаженной информации с оценкой существующих рисков в сфере неформального общения положительна ($p \leq 0,05$) (табл. 3).

Тот факт, что чувство безопасности, межличностная безопасность и уверенность в контроле связаны положительными и отрицательными связями со шкалами интеллектуальной оценки риска, позволяет принять гипотезу 1. Установленные связи скорее свидетельствуют о том, что переживание чувства безопасности, складывание опыта личной безопасности, уверенности в контроле и прогнозирование происходящих событий основывается на нестандартных подходах

Табл. 3. Статистически значимые связи показателей общей оценки рисков информационной безопасности в информационной среде и оценки рисков информационной безопасности межличностного взаимодействия в информационной среде
Tab. 3. Assessments of information security risks in information environment vs. in interpersonal interactions

Переменные	1	2	3	4	5	6	7	8
1. Риск утечки личной информации	1,00	–	–	–	–	–	–	–
2. Риск потери важных данных	0,62***	1,00	–	–	–	–	–	–
3. Риск использования искаженной информации	0,48***	0,52***	1,00	–	–	–	–	–
4. Риск распространения информации, угрожающей репутации	0,47***	0,63***	0,31***	1,00	–	–	–	–
5. Риски в информационной образовательной среде	0,29**	0,29**	–	0,44***	1,00	–	–	–
6. Риски в сфере общения по интересам	–	–	–	0,36***	0,77***	1,00	–	–
7. Риски в сфере неформального общения	–	–	0,21*	0,25**	0,59***	0,74***	1,00	–
8. Риски в сфере профессиональной деятельности (работы)	–	–	–	0,31***	0,68***	0,77***	0,63***	1,00

Прим.: * – $p \leq 0,05$; ** – $p \leq 0,01$; *** – $p \leq 0,001$. В таблице отражены только установленные значимые связи.

и проявлении инициативы при решении задач, принятии и исследовании нового в различных жизненных обстоятельствах.

Полученные результаты об отрицательной связи чувства безопасности и уверенности в контроле с эмоциональной ранимостью и неопределенностью позволяют сделать предположение о том, что высокая ранимость в ситуации стресса, избегание риска в неопределенных обстоятельствах снижают способность к концентрации внимания при анализе всех возможных путей развития событий, не позволяют объективно оценить ситуацию риска как возможность выбора альтернативного варианта развития события и поведения, направленного на достижение значимой цели.

Отрицательные связи межличностной безопасности с неприятием неопределенности позволяют сделать предположение о том, что субъективно переживаемые складывающиеся межличностные отношения, базирующиеся на чувстве безопасности в межличностном взаимодействии, скорее требуют однозначности, прозрачности и основаны на ожидании проявления искренности.

Однако обнаруженный факт об отсутствии связи эмоциональной ранимости с межличностной безопасностью скорее говорит о большей включенности рациональной составляющей в противовес эмоциональной при оценке безопасности системы межличностного взаимодействия и формировании личного опыта межличностной безопасности.

Принятие гипотезы 2 может быть частичным, поскольку установленные связи имеют слабый корреляционный характер и проявляются только в двух случаях. Так, выявленные положительные связи эмоциональной ранимости с оценкой риска информационной безопасности в информационной среде скорее говорят о высокой подверженности эмоциональных состояний и процессов юношей и девушек в межличностном взаимодействии со стороны информационной образовательной среды как актуальной сферы контакта для студенческой молодежи. Это требует проявления у них способности преодолевать излишнее эмоциональное напряжение и готовность принимать решения в различных напряженных ситуациях при выполнении учебных задач в учебно-профессиональной деятельности. Факт отрицательных связей самоэффективности при принятии решений с оценкой существующих рисков распространения информации, угрожающей личной репутации в информационной среде, позволяет предположить, что наибольшую обеспокоенность у современных юношей

и девушек при принятии решений в информационной среде как значимом пространстве самореализации представляют все те риски, которые несут наибольшую угрозу личной репутации.

Обнаруженные связи общей оценки риска информационной безопасности и оценки рисков информационной безопасности в межличностном взаимодействии в информационной среде позволяют принять выделенную дополнительно для исследования гипотезу. Установленные связи скорее свидетельствуют об актуальности оценивания рисков информационной безопасности в информационной среде современными юношами и девушками. С возможностью существующих рисков в информационной образовательной среде связываются риски утечки личных данных, важной информации, угрозы репутации. Высокий риск угрозы репутации связан со всеми сферами межличностного взаимодействия у студентов: информационная образовательная среда, общение по интересам, неформальное общение, профессиональная деятельность. Также представляет интерес факт связи высокого риска искажения информации с высокой вероятностью его проявления в сфере неформального общения.

Выявленные факты возможно применить:

- при выборе стратегии проектирования развивающих программ, направленных на совокупное формирование исследуемых личностных характеристик для успешной адаптации в информационной среде в будущей профессиональной деятельности и жизнедеятельности;
- для формирования представлений о проявлении личностных характеристик в информационной среде у современных юношей и девушек.

На основе полученных результатов возможно сформулировать психолого-педагогические рекомендации для реализации в учебно-воспитательном процессе высшей школы. В рамках спецкурсов по выбору студентов, факультативов и научно-исследовательской деятельности возможно сформировать следующие представления у обучающихся: информационная среда как пространство психологического влияния и воздействия; манипулятивное воздействие в информационной среде; понятие об информационной безопасности личности; понятие о риске и интеллектуальной оценке рисков; оценка рисков информационной безопасности в информационной среде; информационный стресс и пути его преодоления для сохранения психологического здоровья; личностные ресурсы информационной безопасности в информационной среде.

Заключение

В целом выделенные в исследовании гипотезы подтверждены. Результаты проведенного корреляционного анализа позволили констатировать:

1) значимые выраженные положительные и отрицательные связи чувства безопасности, межличностной безопасности и уверенности в контроле со шкалами интеллектуальной оценки риска;

2) положительную значимую связь отдельной шкалы интеллектуальной оценки риска *эмоциональная раннестность* с общей оценкой риска информационной безопасности в информационной среде; отрицательную значимую связь самоэффективности при принятии решений с оценкой риска распространения информации, угрожающей репутации в информационной среде.

Интерес представляют обнаруженные дополнительно факты о положительных значимых связях общей оценки риска информационной безопасности и оценки рисков информационной безопасности, существующих в межличностном взаимодействии в информационной среде. Так, оценка существующих рисков информационной безопасности в информационной образовательной среде положительно связана с рисками утечки личной информации, потери важных данных, распространения информации, угрожающей репутации. Причем оценка риска распространения информации, угрожающей репутации, положительно связана с оценкой риска информационной безопасности во всех сферах межличностного взаимодействия: в информационной образовательной сфере, в сферах

общения по интересам, в неформальном общении и в профессиональной деятельности (работе). Также была выявлена связь оценки риска использования искаженной информации с оценкой существующих рисков в сфере неформального общения.

В перспективе дальнейших исследований возможно провести сравнительный анализ различий выраженности исследуемых личностных характеристик студентов на начальных и завершающих этапах обучения в вузе, у обучающихся разных образовательных направлений, а также исследовать различия проявления этих характеристик у современных юношей и девушек. Дополнительной проверки требуют факты неустановленных связей шкал интеллектуальной оценки риска с оценкой рисков информационной безопасности в информационной среде. Поскольку для качественного сравнения обнаруженных фактов недостаточно разработана эмпирическая база по исследуемой проблеме, научный интерес представляет сопоставление результатов нашего исследования с исследованиями других авторов по смежной проблеме.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Литература / References

- Бадалова М. В. Некоторые аспекты психологической безопасности личности в информационной среде. *Гуманитарно-педагогическое образование*. 2018. Т. 4. № 1. С. 5–12. [Badalova M. V. Some aspects of psychological security of the person in the information environment. *Gumanitarno-pedagogicheskoe obrazovanie*, 2018, 4(1): 5–12. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ytssgb>
- Баева И. А. Психологические проблемы обеспечения безопасности в образовании. *Мир психологии*. 2020. № 2. С. 184–190. [Baeva I. A. Psychological problems of ensuring security in education. *Mir psichologii*, 2020, (2): 184–190. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/bhkayw>
- Баева И. А., Шахова Л. И. Риск-ресурсный подход к сопровождению психологической безопасности младших школьников. *Безопасность образовательной среды: создание и внедрение психолого-педагогических технологий сопровождения*: Всерос. заоч. науч.-практ. конф. с Междунар. уч. (Москва, 3 октября 2014 г.) М.: МГППУ, 2014. С. 10–13. [Baeva I. A., Shakhova L. I. Risk-resource approach to supporting psychological safety of primary school students. *Safety of academic environment: Development and implementation of psychological and pedagogical support technologies*: Proc. All-Russian correspondence Sci.-Prac. Conf. with Intern. participation, Moscow, 3 Oct 2014. Moscow: MSUPE, 2014, 10–13. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/syqtfr>
- Ежевская Т. И. Проблемы обеспечения информационно-психологической безопасности студентов. *Казанский педагогический журнал*. 2009а. № 2. С. 84–90. [Yezhevskaya T. I. To a problem of maintenance of information-psychological safety of the pupils. *Kazan Pedagogical Journal*, 2009a, (2): 84–90. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/kzizlp>

Ежевская Т. И. Психологическое воздействие информационной среды на современного человека. *Психопедагогика в правоохранительных органах*. 2009б. № 2. С. 38–41. [Yezhevskaya T. I. Psychological influence of information environment on modern person. *Psychopedagogy in Law Enforcement*, 2009b, (2): 38–41. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/jtgefnd>

Кириллов А. В., Матяш С. А. Современные проблемы информационной безопасности личности. *Известия Российской академии ракетных и артиллерийских наук*. 2013. № 1. С. 104–110. [Kirillov A. V., Matyash S. A. Modern problems of information security. *Izvestiia Rossiiskoi akademii raketnykh i artilleriyskikh nauk*, 2013, (1): 104–110. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/pzlwg>

Кисляков П. А., Шмелева Е. А. Пилотажная оценка русскоязычной версии опросника чувства безопасности на выборке студентов социономического профиля. *Вопросы психологии*. 2023. Т. 69. № 6. С. 122–134. [Kislyakov P. A., Shmeleva E. A. Pilot assessment of the Russian-language version of the feeling of safety questionnaire on a sample of students in socioeconomic professions. *Voprosy Psichologii*, 2023, 69(6): 122–134. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/jrxudm>

Козлова Н. В., Щеглова М. С. Взаимосвязь уровня критического мышления и психологической безопасности студентов высшей школы. *Сибирский психологический журнал*. 2015. № 57. С. 34–49. [Kozlova N. V., Scheglova M. S. The intercorrelation of critical thinking and psychological of higher education students. *Sibirskiy Psikhologicheskiy Zhurnal*, 2015, (57): 34–49. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17223/17267080/57/3>

Корнилова Т. В., Павлова Е. М. Шкала интеллектуальной оценки риска и ее связь с готовностью к риску и эмоциональным интеллектом. *Консультативная психология и психотерапия*. 2020. Т. 28. № 4. С. 59–78. [Kornilova T. V., Pavlova E. M. Risk intelligence scale and its relationship with risk readiness and emotional intelligence. *Counseling Psychology and Psychotherapy*, 2020, 28(4): 59–78. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17759/cpr.2020280404>

Левицкая Т. Е., Назметдинова Д. Г., Маркман И. Ю., Богомаз С. А., Цехмейструк Е. А. Интеллектуальная оценка риска как индикатор психологического здоровья молодежи в условиях ситуаций риска и неопределенности. *Сибирский психологический журнал*. 2025. № 95. С. 138–154. [Levitskaya T. E., Nazmetdinova D. G., Markman I. Y., Bogomaz S. A., Tsehmeistruk E. A. Intellectual risk assessment as an indicator of psychological health in youth in situations of risk and uncertainty. *Sibirskiy Psikhologicheskiy Zhurnal*, 2025, (95): 138–154. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17223/17267080/95/8>

Литвинова А. В., Березина Т. Н., Кокурин А. В., Екимова В. И. Психологическая безопасность обучающихся во взаимодействии с виртуальной реальностью. *Современная зарубежная психология*. 2022. Т. 11. № 3. С. 94–104. [Litvinova A. V., Berezina T. N., Kokurin A. V., Ekimova V. I. Psychological safety of students in interaction with virtual reality. *Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya*, 2022, 11 (3):94–104. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17759/jmfp.2022110309>

Лялюк А. В., Тучина О. Р. Исследование факторов риска образовательной среды современного вуза: позиции студентов. *Вестник Адыгейского государственного университета. Серия: Педагогика и психология*. 2018. № 3. С. 57–65. [Lyalyuk A. V., Tuchina O. R. Investigation of risk factors of the educational environment of modern higher education institution: students' positions. *Bulletin of Adyghe State University. Ser.: Pedagogy and Psychology*, 2018, (3): 57–65. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ylwegl>

Марков А. А. Характеристики информационной безопасности на современном этапе развития общества. *Управленческое консультирование*. 2011. № 3. С. 67–76. [Markov A. A. Characteristics of information security at the present stage of society development. *Administrative consulting*, 2011, (3): 67–76. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ohwvyy>

Меерсон А.-Л. С. Формирование информационно-психологической устойчивости к социокультурным угрозам у студентов вуза. *Теоретическая и экспериментальная психология*. 2022. Т. 15. № 1. С. 138–151. [Meyerson I.-L. S. Formation of information-psychological resistance to socio-cultural threats among university students. *Teoreticheskaya i ehksperimentalnaya psikhologiya*, 2022, 15(1): 138–151. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24412/2073-0861-2022-1-138-151>

Панов В. И., Патраков Э. В. Цифровизация информационной среды: риски, представления, взаимодействия. М.: ПИ РАО; Курск: Ун. кн., 2020. 199 с. [Panov V. I., Patrakov E. V. *Digitalization of information environment: Risks, representations, and interactions*. Moscow: PI RAE; Kursk: Un. kn., 2020, 199. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/wjubfy>

- Петрова В. А. Проблема информационной безопасности личности в современной педагогической науке и образовательной практике. *Вестник Томского государственного педагогического университета*. 2016. № 4. С. 120–125. [Petrova V. A. Problem of personal information security in modern pedagogical science and educational practice. *Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2016, (4): 120–125. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vscxzp>
- Писарь О. В., Ребрик Э. Ю. Механизмы противодействия личности негативным информационно-психологическим воздействиям. *Альманах современной науки и образования*. 2012. № 2. С. 109–113. [Pisar O. V., Rebrik E. Yu. Mechanisms of personality counteraction to negative information and psychological influences. *Almanakh sovremennoi nauki i obrazovaniia*, 2012, (2): 109–113. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/opmeep>
- Поляков В. П., Тараксина С. Н. Личностные аспекты обеспечения информационной безопасности в условиях цифровой трансформации образования. *Mir psichologii*. 2020. № 3. С. 215–221. [Polyakov V. P., Taraskina S. N. Personal aspects of information security in the context of digital transformation of education. *Mir psichologii*, 2020, (3): 215–221. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/tgpdcm>
- Солдатова Г. У., Рассказова Е. И., Нестик Т. А. Цифровое поколение России: компетентность и безопасность. 2-е изд., стер. М.: Смысл, 2018. 375 с. [Soldatova G. U., Rasskazova E. I., Nestik T. A. *Digital generation of Russia: Competence and security*. 2nd ed. Moscow: Smysl, 2018, 375. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/otrxml>
- Субботина Л. Ю. Психология безопасности личности. *Методология современной психологии*. 2017. № 7. С. 359–375. [Subbotina L. Yu. Psychology of personal security. *Metodologiya sovremennoj psikhologii*, 2017, (7): 359–375. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/zucqnn>
- Субботина Л. Ю. Что понимать под состоянием безопасности личности. *Ярославский психологический вестник*. 2021. № 3. С. 37–42. [Subbotina L. Yu. What is meant by the state of personal safety. *Iaroslavskii psikhologicheskii vestnik*, 2021, (3): 37–42. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/svyqjy>
- Худякова Т. Л., Гридиева Л. Н., Клепач Ю. В., Петросянц В. Р. Риски психологической безопасности личности в условиях внедрения цифровых образовательных технологий на этапе профессионального обучения. *Национальный психологический журнал*. 2022. № 4. С. 132–143. [Khudyakova T. L., Gridyaeva L. N., Klepach Yu. V., Petrosyants V. R. Risks of psychological security of personality in the context of digital educational technologies introduced into vocational training. *National Psychological Journal*, 2022, (4): 132–143. (In Russ.)] <https://doi.org/10.11621/npj.2022.0412>
- Chen W., He Y., Tian X., He W. Exploring cybersecurity education at the K-12 level. *Proceedings of SITE Interactive Conference*, United States, 26 Oct 2021, eds. Langran E., Rutledge D. AACE, 2021, 108–114.
- Craparo G., Magnano P., Paolillo A., Costantino V. The subjective risk intelligence scale. The development of a new scale to measure a new construct. *Current Psychology*, 2018, 37(4): 966–981. <https://doi.org/10.1007/s12144-017-9673-x>
- Grover S., Broll B., Babb D. Cybersecurity education in the age of AI: Integrating AI learning into cybersecurity high school curricula. *Proceedings of the 54th ACM Technical Symposium on Computer Science Education*, 2023, vol. 1, 980–986. <https://doi.org/10.1145/3545945.3569750>
- Jin G., Tu M., Kim T.-H., Heffron J., White J. Evaluation of game-based learning in cybersecurity education for high school students. *Journal of Education and Learning (EduLearn)*, 2018, 12(1): 150–158. <https://doi.org/10.11591/edulearn.v12i1.7736>
- Maslow A. H., Hirsh E., Stein M., Honigmann I. A clinically derived test for measuring psychological security-insecurity. *The Journal of General Psychology*, 1945, 33(1): 21–41. <https://doi.org/10.1080/00221309.1945.10544493>
- Rahman N. A. A., Sairi I. H., Zizi N. A. M., Khalid F. The importance of cybersecurity education in school. *International Journal of Information and Education Technology*, 2020, 10(5): 378–382. <https://doi.org/10.18178/ijiet.2020.10.5.1393>
- Ramos-Soler I., López-Sánchez C., Torrecillas-Lacave T. Percepción de riesgo online en jóvenes y su efecto en el comportamiento digital. *Comunicar: Media Education Research Journal*, 2018, 26(56): 71–79. <https://doi.org/10.3916/C56-2018-07>
- Zhong C., Lijuan A. Developing of security questionnaire and its reliability and validity. *Chinese Mental Health Journal*, 2004, 18(2): 97–99.

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/meqfuk>

Психологическая устойчивость педагогов общеобразовательных школ во взаимосвязи с их субъективной оценкой психологической безопасности образовательной среды (на примере Камчатского края)

Фризен Марина Александровна

Камчатский государственный университет имени Витуса Беринга,

Россия, Петропавловск-Камчатский

eLibrary Author SPIN: 2539-2503

<https://orcid.org/0000-0002-7706-6812>

Scopus Author ID: 57202218676

frizenm@yandex.ru

Цуканова Людмила Викторовна

Камчатский государственный университет имени Витуса Беринга,

Россия, Петропавловск-Камчатский

Аннотация: Значимость изучения возможностей обеспечения психологического здоровья педагогов, в том числе проживающих на территориях с экстремальными природно-климатическими условиями, обуславливает актуальность описываемого исследования. Цель – выявить взаимосвязь психологической устойчивости и субъективной оценки психологической безопасности образовательной среды на примере педагогов камчатских общеобразовательных школ. Данная проблема является актуальной в условиях современных образовательных и общественных реалий. Психологическая устойчивость понимается нами как характеристика личности, обеспечивающая человеку способность противостоять неблагоприятному давлению внешних воздействий, сохраняя при этом здоровье, работоспособность, направленность на собственные цели. Психологическую безопасность мы связываем с переживанием человеком своей защищенности / незащищенности в конкретной жизненной ситуации. Новизну исследования составляет рассмотрение взаимосвязи этих концептов применительно к образовательной среде, функционирующей в экстремальных природно-климатических условиях Камчатского края. Нами осуществлено эмпирическое исследование на выборке педагогов камчатских общеобразовательных школ (62 человека). Выборка педагогов была разделена посредством кластерного анализа по показателям психологической устойчивости, был проведен сравнительный анализ субъективной оценки безопасности образовательной среды в полученных эмпирических группах. Сделаны выводы о взаимосвязи феноменов психологической устойчивости педагогов и их субъективной оценки безопасности образовательной среды, о том, что педагоги с разным уровнем выраженности психологической устойчивости имеют как сходные, так и отличающиеся ресурсы построения профессиональной деятельности, источники психологической безопасности образовательной среды. Определено, что психологическая устойчивость педагогов камчатских школ в большей степени связана с их личностными особенностями и характеристиками их отношений, чем с характеристиками Камчатского края как места проживания, характеризующегося экстремальностью природно-климатических условий.

Ключевые слова: психологическая устойчивость, психологическая безопасность, образовательная среда, педагоги, общеобразовательные школы, Камчатский край

Цитирование: Фризен М. А., Цуканова Л. В. Психологическая устойчивость педагогов общеобразовательных школ во взаимосвязи с их субъективной оценкой психологической безопасности образовательной среды (на примере Камчатского края). СибСкрипт. 2025. Т. 27. № 5. С. 813–823. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2025-27-5-813-823>

Поступила в редакцию 21.05.2025. Принята после рецензирования 22.09.2025. Принята в печать 22.09.2025.

full article

Psychological Stability vs. Subjective Assessment of Psychological Safety in Secondary School Teachers (Kamchatka Peninsula)

Marina A. Frizen

Kamchatka State University, Russia, Petropavlovsk-Kamchatsky

eLibrary Author SPIN: 2539-2503

<https://orcid.org/0000-0002-7706-6812>

Scopus Author ID: 57202218676

frizennm@yandex.ru

Lyudmila V. Tsukanova

Kamchatka State University, Russia, Petropavlovsk-Kamchatsky

Abstract: Psychological stability is a personality trait responsible for coping with adverse influences. It makes it possible to maintain health, work performance, and focus on particular goals. Psychological security is the experience of security or insecurity in a specific life situation. The psychological health of teachers who live and work in extreme climate may need special approach. Since one's psychological stability correlates with one's subjective assessment of psychological safety, the authors tested this hypothesis on 62 secondary school teachers that reside on the Kamchatka Peninsula, Russian Far East. The participants were clustered by psychological stability and surveyed for psychological safety. Teachers from different psychological stability clusters demonstrated both similar and different resources of professional activities and psychological security. Their psychological stability depended on the personality rather than on the extreme character of Kamchatka as extreme climatic environment.

Keywords: psychological stability, psychological safety, school environment, teachers, secondary schools, Kamchatka Peninsula

Citation: Frizen M. A., Tsukanova L. V. Psychological Stability vs. Subjective Assessment of Psychological Safety in Secondary School Teachers (Kamchatka Peninsula). *SibScript*, 2025, 27(5): 813–823. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/sibscript-2025-27-5-813-823>

Received 21 May 2025. Accepted after peer review 22 Sep 2025. Accepted for publication 22 Sep 2025.

Введение

Функционирование личности в условиях современного общества происходит на фоне сложных вызовов: реальность характеризуется смысловой неопределенностью, социально-экономической нестабильностью; образовательная среда связана с постоянно меняющимися нормативными основами профессиональной деятельности, сложными процессами, ведущими к снижению престижа педагогической профессии. В Камчатском крае отмеченные аспекты осложняются экстремальностью условий проживания. Педагогу и в этих условиях необходимо решать профессиональные задачи, и важнейшим условием в данном случае является устойчивость его психологических ресурсов – психологическая устойчивость в целом. Значимость для психологической теории и практики изучения возможностей обеспечения психологического здоровья педагогов, в том числе проживающих на территориях с экстремальными природно-климатическими условиями, обуславливает актуальность описываемого в данной статье исследования.

На основе теоретического анализа источников мы пришли к выводу, что психологическая устойчивость рассматривается в психологической науке в разных аспектах: как эмоциональная, нравственная устойчивость, устойчивость в напряженных условиях, в условиях подготовки к экстремальным видам профессиональной деятельности, в аспекте стрессоустойчивости, психической устойчивости, нервно-психической устойчивости, жизнестойкости личности и др. [Водопьянова, Старченкова 2023; Леонтьев 2004; Носкова 2024; Faustova and dr. 2021; Beus et al. 2015; Maddi 2005; Masten 2009]. Наиболее общее определение психологической устойчивости в различных концепциях связано с пониманием ее в качестве характеристики личности, обеспечивающей человеку устойчивость в трудных ситуациях, умение противостоять неблагоприятному давлению внешних воздействий, сохраняя при этом здоровье и работоспособность, придерживаясь своих намерений и целей. Теоретический анализ также показал,

что в современной психологии активно осуществляется развитие исследований психологических проблем обеспечения безопасности в образовании, которое ведется по двум направлениям: психологическая безопасность образовательной среды и психологическая безопасность как психическое состояние учащихся, их родителей и педагогов [Донцов и др. 2020; Кисляков, Шмелева 2023; Кисляков и др. 2022; Кольчугина и др. 2021; Суворова 2025; Трофимова, Кузьмина 2022; Харламенкова 2019; Эксакусто, Лызь 2010].

Мы опирались на определение психологической безопасности образовательной среды И. А. Баевой [Баева 2002; 2020] как состояния образовательной среды, свободной от проявлений психологического насилия во взаимодействии, которое способствует удовлетворению потребностей в личностно-доверительном общении, создает референтную значимость среды и обеспечивает психическое здоровье включенных в нее участников. Под психологической безопасностью личности И. А. Баева понимает психологическое состояние, наделенное способностью сохранять устойчивость в среде с определенными параметрами, в том числе и с психотравмирующими воздействиями, как сопротивляемость деструктивным внутренним и внешним воздействиям, которая отражается в переживании своей защищенности / незащищенности в конкретной жизненной ситуации.

В числе факторов, влияющих на психологическую устойчивость педагогов общеобразовательных школ, авторы описывают эмоциональное напряжение, перегруженность обязанностями, информацией, конфликтные ситуации с субъектами образовательного процесса, дефицит времени в течение рабочего дня, внедрение инноваций и изменения образовательных стандартов, отсутствие условий для саморазвития и для профилактики психического и физического здоровья.

Кроме того, дефициты образовательной среды дополняются и средовыми характеристиками места проживания [Ширяева 2008], в связи с этим одним из вопросов для нас стал следующий: каково влияние экстремальной среды Камчатского края на изучаемые нами концепты. В ряде исследований, осуществленных на выборках респондентов, проживающих в Камчатском крае, было показано, что именно личностная составляющая определяет восприятие региона как экстремального или неэкстремального, независимо от объективной сложности условий проживания в нем. На основе теоретического анализа можно предположить, что существуют общие

паттерны личностных характеристик, обуславливающих позитивное восприятие жизненной среды, как профессиональной (в нашем случае – образовательной), так и географической (Камчатский край).

Понятия психологической устойчивости и психологической безопасности рассматриваются в нашем исследовании как взаимосвязанные, но при этом самостоятельные феномены. Психологическая безопасность может рассматриваться и как характеристика среды, и как субъективное восприятие данной среды человеком, во втором случае И. А. Баева относит данный феномен к классу психических состояний человека и имеет в виду переживание человеком его защищенности или незащищенности. При этом психологическая устойчивость является интегральным свойством личности, позволяющим ей эффективно функционировать в условиях той или иной среды. Т. М. Краснянская и В. Г. Тылец также указывают на то, что в современной психологической науке психологическую безопасность принято рассматривать через призму психических состояний, они указывают на значимость разведения самой психологической безопасности как состояния и субъективных проекций человека этого состояния на разные психические сферы [Краснянская, Тылец 2022] в рамках осуществления психологических исследований. Вслед за авторами проанализированных нами источников мы полагаем, что психологическая устойчивость личности педагога может выступать личностной детерминантой переживаемого им состояния психологической безопасности / небезопасности образовательной среды.

Цель – выявить взаимосвязь психологической устойчивости и субъективной оценки психологической безопасности образовательной среды на примере педагогов камчатских общеобразовательных школ. Субъективная оценка психологической безопасности образовательной среды исследовалась нами как один из аспектов переживания человеком психологической безопасности в целом.

Гипотезой исследования выступило предположение о том, что существует взаимосвязь между психологической устойчивостью педагогов камчатских школ и их субъективной оценкой психологической безопасности образовательной среды, при этом при разных уровнях психологической устойчивости существуют различия в восприятии образовательной среды в аспекте источников и ресурсов психологической безопасности, возможностей эффективного построения профессиональной деятельности.

Методы и материалы

Применены следующие методы:

1. Теоретический анализ научных источников по теме исследования.
2. Эмпирические методы исследования:
 - анкетирование;
 - семантический дифференциал на стимул *работа* В. П. Серкина [Серкин 2007];
 - методика «Прогноз-2» В. Ю. Рыбникова [Рыбников 1990];
 - Тест жизнестойкости С. Мадди в адаптации Д. А. Леонтьева, Е. И. Рассказовой [Леонтьев, Рассказова 2006];
 - опросник «Профессиональное выгорание» К. Маслач, С. Джексон в адаптации Н. Е. Водопьяновой, Е. С. Старченковой [Водопьянова и др. 2013];
 - Шкала психологического стресса – PSM-25 Л. Лемура, Р. Тесьеर, Л. Филлион в адаптации Н. Е. Водопьяновой [Водопьянова 2009: 41–43];
 - Шкала для психологической экспресс-диагностики уровня невротизации НИПИ им. В. М. Бехтерева [Иовлев и др. 1999];
 - методика «Психологическая безопасность образовательной среды школы» (ПБОС) И. А. Баевой [Баева и др. 2006: 105–118].
3. Методы статистического анализа (кластерный анализ, корреляционный анализ, *t*-критерий Стьюдента, ф-критерий углового преобразования Фишера).

4. Качественный анализ и содержательная интерпретация результатов.

Респонденты – 62 педагога общеобразовательных школ г. Петропавловска-Камчатского, женщины в возрасте 25–60 лет.

Результаты

На первом этапе эмпирического исследования для распределения выборки на группы, специфичные по показателям психологической устойчивости, применялась процедура кластеризации (на основе внутригруппового сходства) к показателям шкал всех методик за исключением семантического дифференциала, в результате были получены кластеры объемом 28 и 23 человека, различия между ними изучены посредством *t*-критерия Стьюдента (табл. 1). В таблице 1 указаны уровни / диапазоны, в которые попали средние значения в каждом из кластеров. Отдельно поясним, что для удобства осмыслиения результатов по методике «Прогноз-2» мы применяем наименование показателя как *нервно-психическая неустойчивость*, поскольку, согласно методике, чем выше сырой балл, тем менее выражена нервно-психическая устойчивость, соответственно, тем выше нервно-психическая неустойчивость. То же самое отметим и для Шкалы для психологической экспресс-диагностики уровня невротизации НИПИ им. В. М. Бехтерева: чем выше сырье баллы, тем меньше выражена невротизация респондентов.

Табл. 1. Сравнительный анализ средних значений в полученных кластерах

Tab. 1. Mean values across clusters

Наименование шкалы	Кластер 1		Кластер 2		$t_{эмп}$
	Ср. зн.	Уровень	Ср. зн.	Уровень	
Жизнестойкость (общая мера)	79,86	средний	93,74	средний	3,37**
Вовлеченность	34,79	средний	40,57	средний	3,35**
Контроль	28,61	средний	34,17	средний	3,07**
Принятие риска	16,46	средний	19	высокий	2,18*
Нервно-психическая неустойчивость	24,29	удовлетворительный	15,91	удовлетворительный / хороший	4,5***
Психологический стресс	98,89	низкий / средний	67,04	низкий	6,31***
Невротизация	28,36	пониженный	82,3	очень низкий	10,81***
Эмоциональное истощение	27,54	высокий	18,22	средний	4,29***
Деперсонализация	11,93	высокий	8,52	средний	2,39*

Прим.: * – $p \leq 0,05$; ** – $p \leq 0,01$; *** – $p \leq 0,001$.

Наиболее существенные различия обнаружены по шкалам *нервно-психическая неустойчивость, психологический стресс, невротизация, эмоциональное истощение*, сделан вывод, что респонденты первой группы (ЭГ1) обладают более низкой психологической устойчивостью, а респонденты второй группы (ЭГ2) имеют более высокую психологическую устойчивость.

Респонденты обеих групп в целом уверены в себе и в жизни, получают удовольствие от педагогической деятельности и осознают свою способность влиять на ход жизненных событий, что помогает им в преодолении стрессов за счет стойкого совладания с ними и восприятия их как менее значимых, без снижения эффективности выполнения профессиональной деятельности. Респонденты первой группы готовы действовать, но при условии гарантий успеха, понимая, однако, что любой полученный опыт в жизни способствует их развитию. Педагоги второй группы характеризуются большей убежденностью в собственном развитии и совершенствовании за счет получаемого опыта, как положительного, так и отрицательного. Респонденты обеих групп обладают удовлетворительным уровнем нервно-психической устойчивости, характеризуются в целом благоприятным прогнозом, но в напряженных условиях не исключается вероятность нервно-психических срывов, при этом во второй группе эта вероятность меньше, чем в первой. Показатель психологического стресса у педагогов первой группы указывает на состояние их меньшей психологической адаптированности к рабочим нагрузкам в сравнении с представителями второй группы.

У педагогов второй группы, в отличие от первой, в соответствии с выявленным уровнем невротизации отмечается более выраженная эмоциональная устойчивость, спокойствие и оптимизм. Благодаря оптимизму, инициативности и реализации своих желаний у них формируется чувство собственного достоинства, социальная смелость и независимость, они с легкостью идут на контакт и в результате обладают хорошей стрессоустойчивостью.

Педагоги первой группы по сравнению с респондентами второй группы в большей степени подвержены чувству угнетенности, апатии, высокой степени утомления и эмоциональному опустошению в связи с профессиональной деятельностью. Им свойственно формальное, отчасти черствое отношение к коллегам и обучающимся, переживание ощущения несправедливого к себе отношения со стороны окружающих. У респондентов второй группы в меньшей степени

проявляется деформация отношений с субъектами образовательного процесса, они испытывают больше удовлетворения в рамках профессиональной деятельности.

На следующем этапе исследования мы провели сравнительный анализ данных специализированного семантического дифференциала на стимул *работа* по 63 критериям с помощью метода семантических универсалий (табл. 2).

Респонденты обеих групп имеют ряд сходных представлений об их работе, при этом представители первой группы (с более низкой психологической устойчивостью) воспринимают работу также как интенсивную, напряженную, умственную, осмысленную, личностно значимую: она важна и наделена смыслом для респондентов этой группы, при этом связана с высоким напряжением, они склонны рассматривать ее со стороны умственных усилий. Для второй группы (с более высокой психологической устойчивостью) также свойственно воспринимать их работу через такие характеристики, как значимая, интересная, стабильная, развивающая, легальная, что может указывать на большую вовлеченность в работу, на возможность развиваться в ней, на видение работы как значимой для общества.

Далее мы проанализировали мнения респондентов по вопросу, что является для них угрозами безопасности в образовательной среде. В результате сравнительного анализа качественных данных с помощью критерия углового преобразования Фишера между группами респондентов выявлено, что респонденты с более низкой психологической устойчивостью по сравнению со второй группой чаще называют угрозы со стороны родителей ($\phi_{ЭМП} = 2,6$; $p \leq 0,01$), например, такие ответы, как *конфликтующие родители, непонимание со стороны родителей* и т. п., реже отмечают отсутствие угроз для себя в образовательной среде ($\phi_{ЭМП} = 1,89$; $p \leq 0,05$; например, ответы *угроз нет, мне ничего не угрожает*) и терроризм ($\phi_{ЭМП} = 1,74$; $p \leq 0,05$).

В целом респонденты первой группы чаще всего в качестве угроз в образовательном пространстве называют следующие: незащищенность от оскорблений, агрессивности со стороны учащихся, нарушение личного пространства, оскорблении чести и достоинства, большая загруженность работой, нервное напряжение, эмоциональное выгорание, непонимание со стороны коллег, нерабочее оборудование и внешние политические угрозы. Можно сделать вывод, что респонденты этой группы как факторы, снижающие их безопасность в образовательной среде,

чаще всего указывают сложности со стороны других участников образовательного процесса (обучающихся, родителей и педагогов), возникающее у них психологическое напряжение, недочеты материального

Табл. 2. Результаты сравнительного анализа семантического дифференциала на стимул *работа*, средние значения
Tab. 2. Semantic responses to incentive *Work*, mean values

Семантические универсалии	ЭГ1	ЭГ2
Сходные для групп		
Квалифицированная / неквалифицированная	-2,64	-2,52
Активная / пассивная	-2,75	-2,7
Высокоответственная / низкоответственная	-2,57	-2,65
Не связанная с людьми / связанная с людьми	2,93	2,96
Неэмоциональная / эмоциональная	2,43	2,57
На воздухе / в помещении	2,75	2,65
Некоммуникабельная / коммуникабельная	2,71	2,87
Асоциальная / социальная	3,00	2,70
Временная / постоянная	2,61	2,87
Долговременная / кратковременная	-2,75	-2,78
Ответственная / безответственная	-2,93	-2,91
Обязательная / необязательная	-2,57	-2,78
Профессиональная / любительская	-3,00	-2,78
Сдельная / бюджетная	2,54	2,39
Уникальные для групп		
Омыленная / бессмыленная	-2,43	-
Личностно значимая / личностно незначимая	-2,43	-
Умственная / физическая	-2,71	-
Интенсивная / вялая	-2,61	-
Напряженная / расслабленная	-2,61	-
Развивающая / не развивающая	-	-2,57
Малозначимая / значимая	-	2,39
Нелегальная / легальная	-	2,65
Интересная / скучная	-	-2,39
Случайная / стабильная	-	2,57

Прим.: ЭГ1 – с более низкой психологической устойчивостью; ЭГ2 – с более высокой психологической устойчивостью.

обеспечения образовательного процесса; также указывают и угрозы, внешние по отношению к образовательной среде (например, политические).

Респонденты с более высокой психологической устойчивостью в сравнении с первой группой чаще отмечают отсутствие угроз в образовательной среде, при этом указывают терроризм. Респонденты этой группы указывают внешние угрозы природного характера (землетрясения, природные катаклизмы, стихийные бедствия, чрезвычайные ситуации); они обращают внимание на эмоциональные проявления окружающих (страхи других людей), на слабую включенность других субъектов образовательного процесса в его осуществление (равнодушие, нежелание что-либо понимать и безответственность учащихся), также ими были отмечены навязывание дополнительных функций к основным обязанностям. Важно отметить, что педагоги первой группы в большей степени сосредоточены на угрозах, возникающих внутри образовательного процесса, образовательных отношений, связанных с конфликтностью отношений; педагоги второй группы таких угроз видят существенно меньше, они связывают их скорее не с конфликтностью, а с невовлеченностью, немотивированностью других участников образовательных отношений.

Далее были проанализированы мнения респондентов по вопросу, что является для них ресурсами в образовательном пространстве (табл. 3). Выявлено, что представители группы с более низкой психологической устойчивостью чаще отмечают в качестве ресурсов для себя в образовательном пространстве

Табл. 3. Ресурсы для Вас в образовательном пространстве: сравнительный анализ мнений респондентов

Tab. 3. Responses to Your resources at work

Ресурсы	ЭГ1, %	ЭГ2, %	φ, значимость
Отсутствие ресурсов	25,0	17,4	0,661
Учащиеся	46,4	26,1	1,518
Коллеги	10,7	26,1	1,443
Информационные ресурсы, Интернет	3,6	21,7	2,086*
Материально-техническое оснащение	3,6	17,4	1,702*

Прим.: приведены только те категории ответов, по которым обнаружены значимые различия; ЭГ1 – с более низкой психологической устойчивостью; ЭГ2 – с более высокой психологической устойчивостью; * – $p \leq 0,05$; ** – $p \leq 0,01$; *** – $p \leq 0,001$.

общение с коллегами, обмен с ними опытом, заработную плату. Также респонденты первой группы отмечают, но реже, чем представители второй группы: отсутствие ресурсов, взаимодействие с учениками; информационные ресурсы и материально-техническое оснащение. Помимо этого, ресурсами для себя они считают курсы повышения квалификации, профессиональный рост, участие во внеурочной деятельности, чтение литературы, занятие творчеством и получение положительных эмоций. Респонденты с более высокой психологической устойчивостью, в отличие от представителей первой группы, чаще отмечают отсутствие ресурсов, взаимодействие с учениками; информационные ресурсы и материально-техническое оснащение. Они реже отмечают, чем респонденты первой группы: общение с коллегами, обмен с ними опытом и заработную плату. Кроме этого, респонденты второй группы добавляют следующие ресурсы для себя в образовательной среде: возможность «не отсиживаться» в кабинете положенные часы, а работать дистанционным способом, новые и интересные идеи, социальная поддержка / гарантии, поддержка руководства и коллег, семинары, практикумы, самообразование и любовь к людям.

Для определения взаимосвязи психологической устойчивости и субъективной оценки психологической

безопасности образовательной среды был осуществлен корреляционный анализ показателей психологической устойчивости (Тест жизнестойкости; методика «Прогноз-2»; Шкала психологического стресса – PSM-25; Шкала для психологической экспресс-диагностики уровня невротизации; опросник «Профессиональное выгорание») и показателей субъективной оценки безопасности образовательной среды (ПБОС И. А. Баевой) (табл. 4).

Можно предположить, что жизнестойкость является важной опорой для учителей, позволяющей им оценивать образовательную среду как пространство, в котором можно продуктивно и безопасно функционировать, удовлетворять значимые потребности; этому же способствует и принятие риска (в условиях постоянно реформируемой образовательной системы данный аспект приобретает особую значимость, когда каждый новый опыт рассматривается педагогом как значимый для его развития и самореализации). Жизнестойкость в целом и вовлеченность в образовательный процесс в частности взаимосвязаны с субъективной оценкой защищенности от психологического насилия во взаимодействии в контексте образовательной среды.

Показатели субъективной оценки психологической безопасности образовательной среды имеют

Табл. 4. Результаты корреляционного анализа показателей психологической устойчивости педагогов и их субъективной оценки психологической безопасности образовательной среды

Tab. 4. Psychological stability vs. subjective assessment of psychological safety

Показатели психологической устойчивости педагогов	Показатели субъективной оценки ПБОС И. А. Баевой	
	Удовлетворенность характеристиками образовательной среды школы	Защищенность от психологического насилия во взаимодействии
<i>Тест жизнестойкости</i>		
Общая мера жизнестойкости	0,414***	0,391**
Принятие риска	0,451***	-
Вовлеченность	-	0,456***
<i>Методика «Прогноз-2»</i>		
Нервно-психическая неустойчивость	-0,415***	-0,495***
<i>Опросник профессионального выгорания</i>		
Деперсонализация	-0,429***	-0,401**
Эмоциональное истощение	-0,417***	-0,39**
<i>Шкала психологического стресса – PSM-25</i>		
Психологический стресс	-0,441***	-0,434***

Прим.: * – $p \leq 0,05$; ** – $p \leq 0,01$; *** – $p \leq 0,001$.

обратные взаимосвязи с показателями нервно-психической неустойчивости и стресса, следовательно, психологическая безопасность образовательной среды взаимосвязана с возможностью педагогов продуктивно функционировать, совладать со сложными ситуациями, балансировать собственные усилия, характеристики среды и образовательного процесса (достигать динамического равновесия со средой, значимого, по мнению Т. М. Краснянской, для переживания состояния психологической безопасности).

Обнаружены обратные взаимосвязи с показателями эмоционального выгорания. Негативно окрашенные отношения с другими субъектами образовательного процесса отрицательно взаимосвязаны с удовлетворенностью образовательной средой и защищенностью от насилия в ее контексте, они делают недоступным ресурс социальной поддержки в рамках профессиональной деятельности. Эмоциональное истощение не позволяет активно включаться в образовательный процесс, реализовывать значимые жизненные цели и потребности профессионала.

В рамках обсуждения результатов отметим, что полученные нами результаты в целом согласуются с моделью психологической безопасности образовательной среды, предложенной И. А. Баевой [Баева 2002; 2020], компонентами данной модели являются психологическое здоровье личности (системообразующий компонент), отказ от насилия и психологическая защищенность, референтная значимость образовательной среды (стремление быть ее частью), сотрудничество, диалог, личностно доверительное общение. В нашем исследовании показано, что характер взаимодействия с участниками образовательных отношений имеет высокую значимость для оценки образовательной среды как психологически безопасной, имеет значение сотрудничество и взаимопонимание. Нами также обнаружено, что существенное значение имеет для восприятия образовательной среды как безопасной психологическая устойчивость педагогов, которая является частью их психологического здоровья. Наши выводы согласуются с идеей о том, что психологическая устойчивость является личностной детерминантой оценки образовательной среды как психологически безопасной.

Заключение

Психологическая устойчивость педагогов камчатских общеобразовательных школ взаимосвязана с их субъективной оценкой психологической безопасности образовательной среды. В целом психологическая

устойчивость педагогов камчатских школ в большей степени связана с их личностными особенностями и характеристиками их отношений, чем с характеристиками Камчатского края как места проживания, характеризующегося экстремальностью природно-климатических условий.

Жизнестойкость как система убеждений человека о мире является важной опорой для учителей, позволяющей им оценивать образовательную среду как пространство, в котором можно продуктивно и безопасно функционировать, удовлетворять значимые потребности. Психологическая устойчивость позволяет педагогу достигать динамического равновесия с образовательной средой. Также обнаружены обратные взаимосвязи с показателями эмоционального выгорания. Формальные, негативно окрашенные отношения с другими субъектами образовательного процесса делают для педагога недоступным ресурс социальной поддержки в рамках профессиональной деятельности. Эмоциональное истощение не позволяет активно включаться в образовательный процесс, реализовывать значимые жизненные цели и потребности профессионала.

Педагоги с разным уровнем выраженности психологической устойчивости имеют как сходные, так и отличающиеся ресурсы построения профессиональной деятельности, источники психологической безопасности образовательной среды.

Педагогам с менее выраженной психологической устойчивостью более присущ риск эмоционального выгорания и эмоциональных срывов, для большей вовлеченности в профессиональную деятельность им важны профессиональные достижения; они воспринимают образовательную среду более формально, через когнитивные, умственные аспекты, видят свою работу как более интенсивную и напряженную, в то же время как наделенную смыслом; им свойственно формальное отношение к коллегам и ученикам, при этом позитивные отношения с обучающимися они рассматривают как ресурс образовательной среды; как угрозы образовательного пространства – его внутренние аспекты, что ведет к оценке образовательной среды как психологически небезопасной.

Педагоги с более выраженной психологической устойчивостью в большей степени способны совладать со стрессом и действовать при отсутствии гарантий успеха, они более оптимистичны и видят жизнь как контролируемую, открыты контактам, построению неформальных отношений, они более вовлечены эмоционально в профессиональную деятельность,

видят свою работу как интересную и развивающую, значимую для общества; образовательную среду они воспринимают как более психологически безопасную, не содержащую внутренних угроз, связанных с самим образовательным процессом.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: М. А. Фризен – разработка концепции и методологии, подбор методов эмпирического исследования, курирование формирования выборки, процесса первичной и вторичной (статистической) обработки данных, редактирование первичных выводов, написание статьи, научное взаимодействие в рамках реализации Межведомственной программы комплексных научных исследований Камчатского полуострова и сопредельных акваторий, реализуемой

ФГБОУ ВО «Камчатский государственный университет имени Витуса Беринга». Л. В. Цуканова – теоретический анализ проблемы, работа с респондентами, обработка первичных данных эмпирического исследования, производение подсчетов, первичное описание результатов исследования, редактирование текста статьи.

Contribution: M. A. Frizen was responsible for the research concept, methodology, sampling, data processing, drafting, proofreading, and coordination. L. V. Tsukanova wrote the review, worked with the respondents, processed the primary empirical data, formulated the results, and proofread the manuscript.

Финансирование: Результаты исследования, представленные в статье, получены в рамках Межведомственной программы комплексных научных исследований Камчатского полуострова и сопредельных акваторий, реализуемой ФГБОУ ВО «Камчатский государственный университет имени Витуса Беринга».

Funding: The research was part of the Interdepartmental Program of Comprehensive Scientific Research on the Kamchatka Peninsula, implemented by the Kamchatka University.

Литература / References

- Баева И. А. Психологическая безопасность в образовании. СПб.: Союз, 2002. 271 с. [Baeva I. A. *Psychological safety in education*. St. Petersburg: Soiuz, 2002, 271. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/rxynvl>
- Баева И. А. Психологические проблемы обеспечения безопасности в образовании. *Mir psichologii*. 2020. № 2. С. 184–190. [Baeva I. A. Psychological problems of ensuring security in education. *Mir psikhologii*, 2020, (2): 184–190. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/bhkayw>
- Баева И. А., Бурмистрова Е. В., Лактионова Е. Б., Рассоха Н. Г. Обеспечение психологической безопасности в образовательном учреждении. СПб.: Речь, 2006. 288 с. [Baeva I. A., Burmistrova E. V., Laktionova E. B., Rassokha N. G. *Ensuring psychological safety in an education institution*. St. Petersburg: Rech, 2006, 288. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qxpreqz>
- Водопьянова Н. Е. Психодиагностика стресса. СПб.: Питер, 2009. 336 с. [Vodopyanova N. E. *Psychodiagnostics of stress*. St. Petersburg: Piter, 2009, 336. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qxvsdn>
- Водопьянова Н. Е., Старченкова Е. С. Синдром выгорания: диагностика и профилактика. 3-е изд., испр. и доп. М.: Юрайт, 2023. 299 с. [Vodopyanova N. E., Starchenkova E. S. *Burnout syndrome: Diagnosis and prevention*. 3rd ed. Moscow: Iurait, 2023, 299. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qxsitp>
- Водопьянова Н. Е., Старченкова Е. С., Наследов А. Д. Стандартизованный опросник «Профессиональное выгорание» для специалистов социономических профессий. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12. Психология. Социология*. 2013. № 4. С. 17–27. [Vodopyanova N. E., Starchenkova E. S., Nasledov A. D. The standardized questionnaire "Professional burnout" for specialists in socioeconomic professions. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriia 12. Psichologiiia. Sotsiologiiia*, 2013, (4): 17–27. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/rwmzcv>
- Донцов А. И., Зинченко Ю. П., Зотова О. Ю., Перельгина Е. Б. Психология безопасности. М.: Юрайт, 2020. 276 с. [Dontsov A. I., Zinchenko Yu. P., Zotova O. Yu., Perelygina E. B. *Psychology of safety*. Moscow: Iurait, 2020, 276. (In Russ.)]

- Иовлев Б. В., Карпова Э. Б., Вукс А. Я. Шкала для психологической экспресс-диагностики уровня невротизации. СПб.: Психоневрологический институт им. В. М. Бехтерева; Лаборатория клинической психологии, 1999. 29 с. [Iovlev B. V., Karpova E. B., Vuks A. Ya. *Scale for psychological rapid diagnosis of the level of neuroticism*. St. Petersburg: Bekhterev Psychoneurological Institute; Laboratory of Clinical Psychology, 1999, 29. (In Russ.)]
- Кисляков П. А., Шмелева Е. А. Концептуальные подходы и методы диагностики психологической безопасности за рубежом. *Современная зарубежная психология*. 2023. Т. 12. № 3. С. 8–18. [Kislyakov P. A., Shmeleva E. A. Conceptual approaches and methods of psychological security diagnostics abroad. *Sovremennaya zarubezhnaya psichologiya*, 2023, 12(3): 8–18. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17759/jmfp.2023120301>
- Кисляков П. А., Шмелева Е. А., Кольчугина Н. И., Фан Ч. К. Жизнестойкость и психологическая безопасность педагога в образовательной среде. *Образование и наука*. 2022. Т. 24. № 9. С. 143–173. [Kislyakov P. A., Shmeleva E. A., Kolchugina N. I., Phan T. K. Hardiness and psychological safety of a teacher in an educational environment. *Obrazovanie i Nauka*, 2022, 24(9): 143–173. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17853/1994-5639-2022-9-143-173>
- Кольчугина Н. И., Шмелева Е. А., Иванова Е. В. Психологическая безопасность педагога в современной образовательной среде. *Современное состояние и перспективы развития психологии труда и организационной психологии*, отв. ред. А. А. Грачев, А. Л. Журавлев, А. Н. Занковский. М.: ИП РАН, 2021. С. 250–264. [Kolchugina N. I., Shmeleva E. A., Ivanova E. V. Psychological safety of the teacher in the modern educational environment. *Current state and prospects of development of labor psychology and organizational psychology*, eds. Grachev A. A., Zhuravlev A. L., Zankovsky A. N. Moscow: IP RAS, 2021, 250–264. (In Russ.)] <https://elibrary.ru;brfkco>
- Краснянская Т. М., Тылец В. Г. Основные тенденции становления и развития методов психологии безопасности. *Вестник Мининского университета*. 2022. Т. 10. № 3. [Krasnyanskaya T. M., Tylets V. G. The main trends in the formation and development of methods of security psychology. *Vestnik of Minin University*, 2022, 10(3). (In Russ.)] <https://doi.org/10.26795/2307-1281-2022-10-3-8>
- Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Смысл, 2004. 345 с. [Leontiev A. N. *Activity. Consciousness. Personality*. Moscow: Smysl, 2004, 345. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qxixlx>
- Леонтьев Д. А., Рассказова Е. И. Тест жизнестойкости. М.: Смысл, 2006. 63 с. [Leontiev D. A., Rasskazova E. I. *Test hardness*. Moscow: Smysl, 2006, 63. (In Russ.)]
- Носкова М. В. Обзор теоретико-методологических концепций в изучении психической устойчивости личности. *Проблемы современного педагогического образования*. 2024. № 83-1. С. 298–301. [Noskova M. V. Review of theoretical and methodological concepts in the study of mental stability of personality. *Problemy sovremennoego pedagogicheskogo obrazovaniia*, 2024, (83-1): 298–301. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/znokqy>
- Рыбников В. Ю. Экспресс-методика «Прогноз-2» для оценки нервно-психической неустойчивости кандидатов на учебу в вуз. *Тезисы докладов на I всероссийском совещании*. М.: Воениздат, 1990. С. 132–135. [Rybnikov V. Yu. Express methodology Prognosis-2 for assessing the neuropsychiatric instability of university candidates. *Abstracts of the reports at the 1st All-Russian Conference*. Moscow: Voenizdat, 1990, 132–135. (In Russ.)]
- Серкин В. П. Алгоритм разработки и бланки специализированных семантических дифференциалов для оценки работы, профессии и профессионала. *Психологическая диагностика*. 2007. № 5. С. 11–29. [Serkin V. P. Algorithm for the development and forms of specialized semantic differentials for evaluating the work, the profession, and the professional. *Psikhologicheskaiia diagnostika*, 2007, (5): 11–29. (In Russ.)]
- Суворова Г. М. Психологические основы безопасности. 2-е изд., испр. и доп. М.: Юрайт, 2025. 174 с. [Suvorova G. M. *Psychological foundations of security*. 2nd ed. Moscow: Iurait, 2025. 174. (In Russ.)]
- Трофимова Е. Л., Кузьмина Г. А. Психологическая безопасность личности педагога в условиях неопределенности. *Известия Иркутского государственного университета. Серия Психология*. 2022. Т. 39. С. 54–75. [Trofimova E. L., Kuzmina G. A. Psychological security of a educators personality in conditions of uncertainty. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series Psychology*, 2022, 39: 54–75. (In Russ.)] <https://doi.org/10.26516/2304-1226.2022.39.54>
- Фаустова А. Г., Афанасьева А. Э., Виноградова И. С. Психологическая устойчивость и феноменологически близкие категории. *Личность в меняющемся мире: здоровье, адаптация, развитие*. 2021. Т. 9. № 1. С. 18–27.

Фризен М. А., Цуканова Л. В.

Психологическая устойчивость педагогов общеобразовательных школ

[Faustova A. G., Afanasyeva A. E., Vinogradova I. S. Psychological resilience and phenomenologically close categories. *Personality in a Changing World: Health, Adaptation, Development*, 2021, 9(1): 18–27. (In Russ.)] <https://doi.org/10.23888/humJ2021118-27>

Харламенкова Н. Е. Понятие психологической безопасности и его научные дефиниции. *Разработка понятий в современной психологии. Т. 2. Методология, история и теория психологии*, отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. А. Сергиенко, Г. А. Виленская. М.: ИП РАН, 2019. С. 309–330. [Kharlamenkova N. E. The concept of psychological security and its scientific definitions. *Development of concepts in modern psychology. Vol. 2. Methodology, history, and theory of psychology*, eds. Zhuravlev A. L., Sergienko E. A., Vilenskaya G. A. Moscow: IP RAS, 2019, 309–330. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/yyiguy>

Ширяева О. С. Модели психологического благополучия личности в разных по степени экстремальности условиях жизнедеятельности. *Психология личности: проблемы и перспективы современных исследований*. Петропавловск-Камчатский: КамГУ им. Витуса Беринга, 2008. С. 3–21. [Shiryaea O. S. Models of psychological well-being in different extreme conditions. *Personality psychology: Problems and prospects of modern research*. Petropavlovsk-Kamchatsky: Vitus Bering KamSU, 2008, 3–21. (In Russ.)]

Эксакусто Т. В., Лызь Н. А. Психологическая безопасность в проблемном поле психологии. *Сибирский психологический журнал*. 2010. № 37. С. 86–91. [Eksakusto T. V., Lyz N. A. Psychological safety in the problematic field of psychology. *Sibirskiy Psikhologicheskiy Zhurnal*, 2010, (37): 86–91. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/nedewx>

Beus J. M., Dhanani L. Y., McCord M. A. A meta-analysis of personality and workplace safety: Addressing unanswered questions. *The Journal of Applied Psychology*, 2015, 100(2): 481–498. <https://doi.org/10.1037/a0037916>

Maddi S. R. On hardiness and other pathways to resilience. *American Psychology*, 2005, 60(3): 261–262. <https://psycnet.apa.org/doi/10.1037/0003-066X.60.3.261>

Masten A. S. Ordinary magic: Lessons from research on resilience in human development. *Education Canada*, 2009, 49(3): 28–32.

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/cfnofq>

Враждебность и факторы суицидального риска у подростков

Азарова Елена Александровна

Южный федеральный университет, Россия, Ростов-на-Дону

eLibrary Author SPIN: 9596-1813

<https://orcid.org/0000-0003-0548-6006>

Scopus Author ID: 57223930646

Вышквыркина Мария Александровна

Южный федеральный университет, Россия, Ростов-на-Дону

eLibrary Author SPIN: 2143-5077

<https://orcid.org/0000-0001-7023-9736>

Scopus Author ID: 567865010000

mavyshkvyrkina@sfedu.ru

Аннотация: Рассмотрены некоторые аспекты суицидального риска и враждебности современных подростков, которая может выступать потенциальным маркером деструктивного поведения. Цель – выявить выраженность суицидального риска у подростков с разным уровнем враждебности и взаимосвязь между враждебностью и факторами суицидального риска. Задачи имплицитно выводятся из методологии и структуры работы: диагностика уровня враждебности у подростков (с использованием шкалы враждебности W. Cook, D. Medley в адаптации Л. Н. Собчик); оценка выраженности факторов суицидального риска (с помощью опросника суицидального риска А. Г. Шмелева в модификации Т. Н. Разуваевой); сравнение показателей суицидального риска между группами подростков с разным уровнем враждебности (с применением U-критерия Манна-Уитни); анализ взаимосвязи между уровнем враждебности и факторами суицидального риска (корреляционный анализ Спирмена). Исследование проводилось на базе Ростовского торгово-экономического колледжа. В исследовании принял участие 91 студент колледжа в возрасте 16–17 лет. Доказано существование достоверно значимых различий в степени выраженности четырех факторов суицидального риска: аффективность ($U = 452,000$; $p = 0,011$), несостоительность ($U = 350,500$; $p < 0,001$), слом культурных барьеров ($U = 500,500$; $p = 0,026$), временная перспектива ($U = 370,000$; $p < 0,001$) (эти показатели наиболее выражены в группе подростков со средним уровнем враждебности с тенденцией к высокому). Уровень враждебности положительно коррелирует с такими факторами суицидального риска, как демонстративность ($r = 0,500$; $p < 0,001$), аффективность ($r = 0,395$; $p < 0,001$), уникальность ($r = 0,318$; $p = 0,002$), несостоительность ($r = 0,510$; $p < 0,001$), слом культурных барьеров ($r = 0,287$; $p = 0,006$), временная перспектива ($r = 0,538$; $p < 0,001$). Показатели антисуицидального фактора в обеих группах (со средним уровнем враждебности с тенденцией к низкому; со средним уровнем враждебности с тенденцией к высокому) говорят о возможности психокоррекционной и профилактической работы.

Ключевые слова: враждебность, суицид, суицидальный риск, суицидальное поведение, факторы суицидального риска, подростковый возраст

Цитирование: Азарова Е. А., Вышквыркина М. А. Враждебность и факторы суицидального риска у подростков. *СибСкрипт*. 2025. Т. 27. № 5. С. 824–837. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2025-27-5-824-837>

Поступила в редакцию 14.02.2025. Принята после рецензирования 27.06.2025. Принята в печать 30.06.2025.

full article

Hostility and Suicidal Risk Factors in Teenagers

Elena A. Azarova

Southern Federal University, Russia, Rostov-on-Don

eLibrary Author SPIN: 9596-1813

<https://orcid.org/0000-0003-0548-6006>

Scopus Author ID: 57223930646

Maria A. Vyshkvyrkina

Southern Federal University, Russia, Rostov-on-Don

eLibrary Author SPIN: 2143-5077

<https://orcid.org/0000-0001-7023-9736>

Scopus Author ID: 56786501000

mavyshkvyrkina@sfedu.ru

Abstract: Hostility correlates with suicidal behavior in teenagers and can serve as a self-harm risk marker. Suicidal risk may depend on hostility level while hostility may be associated with different factors of suicidal risk. In this study, the level of hostility was measured using W. Cook and D. Medley's Hostility Scale (adapted by L. N. Sobchik). The severity of suicidal risk factors was defined with the help of A. G. Shmelev's Suicidal Risk Questionnaire (modified by T. N. Razuvaeva). The comparative analysis of suicidal risks across groups with different hostility levels relied on the Mann-Whitney U-test. The Spearman's correlation analysis revealed the levels of hostility and suicidal risk factors. The study involved students of the Rostov Trade and Economic College ($n = 91$; 16–17 y.o.). The research revealed significant differences in the severity of four suicidal risk factors: affectivity ($U = 452.000$; $p = 0.011$), inadequacy ($U = 350.500$; $p < 0.001$), breakdown of cultural barriers ($U = 500.500$; $p = 0.026$), and temporal perspective ($U = 370.000$; $p < 0.001$). These indicators were most prominent in adolescents with moderate but growing hostility. The level of hostility positively correlated with such factors of suicidal risk as demonstrativeness ($r = 0.500$; $p < 0.001$), affectivity ($r = 0.395$; $p < 0.001$), uniqueness ($r = 0.318$; $p = 0.002$), inadequacy ($r = 0.510$; $p < 0.001$), breakdown of cultural barriers ($r = 0.287$; $p = 0.006$), and temporal perspective ($r = 0.538$; $p < 0.001$). The indicators of the anti-suicidal factor in both groups (with an average but decreasing hostility; with an average but growing hostility) suggested the need for psychocorrectional and preventive support.

Keywords: hostility, suicide, suicide risk, suicidal behavior, suicide risk factors, adolescence

Citation: Azarova E. A., Vyshkvyrkina M. A. Hostility and Suicidal Risk Factors in Teenagers. *SibScript*, 2025, 27(5): 824–837. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/sibscript-2025-27-5-824-837>

Received 14 Feb 2025. Accepted after peer review 27 Jun 2025. Accepted for publication 30 Jun 2025.

Введение

По актуальности исследований проблема суицида в подростковой среде занимает одно из первых мест наряду с проблематикой аддиктивного поведения и немотивированного насилия. Официальная статистика учитывает только очевидные или доказанные суициды, в связи с этим проблема носит латентный характер. Реальная статистика значительно отличается от официальной. В России ежегодно регистрируется около 4000 суицидальных попыток и 1500 завершенных самоубийств [Bellman, Namdev 2022]. По данным следственного комитета России, в 2021 г. подростки совершили 753 самоубийства (2018 г. – 788, 2019 г. – 737, 2020 г. – 548). Число суицидальных попыток среди них с 2018 по 2021 г. увеличилось на 13 %, а число повторных попыток – на 92,5 %¹ [Голенков и др. 2023].

Суицидальная активность наблюдается в возрасте от 14 до 19 лет. Подростки в настоящее время характеризуются эмоциональной неустойчивостью, аксиологическим нигилизмом, утратой смысла жизни, цифровым аутизмом, сужением поля социальных контактов, зачастую дисфункциональными детскодородительскими отношениями, немотивированной агрессией и жестокостью, отсутствием эмпатии и др.

А. Е. Личко и А. А. Александров выделяют три типа суицидального поведения среди подростков: демонстративное, аффективное и истинное [Личко, Александров 1974]. Е. Шир отмечает, что половина всех суицидальных попыток среди подростков являются демонстративными. В этих случаях отсутствует намерение умереть, но присутствует демонстративное

¹ Ламова Е. В России выросло число детских суицидов и попыток. РБК. 07.07.2022. URL: <https://www.rbc.ru/society/07/07/2022/62c594289a7947eece23ead6> (дата обращения: 10.01.2025).

привлечение внимания к своей персоне по причине отсутствия признания и пр. Драматургия суицида как психологического феномена заключается в сложности интерпретации истинных и демонстративных намерений расстаться с жизнью [Шир 1984].

В. В. Руженкова и В. А. Руженков отмечают отсутствие четких границ между шантажом и истинным суицидальным намерением, наличие сомнительного ситуативного мотива, подверженность подростка внешним провокативным факторам, наличие эффекта солидарности при низком уровне прогностических способностей и слабом осознании перспективы своих действий [Руженкова, Руженков 2011]. Увлечение компьютерными играми с мортальной тематикой обесценивает жизнь и уничтожает элементарное чувство безопасности [Короткова, Горюшкин 2018; Руженкова, Руженков 2011; Сухинин, Яковлева 2012], но при этом повышает уровень общей тревожности и средний уровень субъективного ощущения одиночества [Иванова 2020].

Суицидальное поведение и суицид – сложное системное явление, и риск совершения самоубийства формируется под воздействием множества провокативных факторов (дистальных и проксимальных), при этом драматический выбор делает сам человек с учетом его внутреннего содержания и внутреннего отклика на происходящее. Дистальные факторы могут включать генетические, личностные (импульсивность и агрессивность), а также пренатальные и перинатальные особенности, детские травмы, нейробиологические нарушения. Проксимальные факторы включают психические и соматические заболевания, психо-социальные кризисы, употребление психоактивных веществ и склонность к суицидальному поведению [Hawton et al. 2012].

К. Роджерс отмечал, что несоответствие между Я-концепцией и общим переживанием может привести к суицидальным тенденциям [по: Кузнецова, Руденко 2018]. Л. Э. Кузнецова и К. А. Дризгалина выявили ряд индивидуально-психологических суицидогенных особенностей личности: депрессивность, склонность к fazовым изменениям настроения, кататоническая возбудимость, паранойяльность, которая проявляется в склонности подростков застремлять на проблеме и драматизировать происходящее вокруг них, тревожность, пессимизм, преобладание мотивации избегания неудач, эмоциональная неустойчивость, импульсивность, зависимость, низкая адаптивность, пассивность и др. Подростки гиперболизируют самообвинение и минимизируют

ответственность других. В результате они не чувствуют удовлетворения от самореализации, уверенность в себе снижается, смысл жизни утрачивается [Кузнецова, Дризгалина 2019].

О. Ю. Грогоleva эмпирическим путем доказывает, что нарушение личностных границ подростка и отсутствие самореализации могут привести к невротизации и депрессии, которые могут быть связаны с суициальными мыслями [Грогоleva 2019].

Исследование множества факторов риска суицидального поведения тем не менее не дает четкого представления, по какой траектории в психике и сознании человека происходит движение от суициальной мысли до суициального действия. И все же исследования свидетельствуют как о сугубо индивидуальной траектории каждого суициального случая [Евсеенкова 2019; Узлов, Семенова 2017], так и об общих маркерах суициальной склонности, к которым некоторые ученые относят территориальные факторы, гендерные и возрастные особенности [Азарова 2016; Басалаева, Захарова 2016; Карпова, Бархатова 2014; Cha et al. 2018; Diamond et al. 2010]. Э. Шнейдман выделяет несколько общих признаков: копинг – поиск решения проблемы, невыносимая душевная боль, беспомощность [Шнейдман 2001].

В итоге в научной литературе отмечены попытки систематизации и классификации суицидальной склонности (мыслей), риска и поведения. В настоящее время специалисты используют специальную оценку суицидального риска, который включает понятия суицид, суицидальные попытки, тенденции и проявления [Мальцев 2018; Положий 2015].

Зарубежные исследования дополняют отечественные работы новеллами в контексте изучения связи склонности к суицидальному поведению с достаточно позитивными, на первый взгляд, психологическими феноменами. К. Hawton, K. E. A. Saunders и R. C. O'Connor обнаружили связь склонности к суицидальному поведению с высоким уровнем перфекционизма, который может приводить к повышенной тревожности, депрессии, разочарованию окружающей действительностью, что может спровоцировать суицид как протестную форму поведения [Hawton et al. 2012]. J. A. Bridge, T. R. Goldstein и D. A. Brent исследовали роль гендерных различий в склонности к суицидальному поведению и обнаружили, что мужчины чаще совершают суицид, но у женщин чаще встречается склонность к суицидальному поведению, особенно в период менопаузы [Bridge et al. 2006]. A. L. Beautrais выявила, что физическое насилие может повышать

риск суицидального поведения у подростков, особенно у тех, кто испытывает депрессию и тревожность [Beautrais 2003]. Некоторые авторы отмечают связь эмоциональной нестабильности, деформации межличностных отношений в подростковом возрасте, школьный буллинг как провокативные факторы суицидального риска, анализируя данные мониторинга факторов суицидального риска подростков из 90 стран [Campisi et al. 2020; Miranda-Mendizabal et al. 2019; Van Orden et al. 2010].

В целом проблема склонности подростков к суицидальному риску требует широкой общественной и научной поддержки, а также участия специалистов в области психологии, педагогики и медицины для предотвращения негативных последствий и помочь в решении возникающих проблем [Зотов 2017].

Изучая проблему факторов суицидального риска, авторы отмечают наличие немотивированной агрессии у подростков, пренебрежение жизнью, что заставляет предположить наличие определенного уровня враждебности личности, склонной к суициду. Однако феноменология враждебности неоднозначна. В исследованиях А. Н. Buss и A. Durkee, J. C. Barefoot, П. Куттера присутствует трактовка враждебности как обиды и подозрительности. Исследователи считают, что их возникновение определяется через призму когнитивного компонента, что приводит к появлению враждебных реакций по отношению к внешнему миру (к людям, предметам и явлениям) наравне с агрессивным состоянием и гневом, которые в свою очередь выполняют роль эмоционального и поведенческого компонентов [Куттер 2004; Barefoot 1992; Buss, Durkee 1957].

В контексте картины мира, конкретизируя типы враждебного отношения, С. О. Кузнецова и соавторы выделяют персональную и имперсональную враждебность с точки зрения ее объекта. Для персональной враждебности характерно негативное отношение к себе и другим людям, а для имперсональной – к предметам, явлениям и ситуациям, абстрактным конструктам. Особое внимание стоит уделить абстрактной враждебности, под которой понимается негативное отношение к будущему, новой жизни [Кузнецова и др. 2014]. Данная концепция комплиментарна представлению В. Н. Мясищева о том, что формирование враждебности происходит в процессе взаимодействия с ее объектом и впоследствии задает пристрастность при восприятии других объектов.

Основываясь на концептуальной модели враждебности как отношения к внешнему миру, T. W. Smith

подчеркивает, что враждебность, будучи устойчивой и продолжительной, может быть отнесена к чертам характера, возникающим на основе убеждений личности [Smith 1992].

Э. Фромм, рассматривая макро- и микросоциальные истоки враждебности, отмечает, что формирование враждебной позиции по отношению к жизни происходит на фоне социальных условий, которые в свою очередь провоцируют формирование отрицательных черт характера [Фромм 2016].

По мнению Р. Мэй, гипоопека со стороны родителей способствует формированию враждебности. В случае, если родитель препятствует развитию автономности и самостоятельности ребенка, то происходит формирование базового недоверия к миру, порождающего враждебность по отношению к ближайшему окружению или миру в целом [Мэй 2012].

К. Э. Изард определяет триаду враждебности, базис которой составляют гнев, презрение и отвращение. Эти три эмоции независимо от комбинации могут быть аффективным компонентом враждебности. Враждебность также состоит из мыслей и образов, которые имеют связь с желанием нанести вред объекту враждебности [Изард 2021].

Личностный показатель враждебности проявляется через стабильную интеракцию любой из этих трех эмоций с когнитивными структурами. Несомненно, проблемой для человека будет управление гневом, отвращением и презрением. Это будет проявляться в нарушениях адаптации и развитии психосоматических симптомов, которые будут возникать в результате нерегулируемого воздействия этих эмоций на мышление личности.

В рамках отечественных исследований подтверждена роль враждебности как предиктора суицидального риска, присутствует трактовка враждебности как комплекса установок, провоцирующего аутоагgression [Банников и др. 2018; Бohan и др. 2020; Суботич, Холмогорова 2023; Чистопольская, Ениколов 2025].

В исследованиях Г. С. Банникова, О. В. Вихристюк и Н. Ю. Федуниной отмечается снижение уровня враждебности и сокращение суицидальных мыслей благодаря КПТ (тренинг когнитивной гибкости и техника рефрейминга гнева соответственно) [Банников и др. 2018; Вихристюк 2020].

Таким образом, мы можем отметить, что враждебность – это сложный и многомерный психологический феномен, рассматриваемый как комплекс негативных отношений к воспринимаемым объектам, предметам

и явлениям реальности. Для нее характерны выраженность, осознанность, генерализация, резистентность и пролонгация. Кроме того, мы можем отметить, что ее формирование происходит в процессе взаимодействия с ее объектом, а затем это формирует пристрастность при восприятии любых новых объектов.

Цель – выявить выраженность суициального риска у подростков с разным уровнем враждебности и взаимосвязь между враждебностью и факторами суициального риска. Мы предположили, что враждебность взаимосвязана с факторами суициального риска. Задачи исследования имплицитно выводятся из методологии и структуры работы: диагностика уровня враждебности у подростков (с использованием шкалы враждебности W. Cook, D. Medley в адаптации Л. Н. Собчик); оценка выраженности факторов суициального риска (с помощью опросника суициального риска А. Г. Шмелева в модификации Т. Н. Разуваевой); сравнение показателей факторов суициального риска между группами подростков с разным уровнем враждебности (с применением U-критерия Манна-Уитни); анализ взаимосвязи между уровнем враждебности и факторами суициального риска (корреляционный анализ Спирмена).

Методы и материалы

Исследование проводилось на базе государственного бюджетного профессионального образовательного учреждения Ростовской области «Ростовский торгово-экономический колледж». В исследовании принял участие 91 студент колледжа в возрасте 16–17 лет.

Для достижения поставленной цели и проверки высказанных предположений был использован следующий психодиагностический инструментарий: Опросник суициального риска (А. Г. Шмелев, в модификации Т. Н. Разуваевой) [Диагностика личности 1993; Распопин 2019]; Шкала враждебности (W. Cook, D. Medley, в адаптации Л. Н. Собчик) [Барканова 2009].

Для обработки результатов исследования применяли методы статистического анализа: частотный анализ, описательная статистика. Так как одновыборочный критерий Колмогорова-Смирнова показал, что распределение выборок значимо отличается от нормального для большинства переменных ($p < 0,05$), были применены непараметрические критерии статистической обработки данных: для сравнения групп использовался U-критерий Манна-Уитни, а для корреляционного анализа – коэффициент Спирмена. Обработка осуществлялась с помощью пакета статистических программ для гуманитарных наук IBM SPSS Statistics 27.0.

Результаты

Анализ полученных данных выявил, что 40,7 % подростков свойственен средний уровень враждебности с тенденцией к низкому, т. е. эти подростки в меньшей степени испытывают негативные чувства по отношению к окружающим, что говорит об умеренно выраженной направленности к возникновению чувства разочарования в людях, меньшей степени раздражительности, которая может возникать из-за гордыни, менее выраженном чувстве неприязни и желании давать оценочные суждения личностным качествам, поступкам, внешности других людей.

Средний уровень враждебности с тенденцией к высокому выявлен у 40,7 % подростков, что свидетельствует о склонности к обидам, разочарованиям, гневу. Они испытывают широкий спектр разнообразных негативных эмоций и чувств по отношению к другим людям и в первую очередь неприязнь, разочарование, склонность к соперничеству, раздражительность. Выраженная враждебность в подростковом возрасте может быть вызвана как завышенной самооценкой, тщеславием, так и внутриличностным конфликтом, высоким уровнем стресса, вызванным учебной нагрузкой, необходимостью соответствовать ожиданиям других, личными проблемами. Они склонны к пересудам и сплетням, обсуждениям третьих лиц за их спиной, что является формой проявления негативных эмоций по отношению к другим людям.

У 7,7 % подростков выявлен низкий уровень враждебности, т. е. эти подростки практически не проявляют негативные эмоции и чувства по отношению к окружающим, склонны позитивно воспринимать других людей, несмотря на их недостатки и оплошности, редко испытывают неприязнь и разочаровываются в людях.

10,9 % опрошенных подростков демонстрируют высокий уровень враждебности, что говорит о ярко выраженном негативном отношении к окружающим, неспособности справляться с раздражительностью, разочарованием или стрессом, что приводит к вспышкам гнева и агрессии, в непреодолимом желании давать негативные оценки другим людям, вешать на них ярлыки, давать им обидные прозвища. Как правило, такие подростки создают неформальные группировки и булят тех, кто им не нравится, каким-то образом не разделяет их точку зрения или является более успешным, способным, обеспеченным, умным. Подростки с высоким уровнем враждебности, как правило, ведут за собой более слабых,

менее уверенных в себе сверстников, таким образом самоутверждаясь в неформальной девиантной группе. Их поведение носит дезадаптивный характер. В выборке таких подростков оказалось 10 человек, на наш взгляд, это достаточное количество обучающихся, требующих более тщательной диагностики и пристального внимания с целью предупреждения формирования девиантного поведения и негативного воздействия на окружающих.

В нашем дальнейшем исследовании подростки с низким и высоким уровнем враждебности участие не принимали в связи с малочисленностью групп. Таким образом, на основании полученных данных были выделены две группы исследования: 1 группа – подростки со средним уровнем враждебности с тенденцией к низкому; 2 группа – подростки со средним уровнем враждебности с тенденцией к высокому.

Исследование факторов суицидального риска в сформированных группах позволило выявить низкие показатели по шкалам *демонстративность, уникальность, несостоятельность и временная перспектива* в группе с тенденцией к низкому уровню враждебности выявлены, т. е. эти подростки в меньшей степени являются носителями демонстративности как истероидной черты характера, сущностью которой является привлечение внимания к себе необычными, опасными действиями и высказываниями при отсутствии других социально приемлемых способов. В группе подростков с тенденцией к высокому уровню враждебности *демонстративность и уникальность* также находятся на низком уровне (статистических различий не обнаружено). Сочетание слабовыраженных демонстративности

и уникальности является закономерным и отмечалось в работах разных авторов. Можно сказать, что подростки обеих групп не чувствуют себя уникальными и неповторимыми, у них не выражен культ своей внешности или способностей, в связи с этим у них отсутствует культ тщеславия, себялюбия, эгоизма, их сложно зацепить словом, насмешкой, они не обидчивы, способны устанавливать позитивные контакты и взаимодействие. С ними можно строить доверительные отношения. Низкий показатель по шкале *的独特性* свидетельствует о возможности подростков использовать свой и чужой опыт, они обладают сообразительностью, когнитивной гибкостью, что дает им возможность посмотреть на определенные события жизни с разных точек зрения. Можно обобщить, что рациональность превалирует над эмоциями (рис. 1).

Низкие показатели по шкалам *несостоятельность и временная перспектива* у подростков со средним уровнем враждебности с тенденцией к низкому, являющимся концептуальными, содержательными характеристиками, относящимися и к интеллектуальной, и к волевой сферам, являются регуляторами поведения, общения, деятельности и познания личности. Это те феноменальные особенности, которые способствуют самостоятельности и ответственности за принятые решения, т. е., по сути, базовые качества зрелой взрослой личности. По Т. Н. Разуваевой, несостоятельность – это отрицательная концепция собственной личности, которая хорошо сочетается с содержательной стороной уникальности [Диагностика личности 1993]. В этой группе подростков показатели по данным факторам показывают,

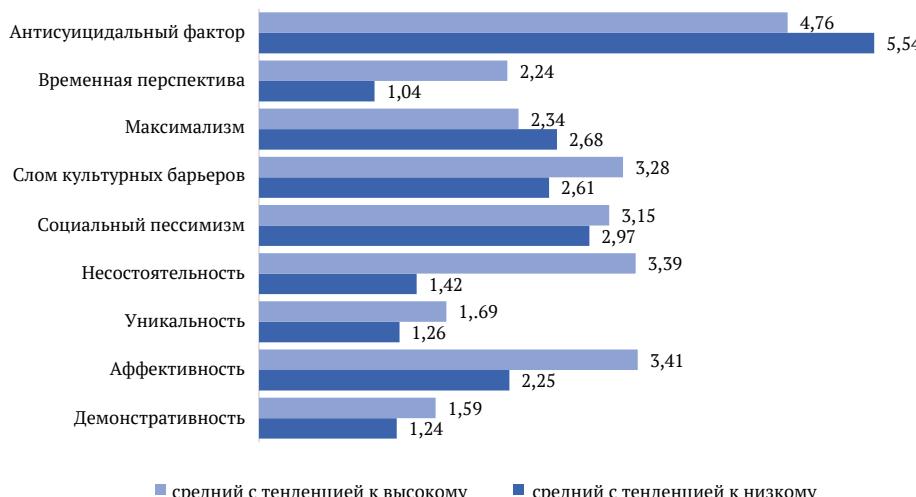

Рис. 1. Факторы суицидального риска у подростков с разным уровнем враждебности, в среднем по группе
Fig. 1. Suicidal risk factors in teenagers with different hostility levels, mean value

что у них отсутствует комплекс неполноценности. Они чувствуют и понимают свою нужность, состоятельность, компетентность, что может выражаться в академической успеваемости, хобби, волонтерской деятельности. То есть человек включен в жизнь, в социум, он востребован. При этом отметим, что зрелая личность, личность с высоким уровнем субъективного благополучия с оптимизмом смотрит в будущее, это личность, способная планировать свою деятельность, прогнозировать результат и возможные риски во избежание непредвиденной фрустрации. Низкие показатели по шкале *временная перспектива* свидетельствуют о потенциале планировать будущее, что способствует формированию положительной мотивации достижения, адекватной самооценки и уровня притязаний. Этот фактор, имея низкий показатель, логично сочетается с содержательной характеристикой по шкале *несостоятельности*, в данном случае с положительной концепцией собственной личности, следовательно, эти подростки достаточно самостоятельны, решительны, ответственны, способны к планированию, к установлению эффективного взаимодействия, уверены в себе. Показатели по этим факторам в группе подростков с тенденцией к высокому уровню враждебности статистически значимо выше ($x = 3,39$ балла и $x = 2,24$ балла соответственно), несмотря на то что находится в зоне средних значений ($U = 350,500$; $p < 0,001$ и $U = 370,000$; $p < 0,001$ соответственно).

На среднем уровне у подростков с тенденцией к низкому уровню враждебности выражены *аффективность, слом культурных барьеров, максимализм и социальный пессимизм*. Перечисленные показатели входят в аффективный компонент, обобщающий весь эмоциональный мир человека. Этим понятием обозначается готовность реагировать на психотравму именно эмоционально, но в данном случае приоритет остается за интеллектом. Таким образом, можно говорить о ситуативной эмоциональности, что в общем-то характерно для подросткового возраста, отличающегося гормональными бурями, беспокойством о своей внешности, безответной любовью, пассионарностью в целом. То есть, по сути, это нормальный показатель эмоциональной реакции адекватного человека, который не может не проявлять эмоций как реакцию на психотравмирующую ситуацию. У подростков с тенденцией к высокому уровню враждебности *аффективность* статистически значимо выше, несмотря на то что находятся в зоне средних значений ($U = 452,000$; $p = 0,011$).

Средневыраженный социальный пессимизм мы видим в обеих группах респондентов. По мнению автора методики, этот фактор характеризует отрицательную концепцию окружающего мира, которая логически связана с фактором уникальности, слабо выраженным в данной группе, и поэтому не несет в себе какой-либо угрозы. Зная особенности подросткового возраста с отрицанием многих установок и правил, острым чувством справедливости, желанием бороться за свои права, можно констатировать тот факт, что отчасти мир ему будет казаться враждебным и несправедливым. Однако, судя по показателям, подростки не чувствуют себя вне этого мира. И если мы посмотрим на противоречие интрапунитивного и экстрапунитивного радикалов, заложенных в концепциях собственной личности и окружающего мира, то увидим, что внешний посыл концепции собственной личности будет выглядеть так – *Я не так уж и плох*, поэтому он не вступает в противоречие с концепцией окружающего мира. Экстрапунитивный радикал *Вы все меня недостойны* в данном случае менее радикален, т. е. подростки, оценивая себя достаточно позитивно, считают других все же партнерами для взаимодействия, несмотря на некие несовершенства мира, по их мнению.

Все это укладывается в формулу инфантального максимализма ценностных установок. По шкале *максимализм* у подростков выборки зафиксирован средний показатель, т. е. если в какой-либо жизненной сфере личности произошел локальный конфликт, то его содержание не будет проецироваться, перемещаться, переноситься, транслироваться генерализовано на все сферы жизни. Подростки пытаются решить проблему локально, для чего есть все возможности, об этом свидетельствуют низкие показатели по шкалам *демонстративность и уникальность*.

Слом культурных барьеров (слом культурных, духовно-нравственных табу) также представлен среднеуровневыми показателями, но в группе подростков с тенденцией к высокому уровню враждебности он статистически выше ($U = 500,500$; $p = 0,026$). Одна из потенциальных внутренних причин этого фактора – возведение в ранг максимальной смысловой установки на то, что человек сам вершит свою судьбу и сам решает, как с этой судьбой покончить. Но в обеих группах подростков такое воздействие практически нивелируется и не оказывает пагубного влияния на личность, что согласуется с высоким баллом по шкале *антисуицидальный фактор* (рис. 1). В основе антисуицидального фактора может быть

страх перед страданиями и болью, неэстетичность самого акта суицида, который нивелирует генерализованный суицидальный риск. Помимо этого, в антисуицидальный фактор включено и чувство ответственности перед близкими, жалость к ним, осознание, что человек-суицидент причинит родным невыносимые боль и страдания и т.д. В целом высокий показатель по шкале антисуицидального фактора – это возможность психокоррекционной работы с подростком, что создаст предпосылки избежать активации факторов суицидального риска с высокими показателями.

Следовательно, подростков со средним уровнем враждебности с тенденцией к высокому отличает более выраженная эмоциональная реакция на конфликт или травму, сомнения в своей состоятельности, компетентности, необходимости для других, склонности к культуре смерти и оправданию самоубийств, сложности с конструктивным планированием и прогнозированием своего будущего. Различий между показателями антисуицидального фактора не выявлено, значит возможность для психокоррекционной работы существует в обеих группах исследования независимо от выраженности иных факторов в обеих группах респондентов.

Расчет корреляционного анализа методом Спирмена с целью выявления взаимосвязи между враждебностью и склонностью к суицидальному риску подростков выявил значимые корреляционные связи (рис. 2). Уровень враждебности положительно коррелирует с такими факторами суицидального риска, как демонстративность ($p < 0,001$), аффективность ($p < 0,001$), уникальность ($p = 0,002$), несостоительность ($p < 0,001$), слом культурных барьеров ($p = 0,006$), временная перспектива ($p < 0,001$). Следовательно, мы можем утверждать, что рост враждебности связан с возрастанием демонстративного поведения, эмоциональных реакций у подростков в психотравмирующих ситуациях, ощущения своей особенности, исключительности и уникальности своих проблем и тягот, а также с ощущением некомпетентности, несостоительности, ненужности, со склонностью идеализировать суицид и искать ему оправдание, со слабо развитой способностью планировать и прогнозировать будущее.

По результатам проведенного эмпирического исследования можно сделать следующие выводы:

1. Подавляющее большинство подростков обладают средним уровнем враждебности с тенденцией к низкому и с тенденцией к высокому уровню.

Рис. 2. Корреляционные плеяды между уровнем враждебности и факторами суицидального риска

Fig. 2. Correlation constellations between hostility level and suicide risk factors

2. В обеих группах высоко выражен антисуицидальный фактор, представляющий собой мощный психологический барьер, препятствующий реализации суицидальных намерений. Развитие антисуицидального фактора связано в первую очередь с пониманием ценности собственной жизни, пониманием, что суицид – не способ решения проблемы. Высоко развитый антисуицидальный фактор свидетельствует о выраженном страхе смерти, высокой значимости семейных связей и ответственности перед близкими, выраженными нравственными качествами.

3. В целом доказано, что подростки со средним уровнем враждебности с тенденцией к высокому обладают рядом особенностей, которые могут привести к возрастанию суицидального риска. Так, у данной группы подростков превалируют эмоциональные реакции над рациональным подходом, т.е. импульсивные аффективные состояния доминируют над осознанным контролем поведения, что создает благоприятную почву для формирования деструктивных паттернов поведения и затрудняет процесс адаптации к разным социальным ситуациям. Им в большей степени свойственна склонность к негативному самоотношению, т.е. они сомневаются в себе, своей компетентности, значимости для других, что приводит к самообеспечиванию, снижению самооценки. Их отличает слабо выраженная способность к планированию и прогнозированию своего будущего, отсутствие жизненных перспектив, размытые цели и неспособность выстраивать долгосрочные стратегии, что может косвенно свидетельствовать о некотором экзистенциальном кризисе. Наиболее тревожным фактором является склонность подростков со средним уровнем

враждебности с тенденцией к высокому к позитивному восприятию смерти и потенциальному оправданию суицида, что свидетельствует о трансформации экзистенциальной фрустрации в опасные танатические интенции.

4. Доказано, что чем выше уровень враждебности, тем более выражены демонстративное поведение, доминирование аффективных реакций в психотравмирующих ситуациях, ощущение своей исключительности и уникальности личных проблем, а также личная несостоенность и некомпетентность, склонность идеализировать и оправдывать суицид, способность планировать и прогнозировать будущее. Это указывает на то, что с ростом враждебности у подростков становится более выражена тенденция к романтизации смерти, стратегии привлечения внимания и манипулятивного реагирования становятся все более выраженным, растет импульсивность и установка на уникальность собственных трудностей и страданий, усиливается негативное отношение к себе и снижается способность ставить краткосрочные и долгосрочные цели.

Обсуждение

Результаты верифицируют гипотезу в рамках отечественных научных школ (К. А. Чистопольская, С. Н. Ениколопов; Г. С. Банников; А. Б. Холмогорова). Подтверждена роль враждебности как предиктора суицидального риска. Указанные авторы трактуют враждебность как комплекс установок, провоцирующий аутоагgression, что согласуется с выявленной связью в нашем исследовании [Банников и др. 2018; Суботич, Холмогорова 2023; Чистопольская, Ениколопов 2025]. Полученные данные согласуются с концепцией Т. Joiner о враждебности как факторе приобретенной способности к суициду в рамках модели автора (враждебность → снижение страха смерти → рост суицидальной готовности) на основе межличностной психологической теории самоубийства [Joiner et al. 2009].

Н. А. Бохан и соавторы пришли к выводам, что для юношей в сравнении с девушками, совершивших попытки суицида, характерны проявления косвенной агрессии, подозрительности и враждебности [Бохан и др. 2018], что согласуется с результатами нашего исследования. Также авторы получили результаты, которые подтверждают преобладание эмоциональных реакций над рациональным мышлением у подростков, склонных к суицидальному поведению [Бохан и др. 2020]. М. И. Суботич

и А. Б. Холмогорова получили результаты, которые созвучны с выводами нашего исследования о слабо развитой способности планировать и прогнозировать будущее у подростков с суицидальным риском [Суботич, Холмогорова 2023]. Были получены результаты о наличии пробелов в суицидологических знаниях у родителей, а также выявлен высокий уровень запросов на повышение суицидологической компетентности и определение суицидальных факторов [Книжникова 2024].

Наши выводы о склонности к негативному самоотношению, сомнениях в своей компетентности, интересности и значимости для других соотносятся с профилем суицидентов, который характеризуется более низкими показателями по шкалам *потребность в одобрении, принятие родителями, социальная активность, самоконтроль поведения и самоэффективность* в исследовании [Васягина, Шемпелева 2022].

В модели антивитального и суицидального поведения как комплексного явления наиболее значимым механизмом развития патологических процессов является влияние мыслительного компонента и компульсий как фактора инвалидизации самоубийств [Сагалакова и др. 2020].

Подростки с суицидальным поведением обладают фрустрационной ригидностью, которая выражается в неспособности личности решать трудности повседневной жизни и в аутодеструктивных паттернах [Дмитриева и др. 2015]. Склонность к саморазрушающему поведению взаимосвязана с фрустрацией потребности быть понятыми и принятыми другими людьми, что согласуется с нашими выводами о склонности к негативному самоотношению и сомнениям в своей интересности и значимости для других.

Подростки с высоким суицидальным риском субъективно воспринимают актуальную жизненную ситуацию как тяжелую, сталкиваясь с трудностями в межличностных отношениях, а также демонстрируют аутоагgression и агрессию, которые являются психологическим фактором, повышающим риск суицидального поведения [Купченко 2018; 2020]. Данные заключения согласуются с нашим выводом об ощущении ненужности у подростка и в то же время исключительности, уникальности его проблем и тягот.

Заключение

Психологический профиль подростков со средним уровнем враждебности с тенденцией к высокому представляет сложную систему, где враждебность, возможно, порождает или усиливает аффективность,

негативное самоотношение (несостоятельность) и экзистенциальную неопределенность (временная перспектива), тем самым способствуя формированию суицидального риска. Однако даже при выраженности всех остальных факторов антисуицидальный фактор снимает глобальный суицидальный риск, что становится предпосылкой для психокоррекционной и профилактической работы. В связи с этим исследование имеет конкретное прикладное значение для системы образования, здравоохранения и социальной работы с подростками:

- оптимизация профилактических программ (целевой скрининг групп риска – ежегодное тестирование учащихся колледжей; разработка модульных тренингов – когнитивная переоценка неудач, направленная на снижение генерализации проблем (максимализм); упражнения на планирование будущего, направленные на расширение временного горизонта; техники эмоциональной саморегуляции, направленные на контроль импульсивных реакций);
- институциональные изменения в образовании (внедрение в учебные планы колледжей семинаров по формированию антисуицидальных барьеров с акцентом на религиозные и культурные факторы; системы экстренного реагирования при выявлении риска (протоколы взаимодействия педагог – психолог – кризисная служба); повышение компетентности педагогов);

- экономический и социальный эффект;
- научно-методический вклад (адаптация диагностических инструментов: валидация опросника Шмелева-Разуваевой для учащихся СПО (ранее использовался в основном в школах и вузах)).

Формирование теоретической модели взаимосвязей враждебности и факторов суицидального риска как результат подтверждения гипотезы может стать основой для новых исследований в регионах Российской Федерации.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: Е. А. Азарова – концептуализация, теоретический анализ, сбор данных эмпирического исследования. М. А. Вышквыркина – сбор данных эмпирического исследования, анализ данных эмпирического исследования.

Contribution: E. A. Azarova developed the research concept, performed the theoretical analysis, and collected empirical research data. M. A. Vyshkvyrkina was responsible for empirical research data and analysis.

Литература / References

- Азарова Е. А. Девиации и аддикции: антропологический подход. Ростов н/Д: Фонд науки и образования, 2016. 226 с. [Azarova E. A. *Deviations and addictions: Anthropological approach*. Rostov-on-Don: Fond nauki i obrazovaniia, 2016, 226. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/xhzcgv>
- Банников Г. С., Вихристюк О. В., Федунина Н. Ю. Применение технологии выявления факторов риска развития суицидального поведения среди подростков и молодежи. *Психологическая наука и образование*. 2018. Т. 23. № 4. С. 91–101. [Bannikov G. S., Vikhristyuk O. V., Fedunina N. Yu. Applying the technique for screening the risks of suicidal behavior in adolescents and young people. *Psychological Science and Education*, 2018, 23(4): 91–101. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17759/pse.2018230409>
- Барканова О. В. Методики диагностики эмоциональной сферы: психологический практикум. Красноярск: Литера-Принт, 2009. Вып. 2. 237 с. [Barkanova O. V. *Methods of diagnosing of the emotional sphere: Psychological manual*. Krasnoyarsk: Litera-Print, 2009, iss. 2, 237. (In Russ.)]
- Басалаева Н. В., Захарова Т. В. Проблема суицидального поведения подростков: диагностика и профилактика. *Международный журнал экспериментального образования*. 2016. № 2-2. С. 329–333. [Basalaeva N. V., Zakharova T. V. The problem of suicidal behavior in adolescents: Diagnosis and prevention. *International Journal of Experimental Education*, 2016, (2): 329–333. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vowvxd>
- Бохан Н. А., Аболонин А. Ф., Мандель А. И., Назарова И. А., Стоянова И. Я. Агрессия и суицидальное поведение подростков в различных условиях социализации. *Суицидология*. 2018. Т. 9. № 2. С. 50–60. [Bokhan N. A.,

- Abolomin A. F., Mandel A. I., Nazarova I. A., Stoyanova I. Ya. Aggression and suicidal behavior of adolescents in various conditions of socialization. *Suicidology (Russia)*, 2018, 9(2): 50–60. (In Russ.) <https://elibrary.ru/uvyhkz>
- Бохан Н. А., Воеводин И. В., Мандель А. И. Формирование суицидальности у молодых пациентов с аддиктивными и невротическими расстройствами: социально-психологические факторы риска и психотерапия. *Суицидология*. 2020. Т. 11. № 2. С. 66–81. [Bokhan N. A., Voevodin I. V., Mandel A. I. Formation of suicidality among the young patients with addictive and neurotic disorders: Social and psychological risk factors, and psychotherapy. *Suicidology (Russia)*, 2020, 11(2): 66–81. (In Russ.)] [https://doi.org/10.32878/suiciderus.20-11-02\(39\)-66-81](https://doi.org/10.32878/suiciderus.20-11-02(39)-66-81)
- Васягина Н. Н., Шемпелева Н. И. Представленность факторов риска и факторов защиты в социально-психологическом портрете личности подростка, обладающего высокой суицидальной активностью. *Педагогическое образование в России*. 2022. № 4. С. 170–178. [Vasyagina N. N., Shempeleva N. I. The representation of risk and protection factors in the socio-psychological portrait of the teenager's personality with high suicidal activity. *Pedagogical Education in Russia*, 2022, (4): 170–178. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/kkjuea>
- Вихристюк О. В. К вопросу о современных программах профилактики суицидального поведения подростков и молодежи (обзор некоторых зарубежных программ). *Социальные науки и детство*. 2020. Т. 1. № 1. С. 47–57. [Vihristyuk O. V. On the issue of modern programs for the prevention of suicidal behavior of adolescents and young people (review of some foreign programs). *Social Sciences and Childhood*, 2020, 1(1): 47–57. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17759/ssc.2020010104>
- Голенков А. В., Егорова К. А., Тайкина Я. Д., Орлов Ф. В. Самоубийства среди детей и подростков в России. *Суицидология*. 2023. Т. 14. № 4. С. 71–81. [Golenkov A. V., Egorova K. A., Taykina Ya. D., Orlov F. V. Suicides among children and adolescents in Russia. *Suicidology (Russia)*, 2023, 14(4): 71–81. (In Russ.)] [https://doi.org/10.32878/suiciderus.23-14-04\(53\)-71-81](https://doi.org/10.32878/suiciderus.23-14-04(53)-71-81)
- Грогоleva О. Ю. Суверенность психологического пространства подростков как предиктор суицидального риска. *Вестник Омского университета. Серия «Психология»*. 2019. № 2. С. 25–31. [Grogoleva O. Yu. The sovereignty of adolescents' psychological space as a predictor of suicidal risk. *Herald of Omsk University. Series "Psychology"*, 2019, (2): 25–31. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/azxqpe>
- Диагностика личности, сост. Т. Н. Разуваева. Шадринск: Иsetь, 1993. 26 с. [Personality Diagnostics, comp. Razuvaeva T. N. Shadrinsk: Iset, 1993, 26. (In Russ.)]
- Дмитриева Н. В., Короленко Ц. П., Левина Л. В. Психологические особенности личности суицидальных подростков. *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2015. № 1-1. С. 127–134. [Dmitrieva N. V., Korolenko Ts. P., Levina L. V. Psychological characteristics of suicidal teenager personality. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2015, (1-1): 127–134. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/tnklwt>
- Евсеникова Е. В. Факторы риска аутодеструктивного поведения у старших подростков. *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2019. Т. 21. № 1. С. 74–86. [Evseenkova E. V. The risk factors of auto-destructive behavior in adolescents. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2019, 21(1): 74–86. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-1-74-86>
- Зотов П. Б. Психотерапия при суицидальном поведении: теоретические и клинические предпосылки. *Суицидология*. 2017. Т. 8. № 3. С. 53–62. [Zotov P. B. Psychotherapy of suicidal behavior: Theoretical and clinical premises. *Suicidology (Russia)*, 2017, 8(3): 53–62. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/zhjvwz>
- Иванова С. А. Риски суицидального поведения у современных подростков. *Дни науки и инноваций НовГУ: XXVII науч. конф.* (Великий Новгород, 6–11 апреля 2020 г.) Великий Новгород: НовГУ, 2020. Ч. 1. С. 252–257. [Ivanova S. A. Present risks of juvenile suicidal behaviour. *Days of science and innovations of Novgorod State University: Proc. XXVII Sci. Conf.*, Veliky Novgorod, 6–11 Apr 2020. Veliky Novgorod: NovSU, 2020, pt. 1, 252–257 (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ykggya>
- Изард К. Э. Психология эмоций. СПб.: Питер, 2021. 464 с. [Izard C. E. *The psychology of emotions*. St. Petersburg: Piter, 2021, 464. (In Russ.)]
- Карпова Н. В., Бархатова А. Ю. Коррекция суицидальных намерений у подростков. *Современные исследования социальных проблем*. 2014. № 2. [Karpova N. V., Barkhatova A. Yu. Correction of teenagers' suicide intentions. *Sovremennye issledovaniia sotsialnykh problem*, 2014, (2). (In Russ.)] <https://doi.org/10.12731/2218-7405-2014-2-22>
- Книжникова С. В. Представления родителей о самоубийствах и запросы на повышение осведомленности в сфере профилактики суицидального поведения детей. *Интеграция образования*. 2024.

Т. 28. № 3. С. 400–420. [Knizhnikova S. V. Parents' perceptions of suicide and requests for increased awareness in prevention of children's suicidal behavior. *Integration of Education*, 2024, 28(3): 400–420. (In Russ.)] <https://doi.org/10.15507/1991-9468.116.028.202403.400-420>

Короткова Е. В., Горюшкин Е. И. Причины суицида в современном обществе. *Агрессия и насилие как явления современного общества*: Междунар. науч.-практ. конф. (Курск, 21 декабря 2018 г.) Курск: КГМУ, 2018. С. 53–56. [Korotkova E. V., Goryushkin E. I. Causes of suicide in modern society. *Aggression and violence as phenomena of modern society*: Proc. Intern. Sci.-Prac. Conf., Kursk, 21 Dec 2018. Kursk: KSMU, 2018, 53–56. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/yxddrb>

Кузнецова Л. Э., Дризгалина К. А. Влияние индивидуально-психологических особенностей личности на формирование склонности к суицидальному поведению подростков. *Гуманизация образования*. 2019. № 3. С. 24–35. [Kuznetsova L. E., Kuznetsova K. A. The influence of individual psychological characteristics of personality on the formation of suicidal behavior in adolescents. *Gumanizatsiia obrazovaniia*, 2019, (3): 24–35. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/pfedhp>

Кузнецова Л. Э., Руденко А. М. Психология личности. Новочеркасск: Лик, 2018. 114 с. [Kuznetsova L. E., Rudenko A. M. *Psychology of personality*. Novocherkassk: Lik, 2018, 114. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/mfhoxg>

Кузнецова С. О., Абрамова А. А., Ениколопов С. Н., Разумова А. В. Психологические особенности враждебности у больных с шизофренией, шизоаффективными и аффективными расстройствами. *Вестник Московского университета. Серия 14. Психология*. 2014. № 3. С. 92–103. [Kuznetsova S. O., Abramova A. A., Enikolopov S. N., Razumova A. V. Psychological characteristics of hostility in patients with schizophrenia, schizoaffective and affective disorders. *Lomonosov Psychology Journal*, 2014, (3): 92–103. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/sksfsp>

Купченко В. Е. Самоконтроль, агрессия, импульсивность подростков с различным суицидальным риском. *Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика*. 2018. Т. 24. № 4. С. 92–97. [Kupchenko V. E. Self-control, aggression, impulsiveness of adolescents with different suicide risk. *Vestnik of Kostroma State University. Series: Pedagogy. Psychology. Sociokinetics*, 2018, 24(4): 92–97. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/yvrsrb>

Купченко В. Е. Социально-психологические предикторы суицидального риска у подростков. *Профилактика девиантного поведения детей и молодёжи: региональные модели и технологии*: II Междунар. науч.-практ. конф. (Ялта, 8–10 октября 2020 г.) Симферополь: Ариал, 2020. С. 374–384. [Kupchenko V. E. Socio-psychological predictors of suicide risk in adolescents. *Prevention of deviant behaviour in children and youth: Regional models and technologies*: Proc. II Intern. Sci.-Prac. Conf., Yalta, 8–10 Oct 2020. Simferopol: Arial, 2020, 374–384. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/jhayca>

Куттер П. Любовь, ненависть, зависть, ревность. Психоанализ страстей. М.: София, 2004. 253 с. [Kutter P. *Love, hate, envy, jealousy. Psychoanalysis of passions*. Moscow: Sofia, 2004, 253. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qxkcxr>

Личко А. Е., Александров А. А. Суицидальное поведение подростков. *Клинико-психологические социальные и правовые проблемы суицидального поведения*: симпозиум. М.: НИИ психиатрии, НИИ МВД, 1974. С. 71–79. [Lichko A. E., Aleksandrov A. A. Suicidal behavior of adolescents. *Clinical, psychological, social and legal problems of suicidal behavior*: Proc. symposium. Moscow: Research Institute of Psychiatry, Research Institute of the Ministry of Internal Affairs, 1974, 71–79. (In Russ.)]

Мальцев Е. С. Особенности суицидальных рисков у подростков. *Вестник магистратуры*. 2018. № 1-3. С. 141–142. [Maltsev E. S. Features of suicide risks in adolescents. *Vestnik magistratury*, 2018, (1-3): 141–142. (In Russ.)]

Мэй Р. Сила и невинность: в поисках истоков насилия. М.: Винтаж, 2012. 224 с. [May R. *Strength and innocence: A search for the sources of violence*. Moscow: Vintag, 2012, 224. (In Russ.)]

Положий Б. С. Концептуальная модель суицидального поведения. *Суицидология*. 2015. Т. 6. № 1. С. 3–7. [Polozhy B. S. Conceptual model of suicidal behavior. *Suicidology (Russia)*, 2015, 6(1): 3–7. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/trrsqr>

Распопин Е. В. Психологическая диагностика и коррекция суицидального риска. Екатеринбург: Уральский юридический институт МВД России, 2019. 67 с. [Raspopin E. V. *Psychological diagnostics and correction of suicidal risk*. Yekaterinburg: Ural Law Institute of the Ministry of the Internal of Russia, 2019, 67. (In Russ.)]

Руженкова В. В., Руженков В. А. Суицидальное поведение в подростковом и юношеском возрасте. *Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Медицина. Фармация*. 2011. № 22.

- C. 26–32. [Ruzhenkova V. V., Ruzhenkov V. A. Suicidal behaviour in adolescent and junior ages. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Meditsina. Farmatsiya*, 2011, (22): 26–32. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/zumrvl>
- Сагалакова О. А., Жирнова О. В., Труевцев Д. В., Бокhan Н. А., Стоянова И. Я., Брель Е. Ю. Психологические факторы формирования суицидального поведения при обсессивно-компульсивном и социальном тревожном расстройстве. *Суицидология*. 2020. Т. 11. № 2. С. 82–100. [Sagalakova O. A., Zhirnova O. V., Truevtsev D. V., Bokhan N. A., Stoyanova I. Ya., Brel E. Yu. Psychological factors of suicidal behavior formation in obsessive-compulsive and social anxiety disorder. *Suicidology (Russia)*, 2020, 11(2): 82–100. (In Russ.)] [https://doi.org/10.32878/suiciderus.20-11-02\(39\)-82-100](https://doi.org/10.32878/suiciderus.20-11-02(39)-82-100)
- Суботич М. И., Холмогорова А. Б. Когнитивные и поведенческие факторы хронификации суицидального поведения. *Неотложная медицинская помощь. Журнал им. Н. В. Склифосовского*. 2023. Т. 12. № 3. С. 397–405. [Subotich M. I., Kholmogorova A. B. Cognitive and behavioral factors in the chronification of suicidal behavior. *Russian Sklifosovsky Journal of Emergency Medical Care*, 2023, 12(3): 397–405. (In Russ.)] <https://doi.org/10.23934/2223-9022-2023-12-3-397-405>
- Сухинин А. В., Яковleva О. А. Суицидальное поведение и его социально-психологический анализ. *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5: Юриспруденция*. 2012. № 1. С. 148–154. [Sukhinin A. V., Yakovleva O. A. Suicidal behavior and its social and psychological assay. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 5: Iurisprudentsiya*, 2012, (1): 148–154. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/nornwg>
- Узлов Н. Д., Семенова М. Н. Игра, трансгрессия и сетевой суицид. *Суицидология*. 2017. Т. 8. № 3. С. 41–53. [Uzlov N. D., Semenova M. N. Game, transgression and network suicide. *Suicidology (Russia)*, 2017, 8(3): 41–53. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/zhjvwp>
- Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. М.: ACT, 2016. 618 с. [Fromm E. *Anatomy of human destructiveness*. Moscow: ACT, 2016, 618. (In Russ.)]
- Чистопольская К. А., Ениколов С. Н. Страх смерти и суициdalный цикл: опорные точки и возможности безопасного выхода из замкнутого круга. *Консультативная психология и психотерапия*. 2025. Т. 33. № 1. С. 170–183. [Chistopolskaya K. A., Enikolopov S. N. Fear of death and suicidal cycle: Checking points and possibilities for an exit out of the vicious circle. *Counseling Psychology and Psychotherapy*, (2025), 33(1): 170–183. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17759/cpp.2025330111>
- Шир Е. Суицидальное поведение у подростков. *Журнал невропатологии и психиатрии им. С. С. Корсакова*. 1984. № 10. С. 56–59. [Shir E. Suicidal behavior in teenagers. *Zhurnal nevropatologii i psikiatrii im. S. S. Korsakova*, 1984, (10): 56–59. (In Russ.)]
- Шнейдман Э. Душа самоубийцы. М.: Смысл, 2001. 315 с. [Shneidman E. *The suicidal mind*, 2001, 315. (In Russ.)]
- Barefoot J. C. Developments in the measurement of hostility. *Hostility, coping and health*, ed. Friedman H. S. Washington: American Psychological Association, 1992, 13–31. <https://psycnet.apa.org/doi/10.1037/10105-001>
- Beautrais A. L. Suicide and serious suicide attempts in youth: A multiple-group comparison study. *American Journal of Psychiatry*, 2003, 160(6): 1093–1099. <https://doi.org/10.1176/appi.ajp.160.6.1093>
- Bellman V., Namdev V. Suicidality among men in Russia: A review of recent epidemiological data. *Cureus*, 2022, 14(3). <https://doi.org/10.7759/cureus.22990>
- Bridge J. A., Goldstein T. R., Brent D. A. Adolescent suicide and suicidal behavior. *Journal of Child Psychology and Psychiatry*. 2006, 47(3-4): 372–394. <https://doi.org/10.1111/j.1469-7610.2006.01615.x>
- Buss A. H., Durkee A. An inventory for assessing different kinds of hostility. *Journal of Consulting Psychology*, 1957, 21(4): 343–349. <https://doi.org/10.1037/h0046900>
- Campisi S. C., Carducci B., Akseer N., Bhutta Z. A., Zasowski C., Szatmari P. Suicidal behaviours among adolescents from 90 countries: A pooled analysis of the global school-based student health survey. *BMC Public Health*, 2020, 20(1). <https://doi.org/10.1186/s12889-020-09209-z>
- Cha C. B., Franz P. J., Guzmán E. M., Glenn C. R., Kleiman E. M., Nock M. K. Annual research review: Suicide among youth – epidemiology, (potential) etiology, and treatment. *Journal of Child Psychology and Psychiatry*, 2018, 59(4): 460–482. <https://doi.org/10.1111/jcpp.12831>

- Diamond G. S., Wintersteen M. B., Brown G. K., Diamond G. M., Gallop R., Shelef K., Levy S. Attachment-based family therapy for adolescents with suicidal ideation: A randomized controlled trial. *Journal of the American Academy of Child and Adolescent Psychiatry*, 2010, 49(2): 122–131. <https://doi.org/10.1097/00004583-201002000-00006>
- Joiner T. E. Jr., Van Orden K. A., Witte T. K., Rudd M. D. *The interpersonal theory of suicide: Guidance for working with suicidal clients*. Washington, DC: American Psychological Association, 2009, X+246.
- Hawton K., Saunders K. E. A., O'Connor R. C. Self-harm and suicide in adolescents. *The Lancet*, 2012, 379(9834): 2373–2382. [https://doi.org/10.1016/S0140-6736\(12\)60322-5](https://doi.org/10.1016/S0140-6736(12)60322-5)
- Miranda-Mendizabal A., Castellví P., Parés-Badell O., Alayo I., Almenara J., Alonso I., Blasco M. J., Cebrià A., Gabilondo A., Gili M., Lagares C., Piqueras J. A., Rodríguez-Jiménez T., Rodríguez-Marín J., Roca M., Soto-Sanz V., Vilagut G., Alonso J. Gender differences in suicidal behavior in adolescents and young adults: Systematic review and meta-analysis of longitudinal studies. *International Journal of Public Health*, 2019, 64(2): 265–283. <https://doi.org/10.1007/s00038-018-1196-1>
- Smith T. W. Hostility and health: Current status of a psychosomatic hypothesis. *Health Psychology*, 1992, 11(3): 139–150. <https://doi.org/10.1037/0278-6133.11.3.139>
- Van Orden K. A., Witte T. K., Cukrowicz K. S., Braithwaite S. R., Selby E. A., Joiner T. E. Jr. The interpersonal theory of suicide. *Psychological Review*, 2010; 117(2): 575–600. <https://doi.org/10.1037/a0018697>

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/mtmrte>

Особенности прямых и перекрестных оценок эмоциональных расстройств в супружеских парах

Чугунов Даниил Николаевич

Психоневрологический диспансер № 4, Россия, Санкт-Петербург

eLibrary Author SPIN: 9836-5855

<https://orcid.org/0000-0003-3244-6261>

Scopus Author ID: 57216490576

steelpluses@list.ru

Негореева Ирина Григорьевна

Городская больница № 40, Россия, Сестрорецк

eLibrary Author SPIN: 7742-7720

<https://orcid.org/0000-0002-1497-7109>

Scopus Author ID: 23498576100

Шкильнюк Галина Геннадьевна

Институт мозга человека имени Н. П. Бехтеревой РАН,

Россия, Санкт-Петербург

eLibrary Author ID: 896572

<https://orcid.org/0000-0001-7175-668X>

Scopus Author ID: 57193109310

Рудель Алена Евгеньевна

Институт экспериментальной медицины, Россия, Санкт-Петербург

eLibrary Author SPIN: 8735-4061

<https://orcid.org/0000-0001-9738-057X>

Буткевич Михаил Александрович

Психоневрологический диспансер № 4, Россия, Санкт-Петербург

<https://orcid.org/0009-0007-6063-5189>

Гаврилов Юрий Владимирович

Институт экспериментальной медицины, Россия, Санкт-Петербург

eLibrary Author SPIN: 7358-2649

<https://orcid.org/0000-0003-1409-7686>

Scopus Author ID: 36870403200

Аннотация: Приведены результаты экспериментально-психологического исследования восприятия и оценки эмоциональных расстройств в супружеских парах, в котором показано системное взаимовлияние индивидуальных состояний и перцептивных компонентов отношений в паре, их искажение. Цель – выявить особенности прямых и перекрестных оценок эмоциональных расстройств в супружеских парах. Применены методологии социальной психологии и гештальт-терапии. Эмоциональные состояния (расстройства) изучались с помощью прямых и перекрестных оценок, когда каждый из супругов выполнял методики вначале для себя (самонаблюдение, прямая оценка), а затем, основываясь на своих наблюдениях, опыте взаимодействия и сложившейся системе межличностных отношений, друг для друга (перекрестная оценка). Феноменология восприятия эмоциональных состояний в паре на момент исследования описывалась в терминологии прерываний контакта, разработанной в гештальт-терапии (изоляция, слияние, ожидание слияния, проекция, контакт), и соотносилась с шестью возможными комбинациями оценок мужа и жены. Был исследован уровень депрессии, тревоги и астении в 44 семейных парах адаптированными методиками BDI, HADS, FIS с последующим корреляционным анализом. В результате был разработан способ соотнесения системы полученных оценок и количества достоверных и значимых связей с психологическими механизмами прерываний. Приведен полученный профиль выраженности механизмов социальной перцепции (их прерывания), влияющих на оценки эмоционального состояния в супружеских парах: контакт (78 %), проекция (78 %), ожидание слияния (55 %), слияние (22 %), изоляция (8 %). При объективизации индивидуальной оценки эмоционального состояния необходимо учитывать 22 %-ное искажение показателей как тенденцию преувеличения тяжести симптоматики, имеющейся у партнера. Модель интерпретации может быть использована для семейной психиатрии, психотерапии и психопрофилактики.

Ключевые слова: семейная психология, семейная психотерапия, семейная психиатрия, депрессия, тревога, астения, механизмы прерывания

Цитирование: Чугунов Д. Н., Негореева И. Г., Шкильнюк Г. Г., Шкильнюк Г. Г., Буткевич М. А., Гаврилов Ю. В. Особенности прямых и перекрестных оценок эмоциональных расстройств в супружеских парах. СибСкрипт. 2025. Т. 27. № 5. С. 838–851. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2025-27-5-838-851>

Поступила в редакцию 01.02.2025. Принята после рецензирования 23.05.2025. Принята в печать 26.05.2025.

full article

Direct and Cross-Sectional Assessments of Emotional Distress in Married Couples

Daniil N. Chugunov

Outpatient Clinic for Mental and Neurological Disorders no. 4,

Russia, St. Petersburg

eLibrary Author SPIN: 9836-5855

<https://orcid.org/0000-0003-3244-6261>

Scopus Author ID: 57216490576

steelpluses@list.ru

Irina G. Negoreeva

Municipal Hospital no. 40, Russia, Sestroretsk

eLibrary Author SPIN: 7742-7720

<https://orcid.org/0000-0002-1497-7109>

Scopus Author ID: 23498576100

Galina G. Shkilnyuk

N. P. Bekhtereva Institute of Human Brain, Russian Academy of Sciences,

Russia, St. Petersburg

eLibrary Author ID: 896572

<https://orcid.org/0000-0001-7175-668X>

Scopus Author ID: 57193109310

Alena E. Rudel

Institute of Experimental Medicine, Russia, St. Petersburg

eLibrary Author ID: 8735-4061

<https://orcid.org/0000-0001-9738-057X>

Mikhail A. Butkevich

Outpatient Clinic for Mental and Neurological Disorders no. 4,
Russia, St. Petersburg

<https://orcid.org/0009-0007-6063-5189>

Yury V. Gavrilov

Institute of Experimental Medicine, Russia, St. Petersburg

eLibrary Author SPIN: 7358-2649

<https://orcid.org/0000-0003-1409-7686>

Scopus Author ID: 36870403200

Abstract: This experimental psychological study featured the perception and evaluation of emotional disorders in married couples. It revealed a systemic mutual influence of individual states and perceptual components of relationships, as well as their distortion. The research objective was to identify the characteristics of direct and cross-assessments of emotional disorders in married couples. The analysis involved the methodology of social psychology and gestalt therapy. Emotional states (disorders) were studied with the help of direct and cross-assessments. Each of the spouses performed the techniques first for themselves (self-observation, direct assessment) and then for each other (cross-assessment), based on their observations, interaction experience, and interpersonal relations. The phenomenology of the perception of emotional states was described in terms of contact interruptions in gestalt therapy as isolation, confluence, expectation of confluence, projection, and contact. They correlated with six possible combinations of spouse's evaluations. The levels of depression, anxiety, and asthenia in 44 married couples were subjected to BDI, HADS, and FIS techniques followed by correlation analysis. It resulted in a new method that correlated the system of received evaluations and the number of reliable and significant connections with psychological mechanisms of interruptions. The expression of mechanisms of social perception (interruptions) that affected the assessments of emotional state in married couples was as follows: 78% contact, 78% projection, 55% expectation of confluence, 22% confluence, 8% isolation. When objectivizing the individual assessment of emotional state, the 22% distortion has to be taken into account as a tendency to exaggerate the severity of symptoms in the partner. This interpretation model can be used for family psychodiagnostics, psychotherapy, and psychoprophylaxis.

Keywords: family psychology, family psychotherapy, family psychodiagnostics, depression, anxiety, asthenia, interruption mechanisms

Citation: Chugunov D. N., Negoreeva I. G., Shkilnyuk G. G., Rudel A. E., Butkevich M. A., Gavrilov Y. V. Direct and Cross-Sectional Assessments of Emotional Distress in Married Couples. *SibScript*, 2025, 27(5): 838–851. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/sibscript-2025-27-5-838-851>

Received 1 Feb 2025. Accepted after peer review 23 May 2025. Accepted for publication 26 May 2025.

Введение

На протяжении длительного времени отмечается увеличение количества тревожно-депрессивных расстройств и расстройств настроения, что, вероятно, связано не только с этиологическими причинами и факторами, снижающими адаптационный потенциал, но и с совершенствованием методов клинико-психологической диагностики и структуры научных исследований [Шматова 2019]. Так, по прогнозам ВОЗ¹, к 2030 г. аффективные расстройства станут одной из ведущих причин нетрудоспособности [Касьянов и др. 2023], что может рассматриваться как значимый психосоциальный фактор дезадаптации. Однако, в современных исследованиях отмечается и обратное влияние микросоциальной среды на динамику аффективных расстройств [Бочаров и др. 2024], в связи с чем актуализируются методические вопросы дифференциальной диагностики и интерпретации симптомов эмоциональных расстройств в значимых сферах функционирования пациентов. Последовательная реализация принципа системности психологических исследований [Щелкова 2008] в рамках биопсихосоциального подхода позволяет изучать объемную картину заболевания, особенности методов его диагностики и последующей коррекции, что особенно важно с учетом полифакторности расстройств эмоционального спектра, когда в сопоставлении с остальными клинически значимыми данными рассматриваются взаимодействия личность – среда, механизмы обратной связи, реакции и отношения значимого социального окружения с пониманием семейного диагноза, определением уровня социальной (семейной) фрустрированности и поддержки, особенностей стратегий совладания и т. д. Отметим, что системное сопоставление указанных факторов способствует объективизации данных о состоянии здоровья, дополняя субъективное восприятие больного, учитывая искающее действие механизмов отрицания, анонгнозии, симуляции и диссимуляции, соматизации депрессивных расстройств и т. п. Например, в более ранних публикациях нами было отмечено частичное несовпадение самооценки пациентов, страдающих депрессией, с клинико-психологической оценкой их состояния врачом-психиатром [Чугунов 2004].

В соответствии с выделенными С. Л. Рубинштейном вариантами метода наблюдения: прямым, внешним (объективным) и косвенным – в классическом методе

наблюдения и самонаблюдения отдельно может быть рассмотрено исследование перекрестных оценок близкими родственниками пациента, наблюдающими его в различных условиях на протяжении длительного времени в сопоставлении с особенностями восприятия пациентом эмоциональных состояний у своих родственников. Отношения родственников таких пациентов представляют многогранный психологический феномен, в котором отражение опыта и условий взаимодействия может преобладать над тяжестью самого состояния [Бочаров и др. 2024]. Например, страдающий депрессией партнер не имеет сил для поддержания отношений, подразумевая повышенную заботу о себе, непривычную для членов семьи, не имеющих подобного депрессивного опыта [Образцова 2024]. Вместе с этим следует отметить значительное количество исследований, посвященных детско-родительским отношениям в семье и относительно небольшое число публикаций, связанных с сопоставлением интра- и интерпсихических оценок эмоционального состояния в супружеской паре, в том числе при расстройствах настроения. Все вышеперечисленное может представлять научно-практический интерес для последующей психокоррекционной и психо-профилактической работы, с особым вниманием к механизмам позитивной и негативной обратной связи в межличностных отношениях, влияющих на общий эмоциональный фон семьи и ее отдельных членов (комплексы феноменов депрессивного окружения, депрессивной семьи, социальной роли меланхолика или вечного оптимиста в семейной системе и т. д.) [Эйдемиллер, Юстицкис 2008; Эйдемиллер и др. 2007].

Обзор исследований на примере 855 супружеских пар показывает различие факторной структуры самооценки и взаимной характеристики [Алексеева и др. 2011]. В исследовании 214 пар было показано усиливающееся с возрастом различие между супругами по критериям неклинического нарциссизма и психопатии [Егорова и др. 2021]. В другом исследовании на основании анализа 20 пар показана взаимность субъектных отношений супругов независимо от степени удовлетворенности браком, что, по мнению авторов, отражает фактор взаимности и глубинности отношений, взаимной чувствительности [Поляков, Волкович 2022]. Позитивное эмоциональное состояние супругов может рассматриваться как один

¹ Mental Health and COVID-19: Early evidence of the pandemic's impact: Scientific brief, 2 Mar 2022. Geneva: World Health Organization, 2022. URL: https://www.who.int/publications/i/item/WHO-2019-nCoV-Sci_Brief-Mental_health-2022.1 (accessed 15 Jan 2025).

из факторов долговечности брака [Родь 2022]. Важно подчеркнуть направленность нашего исследования не столько на оценку степени удовлетворенности отношениями в браке, сколько на возможность сопоставления самооценочного и взаимного определения клинически значимых особенностей коммуникации в паре, влияющих на определение и отношение к переживаемой симптоматики депрессии, тревоги и усталости.

В многофакторной модели эмоциональных расстройств А. Б. Холмогоровой показаны факторы взаимовлияния депрессивных расстройств и особенностей семейных отношений, особой уязвимости к эмоциональным расстройствам, в том числе депрессивным [Холмогорова, Полкунова 2004]. Внутрисемейная микродинамика в родительских семьях характеризуется отсутствием эмоциональной близости при высоком уровне контроля (статистически значимые различия по факторам родительской критики и эlimинирования эмоций в семье). Подтверждается связь родительского контроля, избыточной включенности и критики с депрессивными и тревожными расстройствами у взрослых пациентов [Там же]. Ряд авторов подчеркивают влияние психосоциальных факторов на риски развития послеродовой депрессии, к которым в том числе относится эмоциональная разобщенность между членами семьи и социальная фрустрированность [Беляева и др. 2011; Колесников и др. 2017]. Отмечается связь между уровнем подавленных эмоций и доминированием партнера, особенно в период от трех до шести лет совместной жизни, с последующей тенденцией к установлению эмоциональной стабильности [Лосый, Синицару 2021]. Исследования подчеркивают важность удовлетворенности браком для эмоциональной динамики: женщины постепенно проявляют большее спокойствие и уверенность, а мужчины со временем – эмоциональность, эмпатию и открытость в общении [Волобуев и др. 2020]. Также отметим непосредственное использование психо-диагностических методик в семейном консультировании, предполагающее сопоставление и обсуждение супругами взаимных оценок и профилей, полученных в ходе исследования. Достаточно часто для этих целей используются психо-диагностические методики, например методика Лири, метод цветовых выборов (модификация Л. Н. Собчик) и т. д., предполагающие сопоставление взаимных и индивидуальных оценок в семейной паре.

В данной публикации предпринимается попытка исследования восприятия и оценки эмоциональных

состояний в супружеских парах исходя из модели системного взаимодействия, подразумевающей переходы системы внутриличностных и межличностных отношений в их аффективных, когнитивных и поведенческих компонентах. Например, по мнению Ф. С. Перлза, тревога – это результат специфической остановки (прерывания) контакта, тогда процесс психотерапии тревожных состояний можно представить в виде схемы восстановления вытесненной связи между *симптомом – эмоцией – ситуацией* [по: Прилепских 2023]. Рассматриваемый метод перекрестных (взаимных) оценок является вариантом межличностного взаимодействия и социальной перцепции, позволяющим выделить и описать ее существенные признаки. Согласно определению А. А. Бодалева и В. В. Столина, социальная перцепция – это процесс психологического познания человека человеком в различных ситуациях социального взаимодействия [Бодалев, Столин 2000]. При этом, вероятно, следует учитывать действие механизмов перцептивного искажения, специфичных для супружеских отношений. Различные типы сопротивления становятся привычными характеристиками супружеских или семейных систем, в психотерапии речь идет не о том, чтобы убрать сопротивление, но перевести его на уровень выбора [Зинкер 2000].

В научной литературе встречаются описания акцентуированных личностных черт и особенностей коммуникаций, отрицательно влияющих на результаты межличностного восприятия в близких личностно значимых отношениях. Например, в гештальт-подходе описаны так называемые механизмы прерывания контакта, среди которых выделяются конфлюенция (слияние) первого и второго типа, интроверсия, проекция, дефлексия, эготизм и ретрофлексия, которые могут рассматриваться как защита от непереносимого опыта, как негативного, так и шокового позитивного [Спаниоло Лобб 2015]. В когнитивно-поведенческом подходе речь идет об иррациональных когнициях и установках (сверхобобщение, долженствование, катастрофизация и др.) и т. д. В данном контексте необходимо упомянуть концепцию эмоционального интеллекта (EQ), подразумевающую способность к распознаванию и пониманию своих и чужих эмоций и управлению ими [Андреева 2009], в соответствии с чем супруги могут иметь различные уровни в структуре этих способностей, обусловленные в том числе их собственным тревожным, депрессивным или астенизованным состоянием. Указанные механизмы оказывают искажающее действие на межличностное

восприятие. Каждый член семьи будет иметь свои, характерные для него механизмы искажения (прерывания), а его окружение – способы адаптации к ним. Можно предположить, что особенности социальной перцепции эмоциональных состояний супружеских, отношений между ними и механизмы искажения (прерывания) этих процессов могут рассматриваться как сложно организованная система прямых и обратных взаимосвязей, образующих межличностное взаимодействие супружеской пары.

Таким образом, интеграция социально-перцептивного направления исследования с теоретическими положениями гештальт-терапии, феноменологически точно описывающими особенности прерывания контакта, позволит применить рассматриваемую систему к расстройствам эмоционального спектра. Например, в исследовании 100 супружеских пар отмечается взаимосвязь механизмов прерывания контакта со степенью удовлетворенности браком: была показана относительно большая фрустрированность супружеских пар при наличии механизмов слияния, интроекции и дефлексии и средняя фрустрированность, характерная для проекций, при этом автор рассматривает механизмы прерывания как нечто дисфункциональное, застывшее, мешающее удовлетворению потребности [Толстобров 2022]. В разрабатываемой нами модели также был использован терминологический аппарат гештальт-терапии, а именно феноменология механизмов слияния, проекции, изоляции и контакта, поскольку, с нашей точки зрения, они наиболее точно описывают сожительственные характеристики возможных искажений перекрестных оценок в используемых методиках. В монографии Н. Лебедевой и Е. Ивановой приводятся классические определения и описание механизмов прерывания, их системное взаимодействие и иерархическая структура в виде «этажерки сопротивлений» [Лебедева, Иванова 2023].

Учитывая все вышеприведенное, нами была разработана модель, позволяющая соотнести полученные экспериментально-психологические данные с механизмами межличностного восприятия (искажения) в градациях изоляция – проекция – контакт – слияние. Модель может быть использована для анализа клинически значимых параметров эмоционального состояния (тревога, депрессия, усталость) в семейных парах. Для сбора данных использовался метод перекрестных оценок и прямых самооценок как вариации метода наблюдения. На рисунке 1 представлена модель соотнесения прямых и перекрестных оценок

эмоционального состояния (ЭС) в паре (ЭС мужа и ЭС жены соответственно). Представляется, что потенциал использования рассматриваемого способа включает различные психодиагностические методы и методики, в данной публикации модель применена для изучения эмоциональных расстройств.

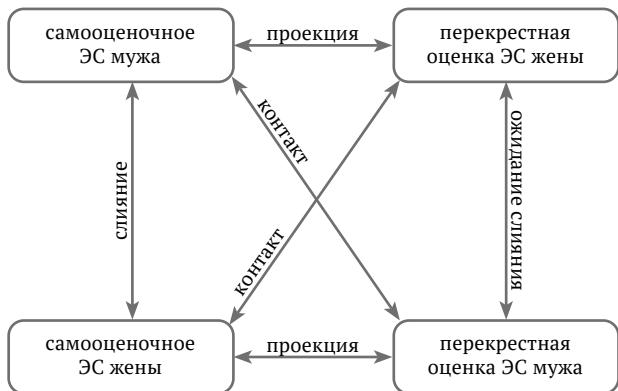
Под прямой самооценкой эмоционального состояния далее понимаются результаты выполнения и обработки психодиагностических методик в строгом соответствии с методическими рекомендациями и инструкциями. Под перекрестной оценкой понимается модификация классических инструкций, когда предложенный стимульный материал опросников просят заполнить уже не для себя, а для супруга (супруги), опираясь на свои наблюдения и знания близкого человека; соответственно получается система перекрестных оценок для мужа и для жены. В процессе создания модели соотнесения оценок была проанализирована корреляционная матрица индивидуальных прямых и перекрестных оценок в паре по предложенным шкалам группы клинико-психологических методик HADS, FIS, BDI, направленных на диагностику актуального эмоционального состояния. Данные шкалы были адаптированы и валидированы в исследованиях, проведенных в русскоговорящей среде [Крейс и др. 2020; Alekseeva et al. 2018; Gavrilov et al. 2018; 2020a; 2020b].

В ходе анализа учитывалось шесть возможных корреляций эмоционального состояния по каждой шкале (на рисунке 1 они представлены стрелками):

- 1) самооценка ЭС мужа и самооценка ЭС жены,
- 2) самооценка ЭС мужа и перекрестная оценка его ЭС женой,
- 3) самооценка ЭС жены и перекрестная оценка ее ЭС мужем,
- 4) самооценка ЭС жены и оценка ее ЭС мужем,
- 5) самооценка ЭС мужем и перекрестная оценка ЭС женой,
- 6) корреляция перекрестных оценок ЭС супружеских.

Логическая схема анализа предполагает дихотомические варианты (есть связь, нет связи), а сама модель предполагает дифференцированную градацию корреляционных отношений в пяти основных вариантах (рис. 1), которые описывают механизмы межличностного восприятия (включая его прерывание и искажение):

1. Изоляция: между изучаемыми шкалами нет корреляционной связи, рассматриваемый показатель независим в перекрестных оценках и самооценках

Прим.: отсутствие корреляционной связи указывает на изоляцию данного показателя, на схеме это не обозначено.

Рис. 1. Модель соотнесения прямых и перекрестных оценок эмоционального состояния в супружеской паре с механизмами межличностных отношений

Fig. 1. Direct vs. cross-assessments of emotional state in a married couple with mechanisms of interpersonal relations

супружества, что может рассматриваться как вариант изоляции данного показателя, обусловленный межличностными отношениями дистанцированности, низким уровнем эмпатии и взаимного интереса, отсутствием навыков рефлексии и т. д.

2. Проекция: корреляция между самооценкой ЭС и перекрестной оценкой ЭС мужа (жены), описывающая одновременное изменение рассматриваемого показателя по принципу «чем хуже мое эмоциональное состояние, тем хуже и твое эмоциональное состояние», рассматривается как вариант атрибутивной проекции обнаружением своих черт и характеристик в поведении другого человека.

3. Слияние: корреляция самооценок ЭС супружеских пар указывает на зависимость прямой оценки ЭС от общей эмоциональной атмосферы в отношениях, которая может быть более депрессивная (или более тревожная), что может указывать на большую близость, сильную связь, варианты слияния, т. е. отсутствие различий, стремление быть одинаковыми, растворения в партнере или семейном мы с игнорированием и пренебрежением возможными индивидуальными различиями.

4. Ожидание слияния: корреляция перекрестных оценок ЭС супружеских пар между собой также указывает на взаимность ожиданий, подчеркивает степень слияния, их наблюдения друг относительно друга находятся в прямой зависимости от степени их ожиданий, как им хотелось бы, чтобы их видели (чувствовали), что может быть условно определено как ожидание слияния.

5. Контакт: корреляции самооценки и перекрестной оценки ЭС (самооценка супруга – перекрестная оценка ЭС супруга супругой и самооценка ЭС супруги – перекрестная оценка ЭС супруги супругом) указывает на возможность узнавания эмоционального состояния супруга с соотнесением его с собственными характеристиками, что может быть обозначено как контакт (я чувствую себя и я чувствуешь тебя).

Таким образом, рассматриваемая модель соотнесения оценок содержит 5 вариантов взаимосвязи параметров эмоционального состояния в оценках супружеских пар, детерминированных особенностями их отношений, эмпатии и рефлексии, включающих аффективно-эмпатический, когнитивный, поведенческий компоненты отношений, и их прерываний в градациях изоляция – проекция – контакт – слияние, указывая на особенности межличностного восприятия и его искажения. Очевидно, что каждый параметр может иметь несколько статистически значимых корреляций, в связи с чем диагностическое значение приобретает анализ выраженности корреляционной связи, ее значимости и направленности, а также общее количество связей между показателями. Последующие рассуждения опираются на анализ количества значимых достоверных корреляционных связей. За основу может быть взят наиболее сильный коэффициент корреляции, который считается основным или преобладающим, и далее по убыванию силы корреляционной связи определяется вклад остальных показателей, понимаемых как компоненты восприятия эмоционального состояния.

Цель данного исследования – выявить особенности прямых и перекрестных оценок эмоциональных расстройств в супружеских парах.

Методы и материалы

Объект исследования: 44 семейные пары, не обращавшиеся к врачу. Возраст мужчин – $44 \pm 3,7$. Возраст женщин – $38 \pm 2,2$. Средний стаж брака (рассчитывался как период времени от начала близких отношений до момента исследования) – $16 \pm 2,9$.

Предмет исследования: механизмы социальной (семейной) перцепции и их искажения (прерывания), влияющие на восприятие и оценку клинически значимых признаков эмоциональных расстройств в паре.

Методы: клинико-психологический: опросник депрессивности BDI, госпитальная шкала тревоги и депрессии HADS, шкала влияния усталости FIS; методы статистической обработки. Используемые методы и дизайн проводимого исследования одобрены

этической комиссией. Участие в исследовании было добровольным и включало информированное добровольное согласие с соблюдением этических норм и принципов психоdiagностических исследований.

Дизайн исследования на первом этапе включал однократное психоdiagностическое исследование прямых и перекрестных оценок ЭС в паре *супруг – супруга* для получения четырех вариантов ответов:

1. Выполнение методики одним из супружей.
2. Выполнение методики партнером (супругом или супругой соответственно).
3. Выполнение методики со стороны, как он видит (чувствует) ее эмоциональное состояние.
4. Выполнение методики со стороны, как она видит (чувствует) его эмоциональное состояние.

На втором этапе изучались особенности полученной корреляционной структуры.

На третьем этапе результаты были соотнесены с теоретической моделью (рис. 1).

Результаты

В таблице 1 представлены средние показатели оценки эмоционального состояния для использованной группы психоdiagностических методик, направленных на изучение уровня тревоги и депрессии, определения факторов, влияющих на усталость.

Отметим, что в клинической практике оценочные психоdiagностические методики всегда сопоставляются с данными анамнеза, диагностическими критериями МКБ и актуальными клиническими

рекомендациями по оказанию помощи. Средние показатели опросника BDI в изучаемой выборке находятся в нормативном диапазоне, означающем отсутствие депрессивной симптоматики как в самооценках, так и в перекрестных оценках ЭС супружей (табл. 1). Детальное изучение выборки позволяет дифференцировать преобладание отдельных когнитивно-аффективных признаков депрессии и относительно менее выраженные соматические проявления. Характеристика исследуемой выборки по общему показателю BDI: отсутствие депрессии (0–9 баллов): 28 мужчин (64 %) и 28 женщин (64 %); легкая депрессия (10–15 баллов): 12 мужчин (27 %) и 9 женщин (25 %); умеренная депрессия (16–19 баллов): 2 мужчины (5 %) и 4 женщины (9 %); выраженная депрессия (20–29 баллов): 1 мужчина (2 %) и 1 женщина (2 %); тяжелая депрессия (30–63 балла): 1 мужчина (2 %).

Средние баллы госпитальной шкалы тревоги и депрессии HADS также не выявили значимой тревожно-депрессивной симптоматики. Тем не менее отмечается тенденция к самооценочному уменьшению уровня депрессии у жен по сравнению с мужчинами. Индивидуальные значения рассматриваемых показателей тревоги и депрессии у мужчин находятся ниже порогового диапазона, у женщин только в одном случае имеется клинически выраженная тревога и депрессия. Таким образом, по этой методике изучаемая выборка в целом характеризуется отсутствием клинически значимых симптомов депрессии и тревоги.

Табл. 1. Средние показатели оценок эмоционального состояния в использованных методиках (BDI, HADS, FIS), баллы
Tab. 1. Mean scores of emotional state assessments by BDI, HADS, and FIS, points

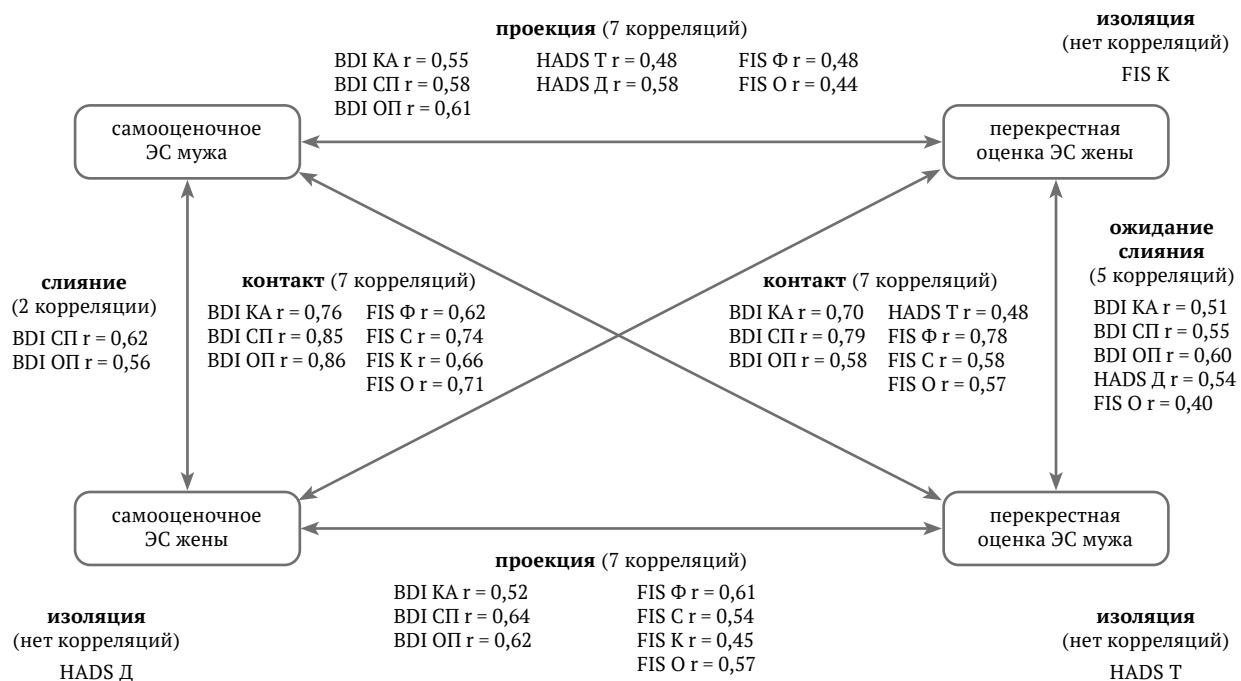
Методика	Шкала	Прямая оценка		Перекрестная оценка	
		ЭС супруга	ЭС супруги	ЭС жены супругом	ЭС мужа супругой
BDI	когнитивно-аффективная субшкала	4,59 ± 0,58	4,44 ± 0,52	3,61 ± 0,43	4,46 ± 0,57
	субшкала соматических проявлений	2,86 ± 0,48	3,30 ± 0,45	3,16 ± 0,4	3,35 ± 0,51
	общий показатель	7,45 ± 0,99	7,74 ± 0,87	6,77 ± 0,76	7,81 ± 1,03
HADS	шкала тревоги	3,12 ± 0,28	3,21 ± 0,31	3 ± 0,32	3,25 ± 0,3
	шкала депрессии	3,14 ± 0,28	0,7 ± 0,98	3,6 ± 0,31	3,16 ± 0,26
FIS	когнитивная функция	8,9 ± 1,32	10,15 ± 1,3	9,14 ± 1	9,5 ± 1,37
	физическое состояние	10,39 ± 1,23	12,57 ± 1,11	12,59 ± 1,31	11,82 ± 1,28
	психосоциальное состояние	20,56 ± 2,27	20,32 ± 1,85	18,68 ± 1,98	22,45 ± 2,45
	общий показатель	39,86 ± 4,62	43,04 ± 3,85	40,41 ± 4,05	43,77 ± 4,93

Согласно правилам интерпретации, шкала оценки влияния утомления на значимые сферы жизни FIS не имеет пороговых значений, однако отмечается усиление негативного эффекта по мере нарастания шкальных показателей, в связи с чем можно отметить более сильное влияние утомления на психосоциальное функционирование по сравнению с когнитивными функциями и физическим состоянием супружеских пар, что проявляется и в системе перекрестных оценок. Отмечается средний уровень влияния значимых параметров на усталость, достигающий 40 баллов.

Для дальнейшей качественной интерпретации полученных данных использовался метод корреляционного анализа. На рисунке 2 представлены названия шкал и коэффициенты корреляций в соотнесении с описываемой моделью прямых и косвенных оценок механизмов прерывания (искажения) межличностного восприятия. При этом приоритетное направление анализа направлено на изучение количества значимых статистически достоверных корреляционных связей

по каждому из изучаемых параметров. Стоит отметить, что все полученные коэффициенты находились в положительном диапазоне, что отражает механизмы прямой обратной связи в прямых и перекрестных оценках эмоциональных состояний супружеских пар.

Сопоставление количества значимых корреляционных связей позволяет составить модель, системно включающую пять описанных выше вариантов искажения (прерывания) оценки межличностной перцепции эмоционального состояния в паре (табл. 2). Проведенный анализ позволяет перейти от описания исходных средних данных (табл. 1) к количеству представленных между ними корреляционных связей, имеющих высокий уровень значимости ($p < 0,05$) и силы выраженности ($r > 0,5$) (табл. 2). Дальнейший анализ основывается на сопоставлении выраженности пяти вариантов искажения оценок: слияния, ожидания слияния, контакта, проекции и изоляции. В таблице 2 представлены полученные результаты, отмечено количество значимых корреляционных

Прим.: ЭС – эмоциональное состояние; BDI KA – когнитивно-аффективная субшкала в методике BDI; BDI СП – субшкала соматических проявлений депрессии в методике BDI; BDI ОП – общий показатель в методике BDI; HADS T – субшкала тревоги в методике HADS; HADS Д – субшкала депрессии в методике HADS; FIS Ф – субшкала влияния усталости на физическое функционирование в методике FIS; FIS С – субшкала влияния усталости на социальное функционирование в методике FIS; FIS К – субшкала влияния усталости на когнитивное функционирование в методике FIS; FIS О – общий показатель влияния усталости в методике FIS.

Рис. 2. Корреляционные плеяды между показателями прямых и перекрестных оценок в сопоставлении с механизмами межличностного восприятия, $p < 0,05$

Fig. 2. Direct and cross-evaluation scores vs. interpersonal perception mechanisms, $p < 0.05$

Табл. 2. Количество значимых корреляционных связей, полученных методом прямых и перекрестных оценок эмоциональных состояний в семейных парах

Tab. 2. Significant correlations obtained by the method of direct and cross-assessments of emotional states in married couples

Методика	Шкала	Механизмы прерывания (искажения)				
		изоляция	проекция	контакт	слияние	ожидание слияния
HADS	шкала тревоги	1	1	1	-	-
	шкала депрессии	1	1	-	-	1
	Всего, количество (%)	2 (25 %)	2 (50 %)	1 (25 %)	0 (0 %)	1 (50 %)
BDI	когнитивно-аффективная субшкала	-	2	2*	-	1
	субшкала соматических проявлений	-	2	2*	1	1
	общий показатель	-	2	2*	1	1
	Всего, количество (%)	0 (0 %)	6 (100 %)	6* (100 %)	2 (67 %)	3 (100 %)
FIS	когнитивная функция	1	1	1	-	-
	физическое состояние	-	1	2	-	-
	психосоциальное состояние	-	2	2	-	-
	общий показатель	-	2	2	-	1
	Всего, количество (%)	1 (6 %)	6 (75 %)	7 (88 %)	0 (0 %)	1 (25 %)
Общий итог, количество (%)		3 (8 %)	14 (78 %)	14 (78 %)	2 (22 %)	5 (55 %)

Прим.: * отмечено количество наиболее сильных корреляционных связей. Указано абсолютное и процентное количество значимых корреляционных связей.

связей для каждой методики по предложенной градации, рассчитаны процентные соотношения от общего количества возможных вариантов для данного искажения. Так как исследование осуществляется по трем методикам (BDI, HADS, FIS), анализируются данные имеющихся девяти шкальных показателей с четырьмя типами оценки (две прямых и две перекрестных) эмоциональных состояний мужей и жен, то возможное полное отсутствие (изоляция) корреляций 36 переменных принимается за 100 % и т.д. В таблице 2 представлены данные для каждой методики отдельно и для всего блока использованных методов в целом, что позволяет дифференцировать степень искажения результатов в каждой методике.

Согласно полученным данным, наиболее сильные и выраженные корреляционные связи наблюдаются для варианта **контакт** – 78 % от возможного количества, также 78 %, но с менее сильной корреляционной связью, представлены для механизма проекции, 55 % взаимовлияний – от ожидания слияния, 8 % изучаемых типов оценки находятся в изоляции, т.е. не связаны с другими оценками. В целом полученные

результаты соответствуют описанию изучаемой выборки, поскольку речь идет о прямых и перекрестных оценках супружеских пар, параметры изоляции представлены в минимальной степени, а максимально выраженными являются механизмы обеспечения контакта, проекции и слияния. Для усиления объективизации полученных взаимными оценками результатов можно говорить о проценте искажения как разнице между максимально возможными 100 % и полученными 78 %, что составляет 22 % соответственно. Стоит отметить преобладание вариантов искажения по типу проекции (78 %), что вместе с учетом параметра слияния (22 %) и ожидания слияния (55 %) может указывать на специфическую семейную атмосферу, в которой супруги могут не замечать и не учитывать существенные различия в эмоциональном состоянии друг друга и иметь выраженную склонность приписывать собственное состояние переживаниям партнера, поскольку механизм носит взаимосвязанный характер. Это может рассматриваться как своеобразный семейный депрессивный фон, влияющий на каждого члена семьи. При этом

вариант *ожидание слияния* (55 %) превосходит показатель слияния (22 %), что может характеризовать мечты, романтическую идеализацию и в том числе растворение в партнере, в связи с чем реальные оценки замещаются собственными проекциями. Однако, в результате одинаковой представленности и механизмов контакта, и механизмов проекции можно отметить, что такая двойственность является возможной мишенью для последующей семейной психотерапии, направленной на улучшение взаимопонимания, развития интра- и интерпсихических коммуникативных навыков, без депрессивного ухода в собственные переживания, слияние и атрибутивное проецирование на партнера собственных депрессивных паттернов.

Рассматриваемая модель соотнесения экспериментальных данных выявила различную чувствительность к механизмам взаимных искажений в используемых методиках. Так, вариант контакта представлен в 100 % случаев опросника BDI, 88 % методики FIS и только 25 % методики HADS: 14 из 18 возможных корреляционных связей (78 % соответственно) для данной группы методов. В связи с этим методика BDI может рассматриваться как более точный метод оценки сниженного настроения в семейных парах, а опросник HADS менее предпочтителен, что может объясняться структурой самих методик. Опросник депрессивности представлен 21 группой утверждений, дифференцирующих признаки депрессии, что позволяет получить более детальную картину оценок. Методика HADS направлена на изучение тревоги и депрессии в семи группах признаков, в связи с чем можно отметить, что при уменьшении оценочных пунктов снижается и уровень контактных признаков для определения эмоционального состояния партнера.

Влияние механизма проекции также максимально прослеживается в оценках опросников BDI (100 %), FIS (75 %) и HADS (50 %), что может являться самостоятельной целью специализированных исследований. Стоит отметить, что большое количество корреляционных связей, указывающих на выраженность механизма проекции, может указывать на сложности внутрисемейных отношений, недостаточное развитие способов коммуникаций, недостаточность эмоциональной близости. Также на это указывают механизмы слияния: BDI (67 %), FIS (0 %), HADS (0 %), соответственно 22 % от общего количества для изучаемой группы методов; ожидания слияния: BDI (100 %), FIS (25 %), HADS (50 %) с общими 55 %

от общего количества корреляционными связями. К искажающему действию механизма изоляции в большей степени относятся методики FIS (6 %) и HADS (25 %), чем BDI (0 %). Учитывая все выше-приведенное, можно отметить, что именно совместное использование батареи клинико-психологических методов, дополняющих клинические данные, позволяет получить объемное качественное представление не только об уровне расстройств настроения каждого члена семьи, но и понять эмоциональную атмосферу и взаимное влияние супругов друг на друга. Отметим, что изучаемая выборка характеризуется двойственными тенденциями, включающими как реалистичную картину самооценки и перекрестной оценки настроения (78 %), так и искаженные варианты проекции, слияния и изоляции, что может указывать на наличие межличностного напряжения, непроясненность, недостаточность эмоциональной близости.

Таким образом, разработанная модель соотнесения и анализа методом прямых и перекрестных оценок эмоциональных расстройств в супружеской паре позволяет объективировать первоначальные самооценочные данные в сопоставлении с оценкой семейных партнеров с учетом поправки на 22 % от количества оценок, учитывающих возможные искажения, получаемых при непосредственном применении группы методов оценки депрессивности Бека (BDI), госпитальной шкалы тревоги и депрессии (HADS), а также шкалы влияния усталости (FIS). Все выделенные корреляции являются положительными, в связи с чем речь идет преимущественно о большой степени согласованности негативных аспектов настроения супругами. Описываемая модель соотнесения оценок, основанная на количественном сопоставлении значимых корреляционных связей, подтверждает эффективность использования теоретической модели восприятия перекрестных оценок, получаемых методом наблюдения семейных партнеров, включающим варианты прерывания (искажения): изоляции, проекции, слияния, и может быть использована в диагностических, психокоррекционных и психопрофилактических мероприятиях, в том числе в семейной психотерапии. Принцип системности в психодиагностических исследованиях позволяет изучать значимые факторы этиопатогенеза расстройств настроения, включая анамнестические и личностно-обусловленные факторы, данные анализа взаимовлияния значимых отношений в межсоциальной среде семейных отношений.

Заключение

Разработанный способ соотнесения прямых и перекрестных оценок подразумевает последовательные качественные переходы: начиная от сбора данных, когда одна и та же психодиагностическая методика в качестве стимульного материала выполняется дважды (в прямой оценке и перекрестной оценке для супруга / супруги), к описанию средних значений изучаемых переменных и анализу возможных корреляционных связей между ними и далее к сопоставлению количества значимых достоверных корреляций с вариантами искажения-прерывания межличностного восприятия (изоляция, слияние, ожидание слияния, проекция, контакт). Данные варианты могут рассматриваться как относительно универсальные, связанные с описанием любого социально-перцептивного взаимодействия в паре (диаде).

Восприятие и оценка эмоционального состояния в супружеских парах представляется сложным системно-организованным феноменом, детерминированным как особенностями индивидуального состояния супругов, так и сложившимися межличностными отношениями и их прерываниями с механизмами прямой обратной связи. Разработанная модель (способ) позволяет дополнить уровень индивидуальных оценок системным исследованием восприятия на уровне диады (пары).

Перспективным для дальнейших исследований представляется методологическое объединение социально-перцептивного подхода и теоретических аспектов гештальт-модальности психотерапии. Проведенный количественный анализ корреляционных связей между прямыми и перекрестными оценками эмоционального состояния может применяться для изучения структурных особенностей механизмов межличностного (семейного) восприятия в градациях *изоляция, слияние, ожидание слияния, проекция, контакт*. Полученные данные для оценки эмоционального состояния супругов могут быть представлены в виде профиля психологических механизмов искажения (прерывания) восприятия: контакт (78 %), проекция (78 %), ожидание слияния (55 %), слияние (22 %), изоляция (8 %). При объективизации индивидуальной оценки эмоционального состояния необходимо учитывать 22 %-ное искажение показателей симптоматики, имеющейся у партнера.

Выявлены значимые механизмы социальной (супружеской) перцепции, негативно влияющие на эмоциональные состояния супругов: взаимное (проективное) соотнесение уровня депрессии и тенденция к слиянию

(раз тебе грустно, то и мне грустно; если мне грустно, то я жду что и ты загрустишь), низкий уровень интеграции состояний усталости, напряжение межличностной перцепции в виде альтернативных вариантов оценки, одновременно включающие варианты контакта и проекции. Соматические признаки эмоциональных нарушений оказывают приоритетное влияние на оценку эмоционального состояния в паре по сравнению с когнитивно-аффективными признаками.

Разработанная модель (способ) соотнесения прямых и перекрестных оценок для изучения особенностей восприятия эмоционального состояния супругами обладает более широким потенциалом применения, подразумевающим совместное (парное) использование психодиагностических методик различной направленности, совмещая этапы исследования с интерпретацией получаемых данных. Однако, стоит отметить различную чувствительность используемых методов, так, шкала депрессивности Бека (BDI) позволяет получить более дифференцированные данные относительно перекрестной оценки уровня депрессивного настроения в паре и может рассматриваться как более чувствительная по сравнению со шкалами FIS и HADS.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: Д. Н. Чугунов – разработка методологии исследования, дизайна исследования, анализ эмпирических данных, написание статьи и подготовка окончательной редакции текста, формулирование выводов. И. Г. Негореева – разработка методологии исследования, редактирование текста статьи, формулирование выводов. Г. Г. Шкильнюк – написание статьи и подготовка окончательной редакции текста, сбор и анализ эмпирических данных. А. Е. Рудель – разработка дизайна исследования, сбор и анализ эмпирических данных, написание статьи. М. А. Буткевич – обзор литературы, подготовка окончательной редакции текста. Ю. В. Гаврилов – руководство исследовательским проектом, разработка методологии исследования, анализ эмпирических данных, редактирование текста статьи, формулирование выводов.

Contribution: D. N. Chugunov developed the research methodology and design, analyzed the empirical data, drafted and proofread the manuscript, and formulated the conclusions. I. G. Negoreeva developed the research methodology, proofread the article, and formulated the conclusions. G. G. Shkilnyuk collected and analyzed the empirical data, as well as drafted and proofread the manuscript. A. E. Rudel developed the research design, collected and analyzed the empirical data, and wrote the article. M. A. Butkevich was responsible for the review and the final version of the text. Y. V. Gavrilov supervised the research, developed the methodology, analyzed the empirical data, proofread the article, and formulated the conclusions.

Финансирование: Работа финансировалась Министерством образования и науки, госзадание № FGWG-2025-0005 (1022041101015-4-3.1.9). Название проекта: Молекулярные механизмы реализации взаимодействия иммунной и нервной систем в норме и при патологии и поиск новых путей коррекции нарушения защитных функций организма.

Funding: The research was supported by the Ministry of Education and Science, State Assignment No. FGWG-2025-0005 (1022041101015-4-3.1.9): Molecular mechanisms of interaction of immune and nervous systems in norm and pathology; new ways of improving protective functions of the organism.

Литература / References

- Алексеева О. С., Баскаева О. В., Козлова И. Е., Паршикова О. В. Взаимные оценки в дифференциальнопсихологическом исследовании. *Дифференциальная психология и дифференциальная психофизиология сегодня: науч. конф.* (Москва, 10–11 ноября 2011 г.) М.: Смысл, 2011. С. 43–45. [Alekseeva O. S., Baskaeva O. V., Kozlova I. E., Parshikova O. V. Mutual assessments in differential psychological research. *Differential psychology and differential psychophysiology today: Proc. Sci. Conf.*, Moscow, 10–11 Nov 2011. Moscow: Smysl, 2011, 43–45. (In Russ.)]
- Андреева И. Н. Концептуальное поле понятия «эмоциональный интеллект». *Вопросы психологии*. 2009. № 4. С. 131–141. [Andreeva I. N. Conceptual area of "emotional intelligence" notion. *Voprosy Psichologii*, 2009, (4): 131–141. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/navdgv>
- Беляева Е. Н., Вассерман Л. И., Мазо Г. Э. Клинико-психологическая диагностика и оценка фактора семейных отношений у пациенток с послеродовой депрессией. *Сибирский психологический журнал*. 2011. № 42. С. 6–13. [Belyaeva E. N., Wasserman L. I., Mazo G. E. Clinical-psychological diagnostics and estimation of the factor of family relations at patients with postpartum depression. *Sibirskiy Psichologicheskiy Zhurnal*, 2011, (42): 6–13. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/opxbsn>
- Бодалев А. А., Столин В. В. Общая психодиагностика. М.: Речь, 2000. 438 с. [Bodalev A. A., Stolin V. V. *General psychodiagnostics*. Moscow: Rech, 2000, 438. (In Russ.)]
- Бочаров В. В., Шишкова А. М., Дубинина Е. А., Караваева Т. А., Старунская Д. А., Черная Ю. С., Сарайкин Д. М., Винникова А. Ю. Психологические характеристики микросоциального окружения как предикторы ремиссии у пациентов с депрессивными и тревожными невротическими расстройствами. *Обозрение психиатрии и медицинской психологии имени В. М. Бехтерева*. 2024. Т. 58. № 4-2. С. 65–77. [Bocharov V. V., Shishkova A. M., Dubinina E. A., Karavaeva T. A., Starunskaya D. A., Chernaya Yu. S., Saraykin D. M., Vinnikova A. Yu. Psychological characteristics of the microsocial environment as predictors of remission among patients with depressive and anxiety neurotic disorders. *Obozrenie Psihiatrii i Medicinskoy Psichologii Imeni V. M. Bekhtereva*, 2024, 58(4-2): 65–77. (In Russ.)] <https://doi.org/10.31363/2313-7053-2024-1013>
- Волобуев Я. В., Леви Т. С., Савченко Т. Н. Межличностные отношения супругов с разными типами психологических границ. *Психологический журнал*. 2020. Т. 41. № 6. С. 14–25. [Volobuev Ya. V., Levy T. S., Savchenko T. N. Interpersonal relations of spouses with different types of psychological boundaries. *Psikhologicheskii Zhurnal*, 2020, 41(6): 14–25. (In Russ.)] <https://doi.org/10.31857/S020595920012580-4>
- Егорова М. С., Паршикова О. В., Черткова Ю. Д. Сходство супругов по показателям темной триады. *Дифференциальная психология и психофизиология сегодня: способности, образование, профессионализм: Междунар. конф.* (Москва, 21–22 октября 2021 г.) М.: ПИ РАО, 2021. С. 304–307. [Egorova M. S., Parshikova O. V., Chertkova Yu. D. Similarity of spouses on the dark triad indicators. *Differential psychology and psychophysiology*]

today: Abilities, education, and professionalism: Proc. Intern. Conf., Moscow, 21–22 Oct 2021. Moscow: PI RAE, 2021, 304–307. (In Russ.)]

Зинкер Дж. В поисках хорошей формы: Гештальт-терапия с супружескими парами и семьями. М.: Класс, 2000. 311 с. [Zinker J. *In search of good form: Gestalt therapy with couples and families*. Moscow: Klass, 2000, 311. (In Russ.)]

Касьянов Е. Д., Хобейш М. А., Вербицкая Е. В., Мазо Г. Э. Скрининг аффективных расстройств в российской популяции: протокол разработки и валидации электронного структурированного опросника. *Социальная и клиническая психиатрия*. 2023. Т. 33. № 2. С. 17–24. [Kasyanov E. D., Khobeish M. A., Verbitskaya E. V., Mazo G. E. Screening for mood disorders in the Russian population: A protocol for the development and validation of an electronic structured questionnaire. *Sotsial'naya i klinicheskaya psikiatriya*, 2023, 33(2): 17–24. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/llnpty>

Колесников И. А., Беляева Е. Н., Добряков И. В., Зазерская И. Е., Вассерман Л. И. Депрессивные расстройства у женщин во время беременности и после родов: роль семейных отношений. *Современные проблемы клинической психологии и психологии личности: Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. уч.* (Новосибирск, 14–15 сентября 2017 г.) Новосибирск: НГУ, 2017. С. 307–315. [Kolesnikov I. A., Belyaeva E. N., Dobryakov I. V., Zazerskaya I. E., Wasserman L. I. Depressive disorders during pregnancy and after birth: The role of family relations. *Modern problems of clinical psychology and personality psychology: Proc. All-Russian Sci.-Prac. Conf. with Intern. participation*, Novosibirsk, 14–15 Sep 2017. Novosibirsk: NSU, 2017, 307–315. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/zlfrcj>

Крейс О. А., Алексеева Т. М., Гаврилов Ю. В., Валко Ф. О., Валко Ю. Диагностика сонливости, усталости и депрессии у пациентов с миастенией гравис. *Нервно-мышечные болезни*. 2020. Т. 10. № 4. С. 27–37. [Kreis O. A., Alekseeva T. M., Gavrilov Y. V., Valko F. O., Valko Yu. Diagnosis of sleepiness, fatigue and depression in patients with myasthenia gravis. *Nervno-Myshechnye bolezni*, 2020, 10(4): 27–37. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17650/2222-8721-2020-10-4-27-37>

Лебедева Н., Иванова Е. Путешествие в гештальт: теория и практика. М.: Речь, 2023. 387 с. [Lebedeva N., Ivanova E. *Journey into gestalt: Theory and practice*. Moscow: Rech, 2023, 387. (In Russ.)]

Лосый Е., Синицару Л. Особенности межличностных отношений и эмоциональных переживаний в супружеских парах в зависимости от стажа семейной жизни. *Вестник Вятского государственного университета*. 2021. № 4. С. 129–139. [Losy E., Sinitzaru L. Features of interpersonal relationships and emotional experiences in married couples depending on the length of family life. *Herald of Vyatka State University*, 2021, (4): 129–139. (In Russ.)] <https://doi.org/10.25730/VSU.7606.21.056>

Образцова Л. Особенности диагностики психических расстройств и их влияние на динамику внутрисемейных отношений и процесс парной терапии. *Психология и психотерапия семьи*. 2024. № 1. С. 12–24. [Obrazczova L. Diagnostics of mental disorders and their influence on the dynamics of intra-family relationships and family therapy. *Psichologija i psichoterapija semii*, 2024, (1): 12–24. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24412/2587-6783-2024-1-12-24>

Поляков А. М., Волкович Е. В. Взаимная символизация супругов и удовлетворенность браком в период ранней взрослости. *Социокультурные и психологические проблемы современной семьи: актуальные вопросы сопровождения и поддержки*: VIII Междунар. науч.-практ. конф. (Тула, 15–16 ноября 2022 г.) Чебоксары: Среда, 2022. С. 55–60. [Polyakov A. M., Volkovich E. V. Mutual symbolization of spouses and marital satisfaction in early adulthood. *Sociocultural and psychological problems of the modern family: Current issues of support and assistance*: Proc. VIII Intern. Sci.-Prac. Conf., Tula, 15–16 Nov 2022. Cheboksary: Sreda, 2022, 55–60. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vvpdpz>

Прилепских О. С. Гештальт-терапия в работе с тревожными расстройствами. *Психическое здоровье*. 2023. Т. 18. № 6. С. 91–93. [Prilepskikh O. S. Gestalt therapy in dealing with anxiety disorders. *Psikhicheskoe zdorovie*, 2023, 18(6): 91–93. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/koudmy>

Родь В. В. Взаимосвязь эмоциональной близости между супругами и удовлетворенностью браком. *Методология современной психологии*. 2022. № 16. С. 292–300. [Rod V. V. Emotional closeness between spouses vs. marital satisfaction. *Metodologija sovremennoi psichologii*, 2022, (16): 292–300. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/eouxqo>

- Спаниоло Лобб М. Сейчас-ради-потом в психотерапии: гештальт-терапия, рассказанная в обществе эпохи постмодернизма. Ростов н/Д: Феникс, 2015, 367 с. [Spagniolo Lobb M. *The now-for-next in psychotherapy. Gestalt therapy recounted in post-modern society*. Rostov-on-Don: Feniks, 2015, 367. (In Russ.)]
- Сычев О. А. Супружеская атрибуция как фактор удовлетворенности отношениями в парах с различным стажем семейной жизни. *Сибирский психологический журнал*. 2016. № 59. С. 172–187. [Sychev O. A. Marital attributions as a factor of relationship satisfaction among pairs with different duration of marriage. *Sibirskiy Psikhologicheskiy Zhurnal*, 2016, (59): 172–187. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17223/17267080/59/11>
- Толстобров А. Н. Механизмы прерывания контакта у лиц с разным уровнем удовлетворенности супружескими отношениями. *Молодой ученый*. 2022. № 24. С. 558–562. [Tolstobrov A. N. Mechanisms of interruption of contact in individuals with different levels of satisfaction with marital relationships. *Molodoi uchenyi*, 2022, (24): 558–562. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qagyms>
- Холмогорова А. Б., Полкунова Е. В. Особенности семейной системы пациентов с депрессивными расстройствами. *Московский психотерапевтический журнал*. 2004. № 2. С. 142–153. [Kholmogorova A. B., Polkunova E. V. Features of the family system of patients with depressive disorders. *Moskovskii psikhoterapevticheskii zhurnal*, 2004, (2): 142–153. (In Russ.)]
- Чугунов Д. Н. Сравнительный анализ клинического и экспериментально-психологического подходов к оценке уровня депрессии у больных соматоформными депрессиями. *Обозрение психиатрии и медицинской психологии имени В. М. Бехтерева*. 2004. № 4. С. 27–28. [Chugunov D. N. Comparative analysis of clinical and experimental psychological approaches to assessing the level of depression in patients with somatoform depression. *Obozrenie Psihiatриi i Medicinskoy Psihologii Imeni V. M. Bekhtereva*, 2004, (4): 27–28. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/wfrnkf>
- Шматова Ю. Е. Динамика статистических и социологических показателей состояния психического здоровья населения России. *Проблемы развития территории*. 2019. № 3. С. 76–96. [Shmatova Yu. E. Dynamics of statistical and sociological indicators of mental health of the Russian population. *Problems of Territory's Development*, 2019, (3): 76–96. (In Russ.)] <https://doi.org/10.15838/ptd.2019.3.101.5>
- Щелкова О. Ю. Системный подход в медицинской психологии. *Психодиагностика и психокоррекция*, ред. А. А. Александров. СПб.: Питер, 2008. С. 84–114. [Shchelkova O. Yu. Systematic approach in medical psychology. *Psychodiagnostics and psychocorrection*, ed. Aleksandrov A. A. St. Petersburg: Piter, 2008, 84–114. (In Russ.)]
- Эйдемиллер Э. Г., Добряков И. В., Никольская И. М. Семейный диагноз и семейная психотерапия. СПб.: Питер, 2007. 341 с. [Eidemiller E. G., Dobriakov I. V., Nikolskaya I. M. *Family diagnosis and family psychotherapy*. St. Petersburg: Piter, 2007, 341. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qxrojz>
- Эйдемиллер Э. Г., Юстицкис В. Психология и психотерапия семьи. 4-е изд., перераб. и доп. СПб.: Питер, 2008. [Eidemiller E. G., Yustickis V. *Family psychology and psychotherapy*. 4nd ed. St. Petersburg: Piter, 2008. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qxsuox>
- Alekseeva T. M., Kreis O. A., Gavrilov Y. V., Valko P. O., Weber K. P., Valko Y. Fatigue in patients with myasthenia gravis. *Journal of Neurology*, 2018, 265(10): 2312–2321. <https://doi.org/10.1007/s00415-018-8995-4>
- Gavrilov Y. V., Alekseeva T. M., Kreis O. A., Valko P. O., Weber K. P., Valko Y. Depression in myasthenia gravis: A heterogeneous and intriguing entity. *Journal of Neurology*, 2020a, 267(6): 1802–1811. <https://doi.org/10.1007/s00415-020-09767-7>
- Gavrilov Y. V., Shkilnyuk G. G., Konkina E. A., Valko Y., Valko P. O., Gazizova I. R. Frequency and correlates of sleep debt in St. Petersburg. *Sleep and Vigilance*, 2020b, 4(2): 227–236. <https://doi.org/10.1007/s41782-020-00091-8>
- Gavrilov Y. V., Shkilnyuk G. G., Stolyarov I. D., Ivashkova E. V., Ilves A. G., Nikiforova I. G., Valko P. O., Valko Y., Shchelkova O. Yu., Wasserman L. I., Vais E. E. Validation of the Russian version of the fatigue impact scale and fatigue severity scale in multiple sclerosis patients. *Acta Neurologica Scandinavica*, 2018, 138(5): 408–416. <https://doi.org/10.1111/ane.12993>

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/pfgvdn>

Анализ компонентов эмоционального интеллекта детей старшего дошкольного возраста

Архипова Алена Петровна

Детский сад № 146, Россия, Тюмень

eLibrary Author SPIN: 5967-4380

<https://orcid.org/0000-0002-1618-3695>

alena.petrovna3654@gmail.com

Долганов Дмитрий Николаевич

Тюменский государственный университет, Россия, Тюмень

eLibrary Author SPIN: 3479-7195

<https://orcid.org/0000-0003-2389-4978>

Scopus Author ID: 36478516600

Аннотация: Эмоциональный интеллект выступает в качестве важного компонента общего психического здоровья и социальной адаптации, что обуславливает актуальность его исследования. В статье рассмотрены подходы к пониманию психологического феномена эмоциональный интеллект дошкольника как зарубежными, так и отечественными авторами. В данном исследовании акцент направлен на анализ трех компонентов эмоционального интеллекта, что позволяет выделить ключевые элементы, способствующие гармоничному развитию личности в детском возрасте. Цель – изучить аспекты формирования эмоционального интеллекта у детей в старшем дошкольном возрасте. Авторами рассматривается аспект развития эмоционального интеллекта как многомерного явления, что позволяет глубже понять влияние эмоциональных навыков на общую психологическую адаптацию детей. Выделены и рассмотрены компоненты эмоционального интеллекта: распознавание и идентификация эмоций, регуляция эмоциональных состояний, осознание эмоций и чувств. Результаты проведенного качественного и количественного анализа позволили выделить следующие аспекты: дети обнаруживают способность различать и осознанно проявлять основные эмоции: радость, гнев, печаль, страх, спокойствие, удивление; уровень выражения эмоций проявляется на среднем уровне, тогда как способность осмысливать и описывать эмоции проявляется на уровне ниже среднего; выход из возникшей конфликтной ситуации дети, как правило, видят в моделях конструктивного взаимодействия.

Ключевые слова: эмоциональный интеллект, компоненты эмоционального интеллекта, структура эмоционального компонента, идентификация эмоций, эмоциональный опыт, эмоциональное состояние дошкольника

Цитирование: Архипова А. П., Долганов Д. Н. Анализ компонентов эмоционального интеллекта детей старшего дошкольного возраста. *СибСкрипт*. 2025. Т. 27. № 5. С. 852–864. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2025-27-5-852-864>

Поступила в редакцию 20.04.2025. Принята после рецензирования 23.06.2025. Принята в печать 23.06.2025.

full article

Emotional Intelligence Structure in Preschool Children

Alena P. Arkhipova

Daycare Center no. 146, Russia, Tyumen

eLibrary Author SPIN: 5967-4380

<https://orcid.org/0000-0002-1618-3695>

alena.petrovna3654@gmail.com

Dmitry N. Dolganov

Tyumen State University, Russia, Tyumen

eLibrary Author SPIN: 3479-7195

<https://orcid.org/0000-0003-2389-4978>

Scopus Author ID: 36478516600

Abstract: Emotional intelligence is a major component of mental health and social adaptation. The article reviews foreign and Russian approaches to emotional intelligence in preschool children. The three-component structure of emotional intelligence made it possible to identify the key elements of steady personal development in preschoolers. Emotional intelligence development is a multidimensional phenomenon, where emotional skills affect the overall psychological adaptation. Emotional intelligence includes ability to detect and identify emotions, regulation of emotional states, and awareness of emotions and feelings. In this study, the children were able to manifest the major emotions (joy, anger, sadness, fear, calmness, surprise) and distinguish them. The expression level was

average while the ability to comprehend and describe emotions proved to be below average. Conflict resolution involved constructive interaction.

Keywords: emotional intelligence, components of emotional intelligence, structure of emotional component, identification of emotions, emotional experience, emotional state of a preschooler

Citation: Arkhipova A. P., Dolganov D. N. Emotional Intelligence Structure in Preschool Children. *SibScript*, 2025, 27(5): 852–864. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/sibscript-2025-27-5-852-864>

Received 20 Apr 2025. Accepted after peer review 23 Jun 2025. Accepted for publication 23 Jun 2025.

Введение

Современным родителям нравится предлагать детям дошкольного возраста так называемое лучшее образование, особенно в возрасте до 6 лет, которое позволяет эффективно учиться всему. Например, согласно исследованиям 2021 г., 17 % родителей предпочитают, чтобы их дети дополнительно занимались математикой, развитием логического и творческого мышления на курсах подготовки к школе. Уделяя особое внимание развитию и укреплению физического здоровья, родители записывают своих детей на плавание и гимнастику – 14 %. Еще одно популярное направление предпочитают 11 % родителей – занятие футболом¹.

Больше всего беспокоит родителей, насколько эффективно развитие их детей в музыке, искусстве, иностранном языке, логическом мышлении, телодвижениях, межличностных отношениях. Большую часть времени дети дошкольного возраста проводят в детском саду. Именно там многие дети включаются в процессы физического, когнитивного и эмоционального развития. Рассматривая личностные и социальные факторы, которые необходимы дошкольникам для индивидуального успеха в дальнейшей жизни, важно отметить развитие эмоционального интеллекта, т. к. именно этот компонент важен в межличностном общении в дальнейшей жизни ребенка [Архипова, Васягина 2022; Гасан 2018; Готтман, Деклер 2018; Нгуен 2007а; 2007б; Прозументик, Жигалова 2023; Прусакова, Сергиенко 2006; Сергиенко и др. 2019; Stoica, Roco 2013; Terzioğlu 2018; Volik 2021]. Социальные взаимодействия дошкольников помогают им удовлетворять свои потребности более высокого уровня и проявлять свои таланты. Социальные взаимодействия и модели поведения составляют основу жизни и способствуют социальному развитию, а значит интеллектуальному и личностному развитию.

Когда мы обсуждаем эмоциональный интеллект, важно понимать, что речь идет не о выдающихся умственных способностях, быстроте анализа или широте знаний. Эмоциональный интеллект формирует фундамент, на котором строятся социальные успехи и благополучие человека. Каждому родителю важно, чтобы его ребенок стал не просто успешным, но и полноценным, состоявшимся человеком, способным реализовать свой потенциал.

В современных реалиях родители все чаще стремятся окружить своих детей разнообразными секциями и кружками, полагая, что это поможет развить их способности. Однако такая загруженность нередко лишает детей времени для самовыражения, общения со сверстниками и простых активностей, необходимых для полноценной социализации. Это может негативно сказаться на их социально-эмоциональном развитии. Тем не менее именно эта сфера играет ключевую роль в гармоничном развитии ребенка. Она способствует более глубокому пониманию собственных эмоций и эмоций окружающих, раскрывает возможности в общении и взаимодействии. Социально-эмоциональное развитие становится важной основой, придающей новый импульс не только в личной жизни, но и в учебной деятельности. Данный факт особо подчеркивал Л. С. Выготский, как на это указывает А. В. Дегтярев, рассуждая о важности развития не только интеллектуальной сферы, но и способности чувствовать, тем самым обеспечивая положительные переживания социальной ситуации, что оказывает влияние на его эмоциональное благополучие и позитивную направленность его формирующей личности [Дегтярев 2012].

Общественное мнение часто рассматривает эмоции как недостаток, как слабую сторону, мешающую достижению целей. Однако стоит отметить, что глубокие

¹ Судейская А. Стало известно, какие кружки чаще всего выбирают для детей россияне. *Skilbox Media*. 13.09.2023. URL: <https://skillbox.ru/media/estalo-izvestno-kakie-kruzhhki-chashche-vsegdvybirayut-dlya-detey-rossiyane> (дата обращения: 02.11.2024).

знания и высокая квалификация в профессиональной сфере не всегда гарантируют человеку успех в жизни. Эмоциональная восприимчивость и умение налаживать контакты с людьми оказываются не менее важными для достижения жизненных целей и построения успешной карьеры. Итак, понимание и развитие эмоционального интеллекта необходимо для полноценного роста личности, способной адаптироваться и процветать в быстро меняющемся мире.

По утверждению И. Н. Андреевой, первооткрывателями концепции эмоционального интеллекта стали Дж. Майер и П. Сэловей. Они предложили рассматривать эмоциональный интеллект как многоаспектный инструмент, включающий в себя навыки восприятия, анализа и интерпретации эмоций. Такой подход позволяет человеку эффективно интегрировать эмоциональные аспекты в его представления о внутреннем состоянии и переживаниях. Более того, исследователи акцентируют внимание на важности способности не только осознавать собственные эмоции, но и уметь распознавать эмоциональные состояния окружающих, что способствует улучшению межличностного взаимодействия, создавая более глубокие и гармоничные связи между людьми. Вместе с тем важной частью их концепции является умение адекватно выражать эмоции, что не только помогает в саморазвитии, но и значительно улучшает коммуникацию и укрепляет социальные связи. Таким образом, эмоциональный интеллект оказывается жизненно важным элементом, необходимым для успешного функционирования личности в различных сферах деятельности и на социальном уровне [Андреева 2006].

Исследования в области эмоционального интеллекта охватывают широкий спектр аспектов, включая регуляцию эмоций, их выражение, эмпатию и восприятие эмоций. В последнее время особый интерес вызывает концепция эмоционального интеллекта, которая определяется как способность не только точно улавливать эмоции окружающих, но и осмысленно анализировать их, а также эффективно использовать и регулировать собственные эмоциональные состояния. Эта конструкция была впервые детально разработана Дж. Майером и П. Сэловей в 1997 г. и с тех пор стала одной из ключевых тем в области психологии, подчеркивающей важность эмоциональной осознанности для гармоничного функционирования в социальной среде. Такие навыки становятся особенно актуальными в условиях, когда эмоциональная компетентность играет решающую роль в установлении межличностных связей и преодолении жизненных трудностей.

Д. Гоулман, определяя сущность эмоционального интеллекта, указывает на важность способности мотивировать себя к достижениям несмотря на имеющиеся преграды, контролировать импульсивные проявления и находить оптимальный баланс между положительными и отрицательными переживаниями [Гоулман 2019]. Однако стоит отнести к данному подходу с осторожностью, т. к. Д. Гоулман представляет не академическую линию, а является популяризатором науки. В более широком смысле эмоциональный интеллект представляет собой способность личности управлять эмоциональной информацией. Эмоциональная информация представляет собой совокупность субъективных эмоциональных проявлений, проявляемых самим человеком, и совокупность эмоциональных реакций, демонстрируемых другими людьми [Люсин 2004]. Эмоциональный интеллект детей старшего дошкольного возраста значим, потому что у каждого ребенка есть множество уникальных отрицательных и положительных эмоций, которые необходимо проявлять, развивать, использовать, поскольку каждый ребенок развивается непрерывно. Не менее важно, чтобы каждый ребенок получал пользу от надлежащего ухода за своим эмоциональным и физическим здоровьем.

Способность понимать свои собственные чувства и контролировать их – одно из главных достижений первого детства. Те дети, которые могут понимать свои собственные эмоции, способны контролировать то, как они их проявляют, и быть чувствительными к эмоциональным проявлениям других.

Прогностическое значение эмоционального интеллекта является актуальным вопросом на сегодняшний день. В качестве моделей способностей рассматривается эмоциональный интеллект как предиктор просоциального поведения. Эмоциональный интеллект выступает не только как важный компонент эффективного поведения, но и как базовый элемент организаторских способностей личности. Отмечается глубокая взаимосвязь между эмоциональным интеллектом и лидерскими качествами: развитый эмоциональный интеллект способствует успеху в роли лидера [Карелина 2017]. Работы А. А. Телегина и Е. Б. Лисовской поднимают вопрос о том, что уровень развития эмоционального интеллекта напрямую коррелирует с проявлениями самоактуализации. Ученые пришли к выводу, что компоненты эмоционального интеллекта, касающиеся управления эмоциями и их восприятия, имеют значительную связь с ценностными ориентациями индивида [Лисовская 1981; Телегин 2002].

Это наблюдение указывает на то, что по мере увеличения навыков управления и осознания собственных эмоций возрастает и степень принятия ценностей, присущих самоактуализирующейся личности [Bar-On 2006].

Можно утверждать, что эмоциональный интеллект представляет собой более чем просто набор умственных навыков; он является ключевым фактором, способствующим раскрытию внутреннего потенциала человека. Эмоциональная осознанность, сопровождаемая способностью к эмпатии, открывает путь к более глубокому пониманию как себя, так и окружающих, что в свою очередь ведет к повышенным уровням самоактуализации и ценностного восприятия. Данный подход подчеркивает, что эмоциональная грамотность является неотъемлемой частью этических и ценностных аспектов человеческого существования, влияясь в общую картину личностного роста и развития. Лица с высокоразвитыми навыками эмоционального интеллекта, как правило, проявляют более открытую и гуманистическую позицию, что способствует лучшему взаимопониманию и гармоничным взаимодействиям в обществе. Таким образом, развитие эмоционального интеллекта можно считать основополагающим элементом в процессе личностного роста и стремления к полноценной жизни. Изучение эмоционального интеллекта у дошкольников становится особенно важным, поскольку именно в этом возрасте у детей происходит активное формирование эмоций, осознание себя и способности поставить себя на место другого.

А. В. Дегтярев подчеркивает, что взаимодействие со взрослыми играет ключевую роль в интеллектуальном развитии ребенка, при этом эмоциональный компонент взаимодействия между ребенком и взрослым оказывается особенно значимым [Дегтярев 2012]. Е. И. Захарова акцентирует внимание на том, что родители, исполняя одну из главных функций семьи – обеспечение эмоциональной поддержки, а также функция признания и удовлетворения потребностей ребенка, создают необходимые условия для безопасного и успешного интегрирования малыша в социальное окружение. Такое внимательное отношение родителей не только содействует развитию эмоционального интеллекта, но и формирует у ребенка уверенность в своих силах и готовность к взаимодействию с окружающими [Захарова 2008].

Структура эмоционального компонента эмоционального интеллекта представляет собой многогранное явление, которое включает в себя различные аспекты.

Например, П. Сэловей выделял три ключевых типа способностей: 1) идентификация и выражение эмоций, 2) регуляция собственных эмоций, 3) использование эмоциональной информации для оптимизации своего мышления и поведения [по: Юрьева 2019]. В концептуальной модели, разработанной С. Космицким, О. П. Джоном, Д. В. Ушаковым и А. И. Савенковым, акцент был сделан на двух составляющих: вербальной и практической (или поведенческой). Эти аспекты отражают способность осознавать и анализировать свою эмоциональную сферу, осмысленно взаимодействовать с социальными явлениями [Савенков 2006]. Т. Ю. Кудряшова исследовала компоненты эмоционального интеллекта у детей старшего дошкольного возраста и выделила два главных аспекта: понимание как собственных, так и чужих эмоций; управление этими эмоциями [Кудряшова 2018].

На этапе дошкольного развития формирование эмоционального интеллекта является критически важным, поскольку именно в этот период начинается активное развитие концентрации внимания и самосознания. Дети осваивают не только способность осознавать и понимать собственные эмоции, но и учатся различать чувства окружающих и постепенно начинают ставить себя на место других людей. Этот процесс развития эмоционального интеллекта играет значительную роль в улучшении их навыков регулирования эмоционального выражения. Ребята учатся контролировать свои чувства, осознавать, каковы эмоции других, и принимать их, что открывает двери к более глубокому пониманию эмоционального мира окружающих. Таким образом, развитие эмоционального интеллекта у детей не только способствует их индивидуальной социально-психологической адаптации, но и имеет долговременные последствия для образования здоровых и гармоничных межличностных связей. Это значительно содействует общему благополучию и гармонии в их жизни, позволяя им строить крепкие отношения и вести удовлетворяющее существование [Базарсадаева 2013].

Анализ понятия *эмоциональный интеллект* предполагает выделение и описание основных структурных компонентов исследуемого явления [Филиппова и др. 2021]. Эмоциональный интеллект включает в себя множество элементов: распознавание и выражение эмоций, регуляция эмоциональных состояний, использование эмоциональной информации как в жизненных аспектах, так и в профессиональной деятельности. Базовыми способностями эмоционального интеллекта являются распознавание, идентификация

собственных эмоций и эмоций других людей, выражение эмоций самим человеком. События, которые происходят вокруг, наполняют нас различными эмоциональными состояниями, и осознание эмоций и чувств помогает обеспечивать более полную информацию о происходящих событиях, тем самым выражать свои чувства в общении с другими людьми более адекватно и конструктивно. Идентификация эмоций, представляющая совокупность распознавания человеком своих эмоциональных состояний и эмоциональных состояний другого человека по поведению, голосу, мимике и т. п., позволяет более точно выражать свои эмоции и потребности, способность анализировать и в дальнейшем использовать эмоциональные знания. Люди с развитыми способностями понимания эмоций, осознающие разницу между близкими по смыслу эмоциями и чувствами, понимают причинно-следственные связи происходящих событий и эмоциональных состояний. Эмоциональный интеллект может значительно улучшить качество жизни, повысить уровень социальной адаптации человека, если его функционирование достигает высокого уровня внутри личности и в отношениях.

Следующий компонент регуляции эмоциональных состояний – управление своими эмоциями. Человек, владеющий способностью управлять своим эмоциональным состоянием, остается открытым для положительных и отрицательных эмоций и чувств, способен привлекать эмоции или отвлекаться от них в зависимости от оценки их информативности или полезности, способен определить их яркость, целесообразность, типичность т. п. [Аникина, Барабанова 2020]. Как правило, такие люди способны разрешать конфликтные ситуации, конструктивным способом проанализировав эмоции. Этот важный навык, применяющийся в работе, в отношениях с другими людьми, повышает качество жизни человека. Внешне независимое поведение относительно сложившихся ситуаций, предвидение возможного замысла и цели, представление о принципах поведения, составляющее внутреннего человека, доступно человеку на высшем уровне осознания. Эмпатичный подход помогает устанавливать более глубокие межличностные связи, позволяя человеку не только понимать чувства другого, но и реагировать на них соответствующим образом, что в свою очередь обогащает общение, делает его более насыщенным и значимым.

Второй элемент эмоционального интеллекта, регуляцию эмоций, можно разделить на две взаимосвязанные категории: управление собственными эмоциями

и регуляция эмоционального состояния окружающих. Умение контролировать и корректировать свои эмоциональные реакции играет ключевую роль в успешной адаптации к различным жизненным ситуациям. Человек, обладающий этой способностью, может лучше справляться со стрессом и трудностями, оставаясь собранным и уравновешенным в сложных обстоятельствах. Способность воздействовать на эмоциональные состояния других людей также существенно повышает качество межличностного взаимодействия. Второй элемент позволяет налаживать гармоничные и конструктивные отношения между людьми.

Третья составляющая – использование эмоциональной информации, как в жизненных аспектах, так и в профессиональной деятельности, в процессе мышления и деятельности. Прежде всего, это гибкость в планировании, которая позволяет интегрировать эмоциональные аспекты в процесс принятия решений. Эмоциональный контекст может улучшить способность к анализу, подсказывая, какие варианты действий наиболее актуальны в конкретной ситуации. Кроме того, творческое мышление обогащается эмоциональным опытом, позволяя человеку находить нестандартные решения и раскрывать новые горизонты в своей деятельности. Эмоции могут служить катализатором креативности, активируя внутренние ресурсы и открывая двери для новых идей. Также важен аспект перенаправления внимания и мотивации. Эмоциональные реакции могут служить сигналами, подчеркивающими приоритетные задачи и цели. Например, сильное волнение или тревога перед предстоящим заданием могут мотивировать на лучшее выполнение работы, в то время как положительные эмоции могут поддерживать интерес и увлеченность, способствуя более глубокому погружению в процесс.

Таким образом, эмоциональный интеллект выходит за рамки просто осознания и выражения собственных эмоций. Он представляет собой сложный набор навыков, необходимый не только для успешного социального взаимодействия, но и для личностного роста и самосовершенствования. Развивая эмоциональный интеллект, мы получаем возможность глубже понимать как себя, так и окружающий мир, что открывает новые перспективы в общении и профессиональной деятельности [Юдина 2024].

Первый тест измерения эмоционального интеллекта создал Р. Бар-ОН. Это позволило вывести понятие эмоционального интеллекта на новый уровень, поскольку появился способ, с помощью которого

можно было измерить его так же, как многими годами ранее научились измерять IQ [Bar-On 2006; 2010]. С. П. Деревянко рассматривает проблемы диагностики эмоционального интеллекта в детском возрасте. Основываясь на обширных теоретико-методологических материалах отечественных и зарубежных коллег, он определяет три основных аспекта: влияние ситуации на проявление эмоционального интеллекта и характеристики ситуации на качество понимания эмоций; соответствие эмоциональных знаний и навыков контексту ситуации; особенности эмоционального реагирования на содержание ситуации [Деревянко 2009]. Эмоциональный интеллект – относительно новое понятие в психологической науке, и имеется ограниченное количество методов его измерения, именно поэтому остается актуальным вопрос разработки процедуры определения уровня эмоционального интеллекта и его составляющих в детском возрасте.

Ранний дошкольный возраст являются наиболее продуктивным периодом для эмоционального развития, т. к. именно в этот период закладываются основы личности [Андреева 2007; 2009]. Эмоциональное здоровье детей на ранних этапах жизни традиционно оценивается с помощью родительских наблюдений и опросников. По мере взросления, особенно в подростковом возрасте, дети все более самостоятельно анализируют свои эмоциональные состояния. Эмоциональный интеллект – это многоуровневая система, в которой важное значение имеет взаимодействие между эмоциональной коммуникацией взрослых и эмоциональным опытом детей старшего дошкольного возраста [Стожарова, Кузнецова 2020]. Это взаимодействие можно проследить через три ключевых аспекта: восприятие, оценка и выражение эмоций.

1. Восприятие эмоций касается способности взрослых и детей распознавать и интерпретировать эмоциональные сигналы, которые передаются друг другу. Здесь важна внимательность взрослого к эмоциональным проявлениям ребенка. Такая внимательность обеспечивает детям поддержку, в которой они нуждаются, пытаясь выразить свои эмоции. Такая поддержка имеет решающее значение для развития способности ребенка распознавать и понимать свои эмоции, что является важным этапом эмоционального развития.

2. Оценка эмоций включает в себя способность анализировать и интерпретировать эмоциональные состояния. Взрослые предлагают эффективные стратегии преодоления, помогая детям находить слова

для выражения своих чувств и различать положительные и отрицательные эмоции. Такой подход способствует развитию критического мышления и эмоционального самоанализа и позволяет детям лучше понимать и принимать свои внутренние переживания.

3. Выражение чувств проявляется в адекватности их проявления, как вербальной, так и невербальной. В этом отношении на взрослых возложена миссия – подавать пример здорового эмоционального самовыражения. Обсуждение и игровые ситуации – важные инструменты, с помощью которых дети учатся открыто делиться своими чувствами. Это помогает создать атмосферу доверия и укрепить межличностные связи.

Эмоциональное общение и взаимодействие между взрослыми и детьми, с одной стороны, обогащает внутренний мир ребенка новыми переживаниями [Чернобровкин и др. 2021], а с другой – формирует предпосылки для формирования социальных отношений. Этот процесс подчеркивает важность развития эмоционального интеллекта как в самом ребенке, так и в его поведении для обеспечения гармоничного и здорового эмоционального развития. Поскольку эмоциональный интеллект выступает в качестве важного компонента общего психического здоровья и социальной адаптации, его изучение имеет первостепенное значение как для педагогов, так и для родителей.

Цель – изучить аспекты формирования эмоционального интеллекта у детей в старшем дошкольном возрасте.

Методы и материалы

Исследование проводилось в нескольких детских садах города Тюмени: МАДОУ ЦРР № 146, № 50 и № 42. Для исследования методом случайной выборки отобрано 90 детей 5–7 лет, средний возраст – 6 лет.

Основные компоненты эмоционального интеллекта и примененные методики для их выявления:

1. Способность детей воспринимать, оценивать и выражать эмоции. Данный компонент включает способность распознавать и интерпретировать. Выбрана методика «Эмоциональная идентификация» [Изотова, Никифорова 2004], которая способствует более глубокой оценке компонентов эмоционального интеллекта детей дошкольного возраста. В основе проведения методики представляется несколько диагностических серий, которые напрямую позволяют выявить уровень развития ключевых компонентов: распознавание, развитие, восприятие и понимание эмоциональных состояний.

2. Наиболее важным элементом в развитии эмоционального интеллекта детей старшего дошкольного возраста является второй компонент, т. к. эмоциональная регуляция позволяет ребенку не только осознавать свои эмоции, но и при этом контролировать их проявление. Для получения оценки уровня распознавания и интерпретации эмоциональной реакции у ребенка дошкольного возраста применялась экспериментальная методика «Изучение особенностей понимания детьми основных эмоциональных состояний» [Карелина 2017]. Интерес для исследования представляли основные эмоциональные состояния: интерес, радость, страх, гнев, удивление и грусть. Данный метод дает уникальную возможность детально проанализировать не только восприятие детьми различных эмоций, но и их вербальное выражение. Это позволяет более детально исследовать уровень эмоционального интеллекта детей дошкольного возраста и их способность интерпретировать эмоциональные сигналы окружающих. Важным аспектом этого исследования является его направленность на то, как дети распознают и выражают свои эмоциональные состояния. Эти навыки необходимы для дальнейшего развития социального взаимодействия и эмпатии. Применяя данную методику, мы стремимся получить результаты, которые можно использовать для разработки программ, направленных на улучшение эмоциональной осведомленности детей и межличностных отношений. В будущем такие программы могут привести к гармоничному развитию детей и их успешному социальному взаимодействию. Замечено, что дети не только способны распознавать эмоции, но и выражать их с помощью профессиональных выражений, демонстрируя навыки идентификации эмоций и социальной перцепции. Данная методика представляет собой важный инструментарий для диагностики и формирования эмоционального интеллекта у детей дошкольного возраста.

3. Третий ключевой элемент – способность использовать эмоциональную информацию в мыслях и действиях. Данный аспект включает такие важные элементы, как гибкость в планировании, мышление, способность направлять внимание и мотивацию. Все эти элементы опираются на эмоциональное восприятие. Учитывая эмоциональный контекст, гибкое планирование включает в себя способность адаптироваться к изменяющимся обстоятельствам, что особенно важно в современном мире. Умение искать нестандартные решения на основе эмоционального восприятия ситуации также способствует развитию

творческих способностей. Для анализа межличностных отношений детей старшего дошкольного возраста мы выбрали методику «Картинки» Е. О. Смирновой и Е. А. Калягиной [Смирнова, Холмогорова 2003]. Данная методика направлена на выявление умения управлять эмоциями других людей и влиять на их эмоциональное состояние.

Использован коэффициент ранговой корреляции по Спирмену. Автоматизированная математико-статистическая обработка результатов производилась с помощью программы STATISTICA V.10.0.

Результаты

В результате психодиагностического исследования, проведенного с использованием методики «Эмоциональная идентификация» Е. И. Изотовой, показатели идентификации и распознавания эмоций детьми находятся на среднем уровне (табл.). Следует отметить, что ни один из опрашиваемых детей не смог самостоятельно справиться со всеми заданиями, что может указывать на определенные сложности в их способности к эмоциональной идентификации. Среди исследуемых детей 78 % начали называть от 4 до 7 различных эмоций, но при этом нуждались в помощи со стороны педагога, что свидетельствует о необходимости дополнительной поддержки в развитии навыков. Лишь 7,5 % детей показали низкий уровень, перечислив менее 4 эмоций, что указывает на их затруднения в распознавании основных эмоциональных состояний.

Анализируя данные опроса и результаты диагностической серии 1, можно увидеть, что большинство детей старшего дошкольного возраста чаще называют положительные эмоции, такие как радость (96,6–98,0 %), удивление (36,8–62,0 %), спокойствие (42,2–51,0 %), интерес (40,1–43,0 %), а также отрицательные эмоции: грусть (97,6–99,8 %), гнев (78,6–87,5 %), страх (64,2–77,2 %); эмоции, которые называют неустойчиво или часто путают между собой: стыд (15,4–30,1 %), обида (21,4–28,3 %), презрение (6–8,3 %). Показатели способности выражать с радостью, грустью, обидой, страхом, интересом, удивлением (64,3–100 %), выше показателей спокойствие (41,3 %), стыд (33 %), презрение (17,3 %). Данные, полученные в ходе исследования, показывают, что большинство детей старшего дошкольного возраста демонстрируют хорошие навыки в назывании эмоций при использовании пиктограмм – от 64,2 до 98,4 %. Аналогичным образом их способность соотносить эмоции с фотографиями колеблется в диапазоне от 50,4 до 97,9 %.

Табл. Способности восприятия, оценки и выражения эмоций у детей старшего дошкольного возраста, %

Tab. Ability to perceive, evaluate, and express emotions in preschool children, %

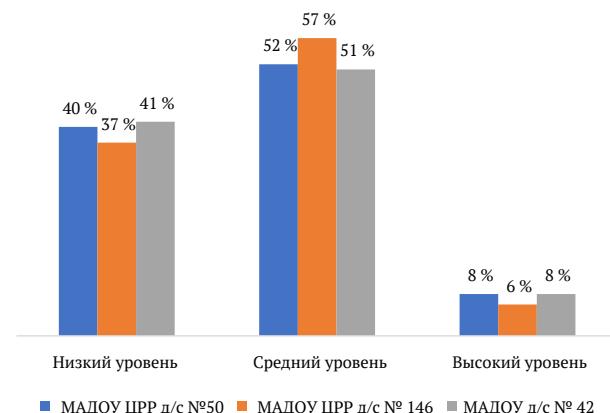
Эмоции	Узнавание по пиктограмме			Соотнесение с фотографией			Умение показывать		
	ДС № 50	ДС № 146	ДС № 42	ДС № 50	ДС № 146	ДС № 42	ДС № 50	ДС № 146	ДС № 42
Радость	97,3	98,4	96,6	89	96,5	91,8	100	100	100
Грусть	99,6	99,8	97,6	97,6	97,9	96,8	100	100	100
Обида	25	28,3	21,4	25	28,3	21,4	100	98	97
Гнев	87,5	78,6	80,4	93,2	92,8	99,8	100	100	100
Страх	64,2	70,6	77,2	82	85	89,9	94,7	99	98,9
Стыд	15,4	22,8	30,1	9,6	20	28	36	33	33
Интерес	40,2	40,1	43	40,2	40,1	43	65,5	77,2	77,3
Спокойствие	42,2	51	47,8	41,8	50,4	45	33,5	47,2	41,3
Удивление	36,8	62	54,3	22,3	45	36,8	38,6	64,3	66,5
Презрение	6	8,2	8,3	5,2	7,8	6,9	12,3	15	17,3

Однако анализ результатов диагностических серий 1 и 2 выявил значительные затруднения у детей в опознании более сложных эмоций, таких как презрение и стыд, которые были названы всего лишь 33 % и 17,3 % респондентов соответственно. При попытке узнать эмоции по пиктограммам и сопоставить их с изображениями на фотографиях получены еще более низкие результаты – 28 и 7,8 %.

Эти результаты наводят на мысль, что дети старшего дошкольного возраста более успешны в выражении и демонстрации собственных эмоций, чем в распознавании и наименовании эмоций других людей. На практике это выражается в том, что уровень их готовности продемонстрировать свои чувства на 12 % превышает способность соотносить эмоции с их визуальными представлениями. Это подчеркивает важность личного опыта и самоидентификации в процессе формирования эмоционального интеллекта у детей, а также необходимость дальнейших исследований, направленных на развитие навыков распознавания более сложных эмоций в дошкольном возрасте.

По итогам психодиагностического исследования по методике «Изучение особенностей понимания детьми основных эмоциональных состояний» И. О. Карелиной представлены результаты способности детей старшего дошкольного возраста эмоционально реагировать в определенных ситуациях (рис. 1). Результаты показывают, что у детей старшего дошкольного возраста (51–57 %) чаще всего

возникают трудности в выборе действий для оказания помощи другим, но при предъявлении вариантов (подсказки) они могут выбрать один из подходящих способов действий, что указывает на средний уровень эмоционального реагирования в определенных ситуациях. Также было обнаружено, что девочки гораздо больше проявляли готовность учитывать эмоциональное состояние другого (*хочется пожалеть, ему так печально*), опираясь на чувство понимания к обиженному, его эмоционального состояния. Немногим отличается процентное соотношение детей старшего дошкольного возраста (37–41 %), которые не знают или не понимают, как действовать в ситуациях, когда необходима помочь. Другими словами, у детей

Рис. 1. Управление своими эмоциями
Fig. 1. Coping with emotions

повышен уровень понимания эмоций, состояние другого ребенка они рассматривают как объект познания, проявляется эмпатийное сопереживание, но при этом мотивация направлена на удовлетворение личных потребностей. Самый низкий процент (6–8 %) – дети, обладающие высоким уровнем эмоционального реагирования. Дети старшего дошкольного возраста уверенно, без подсказок выбирают адекватный образ действий в ситуациях оказания помощи другим детям, они проявляют сочувствие. Их эмпатия преимущественно направлена на удовлетворение потребностей других детей.

Дети старшего дошкольного возраста способны осознанно контролировать свои эмоции и чувства. Они умеют целенаправленно скрывать свои переживания от окружающих и способны подчинять свои спонтанные желания сознательным целям и задачам. Это свидетельствует о развитии их эмоциональной регуляции и способности к самоконтролю. Изучение модальности эмоций у детей старшего дошкольного возраста выявляет, что базовые чувства, такие как радость, страх, злость и удивление, распознаются ими с высоким уровнем понимания. Дети с легкостью определяют и интерпретируют эти эмоции как у себя, так и у окружающих. Однако в отношении более тонких и менее очевидных эмоциональных состояний, таких как печаль, обида и самодовольство, наблюдается существенный дефицит в их осознании. Дети еще не освоили навыки глубокого распознавания и именования более сложных эмоций, что подчеркивает важность дальнейшего развития их эмоционального интеллекта.

Таким образом, хотя у детей старшего дошкольного возраста отмечаются заметные достижения в области осознания и контроля базовых эмоций, они нуждаются в дополнительном внимании и практике для развития способности оценки и интерпретации более сложных эмоциональных состояний. Важно отметить, что данный аспект станет важным шагом не только для формирования эмоционального интеллекта, но и для улучшения навыков социального взаимодействия, которые являются залогом успешной адаптации в будущем. Поддержка со стороны педагогов и родителей в этом процессе может сыграть ключевую роль в полномасштабном развитии эмоционального восприятия у детей, что обеспечит их гармоничное развитие. Это поможет им лучше понимать как свои эмоции, так и чувства окружающих, что будет способствовать их дальнейшему социальному и эмоциональному развитию.

Согласно результатам психоdiagностического исследования по методике «Картинки» Е. О. Смирновой и Е. А. Калягиной, высокий процент (63–67 %) имеют дети, использующие конструктивное решение в момент возникновения ситуации в общении со сверстниками, т. е. ребенок выбирает наиболее доступную модель поведения в общении со сверстником (*Предложу другую игру; Поиграем по очереди*), он разговаривает в данной ситуации, способен проявить инициативу, развивает тему для общения (рис. 2). Процент ниже среднего (18–21 %) показали дети, которые выбирают вербально-оценочное решение, т. е. дети способны услышать высказывания другого и адекватно ответить на них (*Ну ладно, поиграй, а я подожду; Хорошо, сначала ты потом я*). Низкий уровень (7–8 %) показали дети, выбирающие агрессивный выход, т. е. они используют агрессивные действия в общении со сверстниками (*Ударю, если не отдаст; Отберу игрушку, если не отдаст, толкну его*) и не рассматривают другие решения выхода в момент возникновения данной ситуации. Низкий процент (4–12 %) показали дети, которые в качестве выбора представленных ситуативных решений выбирают уход от ситуации. Таким детям свойственно не решение, а уход в свои собственные переживания (*Обижусь; Пожалуюсь маме; Пожалуюсь воспитателю; Убегу и заплачу*).

На уровне первичной обработки статистических данных нами установлена взаимосвязь проявлений эмоционального интеллекта и показателей индивидуальных особенностей психического развития детей старшего дошкольного возраста с использованием корреляционного анализа. Это позволило обеспечить более глубокое понимание полученных данных и выявить значимые закономерности.

Рис. 2. Управление чужими эмоциями

Fig. 2. Coping with other people's emotions

Наблюдается значимая положительная корреляция у детей старшего дошкольного возраста между шкалами эмоционального интеллекта (идентификация и выражение эмоций (Е. И. Изотова)) и шкалами: объем, скорость слухоречевого запоминания ($r = 0,48$; $p < 0,01$); особенность зрительного восприятия ($r = 0,51$; $p < 0,01$); логичность мышления ($r = 0,38$; $p < 0,01$; $r = 0,55$; $p < 0,01$); умение понимать связь событий, тем самым показывая сообразительность ($r = 0,36$; $p < 0,01$); воссоздание целого на основе зрительного восприятия ($r = 0,41$; $p < 0,01$). Наблюдается значимый отрицательный показатель корреляции шкалы **уровень воспроизведения эмоций** с показателями шкалы нахождения недостающих деталей ($r = -0,41$; $p < 0,01$) и уровня сформированности наглядно-образного мышления ($r = -0,32$; $p < 0,01$).

Наблюдается значимая положительная корреляция между шкалами особенности понимания детьми основных эмоциональных состояний (И. О. Карелина) и шкалами: объем, скорость слухоречевого запоминания ($r = 0,61$; $p < 0,01$); особенность зрительного восприятия ($r = 0,54$; $p < 0,01$); логичность мышления ($r = 0,73$; $p < 0,01$; $r = 0,67$; $p < 0,01$); умение понимать связь событий, тем самым показывая сообразительность ($r = 0,49$; $p < 0,01$); воссоздание целого на основе зрительного восприятия ($r = 0,50$; $p < 0,01$). Наблюдается значимый отрицательный показатель корреляции шкалы **уровень воспроизведения эмоций** с показателями шкалы нахождения недостающих деталей ($r = -0,54$; $p < 0,01$) и уровня сформированности наглядно-образного мышления ($r = -0,46$; $p < 0,01$).

Наблюдается значимая положительная корреляция у детей старшего дошкольного возраста между способностью вызывать у других людей те или иные эмоции для улучшения межличностных отношений (Е. О. Смирнова, Е. А. Калягина) и шкалами: объем, скорость слухоречевого запоминания ($r = 0,46$; $p < 0,01$); особенность зрительного восприятия ($r = 0,36$; $p < 0,01$); логичность мышления ($r = 0,42$; $p < 0,01$; $r = 0,36$; $p < 0,01$); умение понимать связь событий, тем самым показывая сообразительность ($r = 0,40$; $p < 0,01$); воссоздание целого на основе зрительного восприятия ($r = 0,32$; $p < 0,01$). В результате анализа были выявлены значимые отрицательные корреляции между шкалой **воспроизведения эмоций** и двумя другими показателями: шкалой нахождения недостающих деталей ($r = -0,36$; $p < 0,01$) и уровнем сформированности наглядно-образного мышления ($r = -0,32$; $p < 0,01$).

Эти данные указывают на то, что чем выше уровень навыков в восприятии и воспроизведении эмоций,

тем ниже показатели способности к нахождению недостающих элементов, а также к формированию ярких наглядных образов. Данная взаимосвязь может говорить о наличии определенных затруднений в области когнитивного восприятия, что может отражаться на эмоциональной осведомленности детей. Таким образом, существуют предпосылки для углубленного изучения роли наглядно-образного мышления в контексте эмоционального интеллекта. Важно учитывать это взаимодействие при разработке программ, направленных на развитие как эмоциональных, так и когнитивных навыков у детей старшего дошкольного возраста.

Заключение

Данные проведенного качественного и количественного анализа показателей эмоционального интеллекта продемонстрировали, что дети дошкольного возраста способны распознавать не более семи основных эмоций. Однако, эта способность является неоднородной, например, детям легче связывать эмоции с их словесными названиями, а не идентифицировать их по визуальным образам (фотографии, картинки) и воспроизводить в своих проявлениях. Средний дошкольный возраст – период, когда эмоциональная сфера у детей продолжает интенсивно развиваться и становится более стабильной. Ребенок не всегда способен осознать все сложности, проблемы и задачи, с которыми ему приходится сталкиваться, в этот период может наблюдаться негативное проявление (упрямство, агрессивность, негативизм). Самое ценное, в чем нуждается в этот период ребенок, это одобрение и похвала от значимого взрослого рядом. Стоит заметить, что стабильные достижения для ребенка значительно важнее разового успеха, возможность правильно оценивать свои возможности зависит от того, как ребенок начинает сопоставлять свои результаты с достижениями окружающих его сверстников, оценивание себя как плохого / хорошего мальчика или девочки оказывает важную роль на формирование личности и дальнейшее взаимодействие с окружающими. Выводы исследования:

1. Сформированные компоненты эмоционального интеллекта в контексте восприятия и понимания эмоционального состояния демонстрируют интересные результаты, а именно показатели выше среднего уровня, связанные с воспроизведением и вербализацией эмоций. Данные показатели указывают на способность детей не только распознавать различные эмоциональные состояния, но и адекватно называть /

выражать свои эмоции через слова и действия. На стабильном уровне наблюдается произвольное выражение эмоций, способность различать и осознанно проявлять основные эмоции: радость, гнев, печаль, страх, спокойствие, удивление. О значительном прогрессе развития эмоциональной сферы и социальной адаптации ребенка свидетельствует разнообразие вариантов эмоциональных проявлений.

2. Выраженность компонентов эмоционального интеллекта, связанного с выражением эмоций в ситуативном контексте и коммутивных навыков, соответствует среднему уровню развития, а уровень осмысливания и описания проявления эмоций остается на низком уровне. Это лишний раз подчеркивает, что дети могут демонстрировать в ответ на ситуацию свои эмоции, но осознание и вербализация эмоции часто оказываются недостаточными. Несмотря на то что сформированы ключевые аспекты эмоционального интеллекта у детей старшего дошкольного возраста, существует необходимость в дальнейшем развитии их способности глубже осознавать и описывать эмоциональные состояния, что в будущем позволит им лучше адаптироваться в социальных взаимодействиях и укрепить свои навыки взаимопонимания.

3. Дети старшего дошкольного возраста чаще всего выбирают в конфликтной ситуации конструктивную

модель поведения, тем самым договариваются со сверстниками, объясняя свои притязания, также отмечается то, что дети выбирают вербально-оценочное решение, т. е. предпочитают вербальное и продуктивное (эффективное) решение, тем самым уходя от агрессии и принятия решения конструктивными или вербально-оценочными способами.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: А. П. Архипова – формулирование общих целей и задач исследования, обзор и описание теоретического материала исследования, анализ и изложение полученных данных. Д. Н. Долганов – корректировка теоретического обзора научных работ, анализ полученных данных.

Contribution: A. P. Arkhipova set the objectives, preformed the review, and interpreted the obtained data. D. N. Dolganov proofread the review and analyzed the obtained data.

Литература / References

- Андреева И. Н. Предпосылки развития эмоционального интеллекта. *Вопросы психологии*. 2007. № 5. С. 57–65. [Andreyeva I. N. Preconditions for development of the emotional intellect. *Voprosy Psichologii*, 2007, (5): 57–65. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ruccjp>
- Андреева И. Н. Эмоциональный интеллект: исследование феномена. *Вопросы психологии*. 2006. № 3. С. 78–87. [Andreyeva I. N. The emotional intellect: Researching the phenomenon. *Voprosy Psichologii*, 2006, (3): 78–87. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qcbpub>
- Андреева И. Н. Эмоциональный интеллект как фактор самоактуализации. *Социальный и эмоциональный интеллект: от процессов к измерениям*, ред. Д. В. Люсин, Д. В. Ушаков. М.: ИП РАН, 2009. С. 31–39. [Andreeva I. N. Emotional intelligence as a factor of self-actualization. *Social and emotional intelligence: From processes to dimensions*, eds. Lyusin D. V., Ushakov D. V. Moscow: IP RAS, 2009, 31–39. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ywcpgd>
- Аникина А. П., Барабанова М. С. Развитие эмоционального интеллекта у старших дошкольников. *Наука и школа*. 2020. № 3. С. 197–204. [Anikina A. P., Barabanova M. S. Development of emotional intelligence of preschoolers. *Science and School*, 2020, (3): 197–204. (In Russ.)] <https://doi.org/10.31862/1819-463X-2020-3-197-204>
- Архипова А. П., Васягина Н. Н. К вопросу об эмоциональном интеллекте и условиях его развития в дошкольном возрасте. *Развитие человека в современном мире*. 2022. № 2. С. 18–26. [Arkhipova A. P., Vasyagina N. N. To the question of emotional intelligence and the conditions of its development in preschool age. *Human Development in the Modern World*, 2022, (2): 18–26. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/veyqsc>
- Базарсадаева Э. Ж. К вопросу об истории изучения эмоционального интеллекта. *Вестник Бурятского государственного университета*. 2013. 2013. № 5. С. 24–31. [Bazarsadaeva E. Zh. To the issue of the history of emotional intellect study. *Bulletin of the Buryat State University*, 2013, (5): 24–31. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qbtyjf>

- Гасан А. С. Эмоциональный интеллект как фактор благополучия межличностных отношений. *Психологическое благополучие современного человека*: Междунар. заоч. науч.-практ. конф. (Екатеринбург, 11 апреля 2018 г.) Екатеринбург: УрГПУ, 2018. Т. 2. С. 13–21. [Gasan A. S. Emotional intelligence as a factor of welfare interpersonal realitonships. *Psychological well-being of a modern person*: Proc. Intern. Correspondence Sci.-Prac. Conf., Ekaterinburg, 11 Apr 2018. Ekaterinburg: USPU, 2018, vol. 2, 13–21. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/iwxifc>
- Готтман Д., Деклер Д. Эмоциональный интеллект ребенка. Практическое руководство для родителей. 4-е изд. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2018. 272 с. [Gottman J., DeClaire J. *Raising an Emotionally Intelligent Child. The Heart of Parenting*. Moscow: Mann, Ivanov i Ferber, 2018, 272. (In Russ.)]
- Гоулман Д. Эмоциональный интеллект. Почему он может значить больше, чем IQ. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2019. 544 с. [Goleman D. *Emotional intelligence. Why it can mean more than IQ*. Moscow: Mann, Ivanov i Ferber, 2019, 544. (In Russ.)]
- Дегтярев А. В. «Эмоциональный интеллект»: становление понятия в психологии. *Психологическая наука и образование* www.psyedu.ru. 2012. № 2. С. 170–180. [Degtyarev A. V. "Emotional intelligence": Formation of the notion in psychology. *Psychological-Educational Studies* www.psyedu.ru, 2012, (2): 170–180. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/pdprdl>
- Деревянко С. П. Ситуативные аспекты актуализации эмоционального интеллекта. *Социальный и эмоциональный интеллект: от процессов к измерениям*, ред. Д. В. Люсин, Д. В. Ушаков. М.: ИП РАН, 2009. С. 90–113. [Derevyanko S. P. Situational aspects of the actualization of emotional intelligence. *Social and emotional intelligence: From processes to dimensions*, eds. Lyusin D. V., Ushakov D. V. Moscow: IP RAS, 2009, 90–113. (In Russ.)]
- Захарова Е. И. Развитие личности в ходе освоения родительской позиции. *Культурно-историческая психология*. 2008. № 2. С. 24–29. [Zakharova Ye. I. Personality development in the process of acquiring the position of parent. *Cultural-Historical Psychology*, 2008, (2): 24–29. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/jxklth>
- Изотова Е. И., Никифорова Е. В. Эмоциональная сфера ребенка. Теория и практика. М.: Академия, 2004, 288 с. [Izotova E. I., Nikiforova E. V. *The emotional sphere of the child. Theory and practice*. Moscow: Akademija, 2004, 288. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qxjgaz>
- Карелина И. О. Развитие понимания эмоций в период дошкольного детства: психологический ракурс. Прага: Sociosféra-CZ, 2017. 178 с. [Karelina I. O. *The development of emotion understanding at the preschool childhood: A psychological perspective*. Prague: Sociosfera-CZ, 2017, 178. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24045/book.2017.4>
- Кудряшова Т. Ю. Особенности развития компонентов эмоционального интеллекта на этапе дошкольного детства. *Проблемы современного педагогического образования*. 2018. № 61-4. С. 297–300. [Kudryashova T. Yu. Features of the development of components of emotional intelligence at the stage of preschool childhood. *Problemy sovremennoego pedagogicheskogo obrazovaniia*, 2018, (61-4): 297–300. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/yuknvr>
- Лисовская Е. Б. Самоактуализирующаяся личность. *Научно-техническая революция и социальная психология*: межгород. конф., отв. ред. Б. Д. Парыгин. М.: Наука, 1981. С. 76–84. [Lisovskaya E. B. Self-actualizing personality. *Scientific and technological revolution and social psychology*: Proc. Intercity Conf., ed. Parygin B. D. Moscow: Nauka, 1981, 76–84. (In Russ.)]
- Люсин Д. В. Современные представления об эмоциональном интеллекте. *Социальный интеллект: Теория, измерение, исследования*, ред. Д. В. Люсин, Д. В. Ушаков. М.: ИП РАН, 2004. С. 29–36. [Lyusin D. V. Modern ideas about emotional intelligence. *Social intelligence: Theory, measurement, research*, eds. Lyusin D. V., Ushakov D. V. Moscow: IP RAS, 2004, 29–36. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/uvgyg>
- Нгуен М. А. Психологические предпосылки возникновения эмоционального интеллекта в старшем дошкольном возрасте. *Культурно-историческая психология*. 2007а. № 3. С. 46–51. [Nguyen M. A. Psychological prerequisites of emotional intelligence rise in senior preschool age. *Cultural-Historical Psychology*, 2007a, (3): 46–51. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/jxuiut>
- Нгуен М. А. Развитие эмоционального интеллекта. *Ребенок в детском саду*. 2007б. № 5. С. 80–87. [Nguyen M. A. Development of emotional intelligence. *Rebenok v detskom sadu*, 2007b, (5): 80–87. (In Russ.)]
- Прозументик О. В., Жигалова Н. В. Теоретические аспекты развития эмоционального интеллекта в дошкольном возрасте. *Пермский педагогический журнал*. 2023. № 14. С. 80–83. [Prosumentik O. V., Zhigalova N. V. Theoretical aspects of the development of emotional intelligence in preschool age. *Permskii pedagogicheskii zhurnal*, 2023, (14): 80–83. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/tdvheh>

- Прусакова О. А., Сергиенко Е. А. Понимание эмоций детьми дошкольного возраста. *Вопросы психологии*. 2006. № 4. С. 24–36. [Prusakova O. A., Sergienko E. A. Comprehension of emotions by preschoolers. *Voprosy Psichologii*, 2006, (4): 24–36. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qcbjid>
- Савенков А. И. Эмоциональный и социальный интеллект как предикторы жизненного успеха. *Вестник практической психологии образования*. 2006. № 1. С. 30–38. [Savenkov A. I. Emotional intelligence and social competence as predictors of life success. *Bulletin of Psychological Practice in Education*, 2006, (1): 30–38. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ygdylv>
- Сергиенко Е. А., Марцинковская Т. Д., Изотова Е. И., Лебедева Е. И., Рачугина А. Ю., Дубовская Е. М. Социально-эмоциональное развитие детей. Теоретические основы. М.: Дрофа, 2019. 248 с. [Sergienko E. A., Martsinkovskaya T. D., Izotova E. I., Lebedeva E. I., Rachugina A. Yu., Dubovskaya E. M. *Social and emotional development of children: Theoretical bases*. Moscow: Drofa, 2019, 248. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/aqmbdk>
- Смирнова Е. О., Холмогорова В. М. Межличностные отношения дошкольников: диагностика, проблемы, коррекция. М.: ВЛАДОС, 2003. 158 с. [Smirnova E. O., Kholmogorova V. M. *Interpersonal relationships in preschoolers: Diagnostics, problems, and correction*. Moscow: VLADOS, 2003, 158. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qxgev>
- Стожарова М. Ю., Кузнецова И. О. Изучение уровня сформированности эмоционального благополучия детей старшего дошкольного возраста. *Современное дошкольное образование*. 2020. № 5. С. 49–57. [Stozharova M. Y., Kuznetsova I. O. Studying the level of forming emotional well-being of older preschool children. *Preschool Education Today*, 2020, (5): 49–57. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/udmmax>
- Телегин А. А. Формирование потребности студентов в самоактуализации в процессе обучения в педагогическом университете: дис. ... канд. пед. наук. Самара, 2002. 221 с. [Telegin A. A. *Developing a need for self-actualization in students of pedagogical university*. Cand. Ped. Sci. Diss. Samara, 2002, 221. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/nmdbkf>
- Филиппова О. Г., Терещенко М. Н., Батенова Ю. В., Прохорова А. А. Развитие эмоционального интеллекта у детей дошкольного возраста. *Азимут научных исследований: педагогика и психология*. 2021. Т. 10. № 4. С. 370–374. [Filippova O. G., Tereshchenko M. N., Batenova Yu. V., Prokhorova A. A. Development of emotional intelligence in preschool children. *Azimuth of Scientific Research: Pedagogy and Psychology*, 2021, 10(4): 370–374. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qiwrqp>
- Чернобровкин В. А., Тупикина Д. В., Павлюченко Е. А., Карлова Ю. В., Яковлева Е. В. Использование художественных произведений в развитии эмоционального интеллекта детей дошкольного возраста. *Перспективы науки и образования*. 2021. № 4. С. 327–342. [Chernobrovkin V. A., Tupikina D. V., Pavlyuchenko E. A., Karlova Yu. V., Yakovleva E. V. Use of works of art in the development of emotional intelligence preschool children. *Perspektivy Nauki i Obrazovania*, 2021, (4): 327–342. (In Russ.)] <https://doi.org/10.32744/pse.2021.4.21>
- Юдина М. Г. Эмоциональный интеллект в дошкольном возрасте и его исследования. *Мир науки. Педагогика и психология*. 2024. Т. 12. № 1. [Yudina M. G. Emotional intelligence and its research in preschool age. *World of Science. Pedagogy and Psychology*, 2024, 12(1). (In Russ.)] URL: <https://mir-nauki.com/PDF/32PDMN124.pdf> (accessed 10 Mar 2025). <https://elibrary.ru/lfnwok>
- Юрьева О. В. Эмоциональный интеллект и особенности самоактуализации личности. *Вестник ПНИПУ. Социально-экономические науки*. 2019. № 1. С. 55–61. [Yuryeva O. V. Emotional intelligence and personality self-actualization. *PNRPU Sociology and Economics Bulletin*, 2019, (1): 55–61. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/tytags>
- Bar-On R. Emotional intelligence: An integral part of positive psychology. *South African Journal Psychology*, 2010, 40(1): 54–62.
- Bar-On R. The Bar-On model of emotional-social intelligence (ESI). *Psicothema*, 2006, (18 Suppl): 13–25.
- Stoica A. M., Roco M. The role of the emotional intelligence in kindergarten children's development. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*, 2013, 78: 150–154. <https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2013.04.269>
- Terzioğlu T. E. *Relationship between emotional skills of preschoolers and emotional intelligence of their teachers and mothers*: Thesis Diss. Middle East Technical University, 2018, 226.
- Volik N. Emotional intelligence of older preschoolers: Diagnostics of the development level. *Knowledge, Education, Law, Management*, 2021, (6): 9–17. <https://doi.org/10.51647/kelm.2021.6.2>

оригинальная статья

<https://elibRARY.ru/pyiuxx>

Взаимосвязь характеристик системы идентичности и уровня инфантилизма в юношеском возрасте

Браун Ольга Артуровна

Кемеровский государственный университет, Россия, Кемерово

eLibrary Author SPIN: 3851-8423

<https://orcid.org/0000-0002-1213-9558>

Scopus Author ID: 57210785896

oabraun09@rambler.ru

Аркузин Михаил Геннадьевич

Кемеровский государственный университет, Россия, Кемерово

eLibrary Author SPIN: 6345-6263

Аннотация: В современной ситуации постмодернизма, культурного разнообразия и неопределенности, интенсивных социальных трансформаций изучение идентичности личности становится одним из магистральных направлений в психологии. Однако несмотря на рост количества исследований в данной области, взаимосвязь идентичности и процесса идентификации с другими личностными характеристиками изучена недостаточно. Процесс идентификации обладает возрастной спецификой, которая, на наш взгляд, может быть охарактеризована как переход от автоматической идентификации с некоторой моделью на ранних возрастных стадиях к ценностной самоидентификации. Современные студенты являются одним из ключевых элементов потенциала развития России. Изучение их готовности принимать на себя ответственность, полноценно функционировать в обществе является важной задачей не только с научной, но и с социальной точки зрения. Цель – изучить взаимосвязь между характеристиками идентичности личности и показателями социального инфантилизма студентов. В исследовании приняли участие 154 студента Кемеровского государственного университете разных направлений обучения. Методы: тест «Структура эго-идентичности» Е. Л. Солдатовой, методика «Ценностные ориентации» М. Рокича; опросник «Уровень выраженности инфантилизма» А. А. Серегиной. Полученные результаты наглядно демонстрируют взаимосвязь характеристик идентичности как с социальным инфантилизмом, так и с особенностями системы ценностных ориентаций личности. Полученные результаты позволяют говорить о значении зрелости эмоциональных процессов и процессов ценностного самоопределения для системы идентичности в юношеском возрасте.

Ключевые слова: идентичность, инфантилизм, Я-концепция, молодежь, ценностные ориентации, ценностная самоидентификация, студенты

Цитирование: Браун О. А., Аркузин М. Г. Взаимосвязь характеристик системы идентичности и уровня инфантилизма в юношеском возрасте. *СибСкрипт*. 2025. Т. 27. № 5. С. 865–876. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2025-27-5-865-876>

Поступила в редакцию 07.07.2025. Принята после рецензирования 29.09.2025. Принята в печать 29.09.2025.

full article

Identity vs. Infantilism in University Students

Olga A. Braun

Kemerovo State University, Russia, Kemerovo

eLibrary Author SPIN: 3851-8423

<https://orcid.org/0000-0002-1213-9558>

Scopus Author ID: 57210785896

oabraun09@rambler.ru

Mikhail G. Arkuzin

Kemerovo State University, Russia, Kemerovo

eLibrary Author SPIN: 6345-6263

Abstract: Self-identity studies have become a mainstream research direction in the epoch of postmodernism, cultural diversity, uncertainty, and social shifts. However, the correlation between self-identity and other personal traits remains understudied. Self-identification is an age-specific process: an adolescent moves from a model-

based self-identification to a value-based one. In this regard, university students are a crucial social stratum that represents the national development potential. It is a socially relevant task to study their readiness for responsibility and community involvement. This research featured the correlation between self-identity and social infantilism in university students. It involved 154 students of Kemerovo State University, Kemerovo. The methods included E. L. Soldatova's Structure of Ego Identity, M. Rokeach's Value Survey, and A. A. Seregin's Infantilism Questionnaire. Identity proved to correlate with both social infantilism and value orientations. Emotional maturity and value self-identity are important for the development of identity system in adolescence.

Keywords: identity, infantilism, self-concept, youth, value orientations, value self-identification, students

Citation: Braun O. A., Arkuzin M. G. Identity vs. Infantilism in University Students. *SibScript*, 2025, 27(5): 865–876. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/sibscript-2025-27-5-865-876>

Received 7 Jun 2025. Accepted after peer review 29 Sep 2025. Accepted for publication 29 Sep 2025.

Введение

Исследования идентичности в последние годы переживают настоящий бум. Только за истекший период 2025 г. в научной библиотеке eLIBRARY.RU размещена информация более чем о 300 научных публикациях, относящихся к психологии, в ключевых словах которых встречается термин *идентичность*. Причинами такого интереса являются, с одной стороны, объективные факторы, связанные с особенностями современного общества: относительность и трансформация ценностей, изменчивость, эклектизм, мобильность, виртуализация социальных контактов, мозаичность, глобализация и т.д. [Истомина 2024; Квашнина 2024]. С другой стороны, развивающиеся в последние годы интегративный и междисциплинарный подходы позволяют психологии по-новому взглянуть в том числе и на классическую проблематику. Изменяющаяся идентичность в изменяющемся мире неминуемо становится предметом многочисленных психологических исследований [Браун и др. 2022а; Скуднова, Иванченко 2024].

Тем не менее, несмотря на множество эмпирических исследований идентичности, подавляющее большинство авторов рассматривают круг проблем, связанных с формированием, развитием, сопровождением различных видов идентичности, в первую очередь профессиональной, гендерной, семейной, этнической, гражданской и т.д. Исследований, рассматривающих взаимосвязь особенностей идентичности с другими личностными свойствами, значительно меньше, и они сконцентрированы в основном на проблемах самосознания, самооценки, образа-Я и т.д., при этом среди исследователей достаточно широко представлена точка зрения, согласно которой идентичность, являясь элементом самосознания, тесно связана с направленностью личности, в том числе

такими ее элементами, как ценностные ориентации, смыслы, мотивы и т.д. [Алдашева и др. 2019; Павлова, Дагбаева 2024; Селезнева, Торабаева 2022]. Анализируя различные исследования в контексте взаимосвязи ценностно-смысловой сферы личности и ее идентичности, А. В. Мазуркевич, М. С. Яницкий и А. В. Серый пишут о ценностно-смысловом детерминации идентификации личности и рассматривают идентификацию как «процесс ценностно-смыслового взаимообуславливания... основных сфер самоосуществления человека» [Мазуркевич и др. 2017: 107]. Исходя из положений системно-конструктивистского и аксиологического подходов, совокупность идентичностей личности, образующая ее Я-концепцию, рассматривается нами как открытая, саморазвивающаяся, иерархически организованная система, включающая разные виды идентичности, каждый из которых отражает субъективную связанность, солидарность с определенным объектом психической реальности, формирующуюся за счет принятия системы ценностей, т. е. ценностной самоидентификации личности. При этом объектом идентификации может стать любой элемент психологической реальности, с которым личность чувствует особую связанность и который включает в систему своих Я [Браун и др. 2022б].

Развитие системы идентичности, как и развитие личности в целом, представляет собой чередование эволюционных и трансформационных периодов. Трансформация системы идентичности происходит через кризис, связанный с рассогласованием ценностных компонентов системы идентичности между собой либо их несоответствием сложившейся социальной ситуации развития [Браун и др. 2021]. Разрешение кризиса напрямую связано с принятием решений и самоопределением [Marcia 1966]. На переживание

кризиса идентичности оказывает влияние и успешность прохождения предыдущих возрастных стадий, связанная с формированием соответствующих новообразований, являющихся необходимым фундаментом дальнейшего развития. Как показывают современные исследования, кризис идентичности может проявиться в любом возрасте [Мещерякова и др. 2024]. Или, точнее, как мы полагаем, любой личностный кризис включает в себя кризис системы идентичности. Однако, традиционно еще со времен Э. Эрикссона именно юношеский (в западной терминологии – подростковый) возраст рассматривается как период становления системы идентичности, результатом которого становится либо жизненное самоопределение, устойчивая система идентичности, времененная перспектива, либо, при неблагоприятном развитии, путаница ролей, фиксация на прошлом, нарушение социального взаимодействия [Erikson 1959]. При этом, по мнению Э. Коуэн, одним из ресурсов развития, необходимых для прохождения данной стадии, является трудолюбие, а его противоположность – инфантильность [по: Айви и др. 1999]. Мы полагаем, что к проявлению инфантилизма в юношеском возрасте можно отнести отказ от решения задач самоопределения, связанный с незрелостью необходимых процессов и личностных характеристик. Таким образом, инфантилизм личности может рассматриваться как фактор, препятствующий самоопределению и идентификации. Незавершенность, размытость ценностной самоидентификации в юношеском возрасте может рассматриваться как проявление инфантилизма.

Понятия *зрелость* и *незрелость* в психологической науке весьма многогранны. В контексте нашего исследования зрелость не означает достижение высшего уровня развития, это не акмеологическая зрелость личности, скорее речь идет о решении возрастных задач и соответствии некоторым культурно обусловленным возрастным социальным нормам развития и поведения [Микляева 2019]. В биологии для обозначения соответствия возрастным нормам развития используются понятия *биологический возраст* и *биологическая зрелость*. По аналогии мы в данной работе будем говорить о психологической зрелости как о соответствии развития личности возрастным нормам и способности успешно решать задачи, которые ставит социальная ситуация развития на данном этапе. В отличие от акмеологической зрелости, традиционно рассматриваемой как вершина развития личности, достижение психологической зрелости свидетельствует скорее об успешности прохождения

определенного возрастного этапа в развитии личности и готовности к решению новых возрастных задач. В рамках теории Э. Эрикссона психологическая зрелость может рассматриваться как благоприятное разрешение возрастного кризиса и достижение позитивного результата развития [Erikson 1959]. Исходя из этого, мы определяем социальный инфантилизм как социально-психологическую характеристику личности, проявляющуюся в незрелости ценностно-смысловой и эмоционально-волевой сфер, процессов психической саморегуляции, ценностной самоидентификации и рефлексии.

Проблема инфантилизма активно начинает рассматриваться в работах зарубежных психиатров и психоаналитиков в начале XX в. Для этих работ характерна скорее клиническая трактовка данного явления как нарушения развития (аффективного, интеллектуального, психического), незрелости, отставания, регрессии на предыдущие возрастные стадии [Власова, Калачикова 2018]. В рамках гуманистической психологии инфантилизм рассматривается как нарушение моделирования в долгосрочной перспективе, восприятия и конструирования ситуации взаимодействия, непринятие ответственности, слабость мотивационных и волевых процессов. В отечественной психологии помимо упомянутого клинического подхода инфантилизм изучается в контексте социализации личности как особенность или черта характера [Сабельникова, Хмелева 2016]. В целом в настоящее время выделяют физический, психический и социальный инфантилизм [Кулакова, Малиева 2022]. При этом если для первых двух характерно отставание в соответствующей сфере, то социальный инфантилизм трактуется в первую очередь как искажение в морально-нравственном развитии, т. е. как характеристика направленности личности.

Широкое распространение явления, его социальная значимость привели к появлению множества терминов аналогичного содержания, используемых в научно-популярной литературе: синдром Питера Пэна, kidults и др. Некоторые исследователи находят проявления инфантилизма и в достаточно широко известном феномене хикикомори, свойственном японской молодежи [Mikhailova, Gutvajn 2022]. Все перечисленные понятия описывают взрослых людей, стремящихся в той или иной степени продлить свое детство, сохранить формы поведения, свойственные более ранним возрастным периодам. Следовательно, относительно юношеского возраста в контексте идентичности инфантилизм может проявляться в отказе от ценностной

самоидентификации, непринятии ответственности за свой выбор, зависимой, неуверенной, немотивированной и неосмысленной идентификации [Жесткова 2013].

Проведенный теоретический анализ позволил сформулировать гипотезу, состоящую из двух положений:

1) социальный инфантилизм в юношеском возрасте связан с характеристиками системы идентичности личности;

2) эта связь опосредована особенностями ценностных ориентаций личности, складывающимися в процессе ценностной самоидентификации личности.

Цель – изучить взаимосвязь между характеристиками идентичности личности и показателями социального инфантилизма студентов.

Методы и материалы

В соответствии с выдвинутой гипотезой были подобраны психодиагностические методики, отвечающие требованиям валидности и надежности.

Для изучения характеристик идентичности был выбран тест «Структура эго-идентичности» (СЭИ-тест) Е. Л. Солдатовой. СЭИ-тест представляет собой опросник, содержащий 50 групп по три утверждения каждая. В задачи испытуемого входит выбор утверждения, с которым он наиболее согласен. Каждое утверждение соответствует одному из статусов идентичности: достигнутая (автономная), диффузная и предрешенная. Кроме того, поскольку, по мнению Е. Л. Солдатовой, статус эго-идентичности может отличаться в зависимости от разных сфер жизнедеятельности, методика позволяет подсчитать показатели статусов по следующим отдельным шкалам: ответственность за выбор (творческая сила развития); самодостаточность (сила эго); осознанность жизненного пути; эмоциональная зрелость; принятие настоящего; осознанность собственных ценностей; соответствие себе [Солдатова 2007].

Исследование ценностных ориентаций проводилось при помощи методики «Ценностные ориентации» М. Рокича. Методика представляет собой 2 списка по 18 ценностей (терминальный и инструментальные), которые испытуемому предлагается проранжировать по степени субъективной значимости от 1 (наиболее важная для него ценность) до 18 (наименее важная) [Леонтьев 1992; Серый, Яницкий 1999: 79].

Для изучения выраженности социального инфантилизма применен опросник «Уровень выраженности инфантилизма» (УВИ) А. А. Серегиной. Опросник

сконструирован в соответствии с авторской моделью социального инфантилизма и содержит следующие шкалы: эмоционально-волевая сфера; трудовая мотивация; ценностные ориентации; развлечения, гедонизм; рефлексия; позиция иждивенчества; неупорядоченность поведения; преодолевающее поведение. Методика состоит из 48 утверждений, степень согласия с которыми оценивает испытуемый. В результате подсчитывается сумма баллов по каждой из шкал и итоговый общий показатель инфантилизма. Чем больше сумма баллов, тем более выражен инфантилизм. В зависимости от набранных баллов автор делит испытуемых на неинфантильных, слабоинфантильных, среднеинфантильных и сильноинфантильных [Серегина 2006].

Для проверки гипотезы в 2024 г. было проведено эмпирические исследование, в котором приняли участие студенты Кемеровского государственного университета. Выборка была сформирована случайным образом и составила 154 студента 1–4 курсов в возрасте 18–26 лет ($M = 21,7$; $SD = 1,83$; 74 % женщин, 26 % мужчин.

Результаты

Анализ характеристик идентичности показал преобладание достигнутого статуса как по общему показателю ($M = 19,77$; $SD = 4,1$; при $max = 50$), так и по шкалам *ответственность за выбор, самодостаточность и принятие настоящего*. Только по шкале эмоциональная зрелость более выраженным образом оказалась показатели предрешенного статуса идентичности, по остальным шкалам средние баллы по всем трем статусам примерно одинаковы.

По данным теста М. Рокича, в системе ценностных ориентаций наиболее значимыми терминальными ценностями являются здоровье (физическое и психическое) (средний ранг = 4,1); материально обеспеченная жизнь (отсутствие материальных затруднений) (6,2); любовь (духовная и физическая близость с любимым человеком) (6,6); интересная работа (6,8); развитие (работа над собой, постоянное физическое и духовное совершенствование) (8,4) и активная деятельность жизни (полнота и эмоциональная насыщенность жизни) (8,6). Большинство предпочтаемых ценностей можно отнести к духовным и ценностям саморазвития. Из ценностей, которые традиционно принято приписывать инфантильным личностям, в этот список попало только материальное благосостояние. Среди инструментальных ценностей приоритетными являются образованность

(широта знаний, высокая общая культура) (средний ранг = 6,4); общественное признание (уважение окружающих, коллектива, товарищей по работе) (6,8); жизнерадостность (чувство юмора) (7,6); независимость (способность действовать самостоятельно, решительно) (8,2); рационализм (умение здраво и логично мыслить, принимать обдуманные, рациональные решения) (8,3) и самоконтроль (сдержанность, самодисциплина) (8,6). В целом в качестве способа достижения цели студентами предпочтитаются ценности, характерные скорее для психологически зрелой личности.

Согласно полученным данным, для испытуемых характерен слабый уровень инфантилизма ($M = 53$; $SD = 12,4$; при $max = 144$). Наиболее высокие показатели зафиксированы по шкалам *позиция иждивенчества* ($M = 10,57$; $SD = 3,25$; при $max = 27$); *преодолевающее поведение* ($M = 8,9$; $SD = 2,15$; при $max = 15$) и *неупорядоченность поведения* ($M = 8,2$; $SD = 1,9$; при $max = 18$). То есть наибольшую сложность для испытуемых представляют самоконтроль, саморегуляция, волевые усилия, а также экономическая автономность. Последнее, вероятно, во многом связано с социальным статусом респондентов, будучи студентами, они зачастую пользуются материальной поддержкой родителей, что может проявляться в экономической зависимости и наличии иждивенческих установок. 24 % испытуемых проявили средний уровень инфантилизма, 76 % – слабый. Таким образом, наши результаты, как и данные, полученные в исследовании Э. В. Королевой, Н. Г. Ивельской и А. Л. Чернышовой, говорят о спорности утверждения о широком распространении инфантилизма среди современной студенческой молодежи [Королева и др. 2017].

Обобщая, можно утверждать, что на осознанном уровне студентами декларируется значимость духовных ценностей, ценностей самостоятельности, независимости, рациональности, ответственности и т.д. При этом большинство имеют устойчивую сложившуюся идентичность и низкий уровень инфантилизма. Результаты диагностики показывают нам картину становящейся зрелости, характерную для данного периода развития личности.

Следующим этапом исследования стал анализ собственно взаимосвязи идентичности и инфантилизма. Поскольку проверка на нормальность при помощи критерия Шапиро-Уилка показала, что большинство изучаемых характеристик не имеют нормального распределения, для анализа взаимосвязи использовался коэффициент ранговой корреляции Спирмена.

Статистическая обработка результатов осуществлялась при помощи программного пакета Statistica 10.

Согласно теоретическим представлениям Е. Л. Солдатовой, в каждой сфере жизнедеятельности могут быть в различном сочетании представлены показатели всех трех статусов идентичности: достигнутого, диффузного и предрешенного. При этом какой-то один статус может доминировать, что, на наш взгляд, свидетельствует о преобладающем состоянии системы идентичностей в данный момент, либо все три статуса могут быть выражены примерно одинаково, что говорит скорее о некотором переходном состоянии [Солдатова 2008]. Для удобства анализа и описания мы рассмотрели взаимосвязи инфантилизма с проявлениями каждого из статусов идентичности отдельно.

В таблице 1 представлены результаты статистического анализа взаимосвязи инфантилизма и показателей достигнутого статуса идентичности. Достигнутый статус идентичности имеет достаточно много корреляций с различными компонентами инфантилизма, большинство из которых вполне предсказуемо являются отрицательными. В целом чем меньше уровень инфантилизма, тем более выражены следующие характеристики идентичности: самодостаточность, ответственность в сфере принятия решений (шкала *творческая сила развития*); осмысленность, осознанность в выборе жизненного пути (шкала *осознанность жизненного пути*); принятие своих чувств (шкала *эмоциональная зрелость*); рациональность системы ценностных ориентаций (шкала *осознанность собственных ценностей*); общая автономность и устойчивость системы идентичности. При этом одна шкала теста СЭИ имеет исключительно положительные корреляции с инфантилизмом – шкала *соответствие себе*. Эта шкала отражает степень самопринятия, соответствия своему Я. Вероятно, полное принятие себя предполагает и принятие своих недостатков, слабостей и т.д., и этим объясняется связь с инфантилизмом и такими его компонентами, как гедонизм и импульсивность поведения.

Статистически значимых связей инфантилизма и диффузного статуса идентичности существенно меньше (табл. 2). В данном случае большинство корреляций прямые. То есть чем более выражен инфантилизм, тем больше сомнений, неустойчивости, неопределенности в сфере осмысленности жизни (шкала *осознанность жизненного пути*), эмоционального самопринятия (шкала *эмоциональная зрелость*), принятия настоящего (шкала *принятие настоящего*). Однако и в данном случае есть исключения.

Табл. 1. Результаты корреляционного анализа компонентов инфантилизма (тест УВИ) и показателей достигнутого статуса идентичности (СЭИ-тест)

Tab. 1. Infantilism vs. achieved identity status: correlation analysis

Шкалы теста УВИ	Шкалы теста СЭИ					
	1. ТС	3. ОЖ	4. ЭЗ	6. ОЦ	7. СС	Общий показатель
Развлечения, гедонизм	–	–	–	–	0,42	–
Рефлексия	–	–0,40	–	–0,46	–	–
Позиция иждивенчества	–	–	–	–0,27	–	–0,28
Неупорядоченность поведения	–	–	–0,30	–	0,29	–
Преодолевающее поведение	–	–	–	–	–	0,31
Суммарный показатель	–	–	–	–0,33	–	–
Уровень инфантилизма	–0,36	–	–	–0,33	0,28	–

Прим.: ТС – творческая сила развития; ОЖ – осознанность жизненного пути; ЭЗ – эмоциональная зрелость; ОЦ – осознанность собственных ценностей; СС – соответствие себе; приведены только статистически значимые корреляции при $p < 0,05$.

Табл. 2. Результаты корреляционного анализа компонентов инфантилизма (тест УВИ) и показателей диффузного статуса идентичности (СЭИ-тест)

Tab. 2. Infantilism vs. diffuse identity status: correlation analysis

Шкалы теста УВИ	Шкалы теста СЭИ				
	3. ОЖ	4. ЭЗ	5. ПН	6. ОЦ	7. СС
Трудовая мотивация	0,32	–	0,31	–	–
Ценностные ориентации	–	0,36	–	–	–
Развлечения, гедонизм	–	–	–	–	–0,36
Преодолевающее поведение	–	–	–	–0,28	–
Суммарный показатель	–	0,28	–	–	–

Прим.: ОЖ – осознанность жизненного пути; ЭЗ – эмоциональная зрелость; ПН – принятие настоящего; ОЦ – осознанность собственных ценностей; СС – соответствие себе; приведены только статистически значимые корреляции при $p < 0,05$.

Так, обратную корреляцию с преодолевающим поведением имеет шкала *осознанность собственных ценностей*, вероятно, в данном случае легкое отношение к собственной системе ценностей является одним из способов преодолевать проблемы или позволяет не замечать их. По принципу: *Не можешь изменить ситуацию, измени свое отношение к ней*. Также отрицательная взаимосвязь фиксируется между шкалой *соответствие себе* и стремлением к гедонизму и развлечениям. Примечательно, что с достигнутой идентичностью по этой же шкале фиксировался один из самых высоких положительных коэффициентов корреляции. Гедонизм и развлечения в нашей

культуре не являются традиционными, одобряемыми ценностями, и если в ситуации достигнутой идентичности человек ориентируется в первую очередь на себя, а не на мнение окружающих, то диффузная идентичность как раз и отличается большей зависимостью от внешних факторов, в том числе общественного мнения.

Наибольшее количество корреляций было выявлено между проявлениями инфантилизма и предрешенной идентичностью (табл. 3). Большинство связей, выявленных между предрешенной идентичностью и инфантилизмом, носят отрицательный характер, так же как и в случае с достигнутой идентичностью.

Табл. 3. Результаты корреляционного анализа компонентов инфантилизма (тест УВИ) и показателей предрешенного статуса идентичности (СЭИ-тест)

Tab. 3. Infantilism vs. predetermined identity status: correlation analysis

Шкалы теста УВИ	Шкалы теста СЭИ						Общий показатель
	1. ТС	2. СЭ	3. ОЖ	4. ЭЗ	5. ПН	6. ОЦ	
Эмоционально-волевая сфера	–	–	–0,30	–0,37	–	–	–0,38
Трудовая мотивация	–	–	–	–	–0,45	–	–
Ценностные ориентации	–	–0,34	–	–0,44	–	–	–
Рефлексия	–	–	–	–0,32	–	0,44	–
Позиция иждивенчества	–	–	–	–0,35	–	–	–
Неупорядоченность поведения	–	–	–	0,35	–	–	–
Суммарный показатель	–	–0,33	–	–0,37	–	–	–
Уровень инфантилизма	0,30	–	–	–0,32	–	0,33	–

Прим.: ТС – творческая сила развития; СЭ – сила эго; ОЖ – осознанность жизненного пути; ЭЗ – эмоциональная зрелость; ПН – принятие настоящего; ОЦ – осознанность собственных ценностей; приведены только статистически значимые корреляции при $p < 0,05$.

Вероятно, это объясняется тем, что по своим содержательным и структурным характеристикам предрешенная и достигнутая идентичность могут быть достаточно похожи. Различия кроются в способе построения идентичности. Личность либо проходит весь путь, включающий кризис и принятие решения, сама либо получает некий готовый образец, который потом с разной степенью приверженности поддерживает. То есть, если говорить в терминах теории Дж. Марсиа, важен сам факт принятия решения, а способ, каким это было сделано, вторичен.

Предрешенная идентичность, как правило, формируется на основе культурной традиции, мнения значимых других, средств массовой коммуникации, по принципу *сказали надо, значит надо*. А поскольку, как уже упоминалось, инфантильные характеристики в нашем обществе не поддерживаются, соответственно такая идентичность вступает в противоречие с проявлениями инфантилизма. Пожалуй, наиболее близка эта ситуация к юнгианскому непринятию своей тени. В целом чем менее выражены проявления инфантилизма, тем выше у личности ценность собственной независимости и уникальности (шкала *сила эго*), вера в определенность своего жизненного пути (шкала *осознанность жизненного пути*), стремление справляться с неправильными эмоциями (шкала *эмоциональная зрелость*), ориентация на прошлое либо будущее (шкала *принятие настоящего*).

При этом положительно связаны с проявлениями инфантилизма следующие характеристики предрешенной идентичности: отказ от выбора (шкала *творческая сила развития*), рациональность системы ценностей (шкала *осознанность собственных ценностей*), стремление контролировать свои эмоции (шкала *эмоциональная зрелость*).

Полученные результаты подтверждают первую часть нашей гипотезы о наличии взаимосвязи между инфантилизмом и системой идентичности и позволяют предположить, что для формирования предрешенной идентичности наиболее значимыми являются эмоционально-волевые компоненты инфантилизма, что проявляется в максимальной нагрузженности шкалы *эмоциональная зрелость* корреляционными связями. В свою очередь достигнутая система идентичности связана в большей степени со зрелостью ценностно-смысловой сферы и процессов ценностной самоидентификации.

Для проверки второй части гипотезы был проведен корреляционный анализ ранга ценностей (методика М. Рокича) с показателями инфантилизма и идентичности, который подтвердил наличие большого количества взаимосвязей. Было получено более 300 корреляций. Рассмотреть их все в рамках одной статьи не представляется возможным, поэтому ограничимся только анализом общих показателей и закономерностей (табл. 4 и 5).

Табл. 4. Результаты корреляционного анализа интегральных показателей инфантанизма (тест УВИ), идентичности (СЭИ-тест) и ранга терминальных ценностей по методике М. Рокича

Tab. 4. Infantilism vs. identity vs. terminal values: correlation analysis

Ценность	Уровень инфантанизма	Статус идентичности		
		Достигнутая	Предрешенная	Диффузная
Красота природы и искусства	–	–	0,31	–0,38
Материально обеспеченная жизнь	0,30	–	–	–
Общественное признание	–	0,28	–	–
Продуктивная жизнь	–	–	–0,40	0,34
Развлечения	–	–	–0,29	–

Прим.: приведены только статистически значимые корреляции при $p < 0,05$.

Поскольку при ранжировании ценностей по методике М. Рокича используется обратная шкала (чем меньше числовое значение ранга, тем более значимой является ценность), положительная корреляционная связь говорит о наличии обратной зависимости между характеристикой и субъективной значимостью ценности. Таким образом, инфантанизм связан с низкой ценностью материально обеспеченной жизни, что, вероятно, является одним из аспектов слабости мотивации. Выявленная обратная взаимосвязь выраженности достигнутого статуса идентичности и общественного признания, вероятно, объясняется самодостаточностью и автономностью системы идентичности, что закономерно приводит к меньшей значимости мнения социального окружения. Больше всего корреляций с терминальными ценностями было выявлено у предрешенного статуса идентичности. Причем здесь картина более противоречивая. Так, меньшая значимость красоты природы и искусства и большая значимость продуктивной жизни вполне объяснимы исходя из характеристик, приписываемых в СЭИ-тесте для лиц с предрешенной идентичностью: абсолютизированная ценность собственной независимости, нацеленность на будущее, демонстративная уверенность в себе и т. д. Однако, чем объясняется более высокая ценность

Табл. 5. Результаты корреляционного анализа интегральных показателей инфантанизма (тест УВИ), идентичности (СЭИ-тест) и ранга инструментальных ценностей по методике М. Рокича

Tab. 5. Infantilism vs. identity vs. instrumental values: correlation analysis

Ценность	Уровень инфантанизма	Статус идентичности		
		Достигнутая	Предрешенная	Диффузная
Аккуратность (чистоплотность)	–	0,29	–	–0,28
Воспитанность (хорошие манеры)	–	0,28	–	–
Высокие запросы	–0,46	–	–	–
Исполнительность	–0,31	–	–	–
Независимость	–	–	–0,30	–
Непримиримость к недостаткам в себе и других	–0,41	0,43	–	–
Образованность	0,51	–	0,35	–
Ответственность	0,38	–	–	–
Самоконтроль	–	–0,49	–	0,51
Смелость в отстаиваниях своего мнения, взглядов	–	–0,31	–	0,44
Твердая воля	–	–0,41	0,34	–
Терпимость	–	–	0,34	–
Широта взглядов	–	–0,37	–	–
Эффективность в делах	–	–0,32	–	0,30

Прим.: приведены только статистически значимые корреляции при $p < 0,05$.

развлечений в данном контексте? Возможно, это один из вариантов ухода из заранее заданных рамок, наряду с отказом от принятия решений и непоколебимой верой в светлое будущее. Гибкая диффузная идентичность, пожалуй, наиболее приспособлена для изменчивых и относительных постмодернистских ценностей, таких как красота природы, а вот ценность продуктивной жизни, успеха – скорее символ эпохи модерна.

Анализ взаимосвязи изучаемых характеристик с инструментальными ценностями показал существенно большее количество значимых корреляций.

В целом с ростом уровня инфантилизма повышается значение таких ценностей, как высокие запросы, исполнительность, непримиримость к недостаткам в себе и других, а значимость образованности и ответственности, напротив, снижается. Для респондентов с достигнутой идентичностью более ценными являются самоконтроль; смелость в отстаивании своего мнения, взглядов; твердая воля; широта взглядов; эффективность в делах, при этом ценности, связанные с процессом взаимодействия и производимым впечатлением: аккуратность (чистоплотность), воспитанность (хорошие манеры), непримиримость к недостаткам в себе и других, – теряют свое значение с ростом уровня автономности идентичности. Примечательно, что единственной ценностью, чья значимость растет с увеличением предрешенной идентичности, является независимость. Видимо, в данном случае речь идет о дефицитарном характере ценности. А вот образованность, твердая воля и терпимость имеют обратную взаимосвязь с предрешенной идентичностью. Для лиц с диффузной идентичностью большей важностью обладает аккуратность, а вот ценности, связанные с самореализацией и самоэффективностью, наоборот, становятся менее значимыми.

Итак, вторая часть нашей гипотезы подтвердилась частично. Нам удалось выявить наличие корреляционных взаимосвязей ценностных ориентаций как с характеристиками идентичности, так и с уровнем инфантилизма, однако одновременно связь с идентичностью и инфантилизмом имеют только две ценности: *непримиримость к недостаткам в себе и других* и *образованность*. В то же время большее количество взаимосвязей ценностных ориентаций с достигнутым уровнем идентичности косвенно подтверждают ведущую роль ценностной самоидентификации в становлении автономной, устойчивой системы идентичности.

Обсуждение

Представленные результаты наглядно доказывают выдвинутую гипотезу о наличии взаимосвязи между статусами идентичности и инфантилизмом. И хотя данное исследование носит скорее поисковый характер, оно позволяет сформулировать некоторые выводы, которые могут лежать в основу дальнейших работ в данной тематике.

1. Уровень инфантилизма в выборке не высок и в целом соответствует возрастному этапу и свидетельствует о переходе из юношеского возраста к периоду взрослости.

2. Для испытуемых характерно наличие всех статусов идентичности: диффузной, предрешенной и достигнутой, при некотором доминировании последней.

3. Каждый статус идентичности отражает специфическое общее состояние системы и имеет свои особенности взаимосвязи с инфантилизмом. Основными характеристиками достигнутого статуса являются наличие кризиса, принятие решения, относительная автономность и устойчивость. При этом фиксируется незначительная связь с инфантилизмом, а доминирующей характеристикой, снижающей инфантилизм, вероятно, является осознанность системы ценностей, что подтверждается и рядом других исследований [Жесткова 2013]. Предрешенная идентичность предполагает отсутствие кризиса и наличие решения, которое было принято под влиянием каких-то внешних факторов (общество, традиции, значимые другие и т. д.). Система идентичностей в таком случае тоже может быть достаточно устойчива, но отличается меньшей автономностью и осознанностью. Связей с инфантилизмом здесь существенно больше, хотя большинство из них носят обратный характер. В данном случае проявления инфантилизма связаны в основном с эмоциональной незрелостью личности. Диффузная идентичность характеризует неравновесное или переходное состояние системы. По мнению самой Е. Л. Солдатовой, для этого состояния характерно обеднение жизни, более негативный эмоциональный фон. Диффузная идентичность – единственная, для которой характерно преобладание прямых корреляций с уровнем инфантилизма. Таким образом, мы можем предположить, что проявления инфантилизма в юношеском возрасте связаны с неравновесным, переходным состоянием системы идентичности.

4. Инфантилизм и идентичность связаны с системой ценностных ориентаций личности. При этом более значимыми являются не ценности-цели, а стилевые характеристики, выражющиеся в инструментальных ценностях. Так, с инфантилизмом связаны ценности хорошего ребенка: исполнительность, высокие запросы, непримиримость к недостаткам в себе и других.

5. Если попытаться описать систему ценностей, характерную для разных статусов идентичности, то мы бы сказали, что в основе достигнутой идентичности лежат рациональные ценности эпохи модерна, диффузной – постмодерна, а ценности предрешенной идентичности в большей степени ориентированы на социальный контекст и носят дефицитарный характер.

6. Можно предположить, что для разных статусов идентичности значимыми являются различные компоненты инфантилизма. Так, для предрешенной идентичности в первую очередь важна зрелость эмоциональных процессов, а для достигнутой – рациональность и осмысленность системы ценностных ориентаций, т. е. зрелость процессов ценностной самоидентификации.

7. Ценностями, связанными как с инфантилизмом, так и с идентичностью, являются *непримириимость к недостаткам в себе и других и образованность*. И здесь, на наш взгляд, нужно обратить внимание на два момента: первая ценность характеризует отношение к себе и окружающим, и она сформулирована в жесткой дихотомической форме, т. е. отражает бинарность системы конструктов. Образованность как ценностная ориентация напрямую связана с ведущим типом деятельности и социальной ситуацией развития в студенчестве, т. е. соответствует возрастным задачам и, таким образом, противоречит инфантилизму.

Заключение

Результаты исследования подтвердили, что идентичность в юношеском возрасте связана с проявлениями инфантилизма и системой ценностных ориентаций личности. Представляется, что идентичность может рассматриваться как центральный конструкт, отражающий отношение человека к окружающему миру и его месту в нем. Идентичность личности представляет собой систему, состоящую из различных видов идентичности, в совокупности складывающихся в Я-концепцию. На каждом возрастном этапе ведущим в этой системе становится тот вид идентичности, который в большей степени связан с решением возрастных задач и социальной ситуацией развития. Именно эта идентичность во многом определяет успешность формирования возрастных новообразований. Для периода обучения в вузе ведущая идентичность – профессиональная. При этом общее состояние системы идентичностей: устойчивость, автономность, целостность или конфликтность и противоречивость – напрямую связано с эмоциональной зрелостью и готовностью

к ценностному самоопределению личности. Таким образом, коррекционная работа, направленная на преодоление инфантилизма и развитие личностной зрелости, должна учитывать характеристики системы идентичности. Соответственно, мониторинг изменений, происходящих в системе идентичности, должен стать одним из значимых компонентов любых развивающих, коррекционных и образовательных практик.

Данная работа носит поисковый характер и позволяет сформулировать новые вопросы и наметить направления дальнейших исследований, одним из которых может стать изучение взаимосвязи идентичности с другими личностными свойствами, особенно с учетом возрастной динамики и общих закономерностей развития личности.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: О. А. Браун – разработка методологии исследования, концептуализация, интерпретация данных, написание текста. М. Г. Аркузин – формальный анализ данных, оформление текста.

Contribution: O. A. Braun developed the research concept and methodology, interpreted the data, and drafted the manuscript. M. G. Arkuzin was responsible for the formal data analysis and text design.

Благодарности: Авторы благодарят за помощь в сборе эмпирических данных выпускницу социальноПсихологического института КемГУ Усольцеву Полину Сергеевну.

Acknowledgments: The authors would like to express their gratitude to Polina S. Usoltseva, a graduate of the Institute of Sociology and Psychology, Kemerovo State University, for her assistance in collecting the empirical data.

Литература / References

- Айви А. Е., Айви М. Б., Саймэк-Даунинг Л. Психологическое консультирование и психотерапия: методы, теории и техники. М.: Психотерапевт. колледж, 1999. 487 с. [Ivey A. E., Ivey M. B., Simek-Downing L. *Counseling and psychotherapy: Integrating skills, theories, and practice*. Moscow: Psychotherapist college, 1999, 487. (In Russ.)]
- Алдашева А. А., Зеленова М. Е., Сиваш О. Н. Социальная идентичность и ценностные ориентации у приемных родителей с разным количеством детей. *Социальная психология и общество*. 2019. Т. 10. № 3. С. 137–156. [Aldasheva A. A., Zelenova M. E., Sivash O. N. Social identity and value orientations of adoptive parents with different

numbers of children. *Social Psychology and Society*, 2019, 10(3): 137–156. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17759/sps.2019100309>

Браун О. А., Билан М. А., Аркузин М. Г., Аршинова Е. В. «Постмодернистский self» – миф или реальность для современных студентов? *Профессиональное образование в России и за рубежом*. 2022а. № 1. С. 121–128. [Braun O. A., Bilan M. A., Arkuzin M. G., Arshinova E. V. "Post-modern self" – myth or reality for modern students? *Professional education in Russia and abroad*, 2022a, (1): 121–128. (In Russ.)] https://doi.org/10.54509/22203036_2022_1_121

Браун О. А., Билан М. А., Аркузин М. Г., Аршинова Е. В. Динамические аспекты трансформации системы идентичностей студентов вузов в процессе обучения. *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2021. Т. 23. № 4. С. 929–938. [Braun O. A., Bilan M. A., Arkuzin M. G., Arshinova E. V. Identity system in university students: Transformation dynamics during learning process. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2021, 23(4): 929–938. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-4-929-938>

Браун О. А., Серый А. В., Яницкий М. С., Аркузин М. Г., Аршинова Е. В. Я-концепция личности как система идентичностей: структурно-содержательные характеристики и динамика в процессе обучения в вузе. Кемерово: КемГУ, 2022б. 96 с. [Braun O. A. Seryy A. V., Yanitskiy M. S., Arkuzin M. G., Arshinova E. V. *Self-concept of personality as a system of identities: Structural and content characteristics and dynamics in the process*. Kemerovo: KemSU, 2022b, 96. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/trocrg>

Власова Ю. А., Калачикова Е. А. Взгляд на инфантильность как характеристику личности в психологических концепциях XX века. *Тенденции развития науки и образования*. 2018. № 41-2. С. 5–9. [Vlasova Yu. A., Kalachikova E. A. Infantilism as a personality trait in psychological concepts of the 20th century. *Tendentsii razvitiia nauki i obrazovaniia*, 2018, (41-2): 5–9. (In Russ.)] <https://doi.org/10.18411/lj-08-2018-28>

Жесткова Н. А. Методологические подходы к исследованию социальной зрелости и социального инфантилизма личности. *Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология*. 2013. № 2. С. 128–136. [Zhestkova N. A. Methodological approaches to research social maturity and social infantility of the personality. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofia. Psichologija. Sociologija*, 2013, (2): 128–136. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qcvpel>

Истомина О. Б. Социальные вызовы и ответы в условиях конструирования новой реальности. *Социальные процессы в российском обществе: проблемы современности и перспективы*: VIII Всерос. науч. конф. с междунар. уч. (Иркутск, 19 апреля 2024 г.) Иркутск: ИГУ, 2024. С. 90–100. [Istomina O. B. Social challenges and responses in the context designing a new reality. *Social processes in Russian society: Problems of our time and prospects*: Proc. VIII All-Russian Sci. Conf. with Intern. participation, Irkutsk, 19 Apr 2024. Irkutsk: ISU, 2024, 90–100. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/eyxgfu>

Квашнина Е. В. Некоторые аспекты формирования идентичности в обществе. *Социальные процессы в российском обществе: проблемы современности и перспективы*: VIII Всерос. науч. конф. с междунар. уч. (Иркутск, 19 апреля 2024 г.) Иркутск: ИГУ, 2024. С. 320–323. [Kvashnina E. V. Some aspects of the formation identities in society. *Social processes in Russian society: Problems of our time and prospects*: Proc. VIII All-Russian Sci. Conf. with Intern. participation, Irkutsk, 19 Apr 2024. Irkutsk: ISU, 2024, 320–323. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/poxqgv>

Королева Э. В., Ивельская Н. Г., Чернышева А. Л. Социальный инфантилизм среди студентов высших учебных заведений: выдуманная или реальная проблема? *Современные проблемы науки и образования*. 2017. № 3. [Koroleva E. V., Ivelskaya N. G., Chernyshova A. L. Social immaturity among university students: Is it true or false? *Modern problems of science and education*, 2017, (3). (In Russ.)] URL: <https://science-education.ru/article/view?id=26409> (accessed 15 Jun 2025). <https://elibrary.ru/yundrr>

Кулакова С. В., Малиева З. К. Проблема социального инфантилизма в психолого-педагогической литературе. *ЦИТИСЭ*. 2022. № 4. С. 534–541. [Kulakova S. V., Malieva Z. K. The problem of social infantilism in psychological and pedagogical literature. *CITISE*, 2022, (4): 534–541. (In Russ.)] <https://doi.org/10.15350/2409-7616.2022.4.48>

Леонтьев Д. А. Методика изучения ценностных ориентаций. М.: Смысл, 1992. 17 с. [Leontiev D. A. Methodology for studying value orientations. Moscow. Smysl, 1992, 17. (In Russ.)]

Мазуркевич А. В., Яницкий М. С., Серый А. В. Темпоральные аспекты трансформации ценностной структуры самоидентичности в условиях кардинальных изменений жизненной ситуации. *Вестник Новосибирского государственного педагогического университета*. 2017. Т. 7. № 3. С. 104–122. [Mazurkovich A. V., Yanitskiy M. S.,

- Serry A. V. Temporal aspects of transformation self-identity value structure in conditions of radical changes in life situations. *Novosibirsk State Pedagogical University Bulletin*, 2017, 7(3): 104–122. (In Russ.)] <https://doi.org/10.15293/2226-3365.1703.07>
- Мещерякова Е. М., Серый А. В., Яницкий М. С. Временная перспектива личности как ресурс преодоления кризиса идентичности на различных этапах жизне осуществления. *Социальная психология и общество*. 2024. Т. 15. № 4. С. 75–93. [Meshcheryakova E. M., Serry A. V., Yanitskiy M. S. Personality's time perspective as a resource for overcoming the identity crisis at different stages of life realization. *Social Psychology and Society*, 2024, 15(4): 75–93. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17759/sps.2024150406>
- Микляева А. В. Социально-психологический подход к исследованию личностного инфантлиза. *Вестник РФФИ. Гуманитарные и общественные науки*. 2019. № 2. С. 147–157. [Miklyaeva A. V. Socio-psychological approach to the study of personal infantilism. *Vestnik RFFI. Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 2019, (2): 147–157. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/nomomx>
- Павлова К. Н., Дагбаева С. Б. Идентичность и ценностные ориентации студенческой молодежи в различных этнокультурных группах. *Психолог*. 2024. № 6. С. 20–39. [Pavlova K. N., Dagbaeva S. B. Identity and value orientations of student youth in various ethnocultural groups. *Psychologist*, 2024, (6): 20–39. (In Russ.)] <https://doi.org/10.25136/2409-8701.2024.6.72432>
- Сабельникова Е. В., Хмелева Н. Л. Инфантлизм: теоретический конструкт и операционализация. *Образование и наука*. 2016. № 3. С. 89–105. [Sabelnikova Ye. V., Khmeleva N. L. Infantilism: Theoretical construct and operationalization. *Obrazovanie i Nauka*, 2016, (3): 89–105. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vrbxxt>
- Селезнева Е. В., Торабаева М. Х. Взаимосвязь ценностных ориентаций студентов и их экзистенциальной идентичности в контексте жизненного выбора. *Известия Российской академии образования*. 2022. № 3. С. 84–99. [Slezneva E. V. Torabaeva M. Kh. The relationship of students' value orientations and their existential identity in the context of life choices. *Bulletin of the Russian Academy of Education*, 2022, (3): 84–99. (In Russ.)] https://doi.org/10.51944/20738498_2022_3_84
- Серегина А. А. Проблема социально-психологической незрелости молодежи. *Ученые записки РГСУ. Приложение «Психология социальности»*. 2006. № 2. С. 96–99. [Seregina A. A. The problem of socio-psychological immaturity of youth. *Uchenye zapiski RGSU. Prilozhenie "Psikhologiya sotsialnosti"*, 2006, (2): 96–99. (In Russ.)]
- Серый А. В., Яницкий М. С. Ценностно-смысловая сфера личности. Кемерово: КемГУ, 1999. 92 с. [Serry A. V., Yanitskiy M. S. *The value-semantic sphere of personality*. Kemerovo: KemSU, 1999, 96. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/rldmnn>
- Скуднова Т. Д., Иванченко О. В. Методологические аспекты изучения идентичности изменяющегося человека в изменяющемся социуме. *Проблемы детства в фокусе междисциплинарных исследований: IV Междунар. форум. (Таганрог, 27 сентября 2023 г.)* Ростов н/Д: РГЭУ (РИНХ), 2024. С. 108–115 [Skudnova T. D., Ivanchenko O. V. Methodological aspects of the study identities of a changing person in a changing society. *Problems of childhood in the focus of interdisciplinary research: Proc. IV Intern. Forum, Taganrog, 27 Sep 2023. Rostov-on-Don: RSUE*, 2024, 108–115. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/jpduge>
- Солдатова Е. Л. Психологическое содержание нормативных кризисов развития личности взрослого человека. *Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Психология*. 2008. № 31. С. 39–47. [Soldatova E. L. Psychological content of adulthood normal developmental crises. *Vestnik Iuzhno-Uralskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Psichologiya*, 2008, (31): 39–47. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/klsofv>
- Солдатова Е. Л. Структура и динамика нормативного кризиса перехода к взрослости. Челябинск: ЮУрГУ, 2007. 267 с. [Soldatova E. L. *Structure and dynamics of the normative crisis of transition to adulthood*. Chelyabinsk: SUSU, 2007, 267. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qxueoh>
- Erikson E. H. *Identity and the life cycle: Selected papers*. N. Y.: International University Press, 1959, 171.
- Marcia J. E. Development and validation of ego-identity status. *Journal of Personality and Social Psychology*, 1966, 3(5): 551–558. <https://awsptest.apa.org/doi/10.1037/h0023281>
- Mikhailova O. B., Gutvajn N. Growing infantilism in modern adolescents and young people: Symptoms and causes. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 2022, (1): 39–53. <http://doi.org/10.22363/2313-1683-2022-19-1-39-53>

Взаимосвязь стилей юмора с социабельностью и характеристиками самоотношения студентов

Юсупов Павел Рафаэльевич

Алтайский государственный медицинский университет, Россия, Барнаул

eLibrary Author SPIN: 3950-1946

<https://orcid.org/0000-0002-8158-8250>

yusupovpr@gmail.com

Аннотация: Подчеркивается необходимость четкого разделения понятий чувства юмора и стилей юмора, которые могут представлять единую систему, но изучать эти феномены можно достаточно независимо. Цель – выявить взаимосвязи между используемыми стилями юмора, социабельностью как личностной устремленностью к социальному взаимодействию и аспектами самоотношения на студенческой выборке. Выборку составили 48 студентов медицинского вуза в возрасте 18–24 лет. Применены: опросник стилей юмора Р. Мартина; методика диагностики социабельности личности; тест-опросник самоотношения; прогрессивные матрицы Равена. Использованы методы корреляционного, кластерного анализа, анализ сравнения средних. Стили юмора сближаются с понятиями когнитивных инструментов, стратегий работы с информацией, копинг-стратегий, помогающих снижать когнитивную / эмоциональную уязвимость перед стрессами. Проанализированы исследования, изучающие взаимосвязь стилей юмора с целым рядом переменных: оценкой ситуации, когнитивной гибкостью, эмоциональным интеллектом, самооценкой, психологическим дистрессом, одиночеством, предрасположенностью к депрессии, перфекционизмом. Результаты исследования подтверждают, что использование адаптивных стилей юмора может быть связано с хорошей стрессовой устойчивостью, средним или высоким эмоциональным интеллектом, когнитивной гибкостью, верой в персональный успех, направленностью на общение и взаимодействие с другими, позитивным самоотношением и т. д. Неадаптивные стили юмора в целом чаще обнаруживают связь с психологическим дистрессом, когнитивной негибкостью, невысокой социабельностью, противоречивым самоотношением. Однако, результаты (как и результаты некоторых других исследований) скорее заставляют задуматься о сложной и противоречивой природе связей между использованием стилей юмора, ситуационным контекстом, личностными особенностями, мотивацией, способностью самоконтроля и т. д. Определена важность развития адаптивных стилей юмора как ресурса для повышения самооценки, улучшения межличностных отношений и адаптации студентов в учебной среде.

Ключевые слова: стили юмора, социабельность, самоотношение, студенты, копинг-стратегии, учебная адаптация, кластерный анализ

Цитирование: Юсупов П. Р. Взаимосвязь стилей юмора с социабельностью и характеристиками самоотношения студентов. СибСкрипт. 2025. Т. 27. № 5. С. 877–888. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2025-27-5-877-888>

Поступила в редакцию 30.08.2024. Принята после рецензирования 23.12.2024. Принята в печать 27.01.2025.

full article

Humor Styles, Sociability, and Self-Esteem in University Students

Pavel R. Yusupov

Altai State Medical University, Russia, Barnaul

eLibrary Author SPIN: 3950-1946

<https://orcid.org/0000-0002-8158-8250>

yusupovpr@gmail.com

Abstract: Sense of humor and humor styles are different concepts that can be studied independently. Humor styles are related to cognitive tools, information processing strategies, and coping strategies that help to reduce cognitive or emotional vulnerability to stress. They are associated with situation assessment, cognitive flexibility, emotional intelligence, self-esteem, psychological distress, loneliness, vulnerability to depression, and perfectionism. This research focused on the correlation between the humor styles, sociability, and self-esteem in university students. The sample consisted of 48 medical students aged 18–24 years. They were subjected to the methods of R. Martin's Humor Styles Questionnaire, diagnosing personality sociability, the Self-Attitude Test Questionnaire, and Raven's Progressive Matrices. The obtained data underwent correlation, cluster, and mean comparison analyses. Adaptive humor styles proved to be associated with high stress resilience, average or high emotional intelligence, cognitive flexibility, belief in personal success, a good social orientation and interaction, and positive self-esteem. In contrast, maladaptive humor styles were associated with psychological distress, cognitive inflexibility, low sociability, and contradictory self-attitude. Humor style, situational context, personality traits, motivation, and self-control demonstrated complex and contradictory correlations. Based on this study, adaptive humor styles seem to be a resource that contributes to better self-esteem, interpersonal relationships, and adaptation to the new academic environment.

Keywords: humor styles, sociability, self-relationship, students, coping strategies, academic adaptation, cluster analysis

Citation: Yusupov P. R. Humor Styles, Sociability, and Self-Esteem in University Students. *SibScript*, 2025, 27(5): 877–888. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/sibscript-2025-27-5-877-888>

Received 30 Aug 2024. Accepted after peer review 23 Dec 2024. Accepted for publication 27 Jan 2025.

Введение

Целый ряд психологических факторов и переменных связан с успешной адаптацией студентов в учебном процессе, с академической успеваемостью, взаимодействием с учебной группой и преподавателями [Girelli et al. 2018; Huang, Lee 2019]. К этим переменным можно отнести эмоциональный интеллект, общий уровень интеллекта, личностную мотивацию (в том числе к учебе), личностные убеждения и установки, самооценку / самоотношение, способности и мотивацию к общению. Исследователи выделяют и другое важное качество (способность) – чувство юмора, которое может значительно повысить эффективность совладания с жизненными стрессами и учебную адаптацию.

Р. Мартин и Т. Форд показали, что юмор может выступать как копинг-механизм, помогающий справляться со стрессом и улучшать социальные взаимодействия, а также, что хорошее чувство юмора

коррелирует со стрессоустойчивостью, позитивной самооценкой и увеличивает шансы получить социальную поддержку. В логике данной когнитивной парадигмы чувство юмора рассматривается как индивидуальный ресурс, способный менять когнитивную оценку стрессовых ситуаций. Р. Мартин и Т. Форд различают чувство юмора как более общее понятие, охватывающее способность воспринимать и наслаждаться юмором, и стили юмора, которые представляют собой различные способы использования юмора в повседневной жизни [Martin, Ford 2018]. Но хорошее чувство юмора само по себе не всегда является предиктором успешной адаптации, совладания со стрессовыми ситуациями, способности устанавливать деловые и эмоциональные отношения с людьми. Определяющим будет являться системное взаимодействие личностных качеств, когнитивных установок, коммуникативных способностей и т. п.

Р. Мартин и Т. Форд предложили два стиля адаптивного юмора (самоподдерживающий и аффилиативный) и два стиля неадаптивного юмора (самоуничижительный и агрессивный). Различные исследования показали отрицательную связь адаптивных стилей юмора с психологическим дистрессом [Chuang et al. 2021; Lu et al. 2024] и положительные корреляции с удовлетворенностью жизнью [Páez et al. 2013].

Многочисленные исследования показали, что аффилиативный и самоподдерживающий стили юмора отрицательно коррелировали с симптомами социальной тревоги и депрессии, что подтверждает их защитную роль [Braniecka et al. 2019; Frewen et al. 2008; Tucker et al. 2013]. Самоуничижительный юмор положительно коррелировал как с социальной тревогой, так и с депрессией. П. Фрюену и коллегам удалось показать, что использование аффилиативного стиля юмора может помочь получить социальную поддержку и, как следствие, снизить депрессию [Frewen et al. 2008]. Самоподдерживающий стиль юмора оказывается полезен в альтернативном восприятии негативных ситуаций и угроз, что позволит перестроиться и найти адекватный ответ [Braniecka et al. 2019].

Неадаптивные стили юмора связываются с повышенным уровнем депрессии, высокой социальной тревогой и низким уровнем благополучия [Chuang et al. 2021]. Агрессивный юмор показал положительную корреляцию с депрессией, но не был связан с социальной тревогой. Некоторые исследования показывают, что агрессивный стиль юмора мешает получению социальной поддержки, отталкивая других [Ibarra-Rovillard, Kuiper 2011; Tucker et al. 2013].

Однако, есть и противоречивые данные, например, о том, как связан самоуничижительный стиль юмора с самооценкой. С. Стейгер и др. показали, что самоуничижительный стиль юмора может усилить негативную самооценку и помешать поддержать сбалансированную самооценку [Stieger et al. 2011]. В. Рух и С. Хайнц выявили значимые положительные корреляции самоуничижительного стиля юмора с хорошим самопониманием и самокритикой [Ruch, Heintz 2013], что хорошо объясняет данные в нашем исследовании, где высокий балл по самоуничижительному юмору оказался связанным с самопониманием и самопринятием как аспектами самооценки.

Таким образом, юмор и стили юмора рассматриваются как когнитивные инструменты, связанные с целым рядом переменных: оценкой ситуации, самооценкой, копинг-стратегиями, возможным психологическим дистрессом, предрасположенностью к депрессии.

Обобщая результаты исследования, М. Абель пишет, что люди с развитым чувством юмора испытывали меньший уровень стресса и тревожности несмотря на одинаковое количество повседневных проблем, по сравнению с группой с низким чувством юмора. Это подтверждает гипотезу о том, что чувство юмора способствует более позитивной оценке стрессовых ситуаций. Кроме того, оказалось, что люди с высоким уровнем чувства юмора чаще использовали позитивные стратегии совладания, такие как решение проблем и позитивная переоценка ситуации. Эти стратегии помогали им лучше справляться с трудностями и снижать уровень негативного аффекта [Abel 2002]. Так, некоторые исследователи предлагают рассмотреть аргументы того, что взаимодействие адаптивных стилей юмора с когнитивной гибкостью позволяет человеку усилить саморегуляцию эмоций и переключить внимание с негативных аспектов ситуации на позитивные, что приводит к успешному совладанию со стрессом и снижению рисков депрессии [Altan-Atalay, Boluval 2024].

Другое направление исследований показывает, что чувство юмора и его использование может довольно основательно опосредоваться эмоциональным интеллектом и зависеть от эмпатии, понимания и оценки подходящего контекста, чувства уместности, настроения и чувств других людей и т.д. [Устинова, Качина 2019]. Ж. Жиньяк и соавторы подтверждают уже известную взаимосвязь между эмоциональным интеллектом и стилями адаптивного юмора: человек, чаще демонстрирующий самоподдерживающий и аффилиативный юмор, в большей мере социально ориентирован и будет иметь средние или высокие показатели эмоционального интеллекта [Gignac et al. 2014]. Эти же авторы высказали интересную мысль, что личностные особенности, например экстраверсия, могут оказывать влияние на предпочтение стилей юмора и их использование в повседневной жизни. Это подчеркивает важность учета индивидуальных различий при изучении связи между эмоциональным интеллектом и юмором [Ibid.].

М. Назир и Р. Рафик, изучив адаптацию, социальную компетентность и социальные навыки студентов, сделали вывод, что социально компетентными, адаптивными и эмпатичными имеют больший шанс оказаться студенты, чаще всего использующие адаптивные стили юмора [Nazir, Rafique 2019].

Результаты исследования Л. Хиггинс показали, что агрессивный юмор может иметь разные функции у людей с высоким и низким перфекционизмом.

У перфекционистов агрессивный юмор может часто выступать в роли защитного механизма, снижая социальную изоляцию и одиночество, а самоподдерживающий юмор снижал одиночество у людей с низкими показателями перфекционизма, но увеличивал у людей с высокими баллами перфекционизма [Higgins 2022]. Еще один вывод Л. Хиггинс оказывается особенно полезным для нашего исследования: люди с высокой самооценкой чаще используют адаптивные стили юмора и в целом более склонны к использованию разных форм юмора и креативности (в контексте юмора).

Дж. Шермер и коллеги подтвердили связи между чувством одиночества и использованием стилей юмора. Так, люди, чаще демонстрирующие адаптивные стили юмора, имеют низкое чувство одиночества. С выраженным чувством одиночества высоко коррелировал только самоуничтожительный юмор, в то время как агрессивный юмор не имел корреляций с переживанием одиночества. Кроме того, они пришли к выводу, что связь между стилями юмора и одиночеством в значительной степени универсальна и не зависит от культурных различий между странами. Это позволяет рассматривать стили юмора и связь с удовлетворенностью социальным взаимодействием как универсальный фактор, культурно индифферентный [Schermer et al. 2022].

В ряде исследований подтверждалась актуальные взаимосвязи между адаптивными стилями юмора и самооценкой. В найденных исследованиях, без исключения, наблюдается положительная ассоциация между аффилиативным, самоподдерживающим стилями юмора и самооценкой [McCosker, Moran 2012; Nazir, Rafique 2020]. Однако, если Б. Мак-Коскер и К. Моран включают в эти положительные ассоциации с самооценкой еще и агрессивный стиль юмора, то у М. Назира и Р. Рафика эта связь оказывается отрицательной. То есть молодые люди, которые часто используют агрессивный юмор, склонны к низкой самооценке. Объясняют это тем, что этот стиль юмора может усиливать конфликты и приводить к напряженности в отношениях, что будет негативно сказываться на восприятии собственной ценности. Такая же сложная и неоднозначная связь выявляется между самооценкой и самоуничтожительным стилем юмора: если Б. Мак-Коскер и К. Моран получили очень слабую связь между самооценкой и этим стилем юмора, то в исследовании М. Назира и Р. Рафика эта корреляция вовсе отрицательна. Стоит обратить внимание еще на один спорный вывод исследователей по поводу связи между

стилями юмора и уровнем межличностных компетенций. Так, Б. Мак-Коскер и К. Моран утверждают, обобщая полученные значимые корреляции, что люди, часто использующие аффилиативный юмор, будут демонстрировать высокие межличностные компетенции, и, наоборот, частое использование юмора агрессивного стиля может указывать на низкий уровень межличностных компетенций.

На наш взгляд, для таких однозначных выводов нужно знать исчерпывающий перечень переменных и факторов. Мы имеем дело со сложным набором связей между переменными. Использование агрессивного юмора вполне может сочетаться с высокими социальными и межличностными компетенциями, когда человек хорошо понимает собственные мотивы, возможности, так же как и других людей, отдает отчет о последствиях такого агрессивного юмора и все же использует его для достижения своих целей.

Учитывая, насколько сильно самооценка может быть связана с уверенностью в себе и с надеждой на позитивное развитие событий, рассмотрим некоторые результаты исследования Р. Фаланга и др., проведенного на выборке итальянской молодежи. Оказалось, что с уровнем надежды положительно связаны два адаптивных стиля юмора, однако аффилиативный юмор имеет более выраженную связь. По мысли авторов исследования, этот стиль юмора способствует увеличению уровня надежды, поскольку он поддерживает позитивные социальные взаимодействия и способствует улучшению межличностных отношений. Агрессивный и самоуничтожительный стили юмора оказались отрицательно связаны с уровнем надежды. В частности, самоуничтожительный юмор ассоциировался с более низким уровнем надежды, что указывает на то, что использование такого стиля может быть следствием снижения способности видеть свои цели и достигать их [Falanga et al. 2020].

Таким образом, актуальность и теоретическая значимость исследования обосновывается необходимостью изучения взаимодействия стилей юмора, уровня социабельности, аспектов самоотношения у студентов с учебной адаптацией. Исследования показывают, как использование самоподдерживающего и аффилиативного стилей юмора может быть связано с повышением уровня эмпатии, пониманием мотивов других людей, возможностями получения социальной поддержки, нахождением общих интересов и ценностей с другими, формированием способов регуляции эмоциональных состояний, поиском

способов совладания с социальной тревогой, дистрессом, депрессией, обучением копингам решения проблем и позитивной переоценки ситуации, в том числе в учебном процессе [Abel 2002; Çalışsandemir, Tagay 2015; Martin, Ford 2018; Wilkins, Eisenbraun 2009].

В ряде работ выявлено, что высокий уровень социабельности способствует развитию социальных навыков, включая умение эффективно взаимодействовать в учебной среде, снижать конфликты и формировать устойчивые положительные отношения, что способно улучшить учебную адаптацию [Martin, Ford 2018; Nazir, Rafique 2019; Yip, Martin 2006].

Сбалансированная самооценка, наряду с самопринятием и самопониманием, играет ключевую роль в успешной учебной адаптации. Исследования показывают, что адекватная высокая самооценка способствует уверенности в собственных силах и позитивному восприятию учебных задач, что облегчает процесс адаптации в образовательной среде. Самопринятие позволяет студентам сохранять эмоциональную стабильность несмотря на возможные неудачи, а также развивать устойчивость к стрессовым ситуациям. Самопонимание помогает эффективно организовывать учебный процесс, устанавливать реалистичные цели и использовать адаптивные стратегии обучения. Эти качества снижают риск возникновения тревожности, связанной с учебными требованиями, и способствуют более продуктивному взаимодействию с преподавателями и сверстниками [Горская и др. 2015; Ивченко 2007; Crocker, Luhtanen 2003; Ni et al. 2024; Sowislo, Orth 2013].

Кроме того, проблема данного исследования особенно актуальна в современных условиях. В последние годы произошли значительные изменения в образовательной среде, вызванные цифровизацией обучения, увеличением объемов информации и ростом конкуренции среди студентов. Эти изменения требуют от учащихся не только высокого уровня академической подготовки, но и развитых социальных навыков, эмоциональной устойчивости и способности к саморегуляции. Студенты сталкиваются с необходимостью адаптации к гибридным формам обучения, что усиливает важность исследования факторов, способствующих их успешной учебной адаптации. В таких условиях изучение взаимодействия стилей юмора, социабельности и аспектов самоотношения студентов с их учебной адаптацией приобретает особое значение.

Цель – выявить взаимосвязи между используемыми стилями юмора, социабельностью как личностной

устремленностью к социальному взаимодействию и аспектами самоотношения на студенческой выборке.

Первая гипотеза: люди, чаще использующие адаптивные стили юмора, отличаются социабельностью, стремлением к общению и взаимодействию с другими.

Вторая гипотеза: для людей, стремящихся к взаимодействию с другими, характерен высокий уровень позитивного самоотношения.

Дополнительная гипотеза: студенты с высоким уровнем общего интеллекта будут склонны использовать более адаптивные стили юмора. Подобная гипотеза ставилась в исследовании И. С. Алферовой и А. П. Захаровой [Алферова, Захарова 2019].

Важными задачами, раскрывающими научную новизну исследования, стали типологизация респондентов по используемым стилям юмора и получение дифференцированной картины взаимосвязи между используемыми стилями юмора, социабельностью и аспектами самоотношения.

Методы и материалы

Выборку составили 48 студентов медицинского вуза в возрасте 18–24 лет: 20 – Институт клинической психологии, 28 – Институт клинической медицины; 17 респондентов – мужского пола, 31 – женского.

Для оценки стилей юмора использовался опросник стилей юмора Р. Мартина (Humor Styles Questionnaire – HSQ) [Иванова и др. 2013]. Опросник имеет 4 шкалы: аффилиативный юмор, самоутверждающий юмор, агрессивный юмор, самоуничижительный юмор.

Уровень социабельности, склонности / способности личности вступать в социальные взаимодействия, устанавливать и поддерживать социальные контакты оценивался с помощью методики диагностики социабельности личности [Богачева 2021].

Диагностика различных аспектов самоотношения, самооценки и самовосприятия, т. е. отношения человека к самому себе, осуществлялась с помощью тест-опросника самоотношения (ОСО) [Столин, Пантилееев 2000].

Для проверки дополнительной гипотезы на выборке измерен общий уровень интеллекта с помощью прогрессивных матриц Равена (Дж. Равен, Л. Пенроуз) [Равен и др. 2012]. Методика измеряет способности к абстрактному мышлению и логическим выводам.

В исследовании использованы методы корреляционного, кластерного анализа, анализ сравнения средних (критерий Краскела-Уоллеса и пост-хок тестов Данна). Анализ данных реализован с помощью R-Studio.

Результаты

На первом этапе для проверки первой гипотезы проведен корреляционный анализ шкал методик. В связи с отличием распределений большинства шкал от нормального вида, кроме шкалы *социабельность* и шкал опросника стилей юмора, использован коэффициент корреляции r -Спирмена. Выявлен ряд значимых корреляций (табл. 1). Самая значимая, выраженная, положительная корреляция обнаружена между шкалой *самоподдерживающий юмор* и *социабельностью*. Можно предположить, что люди с высокой социабельностью склонны использовать самоподдерживающий юмор для улучшения своего самочувствия и настроения. Еще одна значимая положительная корреляция говорит о связи социабельности и использовании аффилиативного юмора, что указывает на то, что более социабельные люди склонны использовать юмор для укрепления отношений.

Получен ряд значимых корреляций между шкалой *социабельность* и некоторыми шкалами опросника самоотношения (табл. 2). Общая склонность личности вступать в социальные взаимодействия, устанавливать и поддерживать социальные контакты ожидаемо положительно связана с позитивными аспектами самоотношения. Эти данные подтверждают гипотезу о наличии положительных значимых корреляций между шкалой *социабельность* и шкалами самоотношения.

Другой ряд значимых корреляций получен между шкалой *самоподдерживающий юмор* и шкалами опросника самоотношения (табл. 3). Этот результат вполне ожидаем, и использование юмора как средства совладания со стрессами хорошо сочетается с позитивным отношением к себе, с самоуважением, самопониманием и т.д.

Получены значимые обратные корреляции между шкалой *самоуничтожительный юмор* и большинством шкал опросника самоотношения (табл. 4). Можно предположить, что юмор, направленный против себя, например, для избегания конфликтов, ассоциируется обратным образом с позитивной самооценкой, самопринятием и т.д. Вместе с тем получена одна положительная корреляция между *самоуничтожительным юмором* и шкалой *самообвинение*. Использование самоуничтожительного стиля юмора связано со снижением уровня интеллекта.

На втором этапе исследования, решая задачу получения более дифференциированной картины взаимосвязи между используемыми стилями юмора, социабельностью и аспектами самоотношения, а также задачу типологизации респондентов по используемым

Табл. 1. Значимые корреляции переменной *социабельность* и шкал опросника стилей юмора Р. Мартина

Tab. 1. Variable sociability vs. R. Martin's Humor Styles Questionnaire: significant correlations

Шкалы	r	p
Аффилиативный юмор	0,38	0,016
Самоподдерживающий юмор	0,61	0,001

Табл. 2. Корреляции между шкалой *социабельность* и шкалами ОСО

Tab. 2. Sociability and Self-Attitude Inventory: correlations

Шкалы	r	p
Глобальное самоотношение	0,53	0,001
Самоуважение	0,38	0,050
Аутосимпатия	0,45	0,010
Самопринятие	0,56	0,001
Самоуверенность	0,39	0,032
Самопонимание	0,30	0,063

Табл. 3. Корреляции между шкалой *самоподдерживающий юмор* и шкалами ОСО

Tab. 3. Self-Enhancing Humor and Self-Attitude Inventory: correlations

Шкалы	r	p
Глобальное самоотношение	0,43	0,006
Самоуважение	0,34	0,033
Аутосимпатия	0,37	0,020
Самопринятие	0,53	0,001
Самоуверенность	0,29	0,092
Самопонимание	0,35	0,049

стилям юмора, был реализован кластерный анализ с данными по стилям юмора (метод Варда). Выделены 3 кластера, различающихся по стилям юмора. Чтобы понять, каким образом эти 3 кластера различаются, были применены тест Краскела-Уоллеса и пост-хок тест Данна. В первый кластер вошли 10 человек, во второй – 14, в третий – 15.

Кластер 1 имеет в целом значимо более низкий профиль по всем стилям юмора, до 20 баллов в сравнении с кластером 2. Кластер 1 по самоуничтожительному

Табл. 4. Значимые корреляции между шкалой самоуничижительный юмор и шкалами ОСО и общей шкалой интеллекта (Прогрессивные матрицы Равена)

Tab. 4. Self-defeating humor, Self-Attitude Inventory, and Raven's Progressive Matrices: significant correlations

Шкалы	r	p
Глобальное самоотношение (ОСО)	-0,45	0,004
Самоуважение (ОСО)	-0,45	0,004
Аутосимпатия (ОСО)	-0,36	0,026
Ожидание (+) отношения (ОСО)	-0,48	0,002
Самоинтерес (ОСО)	-0,31	0,057
Самоуверенность (ОСО)	-0,44	0,004
Самообвинение (ОСО)	0,39	0,010
Общий интеллект (Прогрессивные матрицы Равена)	-0,36	0,026

юмору имеет срединную позицию: показывает значимо больший балл, чем кластер 3 ($p = 0,001$), и в то же время почти значимо меньший балл, чем кластер 2 ($p = 0,04$). Кластер 2 отличается двумя высокими баллами: самоподдерживающим и аффилиативным юмором. Хотя по аффилиативному юмору нет значимых отличий от кластера 3 ($p = 0,83$), однако на уровне тенденции различия все же присутствуют ($p = 0,09$). Кластер 3 показал довольно противоречивое сочетание стилей юмора: с одной стороны, практически отсутствует самоуничижительный юмор, с другой – зафиксирован максимальный балл по агрессивному юмору и довольно высокий балл по аффилиативному (рис. 1).

В целях выявления значимых различий между тремя кластерами и уровнем социабельности был реализован тест Краскела-Уоллеса пост-хок тестов Данна. Результаты теста Краскела-Уоллеса показывают, что есть статистически значимые различия переменной социабельность для трех кластеров: хи-квадрат = 9,809; $p < 0,01$.

Наблюдается значимое различие по социабельности только для кластеров 1 и 2: $p < 0,01$ (с использованием поправки Бонферрони).

С помощью теста Краскела-Уоллеса и пост-хок тестов Данна для двенадцати шкал теста-опросника самоотношения и трех кластеров были выявлены значимые различия (и различия, значимые на уровне хорошей статистической тенденции) между двумя шкалами и тремя кластерами (рис. 2). Оказалось,

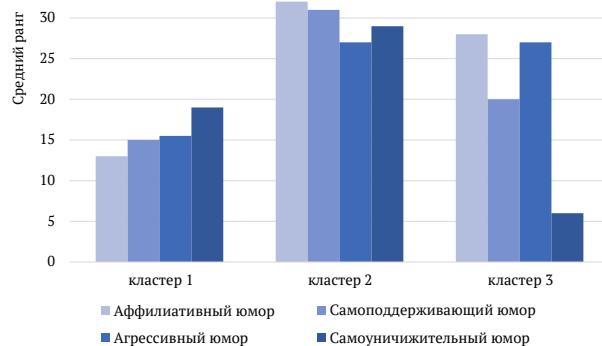

Рис. 1. Различия в рангах стилей юмора между кластерами (Опросник стилей юмора Р. Мартина)

Fig. 1. Differences for three clusters across four humor styles: Martin's Humor Styles Questionnaire

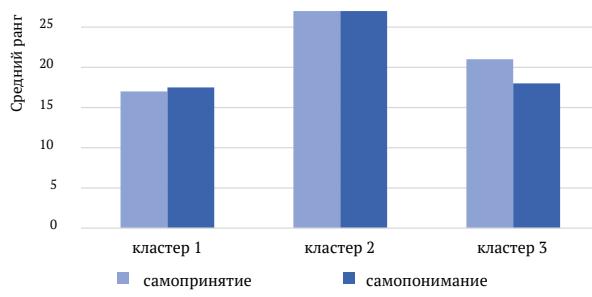

Рис. 2. Различия по ранговым значениям для кластеров по шкалам самопринятие и самопонимание (ОСО)

Fig. 2. Rank values for three clusters across two scales: self-acceptance and self-understanding (Self-Attitude Inventory)

что три кластера различаются по шкалам *самопринятие* ($p = 0,07$) и *самопонимание* ($p = 0,11$) (в обоих случаях значимость на уровне статистической тенденции). В дополнение тест Данна показал, что различия по этим двум шкалам между кластерами 1 и 2 приближаются к значимым: *самопринятие* ($p = 0,04$), *самопонимание* ($p = 0,06$).

Обсуждение

Корреляционный анализ помог выявить целый ряд значимых связей шкалы социабельность (методика Т. И. Богачевой) со стилями юмора [Иванова и др. 2013] и с разными аспектами самоотношения [Столин, Пантилев 2000]. Подтверждена гипотеза о том, что человек с высоким баллом по социабельности будет чаще демонстрировать стили юмора, направленные на социальное взаимодействие и на самоподдержание. То есть человек, направленный на общение, будет чаще использовать шутки для сближения с людьми, установления доверительных отношений

(аффилиативный юмор), поддерживать собственный оптимальный настрой на взаимодействие, решение проблем и борьбу со стрессами (самоподдерживающий юмор).

Ряд значимых корреляций между социабельностью и шкалами самоотношения подтвердил предположение, что человек, стремящийся к общению с людьми, имеет довольно высокий уровень позитивного самоотношения: он ценит и уважает себя, симпатичен себе, знает о своих плохих и хороших качествах и в целом их принимает, что может способствовать достижению высокой учебной адаптации. Из четырех стилей юмора только самоподдерживающий имеет целый ряд значимых связей с позитивным самоотношением. То есть поддерживающий себя в юморе человек чаще всего отличается самопринятием, аутосимпатией, самопониманием и т.д.

Ряд значимых, но обратных корреляций получен для самоуничтожительного юмора и шкал опроектика самоотношения. Данные взаимосвязи лишь подтвердили факт, что выраженное использование самоиронии, самоуничтожения, вытаскивания собственных негативных сторон, излишняя самокритика могут быть связаны с негативным самоотношением (с недостатком аутосимпатии, низким самоуважением и т.д.).

Так же как и в исследовании И. С. Алферовой и А. П. Захаровой, нам удалось эмпирически показать лишь значимую статистическую тенденцию, что общий уровень интеллекта оказывается ниже у студентов, чаще использующих самоуничтожительный стиль юмора [Алферова, Захарова 2019].

Для реализации задачи типологизации респондентов по используемым стилям юмора и получения дифференцированной картины взаимосвязи между используемыми стилями юмора, социабельностью и аспектами самоотношения была получена структура из трех кластеров.

У кластера 1 наименее выражены все стили юмора, что может свидетельствовать о том, что юмор не является для них значимым инструментом адаптации, совладания со стрессом, поддержания настроения или общения. Для кластера 1 предложена интерпретация: *невысокая ценность юмора для адаптации и борьбы со стрессом*. Юмор для этой группы не является основным механизмом копинга или жизненной адаптации. Видимо, в совладании с жизненными стрессами и решении задач адаптации респонденты кластера 1 делают заметно меньшую ставку на юмор и стили юмора, чем респонденты двух других кластеров.

Студенты, отнесенные к кластеру 2, судя по всему, делают самую большую ставку практически на все стили юмора. Все четыре стиля юмора находятся почти на одном уровне. Для кластера 2 предложена интерпретация: *юмор – это довольно ценный ресурс самоподдержания и нахождения контакта с людьми, совладания со стрессами и адаптации*. Люди из этого кластера могут использовать юмор для разных целей: создания и поддержания социальных связей, для поддержания личного самочувствия и позитивной самооценки, настроения, для решения социальных конфликтов и т.д. В целом использование стилей юмора респондентами кластера 2 выглядит более сбалансированным для целей адаптации. Несмотря на использование всех четырех стилей юмора, чуть более заметным оказывается акцент в юморе на поддержание себя и направленность на поддержание социального контекста взаимодействия.

Данная группа, в отличие от других, часто демонстрирует аспекты самоуничтожительного юмора: самоиронию, самокритику, умение смеяться над собой. Получены довольно неожиданные результаты: они показывают способность использовать юмор не только для самоподдержания и нахождения общего языка с другими людьми, но и в целях самокритики, снижения напряжения в социальном общении, обращения внимания на свои недостатки и ошибки, для создания более комфортной позиции в общении для других людей.

Кластер 3 отличается частым использованием агрессивного и аффилиативного юмора в сочетании с редким использованием самоуничтожительного юмора. Такой контраст можно объяснить, вероятно, тем, что с помощью юмора они решают задачи самоутверждения, продвижения своего мнения и позиции, завоевания внимания других людей и оказания необходимого влияния на окружающих. Самый низкий балл по самоуничтожительному юмору (в сравнении с другими кластерами), вероятно, связан с тем, что респонденты кластера 3 расценивают самокритику, способность посмеяться над своими ошибками скорее как слабость. Данная группа редко использует юмор для самокоррекции, самокритики, признания своих ошибок, создания комфортной позиции в общении для другого человека. Для кластера 3 предложена интерпретация: *юмор как необходимое средство самоутверждения, здоровой агрессии и отстаивания своих позиций в отсутствие самокритики*.

Результаты теста Краскела-Уоллеса и пост-хок теста Данна для шкалы *социабельность* и трех кластеров показали единственное значимое различие. Респонденты кластера 1 заметно уступают респондентам кластера 2 по направленности на общение с людьми, открытости другим, потребности в общении и получению удовольствия от взаимодействия с другими. Значимых различий в социабельности не обнаружено в паре кластеров 1 и 3 и в паре кластеров 2 и 3. Этот результат отчасти подтверждает предыдущий вывод о том, что студенты кластера 1 нечасто рассматривают юмор как актуальный способ поведения, общения, совладания со стрессом. Социабельность в большей степени отличает кластер 2, что хорошо сочетается с высокими показателями аффилиативного и самоподдерживающего юмора. Респонденты кластера 3 не отличаются по уровню социабельности от кластера 2, что хорошо сочетается с их большей предрасположенностью к агрессивному, наступательному юмору и меньшим вниманием к самокритике.

Результаты теста Краскела-Уоллеса и пост-хок тестов Данна для трех кластеров и двенадцати шкал опросника самоотношения позволяют говорить только о двух различиях (с хорошей статистической тенденцией) (рис. 2). Кластер 2 имеет заметно более высокие баллы по шкалам *самопринятие* и *самопонимание* в сравнении с другими группами. Однако значимость различий достигается только между кластерами 2 и 1. Респонденты кластера 2 отличаются высоким уровнем самопринятия, самокритики, лучше знают о своих достоинствах и недостатках, лучше понимают и анализируют свои внутренние состояния, эмоции, мотивы, лучше понимают последствия своих действий.

Анализ различий между тремя кластерами и шкалой общего интеллекта (Прогрессивные матрицы Равена) с помощью теста Краскела-Уоллеса и пост-хок тестов Данна не выявил значимых показателей.

Таким образом, была подтверждена гипотеза о значимой положительной связи между использованием адаптивных стилей юмора и высокой социабельностью. Не обнаружены значимые корреляции социабельности с неадаптивными стилями юмора. Результаты позволяют предположить, что люди, устремленные к социальному взаимодействию, общению, будут чаще демонстрировать самоподдерживающий и аффилиативный стили юмора. Возможно, самоподдержание себя посредством юмора хорошо ассоциируется с возможностью и способностью поддержать другого.

Подтвердилась гипотеза о том, что люди с высокой социабельностью (направленность на общение) чаще

имеют высокий уровень позитивного самоотношения почти по всем аспектам: самоуважению, аutosимпатии, самопринятию, самоуверенности, самопониманию.

Из всех стилей юмора именно самоподдерживающий юмор имеет наибольшее количество положительных связей со шкалами самоотношения. Можно предположить, что люди, склонные к самоподдержке и уменьшению стрессовых воздействий в ситуации, будут отличаться набором положительных характеристик самоотношения.

Выявлены обратные корреляции между самоуничижительным юмором и аспектами самоотношения. Частое использование самоиронии, самокритики, самоуничижения, вытаскивание собственных негативных сторон может быть связано с негативным самоотношением (с недостатком аutosимпатии, низким самоуважением, самопониманием и т. д.).

С помощью кластерного анализа и тестов сравнения средних были решены задачи типологизации выборки по используемым стилям юмора и выявления дифференцированной картины взаимосвязи между используемыми стилями юмора, социабельностью и аспектами самоотношения.

Применение кластерного анализа позволило решить проблему классификации выборки и выделить три группы, различающиеся использованием юмора. Каждому кластеру было дано рабочее название (по результатам различий):

Кластер 1: невысокая ценность юмора для адаптации и борьбы со стрессом.

Кластер 2: юмор – это довольно ценный ресурс самоподдержания и нахождения контакта с людьми, совладания со стрессами и адаптации.

Кластер 3: юмор как необходимое средство самутверждения, здоровой агрессии и отстаивания своих позиций в отсутствие самокритики.

Для кластера 1, для которого использование стилей юмора не является приоритетным копингом, оказался характерен низкий балл по социабельности, т.е. меньшая направленность на социальное взаимодействие. Наибольшая направленность на взаимодействие с социумом характерна для кластера 2. Респонденты кластера 3, которые чаще используют юмор как средство самовыражения и завоевания более высокого социального статуса, выглядят почти так же социабельно, как и респонденты кластера 2.

Выявлено, что самый высокий уровень самопонимания и самопринятия характерен для респондентов кластера 2. Были получены неожиданные данные: они оказались способны использовать юмор не только

для самоподдержания и нахождения общего языка с другими людьми. Вместе с тем они могут использовать юмор и в целях самокритики, снижения напряжения в социальном общении и для понимания своих недостатков, и, возможно, за счет этого создают более комфортную позицию в общении для других людей.

Таким образом, изучение взаимосвязи между используемыми стилями юмора, социабельностью как личностной устремленностью к социальному взаимодействию и аспектами самоотношения способно обеспечить понимание факторов, опосредующих учебную адаптацию студентов. Кроме того, полученные результаты могут быть использованы в практической работе психологов в системе вуза. Представляется практической и перспективной разработка ежегодной системы оценки ряда значимых переменных, определяющих учебную адаптацию: оценка стрессоустойчивости, копинг-стратегий (в том числе стилей юмора), способов выявления настроения, регуляции эмоциональных состояний, способов нахождения общих смыслов и мотивов в общении с другими студентами и преподавателями и т.д.

Заключение

Актуальность исследования стилей юмора в студенческой выборке подтверждается необходимостью поиска факторов, психологических переменных, которые способствуют успешной социальной и академической адаптации студентов в учебном процессе. Анализ концепций подтвердил необходимость четкого разделения понятий чувства юмора и стилей юмора, которые можно изучать достаточно независимо.

В ряде подходов юмор и стили юмора рассматриваются как когнитивные инструменты, копинг-стратегии, связанные с целым рядом переменных: оценкой ситуации, самооценкой, психологическим дистрессом, одиночеством, предрасположенностью к депрессии, перфекционизмом и т.д.

Выявленные результаты взаимосвязи между стилями юмора, социабельностью и самоотношением среди студентов подтвердили гипотезу о значимой

положительной связи между уровнем социабельности и адаптивными стилями юмора, такими как аффiliативный и самоподдерживающий. Эти стили юмора способствуют укреплению позитивных межличностных отношений и поддержанию позитивного самоотношения, что может положительно повлиять на академическую и социальную адаптацию и на учебную успеваемость.

Выявленные значимые корреляции между самооценкой и стилями юмора, а также различия между кластерами позволяют говорить о сложных взаимосвязях между когнитивными, эмоциональными и социальными аспектами использования юмора. В частности, использование самоуничижительного юмора по результатам корреляций оказалось связано с низким уровнем самооценки и невысокими показателями общего интеллекта, тогда как набольшие показатели этого стиля юмора, характерные для кластера 2, указывают на сложность и противоречивость данных, что подчеркивает необходимость более глубокого дальнейшего анализа взаимосвязей индивидуальных особенностей студентов и вклада в учебную адаптацию.

Использование кластерного анализа вместе с тестами ранговых различий позволило решать задачи классификации выборок на подгруппы с выявлением содержательных различий по шкалам в целях лучшего понимания взаимосвязей между исследуемыми переменными. Результаты исследования подчеркивают важность развития адаптивных стилей юмора как ресурса для повышения самооценки, улучшения межличностных отношений и адаптации студентов в учебной среде.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Литература / References

- Алферова И. С., Захарова А. П. Связь общего интеллекта и чувства юмора у студентов медицинского колледжа. *Психология здоровья и болезни: клинико-психологический подход: IX Всерос. конф. с Междунар. уч. (Курск, 21–22 ноября 2022 г.)* Курск: КГМУ, 2019. Ч. I. С. 12–15. [Alferova I. S., Zakharova A. P. Connection of general intelligence and sense of humor in medical college students. *Psychology of health and illness: Clinical and psychological approach: Proc. IX All-Russian Conf. with Intern. participation, Kursk, 21–22 Nov 2022. Kursk: KSMU, 2019. Kursk: KSMU, 2019, pt. I, 12–15. (In Russ.)*] <https://elibrary.ru/uugdbb>

- Богачева Т. И. Исследование социабельности как личностной характеристики лидера: построение опросника и его валидизация. *Экспериментальная психология*. 2021. Т. 14. № 4. С. 76–89. [Bogacheva T. I. Study of sociality as a personal characteristic of a leader: Construction of a questionnaire and its validation. *Experimental Psychology (Russia)*, 2021, 14(4): 76–89. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17759/exppsy.2021140404>
- Горская Н. Е., Глызина В. Е., Белоусова Е. С. Сравнительный анализ уровня самооценки студентов. *Вестник Иркутского государственного технического университета*. 2015. № 5. С. 223–228. [Gorskaya N. E., Glyzina V. E., Belousova E. S. Comparative analysis of student level self-esteem. *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta*, 2015, (5): 223–228. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/sgjfmj>
- Иванова Е. М., Митина О. В., Зайцева А. С., Стефаненко Е. А., Ениколопов С. Н. Русскоязычная адаптация опросника стилей юмора Р. Мартина. *Теоретическая и экспериментальная психология*. 2013. Т. 6. № 2. С. 71–85. [Ivanova E. M., Mitina O. V., Zaitseva A. S., Stefanenko E. A., Enikolopov S. N. Russian-language adaptation of R. Martin's Humor Styles Questionnaire. *Teoreticheskaya i eksperimentalnaya psichologiya*, 2013, 6(2): 71–85. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qzwblt>
- Ивченко Е. И. Формирование самооценки как фактора успешности социально-психологической адаптации студентов в образовательном пространстве вуза (на примере студентов-мигрантов): дис. ... канд. психол. наук. Ростов н/Д, 2007. 194 с. [Ivchenko E. I. *Self-esteem as a factor of effective socio-psychological adaptation of university students: The case of migrant students*. Cand. Psychol. Sci. Diss. Rostov-on-Don, 2007, 194. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/norint>
- Равен Дж., Равен Дж. К., Корт Дж. Руководство для прогрессивных матриц Равена и словарных шкал. М.: Когито-Центр, 2012. 143 с. [Raven J., Raven J. C., Court J. *Manual for Raven's progressive matrices and vocabulary scales*. Moscow: Kogito-Tsentr, 2012, 143. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qyfwzr>
- Столин В. В., Пантилеев С. Р. Опросник самоотношения. In: Бодалев А. А., Столин В. В. Общая психоdiagностика. М.: Речь, 2000. С. 379–383. [Stolin V. V., Pantileev S. R. Attitude inventory. In: Bodalev A. A., Stolin V. V. *General psychodiagnosis*. Moscow: Rech, 2000, 379–383. (In Russ.)]
- Устинова А. А., Качина А. А. Взаимосвязь эмоционального интеллекта и предпочтаемого стиля юмора в контексте профессионального общения. *Организационная психология*. 2019. Т. 9. № 4. С. 125–140. [Ustinova A. A., Kachina A. A. The relationship between emotional intelligence and types of humor in business communication. *Organizatsionnaya Psichologiya*, 2019, 9(4): 125–140. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/oskfm>
- Abel M. H. Humor, stress, and coping strategies. *HUMOR*, 2002, 15(4), 365–381. <https://doi.org/10.1515/humr.15.4.365>
- Altan-Atalay A., Boluval M. F. Cognitive flexibility and depression: The moderator roles of humor styles. *Current Psychology*, 2024, 43: 20814–20823. <https://doi.org/10.1007/s12144-024-05931-8>
- Braniecka A., Haní M., Wołkowicz I., Chrzczonek-Śtepień, A., Mikolajonek A., Lipiec M. Is it worth turning a trigger into a joke? Humor as an emotion regulation strategy in remitted depression. *Brain and Behavior*, 2019, 9(2). <https://doi.org/10.1002/brb3.1213>
- Çalışandemir F., Tagay Ö. Multidimensional perfectionism and humor styles the predictors of life satisfaction. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*, 2015, 174, 939–945. <https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2015.01.715>
- Chuang S. P., Wu J. Y., Wang C. S. Humor styles moderate the relationship between rumination and Mental Health in community residents. *SAGE Open*, 2021, 11(4).
- Crocker J., Luhtanen R. K. Level of self-esteem and contingencies of self-worth: Unique effects on academic, social, and financial problems in college students. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 2003, 29(6), 701–712. <https://elibrary.ru/jpbcrp>
- Falanga R., De Caroli M. E., Sagone E., Indiana M. L. Are humor styles predictors of hope? Sex and age differences in Italian adolescents and young adults. *International Journal of Psychology & Psychological Therapy*, 2020, 20(2): 157–166.
- Frewen P. A., Brinker J., Martin R. A., Dozois D. J. Humor styles and personality-vulnerability to depression. *HUMOR*, 2008, 21(2): 179–195. <https://doi.org/10.1515/humor.2008.009>
- Gignac G. E., Karatamoglu A., Wee S., Palacios G. Emotional intelligence as a unique predictor of individual differences in humour styles and humour appreciation. *Personality and Individual Differences*, 2014, 56: 34–39. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2013.08.020>

- Girelli L., Alivernini F., Lucidi F., Cozzolino M., Savarese G., Sibilio M., Salvatore S. Autonomy supportive contexts, autonomous motivation, and self-efficacy predict academic adjustment of first-year university students. *Frontiers in Education*, 2018, 3. <https://doi.org/10.3389/feduc.2018.00095>
- Higgins L. *Individual differences in humour styles: Their role in perfectionism and loneliness, and in self-esteem and playfulness*. Master's Diss. University of Johannesburg, 2022. URL: <https://ujcontent.uj.ac.za/esploro/outputs/graduate/Individual-differences-in-humour-styles/9925503807691> (accessed 10 Aug 2024).
- Huang N.-T., Lee H.-L. Ability emotional intelligence and life satisfaction: Humor style as a mediator. *Social Behavior and Personality*, 2019, 47(5). <https://doi.org/10.2224/sbp.7805>
- Ibarra-Rovillard M. S., Kuiper N. A. The effects of humor and depression labels on reactions to social comments. *Scandinavian Journal of Psychology*, 2011, 52(5), 448–456. <https://doi.org/10.1111/j.1467-9450.2011.00884.x>
- Lu S., Jiang F., Lan J., Wang T. The funnier, the happier? The interplay between interpersonal humor styles on mental health via Gratitude. *Current Psychology*, 2024, 43: 4394–4403. <https://doi.org/10.1007/s12144-023-04665-3>
- Martin R. A., Ford T. *The psychology of humor: An integrative approach*. 2nd ed. L.: Academic Press, 2018, 538.
- McCosker B., Moran C. C. Differential effects of self-esteem and interpersonal competence on humor styles. *Psychology Research and Behavior Management*, 2012, 5, 143–150. <https://doi.org/10.2147/PRBM.S36967>
- Nazir M., Rafique R. Empathy, styles of humor and social competence in university students. *Pakistan Journal of Social and Clinical Psychology*, 2019, 17(1): 47–54.
- Nazir M., Rafique R. Humor styles and self-esteem among young adults. *Journal of Behavioral Sciences*, 2020, 30(1): 53–72.
- Ni J., Shi Y., Sun J., Wu Q. The effect of self-esteem on college students' learning adaptation: A chain mediation analysis of self-efficacy and learning burnout. *The Asia-Pacific Education Researcher*, 2024, 34: 1321–1330. <https://doi.org/10.1007/s40299-024-00945-z>
- Páez D., Seguel A. M., Martínez-Sánchez F. Incremental validity of alexithymia, emotional coping and humor style on happiness and psychological well-being. *Journal of Happiness Studies*, 2013, 14(5): 1621–1637. <https://doi.org/10.1007/s10902-012-9400-0>
- Ruch W. F., Heintz S. Humour styles, personality and psychological well-being: What's humour got to do with it? *European Journal of Humour Research*, 2013, 1(4): 1–24. <https://doi.org/10.7592/ejhr2013.1.4.ruch>
- Schermer J. A., Rogoza R., Branković M., Oviedo-Trespalacios O., Volkodav T. et al. Humor styles are related to loneliness across 15 countries. *Europe's Journal of Psychology*, 2022, 18(4): 422–436. <https://doi.org/10.5964/ejop.5407>
- Sowislo J. F., Orth U. Does low self-esteem predict depression and anxiety? A meta-analysis of longitudinal studies. *Psychological Bulletin*, 2013, 139(1): 213–240. <https://doi.org/10.1037/a0028931>
- Stieger S., Formann A. K., Burger C. Humor styles and their relationship to explicit and implicit self-esteem. *Personality and Individual Differences*, 2011, 50(5): 747–750. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2010.11.025>
- Tucker R. P., Judah M. R., O'Keefe V. M., Mills A. C., Lechner W. V., Davidson C. L., Grant D. M., Wingate L. R. Humor styles impact the relationship between symptoms of social anxiety and depression. *Personality and Individual Differences*, 2013, 55(8): 823–827. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2013.07.008>
- Wilkins J., Eisenbraun A. J. Humor theories and the physiological benefits of laughter. *Holistic Nursing Practice*, 2009, 23(6): 349–354. <https://doi.org/10.1097/HNP.0b013e3181bf37ad>
- Yip J. A., Martin R. A. Sense of humor, emotional intelligence, and social competence. *Journal of Research in Personality*, 2006, 40(6): 1202–1208.

обзорная статья

<https://elibrary.ru/vgiqgy>

Коммуникативная ноодинамика креативного потенциала личности

Кабрин Валерий Иванович

Национальный исследовательский Томский государственный университет, Россия, Томск

eLibrary Author SPIN: 8747-6640

<https://orcid.org/0000-0002-2146-2605>

Scopus Author ID: 57219342407

kabrin@list.ru

Галажинский Эдуард Владимирович

Национальный исследовательский Томский государственный университет, Россия, Томск

eLibrary Author SPIN: 2670-1259

<https://orcid.org/0000-0002-9596-5950>

Scopus Author ID: 55570344500

Аннотация: Многомерная динамическая целостность переживания рассмотрена как основной критерий релевантности психологического исследования. Цель статьи – обосновать коммуникативную природу децентрированности и интенциональности переживания как символического, смыслового преодоления контуров телесности размерностями коммуникативных отношений. Выделены четыре экспериментальных мира личности, образующих ноодинамическую холархию возрастающих креативных степеней свободы: интенциональный, экстенциональный, трансгрессивный и трансцендентный. Показано, что их взаимная транскумуниципальность реализуется общими экспериментально-архетипическими универсалиями, имеющими холодинамическую природу – двойную децентрирующую биполяризацию целостного переживания как события. В результате креативный потенциал личности раскрывается в интеграции циклических восходяще-нисходящих переживаний стратегий и экстернально-интернальных переживаний тактик в синтонных друг другу мирах. Их четырехполюсные структуры оказываются психосемантически эквивалентны в силу общей архетипической основы. При этом соразмерны их динамические циклы: мотивационная, перцептивная, имагинативная и эмоциональная сферы интенционального мира; транс-эргические архетипы, трансформативные конструкты, транслокальные концепты и транстемпоральные ценности экстенционального мира; предельные катарктические, импринтинговые, экстатические и инсайтные переживания трансгрессивного мира; протонойяльные, ортонойяльные, паранойяльные и метанойяльные состояния сознания основных сезонов жизни трансцендентного мира личности. Эти четыре экспериментальных мира личности отображают основные уровни и грани развития креативного потенциала и ноодинамику коммуникативного мира личности в целом. Качественно-количественные методы герменевтического контент-анализа коммуникативной психосемантики всех участников образовательного процесса в учебных модулях, курсах и программах позволяют получать релевантную информацию об особенностях и качестве креативной образовательной коммуникации. Это дает возможность прицельной коррекции и совершенствования образовательного процесса в соответствии с требуемыми профессиональными компетенциями.

Ключевые слова: коммуникация, креативность, переживание, экспериментальные миры, интенциональность, экстенциональность, трансгрессия, трансцендентность, коммуникативная психосемантика

Цитирование: Кабрин В. И., Галажинский Э. В. Коммуникативная ноодинамика креативного потенциала личности. *СибСкрипт*. 2025. Т. 27. № 5. С. 889–904. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2025-27-5-889-904>

Поступила в редакцию 06.05.2025. Принята после рецензирования 27.06.2025. Принята в печать 30.06.2025.

review article

Communicative Noö-Dynamics of Personal Creative Potential

Valery I. Kabrin

Tomsk State University, Russia, Tomsk

eLibrary Author SPIN: 8747-6640

<https://orcid.org/0000-0002-2146-2605>

Scopus Author ID: 57219342407

kabrin@list.ru

Eduard V. Galazhinsky

Tomsk State University, Russia, Tomsk

eLibrary Author SPIN: 2670-1259

<https://orcid.org/0000-0002-9596-5950>

Scopus Author ID: 55570344500

Abstract: The multidimensional dynamic integrity of personal experience is the primary criterion for the relevance of psychological research. The communicative nature of the decentration and intentionality of experience is a symbolic, semantic overcoming of the boundaries of corporeality through communication. The noö-dynamic holarchy of increasing creativity includes four experiential worlds: intentional, extensional, transgressive, and transcendent. They realize their mutual transcommunicability through common experiential and archetypal universals of a holodynamic nature, i.e., a double decentering bipolarization of integral experience as an event. As a result, personal creative potential unfolds within syntonic worlds through the integration of cyclical ascending-descending experiences of strategies and external-internal experiences of tactics. Their quadripolar structures are psychosemantically equivalent because they share an archetypal foundation. Their proportionate dynamic cycles include: the motivational, perceptual, imaginal, and emotional spheres of the intentional world; the transergic archetypes, transformative constructs, translocal concepts, and transtemporal values of the extensional world; the ultimate cathartic, imprinting, ecstatic, and insightful experiences of the transgressive world; the protonoic, orthonoic, paranoic, and metanoic states of consciousness that correspond to the key life stages in the transcendent world. These four experiential worlds reflect the core levels and facets of creative development and the noö-dynamics of the communicative world as a whole. The qualitative and quantitative hermeneutic content analysis of communicative psychosemantics across modules, courses, and curriculum provide relevant data about the creative academic communication in university environment. This approach enables targeted correction and improvement of the academic process to achieve the required professional skills.

Keywords: communication, creativity, experience, experiential worlds, intentionality, extensionality, transgression, transcendence, communicative psychosemantics

Citation: Kabrin V. I., Galazhinsky E. V. Communicative Noö-Dynamics of Personal Creative Potential. *SibScript*, 2025, 27(5): 889–904. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/sibscript-2025-27-5-889-904>

Received 6 May 2025. Accepted after peer review 27 Jun 2025. Accepted for publication 30 Jun 2025.

Введение: проблема релевантности холодинамических репрезентаций психологической реальности

Качество образования непосредственно определяется качеством коммуникаций между преподавателями и студентами в контексте общей коммуникативной культуры современного транскультурального сетевого масштаба. Скорость изменений полезных и перспективных знаний является актуальным вызовом для всех участников образовательного процесса, поэтому актуализация и развитие их коммуникативно-креативного потенциала является приоритетной образовательной задачей.

Все мы (как бы там ни было) – результат плодотворной коммуникации наших родителей. Эта житейская максима в интуитивных контекстах посещает

наше сознание. Проблема, исследуемая в этой работе, имплицитно присутствует в приведенной максиме (как бы к ней не относиться) – иронично как к злой шутке или с окрыляющим восторгом инсайта.

В чем же собственно коммуникативная природа креативного потенциала личности? В каких со-боятиях творчество – это прежде всего коммуникация? А где сама коммуникация – это и есть творчество? Какой клубок противоречий содержится в этой двойной бинарности подлинно душевной реальности?

Последний вопрос актуализирует проблему – приближает ли качественный феноменологический анализ указанных соотнесений креативности

Кабрин В. И., Галажинский Э. В.

Коммуникативная ноодинамика

и коммуникабельности личности к специфике ее психологической онтологии как главного критерия релевантности психологического исследования. Релевантность любого научного исследования в естественных, гуманитарных и технических науках определяется древним золотым принципом – подобное подобным. Процессы, отображаемые в методе (происходящие в измерительном приборе), должны быть подобны и по возможности изоморфны процессам, происходящим в исследуемом объекте.

В этом контексте стоит отметить, что проблемы релевантности, возникшие лишь в современной квантовой физике, практически изначально были трудностями научной психологии с момента ее оформления [Лосский 1999; Фейерабенд 2007; Юревич 2010]. Но поскольку при этом современный холизм и синергетика оформились в холодинамику как общенаучную метапарадигму [Вертгеймер 2022; Талбот 2014; Фрейджер, Фейдимен 2008; Хаген 2002; Bohm 2002; Smuts 1936], это и открыло новые перспективы.

Развивающаяся и значимая сейчас для гуманитарных наук ноодинамическая парадигма [Вернадский 2024; Гротовски 2010; Джексон 2016; Мерфи 2010; Налимов 2000; Уилбер 1996; Франкл 2024; Чёрч 2019; Юнг 2003] становится релевантной общей методологией для рассматриваемой проблемы. Холодинамический принцип явно предостерегает от редукционистских исследований, в которых ученые блуждают в огромном эмпирическом лесу разнообразных частностей, застревая в них как в «осколках разбитого вдребезги». А ноодинамический подход требует от исследователя часто рискованного избирательного проникновения в предельную глубину нюанса в связи с его значимостью для целого, в котором и обнаруживается мировоззренческая духовная универсалия [Бёкк 1996; Лосский 1999; Рожанский 1972; Юнг 1997].

Феномен ноуса, описанный еще Анаксагором, до сих пор не дает покоя современным философам, культурологам и психологам. Он, как интуитивный ум и креативная интуиция, инициирует имплицитный порядок всех событий универсума, проникает в них, но не смешиваясь с ними, всегда остается самим собой [Рожанский 1972]. В. В. Налимов увидел в ноэзисе активность семантической вселенной [Налимов 2000], П.-Т. Шарден – творчество ноосферы, в которой все мы соприсутствуем [Шарден 2022].

Релевантность холодинамической методологии относительно коммуникативной, креативной и психологической онтологии – в том, что они содержат общий холотропный [Гроф 2021] для них момент

или фактор – выход за прежние границы, переход в иное динамическое состояние и особое существование в этом новом качестве. Обозначим его универсальным термином – *транс*. Транс-фактор имеет сквозное центральное значение для понимания единства креативной направленности эволюции [Бергсон 2022], истории и культуры, свидетельствуя об удивительной тяге жизни к самопреодолению – вплоть до самотрансценденции [Франкл 2024].

Релевантность ноодинамической парадигмы исследуемым онтологиям заключается в их смысловой ноэтической направленности. Более того, онтология и феноменология этих реалий подсказывают сам способ ноэтической реализации – преобразование и превращение их в реалии символические, которые перестают быть самотождественными; они начинают указывать, выражать нечто принципиально большее, чем они сами по себе; это большее и есть смысл, содержащий холодинамическую потенциальность ноосферы. Поэтому смысл непостижимо несоразмерен физической стороне символа, актуально с ней связан, но потенциально свободен от нее.

Человек по археологическим следам фрагментов изображений, орудий, утвари и т. п. интуитивно и уже концептуально догадывается о давнем существовании далеких предков, восстанавливает не только преемственность истории, но и интуитивно-эмпатически чувствует характер их переживаний и образ мыслей. Именно смысловая преемственность тотальной символизации среды обитания, уходящей далеко за земной горизонт физического существования, свидетельствует о ноосферной миссии человека исторического, осваивающего целостность истории, языка, культуры с ее «осевым временем» [Ясперс 2021] в ноэтическом измерении.

В этой же ноэтической размерности в разных исторических коммуникативных контекстах языка и культуры человек символизировал и свою телесную натуру, которая в этих смысловых контекстах оказалась ощутимо преобразуемой не только внешне, демонстративно, но и внутренне. Именно в коммуникации человек телесно учится чувствовать и переживать ранее им не переживаемое, причем не только собственными органами чувств, но и чужими, т. к. был целостно в нее погружен самой эволюционной судьбой в качестве абсолютно беспомощного младенца [Дольник 2011]. Этот краткий экскурс в теорию и парадигму символического интеракционизма [Мид 2023; Шибутани 1998] нам необходим, чтобы акцентировать особую коммуникативно-ноэтическую миссию *homo*

poeticus как альтернативу доминирующей сегодня практике *homo digital*.

Цель статьи – обосновать коммуникативную природу децентрированности и интенциональности переживания как символического, смыслового преодоления контуров телесности размерностями коммуникативных отношений.

Результаты

Живущие и Переживающие: экспериментальные миры личности

Живой язык, живая культура по-особенному оживают в животворящей коммуникации как их источнике, но современность таит опасность потерять спонтанную креативную аутентичность в техносфере, которая становится все более обольстительной. По существу, всё еще сложнее. Интуитивно мы легко различаем физиологическое и психологическое в человеке, несмотря на регулярное запутывание вопроса нейрофизиологами [Савельев 2025]. А. Н. Леонтьев в классической работе обстоятельно показал, что раздражимость как специфическое свойство живого принципиально отличается от чувствительности как универсального свойства психического, имеющего символическое значение, относящееся к жизненному смыслу [Леонтьев 2024].

Чувствительность – это уже простейшая форма *переживания*, т. е. освоение интуитивного смысла за пределами живого по определению (переживание эквивалентно трансу). Эта базовая телесно-душевная эмердженция, открывающая новые степени свободы переосмыслений, ведет к трансформации мировоззрения и высшим состояниям сознания – вплоть до метанойи космического сознания [Бёкк 2004; Уайт 1996]. По сути, это развитие сквозного креативного потенциала человека как личности, т. е. человека нэтического [Кабрин 2021].

Переживание изначально избирательно, т. к. возникает в спонтанно открывающемся интуитивном резонансе предчувствия смысла встречи [Лосский 1999] с чем-то значимым, что выделяется в событии в качестве его центрального смысла. Он реально переживается и вне себя, и вне предмета, т. е. в пространстве коммуникативного отношения. Такой выход за пределы привычного есть центральное свойство креативности, а спонтанная транспозиция себя в пространство со-общения образует единый креативно-коммуникативный транс-фактор любых переживаний как непосредственную аутентичную онтологию психологического, изначально заряженного смыслом (логосом). Речь идет об экспериментальной

(от лат. *experiēta* – переживание, опыт) онтологии психологического, релевантно проявляющегося в аутентичной коммуникации.

Таким образом, онтологическая релевантность ноодинамической парадигмы в целом должна выражаться уже в самих символах коммуникативно-креативного потенциала личности в широком диапазоне его культурно-исторического развития. Яркими универсалиями таких смыслообразующих символов являются архетипы коллективного или трансперсонального психического, подробно исследованные в различных культурах разных эпох К. Г. Юнгом и его последователями [Нойманн 2024; Пирсон 2025; Стайн 2017; Франц 2009; 2017; Юнг 1997].

Это трансперсональное психическое «в противоположность индивидуальной психике, повсеместно у всех индивидов *cum grano salis* обладает одними и теми же элементами и способами действия. Другими словами, у всех людей оно идентично самому себе и благодаря этому образует психическую основу сверхличностной природы, существующую в каждом индивиде... Выражение "Архетип" встречается уже у Филона Александрийского... по отношению к образу Божьему в человеке... У Св. Августина Блаженного – "идея, которую формирует не существование, а которое в Божественном разуме содержится". "Архетип" – перенос, объясняющая платоновскую идею... речь идет о древних... первобытных образцах, т. е. о существующих с древнейших времен универсальных образах» [Юнг 1997: 249–250].

Множество архетипов зафиксировано в древних письменах, скульптурных и иных источниках; при этом К. Г. Юнг делает важное замечание: «никогда нельзя пережить их содержание, заимствуя его или проникаясь им. Совершенно бесполезно выучить наизусть перечень архетипов. Архетип – это комплекс переживаний, которые наступают фатально; их действие начинается с нашей личной жизни» [Там же: 278]. Важнейшим ее аспектом «является творческая фантазия. В продуктах фантазии изначальные образы становятся видимыми и здесь понятие архетипа находит свое специфическое применение. <...> Архетип сам по себе пуст, он не что иное, как *facultas praeformandi* (предустановленная способность), возможность представления, данная *a priori*. ...они в любом случае соответствуют инстинктам, которые также определены лишь в отношении формы» [Юнг 2023: 216–218].

Центральным архетипом ноодинамического становления человека, вершиной его индивидуации является Самость, которая «в силу ее эмпирических

особенностей, воспринимается как эйдос, стоящий за верховенствующими идеями единства и целостности, неотъемлемыми для всех монотеистических и монистических систем» [Юнг 2019: 47]. Существенно, что К. Г. Юнг, продолжая и развивая линию Платона об архетипической, эйдетической природе целостного человека, учитывает и более древние восточные представления о космическом интуитивном уме (ноусе), привнесенные в западную философию Анаксагором. Он цитирует явно перекликающиеся с анаксагоровским представлением об источнике архетипа Самости учение восточного философа Яджнавалкяя: ««Он, обитающий во всех существах, но отдельный от всех существ, неведомый ни единому существу, он, чье тело – во всех существах, тот, кто изнутри руководит всеми существами, – он есть твоя Самость, внутренне направляющая тебя, бессмертная...» <...> ...факты, заставившие психологов предположить существование архетипа целостности, то есть Самости. Прежде всего, это – сны и видения; на втором месте идут продукты активного воображения, в которых возникают символы целостности. Важнейшими из них являются геометрические структуры, содержащие... с одной стороны, круговые и сферические формы, ...с другой стороны, это – квадратные фигуры, ...приобретающие форму креста» [Юнг 2019: 252].

Свобода и произвольная условность связей физических и смысловых форм символики коммуникативной ноодинамики личности и позволяет, и требует развивающего раскрытия ее креативного потенциала. Именно он обеспечивает адекватность переживания, реализацию жизненно важных смыслов и гармонизацию био- и ноосферы коммуникативного мира человека и социума. В этом парадоксальное значение постоянно меняющейся полисемии живого языка. Поэтому в человеке архетипически наследственна предрасположенность к родному языку, априорному уму [Палмер, Палмер 2008] и априорной экзистенции [Бинсвангер 2010]. Эволюция языка от знаков иконических к знакам абсолютно условным значительно динамизирует семантические поля живого языка, когда одна и та же мысль, идея могут быть сформулированы множеством различных способов.

Язык одновременно индивидуализируется в личности как идиолект и универсализируется в социуме как конвенция, образуя трансперсональное креативное поле культуры. Взаимопроникновение языков разных культур образует транскультуральные пространства, в которых высвечиваются архетипы ноодинамики космического сознания. При этом чаще и явственнее

появляются события «акаузальной смысловой синхронистичности» – т. е. совпадений по смыслу беспринципных событий физического и ноэтического плана [Юнг 2003]. Если рассматривать естественное единство главных архетипических универсалий – крест в круге или сфере, возникает полная символика холистической креативной динамики человека. Ноэтический принцип при этом оказывается прозрачен. Вращение круга обнаруживает его онтологический энергетический центр, когда многомерная центробежно-центростремительная поляризация стабилизируется в ортогональных направлениях как наиболее простых и устойчивых.

Так, поляризация по вертикали одновременно обнаруживает грань горизонтали, которая при этом также поляризуется по вертикали. Их пересечение стабилизируется энергетическим центром. Поэтому ноодинамика символа креста объединяет всю противоречивую мировоззренческую коммуникативную психосемантику культуры и личности в горизонтах ноэтического хронотопа.

Крупнейший исследователь символики креста Р. Генон раскрывает трансцендентные основания универсальных многообразных разноуровневых его интерпретаций на основе выявляемых эквивалентностей. «Крест, утверждаем мы, – это символ, который в разных формах встречается едва ли не повсюду и при том с самых отдаленных эпох... <...> ...от одного уровня к другому все вещи образуют цепь соответствий, содействия всеобщей и полной гармонии, которая во множественности проявлений отражает само изначальное единство. Вот почему законы, действующие в любой внутренней области, всегда могут символизировать реальности высшего порядка, в которых заключено их глубинное основание – одновременно и начало, и конец» [Генон 2008: 43–44].

В метасемантике Р. Генон рельефно артикулирует основной холодинамический принцип символики креста. Его «истинная символика, отнюдь не будучи искусственным изобретением человека, коренится в самой природе, или, лучше сказать, вся природа в целом есть лишь символ трансцендентных реальностей» [Там же: 58]. В этом контексте символ креста «подчеркивает идею центра и основных направлений... Конституирование зримого центра в кресте ставит дополнительный акцент на том, что является высшей ценностью... Это одновременно модель человека и антропоморфного существа... восхождение духа... знак соединения материального и духовного... геометризированный вариант мирового дерева... универсальный символ единства жизни и смерти...

соотносится с образом мучения... инструмент пыток, страстей, мук..., чтобы через крестные мучения и крестную смерть возродиться к новой вечной жизни... перед крестом как перед перекрестком, развилкой пути... идея искупления... крест есть прощение и истина, добротель и мир, обнимающие друг друга» [Неаполитанский, Матвеев 2024: 581–584].

Это далеко не полный перечень зафиксированных в культурах смысловых контекстов символики креста. Для этой работы важен прежде всего коммуникативный символизм креста. При этом акцентирование динамического аспекта имеет центральное значение. «Самые древние языки, дошедшие до нас благодаря письменности, относятся приблизительно к IV–V тысячелетиям до н. э. <...> Слово здесь представлено как божественное откровение, с которым тесно связан ритм. Именно ритм вручил людям жизнь, она – его проявление, так как любая форма зависит от повтора одного и того же жеста. <...> Изначальный, самый ветхий и поэтический язык назывался там "syriaque", или "солнечный". <...> Ибо ритмы, образующие все ценные связи природы от мельчайших глубинных частиц до самых удаленных во вне границ, настраивали человека в соответствии с этой космической гармонией, чтобы он научился ощущать и понимать ее» [Бенуас 2004: 28–29].

В 1970-х гг. Б. Ф. Ломов обратил особое внимание на тот факт, что деятельностная парадигма недостаточна для понимания и описания сущности коммуникативного процесса [Ломов 1975], имеющего изначально bipolarную природу. В *акте* как единице любой активности акцентируется реализация субъект-объектного отношения, в котором субъект изначально противопоставлен объекту как источник мотивации и намерения и автор цели. При этом объект рассматривается и как мишень воздействия, и как материал для его реализации. Б. Ф. Ломов в противоположность указанной схеме деятельностного подхода акцентирует внимание на том, что универсальной первичной единицей общения является *такт*, в котором возникает резонанс встречи, вызова и отклика, ожидания и подтверждения. Такая синхронизация проще всего возникает в ритме повторяющихся тактов. Именно в них рождается и переживается общая гармония соприсутствия, сопричастности, соучастия и момент единения во встрече.

Любая сложная и эффективная деятельность характеризуется своим сложным ритмом, в котором человек испытывает чувство осуществленности. Эта гармония рождает новые смысловые контексты со-бытия в мире

через пребывание в коммуникации. К. Ясперс замечает: «Тогда он [мир] родственен мне, тогда я в нем дома... Он говорит со мной; в нем дышит жизнь, к которой я причастен. Я предаюсь ему, и, когда бываю в нем, остаюсь всецело у себя самого. Он тайно близок мне в малом и настоящем, чарующ в своем величии... но, если он удивляет меня, ...я, даже погибая, сохраняю еще в душе доверие к нему» [Ясперс 2021: 5].

Человек как личность – автор и дирижер своих уникальных экспериментальных миров, а их гармонизация в неповторимую судьбу своей жизненной симфонии – естественная миссия его самотрансценденции.

Такая коммуникативно-ноодинамическая парадигма позволяет релевантно описать холархии четырех экспериментальных миров креативного потенциала личности в универсальных координатах холдинамической символики ее коммуникативного мира в целом [Кабрин 2005].

Имплицитная коммуникабельность душевных переживаний: интенциональный мир личности

Биполярная антиномичность вертикали и горизонтали архетипа креста с его острой экзистенциальной центрацией и трансцендентальной децентрацией целостности образует универсальный ключ к пониманию напряженной психодинамики на всех четырех доступных нам эмерджентных уровнях психосемантики душевных переживаний.

Чувственные переживания, специфика которых заключается в их телесной децентрированности, становятся интенциональны, как только выносятся в смысловую размерность психосемантики встречи [Кабрин, Галажинский 2023; Петренко 2010; Чалмерс 2015]. Мы недостаточно ценим эту первичную степень свободы душевного движения навстречу жизненно значимым переживаниям за пределами собственной телесности. В любом учебнике психологии найдем четыре типа психических переживаний, которые еще называют модальностями: а) мотивация → б) перцепция → с) имагинация → д) эмоция. Эта последовательность не случайна, т. к. любая встреча избирательно значима именно в координатах: а) желаемого → б) воспринимаемого → с) воображаемого → д) эмоционального. Если результирующие эмоциональные переживания позитивны, вся встреча в целом успешна, приятна, удачна, а все модальности в коммуникативном четырехтактном цикле (в кон-такте) оказались взаимно проницаемы, последовательно дополнительны и одновременно антиномичны. Каждая из них может обособляться или конфронтировать с остальными, т. е.

образовывать специфическую сферу – мотивационную, перцептивную, имагинативную, эмоциональную.

В живом языке они имеют богатую лексику, стилистику и хорошо артикулируемую коммуникативную психосемантику [Кабрин 2005; 2019; 2022]. При всей гармоничности этого интенционально-коммуникативного цикла всегда может быть обнаружена и их биполярная противопоставленность. Стrатегическая вертикальная перспектива связывает в антиномическое единство желаемое и действительное (эмоционально подтвержденное). Например, беспомощность младенца бурно манифестируется, когда он, не успев захотеть, уже сильно проявляет эмоции в специфическом детском крике. Он моментально пробуждает эмпатическое волнение матери или агрессивно-защитную мобилизацию отца; каждый из родителей по-своему предоставляет ребенку успокаивающую ориентировку и ободряющие ожидания, восполняя недостающую горизонталь воспринимаемого и воображаемого. Это тактическая горизонтальная биполярность ресурсов второй и третьей модальности кон-такта.

Более выраженная витальная стратегия вертикали креста противостоит ситуативной децентрированной тактике горизонтали. В коммуникативном цикле они образуют антиномическое единство, осваивая которое с помощью взрослых, ребенок преодолевает свою беспомощность и восстанавливает открытость и доверие миру, другим и себе. В этом – априорная экзистенция [Бинсвангер 2010] ноодинамической психосемантики интенционального мира первичной коммуникабельности личности. На решении этой базовой проблемной ситуации строятся многие межличностные связи и у взрослых в виде взаимодополнительных комплиментарных отношений.

Эксплицитная коммуникабельность психосемантики модусов реальности: экстенциональный мир личности

Имплицитная креативность свободной децентрации, вызревающая в интенциональности смыслообразующих переживаний, подготавливает эмерджентный скачок их модальной динамики на уровень эксплицитных смысловых структур, соразмерных универсальным модусам мира, а именно: энергии – форме – пространству – времени.

Энергия, в соответствии с теорией А. Эйнштейна, рассматривается как эквивалент материи. Последовательность модусов также неслучайна. Даже когда разрушилась иллюзия о вечности материи в связи

с открытием Большого взрыва, энергетический источник оказался незыблем. Таким образом, экстенциональные переживания могут вести себя как:

А. *Трансэргичные* (остается не до конца понятной проблема трансформации психологической энергии образа, не обнаруживаемого физически, в соматическую физиологическую).

В. *Трансформативные*, т.е. физическая информация как инвариант форм преодолевается креативным разнообразием множества впечатлений относительно одного и того же предмета или события в самообновляющейся встрече с ними.

С. *Транслокальные* переживания событий проблем, обстоятельств, которые при схватывании их смыслового зерна транспонируются в любые другие пространственные ситуации по принципу аналогий и экстраполяций.

Д. *Транстемпоральные*, когда любые обстоятельства переживаются относительно и прошлого (вспоминания), и настоящего (восприятие), и будущего (фантазии, ожидания). В связи с этим происходит рефлексивное переосмысление ценностей в разных временных соотношениях, отраженных по-разному в грамматиках разных языков.

С одной стороны, психосемантические типы этих переживаний тяготеют к соответствующим традиционным психологическим структурам – темпераменту, характеру, интеллекту, сознанию. С другой стороны, их ноодинамическая природа предполагает интенсивное смысловое взаимопроникновение в контекстах разных обстоятельств, и, будучи холдинамическими, они реально включены друг в друга как холоны [Уилбер 1996] разных уровней холархии. Здесь они рассматриваются как разноуровневые смысловые образования коммуникативной психосемантики (психосемантические единицы) и анализируются с помощью качественных герменевтических феноменологических методов анализа [Бетти 2011; Нелюбин 2024; Таршиц 2018; Фролов 2019; Wahbeh et al. 2022] персональных проективных и исторических текстов (нarrативов, дискурсов), результатов исследовательского интервью [Квале 2003; Кроссли 2020]. Аналитические единицы экстенциональной коммуникативной психосемантики представлены как разноуровневые структуры.

А. *Трансэргическая* импульсивность архетипов (темперамент) выражается в контрастном оживлении описаний через междометия, восклицания, аллегории, метафоры, которые обычно ассоциируются со сказочными мифологическими персонажами, животными, растениями, неординарными природными явлениями и т. д. [Франц 2009; 2017; Юнг 2003; 2023].

В. Трансформативность впечатлений описывается в констелляциях конструктов [Келли 2000] значимых для личности характеристик, которые дифференцируют и группируют предметы, ситуации события. Эти конструкты подробно представлены в конвенциональной лексике, семантике языка, а способ их использования характеризует индивидуальное своеобразие автора и особенности его характера.

С. Транлокальность переживаний как перемещений в пространстве рождает естественную антиципацию и перенос *концептуального смысла* из одной проблемной ситуации в другую, несмотря на их внешние конструктивные различия. Такая экстраполяция основана на сходстве проблемных ситуаций при чувстве аналогичности и эквивалентности содержащихся в них противоречий и способов их преодоления. Смысловые зародыши понимания латентных проблем как противоречий и концептуальных композиций их решений образуют качественно более сложную эмерджентную психосемантическую единицу – *концепт*. Он проявляется как констелляция противоречащих друг другу конструктов типа *тезис – антитезис – контртезис – синтез*. В структуре концепта уже «мерцает» парадигма креста – соединение стратегической вертикали *тезис ↔ синтез* в альтернативном контексте тактической горизонтали *антитезис ↔ контртезис*. Эта диалогически-дискуссионная структура уже архетипизирована в культуре по крайней мере со времен Сократа и Платона.

Д. Транстемпоральность переживаний наполнена ностальгией и предчувствиями, интенсифицирующими чувство и смысл настоящего в контексте перспективы надежд и ретроспективы воспоминаний, переосмыслия опыта прошлого в контексте будущего. Эти масштабные переживания, сохраняя специфический привкус интуитивности, будто бы сами пробиваются в модус и уровень осознанности. Осознанность как рефлексия уже присутствует и ощутимо возрастает в архетипических, конструктивных и концептуальных смысловых образованиях в указанной последовательности. Но трансперсональный масштаб транстемпоральных переживаний прямо ведет к осознаванию ключевых культурных событий, открывающих смысл смерти, рождения, жизни, подвига и т. п. В культуре они акцентируются в инициациях, мистериях, обрядах и ритуалах рождения и смерти, памятниках, запечатлевших транскультуральные символы человеческого. Сознание становится высшей формой и сверхдинамичным модусом существования человека. Интеллект живет концептуально-целевыми смыслами решений разных

проблем; цели, хотя и хорошо осознаются, но исчезают, растворяясь в достигнутом, и человек снова нуждается в новых. В отличие от дискретных целей, приводящих к переживанию «суеты сует» и рутине, ценности как рефлексивно осознанные высшие смыслы жизни остаются транстемпоральными, непрерывно поддерживая и повышая уровень собственного достоинства человека, проясняя смысл его самотрансценденции [Франкл 2024].

Холистическая интегрированность динамических структур четырех уровней экстенциональных переживаний обнаруживает ноодинамическую антиномичную форму креста. В нем стратегическая биполярная вертикаль *архетипический темперамент ↔ ценностное сознание* экзистенциально интенсифицируется контрапунктом тактической горизонтали *адаптивная конструктивность характера ↔ антиномичная концептуальность интеллекта*. Так образуется целостный аттрактор холархического континуума экстенсивной ноодинамики душевного мира человека.

Любое переживание реально существует в интенциональном и экстенциональном измерениях, которые онтологически основаны на архетипической символике креста. Поэтому каждый уровень экстенциональных переживаний у конкретного человека характеризуется индивидуальным психосемантическим профилем, где все четыре модальности интенциональных переживаний представлены в нем в разной степени. Понимание этого задает динамическую глубину и избавляет от редуцированного восприятия основных психических структур душевного мира человека.

В архетипической модели креста ноодинамики переживаний интенциональные модальности приобретают особую специфичность на каждом уровне экстенциональных структур: (а) мотивационная сфера трансформируется от врожденных влечений (Аа) до высших благодетелей (Да); (б) перцептивная – от архетипических мерцающих прообразов (Ab) до ориентации на истинность как ценность (Db); (с) имагинативная сфера – от спонтанных фантазий (Ac) к величию красоты (Dc); (д) эмоциональная – от инстинктивных удовольствий (Ad) к чувству величия тайны (Dd). В результате обнаруживается матрица базового коммуникативно-креативного потенциала личности в пересечениях креативно-смысловых ноодинамических позиций (табл.).

Диагональ матрицы показывает ноодинамический резонанс корреспондирующих смысловых образований. Они рассматриваются в качестве доминант коммуникативно-смыслового мира личности и образуют

Табл. Коммуникативная психосемантика базового креативного потенциала личности

Tab. Communicative psychosemantics of personal basic creative potential

D	Транстемпоральные ценности	Da	Db	Dc	Dd
C	Транслокальные концепты	Ca	Cb	Cc	Cd
B	Трансформативные конструкты	Ba	Bb	Bc	Bd
A	Трансэргичные архетипы	Aa	Ab	Ac	Ad
↑	Экстенциональная ноодинамика	Мотивационная модальность	Перцептивная модальность	Имагинативная модальность	Эмоциональная модальность
→	Интенциональная ноодинамика	a	b	c	d

Прим.: А, В, С, D – психосемантические единицы экстенциональных переживаний; а, б, с, д – психосемантические единицы экстенциональных смысловых структур.

центральную тенденцию развития ее креативного потенциала. Они также соответствуют системообразующим смысловым центрам психических структур, а именно: (Аа) архетипической энергии темперамента, (Bb) перцептивной конструктивности характера, (Cc) концептуальной проницательности интеллекта, (Dd) мудрым чувствам высших ценностей сознания.

Интенциональные и экстенциональные смысловые поля образуют микро- и макромиры относительно плотной ноосферы душевного мира человека. Учитывая трансцендентную перспективу человеческого в человеке (от Анаксагора и Платона до К. Г. Юнга, В. Франкла, К. Ясперса, П.-Т. Шардена), его ноосфера окружена более интенсивной, динамичной, безразмерной «аурой» духовного мира, образуемой пиковыми трансгрессивными переживаниями; иными словами – вершинными, предельными, трансграничными [Маслоу 2022; Мид 2023; Чиксентмихайи 2019]. Захватывая человека полностью, они становятся запредельными переживаниями высших состояний сознания [Бёкк 2004; Мерфи 2010; Тарт 2023; Тейлор 2017; Уайт 1996]. Размерности интуитивных смысловых миров этих переживаний имеют символическую основу креста [Генон 2008] и завершают описание креативного потенциала ноодинамического универсума человека преимущественно в зеркале холистической трансперсональной психологии и философии.

Трансгрессивный мир личности: ноодинамика пиковых переживаний встречи с неизвестным

Бывают ситуации, когда не просто желателен, но необходим креативный выход за пределы своих прежних возможностей при встрече с неожиданным неизвестным; когда привычное преобладание инстинктивной неофобии над неофилией может стоить жизни. Хорошо,

если человек уже имеет опыт встречи с менее опасным неизвестным, когда преобладание неофобии просто ведет к неудаче, а рискованная встреча с ним обрачивается неожиданной радостью открытия. Конечно, здесь может подождать опасность стать экстремалом – охотником за острыми ощущениями. Правда, такая судьба может считаться более достойной, чем просто несчастный случай.

При определенных психологических условиях возникает расширенное креативное поле пиковых переживаний при встрече с неизвестным, которое приводит к озарению и открытию нового, а может быть и выходу из безвыходной ситуации, когда казавшееся невозможным открыло единственную возможность [Виртц 2024; Виртц, Цобели 2014; Кадди 2016; Лотто 2018]. Если человек, потрясенный рискованной опасностью, переходит грань парализующего страха, пусть даже через неожиданное удивление и стресс-мобилизацию, то холодинамическая энергия органического стресса трансформируется в психологическую энергию транса, который и есть универсальный фактор транскумуникативного способа существования ноодинамики [Кабрин 2019]. Этот процесс возникновения пиковых переживаний [Маслоу 2022] мы назвали стресс-транс-формацией [Кабрин 2005]. Пиковые переживания описаны преимущественно в психотерапевтической практике и психологии творчества [Луиджи 2023; Любарт 2013; Мэй 2021; Роджерс 2017; Свирепо, Туманова 2004; Ялом 2025].

В представленной холодинамической модели ноодинамики переживаний в качестве основы выбраны стратегическая биполярная вертикаль а – д (катарсис – инсайт) и тактическая биполярная горизонталь б – с (импринтинг – экстаз). Таким образом, она представляет собой микродинамику трансгрессивных типов предельных и запредельных пиковых

переживаний, которая образует и восходящую спираль продуктивного самосозидания, и нисходящую спираль саморазрушения. Обычно в психотерапевтической практике успевают осознавать только вторичный катарсис, возникающий в результате первичного цикла пиковых переживаний, т.е. после инсайта; поэтому первый этап выглядит итоговым.

Последовательность $a \rightarrow b \rightarrow c \rightarrow d$ не случайна. Первичный катарсис (a) является началом транса, который начинается, когда интенсивность удивления новым вытесняет старый привычный опыт [Меняйлов 1997; Щеклик 2008]. В этот момент человек, высвобождаясь из ловушек и пут прежнего и привычного, чувствует еще только положительные потрясения от нового опыта, а также некоторую потерянность и дезориентированность. Если чувство новизны не остывает, усиливается поисковая активность, приводящая уже к зачарованности, поглощенности и завороженности новым. Это заколдовывающее, пленительное, долго не проходящее сильное впечатление К. Лоренц назвал *импринтингом* (b) [Лоренц 2012; Ульрих 2018].

Переживание, переполненное такими сильными впечатлениями, с большой вероятностью переходит в другой полюс – *экстаз* – «выход за пределы себя» в новое пространство эксперимента, импровизации в стремлении выразить невыразимое; это экспромт здесь и сейчас [Мантегацца 2019; Эванс 2018]. И если он удачен, возникает окрыляющий трепет и восторг открытия нового – *инсайт* – ни с чем не сравнимое чувство полета и света [Эйрих 2018].

Возвращение в состояние вторичного катарсиса, наполненного удовлетворенностью достигнутого, усиливает потенциал освобожденности и потенциальную предрасположенность к новым приключениям. Переживаемая при этом пауза имеет охранительно-восстановительную функцию относительно возможной опасности нервно-психического истощения. Иногда пиковые переживания вызывают «страх безумия» (А. Маслоу это деликатно обозначил «страхом собственного величия»). Конечно, это может стать барьером в раскрытии творческого потенциала, но легкая бдительность совсем не повредит, поскольку застревание в любом пиковом переживании чревато быстрым психическим истощением; а нарушение последовательности креативного $a \rightarrow b \rightarrow c \rightarrow d$ цикла плодотворной встречи с неизвестным может привести к психическим и даже психотическим дисфункциям.

Так, если освобождение от гнета предвзятости в катарсисе не приводит к импринтингу встречи, а уходит в преждевременную эйфорию экстаза, то, достигая

экстатического исступления, может стать всего лишь импринтингом аутогипноза, переходящего в фантастический бред псевдоинсайта. В этом случае встреча с неизвестным не состоялась в силу изначально нарушенной децентрации кон-такта – не случайно «трансгрессивный крест» пиковых переживаний сравнивают с похищением и укрощением огня [Котлер, Уил 2019; Эйрих 2018].

Трансцендентальный мир жизнетворческой миссии и судьбы человека

Самая парадоксальная миссия человека – это имплицитная неукротимая тяга к трансцендентному, т.е. запредельно-непостижимому, недосягаемому, бесконечному и безразмерному, но вездесущему в этом универсуме миров. Такое предназначение человека А. Маслоу называл метапотребностью, которая переворачивает с ног на голову его мотивационную пирамиду, так полюбившуюся в культурно-экономических кругах [Маслоу 2022]. В. Франкл обозначил ее как потребность в самотрансценденции, в которой смысл жизни раскрывается человеком как проект, позволяющий создавать из нее произведение [Франкл 2024]. По сути, эта же интенция подняла и научную психологию на уровень трансперсональной реальности широкого спектра состояний сознания [Лилли 2022; Мерфи 2010; Уилбер 1996; Феррер 2004] с акцентом на высшие состояния и уровни сознания – космического и т.п. [Бёкк 1996; Вернадский 2024; Тейлор 2017; Уайт 1996; Шарден 2022]. Ноосферное измерение Б. Г. Ананьев рассматривал как высший уровень человекознания [Ананьев 2001].

Высшим ориентиром духовной ноодинамической стратегии жизненной миссии человека является *метанойя* (D) – архетипическая христианская универсалия трансцендентного состояния сознания, просветленное покаяние, ведущее к радикальной духовной трансформации мира и жизни [Уайт 1996].

Нижний полюс холодинамической вертикали (A) образуют первичные духовные переживания первых лет жизни ребенка; они такие же безграничные в силу несформированности еще жестких ментальных форм. Они проявляются и как океанические чувства блаженства, и как чувство безвозвратного падения в бездну, и как вселенская тоска или космическая радость. С. Гроф связывал их с перинатальными и далее с трансперсональными переживаниями [Гроф 2021]. Этот полюс, противоположенный метанойи, называется *протонойя*. Дистанция между ними отличается от физической – в ноосферной реальности она может

Кабрин В. И., Галажинский Э. В.

Коммуникативная ноодинамика

охватывать разные поколения. Эти связи соразмерны процессу формирования самих архетипов без применения экзотической гипотезы реинкарнации. Эмпатический взгляд умудренного опытом человека на младенца рождает магнетический резонанс, который суть прикосновение к единству метаэтического мира.

В этом контексте уместен тезис Дж. Уайта – «путь от ортонойи к метанойе лежит через паранойю» [Уайт 1996: 191]. Ортонойя (В) и паранойя (С) образуют тактическую биполярную горизонталь или антиномическую эзистенциальную парадигму в общей холдинамике трансцендентального мира человека. Ортонойяльное измерение духовно-душевной жизни ребенка актуализируется и формируется по мере выведения ребенка из мира золотого детства – мира волшебных сказок, причудливых фантазий и фантастических игр с их героями, которыми он всецело поглощен. Одновременно в разной степени успешно, но очень доверчиво под руководством взрослых он осваивает мир эталонов, стереотипов, одобряемых паттернов поведения, разнообразных ролевых прав и обязанностей, адекватно правильно отражающих жизненные устои и ценности культуры (не случайно А. Маслоу сначала хотел гуманистическую психологию назвать ортопсихологией).

К подростковому возрасту накопившийся опыт когнитивных диссонансов и ментальных противоречий подрывает базовое доверие «правильному» разуму взрослых – и уже подросток и юноша хочет жить своим умом; но амбиции явно превалируют над реальными возможностями. Выпавшего из гнезда захватывают «вешние воды» и бунт юности; молодость активно и рискованно ищет свой путь сквозь «тьму» и «пустыню» паранойи с прелестями фантазийных взлетов, реальных падений, а также блужданий в противоречиях и разочарованиях. Поэтому многие просто возвращаются в гнездо, иные, в погоне за манящими бликами открытий, становятся одержимыми, а некоторые, все-таки прозревая, достигают просветления и, возможно, космического сознания [Бёкк 2004; Франц 2009; Юнг 1997; De Castro 2017], т. е. метанойи, гармонизирующей образ мыслей и образ жизни.

Холдинамическое превращение трансцендентального мира человека в единый аттрактивный вектор всей жизни акцентирует четыре ноэтических сезона его жизненного пути. Однако уже в коммуникативном мире личности юноши реальные его партнеры могут ярко олицетворять архетипы Вечного ребенка, Рассудительного знатока, Мятежного искателя бури и Мудреца, индуцируя в нем соответствующий отклик.

Так коммуникативный мир личности воплощает холдинамику ее макроноэзиса, причем в разных возрастных периодах по-разному.

Духовная аура трансгрессивного и трансцендентного миров ноосферного человека проявляется в эквивалентной взаимодополнительности четырех полюсов обоих миров. В диагонали матрицы (табл.) макроноэзиса протонойя – катарсична (Аа), ортонойя – импрессивна (Вб), паранойя – экстатична (Сс), а метанойя – инсайтна (Дд) в контексте трансгрессивных пиковых переживаний. Метафора ауры как сверхдинаминости духовных процессов пиковых и запредельных переживаний здесь достаточно прогностична и сохраняет возможность матричного способа идентификации ее разновидностей.

Заключение

На основе анализа коммуникативной психосемантики интенционального, экстенционального, трансгрессивного и трансцендентального миров переживаний человека актуально и возможно проектирование исследований и практик раскрытия креативного потенциала личности в контексте конкретных ситуаций и обстоятельств. Репрезентативными могут быть любые персональные тексты, особенно личные истории, дневники и записи впечатлений о значимых событиях.

Предложенная холархия четырех миров личности может быть применена в качестве концептуально-аналитической схемы для герменевтического контент-анализа (как полностью, так и к одному из четырех блоков). Выраженные частотно-текстуальные доминанты одного из четырех миров разных личностей открывают возможность выделения базовых креативных типов личности. Доминанта одного из полюсов в каждом экспериментальном мире позволяет рассматривать их в качестве единого креативного профиля личности, обладающего релевантной полнотой и репрезентативностью.

Исследования будущего специалиста-трансфесионала позволят конкретизировать архетипические трансперсональные основания [Брейден 2019; Пирсон 2025] его креативных профилей, систематизировать их репертуар и выявить наиболее перспективные из них.

Общенаучный критерий *подобное подобным* применен здесь в решении проблемы научной релевантности исследования и моделирования опыта значимых переживаний человека в коммуникативной психосемантике. Принцип архетипических оснований динамической организации всех

разноуровневых многополярных переживаний представился естественным принципом системного моделирования значимых креативных переживаний человека культуры. Их холдинамическое структурирование определяется, прежде всего, транскультуральными архетипическими универсалиями. На основе единого архетипического принципа удалось смоделировать холархию четырех экспериментальных миров личности, отражающих основные уровни и грани развития ее креативного потенциала и ноодинамику коммуникативного мира в целом.

Качественно-количественные методы герменевтического контент-анализа коммуникативной психо-семантики всех участников образовательного процесса в учебных модулях, курсах и программах позволяют получать релевантную информацию об особенностях и качестве креативной образовательной коммуникации. Это дает возможность прицельной коррекции и совершенствования образовательного процесса в соответствии с требуемыми профессиональными компетенциями.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: Авторы в равной степени участвовали в подготовке и написании статьи.

Contribution: All the authors contributed equally to the study and bear equal responsibility for the information published in this article.

Благодарности: Авторы выражают благодарность за помощь в оформлении текста Светлане Ивановне Барч, старшему лаборанту кафедры психотерапии и психологического консультирования Томского государственного университета.

Acknowledgments: The authors express their gratitude to Svetlana I. Barch, Senior Laboratory Assistant, Department of Psychotherapy and Psychological Counselling, Tomsk State University.

Финансирование: Результаты получены в рамках выполнения государственного задания Минобрнауки России, проект № FSWM-2025-0003.

Funding: The research was part of State Assignment from the Ministry of Education and Science of Russia, No. FSWM-2025-0003.

Литература / References

- Ананьев Б. Г. Человек как предмет познания. 3-е изд. СПб.: Питер, 2001. 288 с. [Ananiev B. G. *Man as a subject of cognition*. 3rd ed. St. Petersburg: Piter, 2001, 288. (In Russ.)]
- Бенуас Л. Знаки, символы и мифы. М.: ACT, Астрель, 2004. 158 с. [Benuas L. *Signs, symbols and myths*. Moscow: AST, Astrel, 2004, 158. (In Russ.)]
- Бергсон А. Творческая эволюция. М.: Акад. проект, 2022. 319 с. [Bergson H. *Creative evolution*. Moscow: Akad. proekt, 2022, 319. (In Russ.)]
- Бетти Э. Герменевтика как общая методология наук о духе. М.: Канон+, 2011. 144 с. [Betti E. *Hermeneutics as a general methodology of the sciences of the spirit*. Moscow: Kanon+, 2011, 144. (In Russ.)]
- Бёкк Р. Космическое сознание. М.: Золотой Век, 2004. 468 с. [Bucke R. *Cosmic consciousness*. Moscow: Zolotoi vek, 2004, 468. (In Russ.)]
- Бёкк Р. От Самости к Космическому Сознанию. Что такое просветление? *Исследование цели духовного пути*, ред. Дж. Уайт. М.: Изд-во Трансперсон. ин-та, 1996. С. 27–43. [Bucke R. *From Self to Cosmic Consciousness. What is enlightenment? Exploring the Goal of the Spiritual Path*, ed. White J. Moscow: Transpersonal Institute Publ., 1996, 27–43. (In Russ.)]
- Бинсвангер Л. Бытие в мире. М.: Рефл-Бук, 2010. 336 с. [Binswanger L. *Being-in-the-World*. Moscow: Refl-Book, 2010, 336. (In Russ.)]
- Брейден Г. Эволюция и подсознание: как наше прошлое определяет будущее. М.: Эксмо, 2019. 336 с. [Braden G. *Evolution and the subconscious: How our past determines the future*. Moscow: Eksmo, 2019, 336. (In Russ.)]
- Вернадский В. И. Биосфера и ноосфера. М.: ACT, 2024. 640 с. [Vernadsky V. I. *Biosphere and noosphere*. Moscow: AST, 2024, 640. (In Russ.)]

- Вертгеймер М. Продуктивное мышление. М.: Альма Матер, 2022. 333 с. [Wertheimer M. *Productive thinking*. Moscow: Alma Mater, 2022, 333. (In Russ.)]
- Виртц У. Травма и за ее пределами: таинство трансформации. М.: Акад. проект, 2024. 399 с. [Wirtz U. *Trauma and beyond: The mystery of transformation*. Moscow: Akad. proekt, 2024, 399. (In Russ.)]
- Виртц У., Цобели Й. Жажда смысла. Человек в экстремальных ситуациях. Пределы психотерапии. М.: Когито-Центр, 2014. 328 с. [Wirtz U., Zobeli J. *The thirst for meaning. Human beings in extreme situations. The limits of psychotherapy*. Moscow: Kogito-Tsentr, 2014, 328. (In Russ.)]
- Генон Р. Символика креста. М.: Прогресс-Традиция, 2008. 704 с. [Guénon R. *The symbolism of the cross*. Moscow: Progress-Traditsia, 2008, 704. (In Russ.)]
- Гратовски А. Генератор возможностей. Введение в ноэтику. М.: Ниола-Пресс, 2010. 300 с. [Gratowski A. *Generator of possibilities. Introduction to no noö-ethics*. Moscow: Niola-Press, 2010, 300. (In Russ.)]
- Гроф С. Психология будущего. Уроки современных исследований сознания. М.: Ганга, 2021. 544 с. [Grof S. *Psychology of the future: Lessons from modern consciousness research*. Moscow: Ganga, 2021, 544. (In Russ.)]
- Джексон М. С. Системное мышление: творческий холизм для менеджеров. Томск: ТГУ, 2016. 404 с. [Jackson M. C. *Systems thinking: Creative holism for managers*. Tomsk: TSU, 2016, 404. (In Russ.)]
- Дольник В. Р. Непослушное дитя биосферы: беседы о человеке в компании птиц и зверей. М.: Петроглиф, 2011. 346 с. [Dolnik V. R. *The naughty child of the biosphere: Conversations about man in the company of birds and beasts*. Moscow: Petroglif, 2011, 346. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qktoj1>
- Кабрин В. И. Коммуникативная психосемантика когнитивно-ноэтического развития личности. *Сибирский психологический журнал*. 2022. № 85. С. 51–71. [Kabrin V. I. Communicative psychosemantics of cognitive-noetic development of the personality. *Sibirskiy Psikhologicheskiy Zhurnal*, 2022, (85): 51–71. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17223/17267080/85/3>
- Кабрин В. И. Коммуникативный мир и транскумуникативный потенциал жизни личности: теория, методы исследования. М.: Смысл, 2005. 248 с. [Kabrin V. I. *The communicative world and trans-communicative potential of a person's life: Theory, methods, research*. Moscow: Smysl, 2005, 248. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qoexwz>
- Кабрин В. И. Ноодинамика встреч: перспектива homo noeticus. *Сборник тезисов по итогам Профессорского форума 2019 «Наука. Образование. Регионы»*, отв. ред. А. А. Громский. М.: РПС, 2019. Т. 1. С. 221–226. [Kabrin V. I. Noö-dynamics of encounters: The perspective of Homo noöticus. *A collection of abstracts from the 2019 professorial forum of Science, Education, Regions*, ed. A. A. Gromsky. Moscow: RPA, 2019, vol. 1, 221–226. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qtbirn>
- Кабрин В. И. Холистическая модель когнитивно-ноэтического развития личности. *Сибирский психологический журнал*. 2021. № 81. С. 6–27. [Kabrin V. I. A holistic model for noetic-cognitive development. *Sibirskiy Psikhologicheskiy Zhurnal*, 2021, (81): 6–27. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17223/17267081/81/1>
- Кабрин В. И., Галажинский Э. В. Коммуникативная психосемантика индивидуального образовательного мира личности. *Сибирский психологический журнал*. 2023. № 89. С. 28–43. [Kabrin V. I., Galazhinsky E. V. Communicative psychosemantics of the individual educational world of a person. *Sibirskiy Psikhologicheskiy Zhurnal*, 2023, (89): 28–43. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/jnbbvi>
- Кадди Э. Присутствие духа. Как направить силы своей личности на достижение успеха. М.: Альпина Бизнес Букс, 2016. 320 с. [Cuddy E. *Presence of Mind. How to direct the forces of your personality to achieve success*. Moscow: Alpina Business Books, 2016, 320. (In Russ.)]
- Квэл С. Исследовательское интервью. М.: Смысл, 2003. 301 с. [Kvale S. *The research interview*. Moscow: Smysl, 2003, 301. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qxggcb>
- Келли Дж. Теория личности: психология личностных конструктов. СПб.: Речь, 2000. 248 с. [Kelly G. *A theory of personality: The psychology of personal constructs*. St. Petersburg: Rech, 2000, 248. (In Russ.)]
- Котлер С., Уил Д. Похищая огонь. Как поток и другие измененные состояния сознания помогают решать сложные задачи. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2019. 256 с. [Kotler S., Wheal J. *Stealing fire: How flow and other altered states of consciousness help solve complex problems*. Moscow: Mann, Ivanov i Ferber, 2019, 256. (In Russ.)]
- Кроссли М. Л. Нarrативная психология. Самость, психологическая травма и конструирование смыслов. Харьков: Гум. центр, 2020. 284 с. [Crossley M. L. *Narrative psychology. Self, trauma and the construction of meanings*. Kharkiv: Gum. tsentr, 2020, 284. (In Russ.)]

- Леонтьев А. Н. Проблемы развития психики. 5-е изд., испр. и доп. М.: Смысл, 2024. 527 с. [Leontiev A. N. *Problems of the development of psyche*. 5th ed. Moscow: Smysl, 2024, 527. (In Russ.)]
- Лилли Дж. Центр циклона. Автобиография внутреннего космоса. Исследование внутренней Вселенной в измененных состояниях сознания. М.: ПСИ, 2022. 222 с. [Lilly J. *The center of the cyclone. Autobiography of the inner space*. Moscow: PSI, 2022, 222. (In Russ.)]
- Ломов Б. Ф. Общение как проблема общей психологии. *Методологические проблемы социальной психологии*, отв. ред. Е. В. Шорохова. М.: Наука, 1975. С. 124–135. [Lomov B. F. *Communication as a problem of general psychology. Methodological problems of social psychology*, ed. Shorohkova E. V. Moscow: Nauka, 1975, 124–135. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ypfcj>
- Лоренц К. Год Серого Гуся. М.: ACT-Пресс, 2012. 90 с. [Lorenz K. *The Year of the Greylag Goose*. Moscow: AST-Press, 2012, 90. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qlcovp>
- Лоссий Н. О. Чувственная, интеллектуальная и мистическая интуиция. М.: Терра-Кн. клуб, 1999. 400 с. [Lossky N. O. *The sensual, intellectual, and mystical intuition*. Moscow: Terra-Kn. klub, 1999, 400. (In Russ.)]
- Лотто Б. Преломление. Наука видеть иначе. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2018. 368 с. [Lotto B. *Deviate: The science of seeing differently*. Moscow: Mann, Ivanov i Ferber, 2018, 368. (In Russ.)]
- Луиджи З. Паранойя. Безумие, которое творит историю. М.: ИП Сарматова А. А., 2023. 408 с. [Luigi Z. *Paranoia: The madness that makes history*. Moscow: IP Sarmatova A. A., 2023, 408. (In Russ.)]
- Любарт Т. Психология креативности. М.: Когито-Центр, 2013. 215 с. [Lubart T. *Psychology of creativity*. Moscow: Kogito-Tsentr, 2013, 215. (In Russ.)]
- Мантегацца П. Экстазы человека. М.: Профит-Стайл, 2019. 256 с. [Mantegazza P. *The ecstasies of man*. Moscow: Profit-Stail, 2019, 256. (In Russ.)]
- Маслоу А. Психология бытия. М.: Акад. проект, 2022. 275 с. [Maslow A. *Psychology of being*. Moscow: Akad. proekt, 2022, 275. (In Russ.)]
- Меняйлов А. А. Катарсис. Подноготная любви. М.: Крон-Пресс, 1997. 640 с. [Menyailov A. A. *Catharsis. The underbelly of love*. Moscow: Kron-Press, 1997, 640. (In Russ.)]
- Мерфи М. Будущее тела. Исследование дальнейшей эволюции человека. М.: РИПОЛ классик, 2010. 912 с. [Murphy M. *The future of the body: Explorations into the further evolution of human nature*. Moscow: RIPOL klassik, 2010, 912 с. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qksowt>
- Мид Д. Г. Философия настоящего. М.: ВШЭ, 2023. 272 с. [Mead D. H. *The philosophy of the present*. Moscow: HSE, 2023, 272. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/zfpngr>
- Мэй Р. Мужество творить. СПб.: Питер (Айлиб), 2021. 160 с. [May R. *The courage to create*. St. Petersburg: Piter (Ailib), 2021, 160. (In Russ.)]
- Налимов В. В. Разбрасываю мысли. В пути и на перепутье. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 344 с. [Nalimov V. V. *Scattering thoughts. On the way and at the crossroads*. Moscow: Progress-Traditsiia, 2000, 344. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ugnkgt>
- Неаполитанский С. М., Матвеев С.А. Сакральная геометрия. М.: Книга, 2024. 624 с. [Neapolitanskiy S. M., Matveev S. A. *Sacral geometry*. Moscow: Kniga, 2024, 624. (In Russ.)]
- Нелюбин Н. И. Методы исследования мышления в трансспективе становления отечественной психологии. *Психология человека в образовании*. 2024. Т. 6. № 3. С. 349–361. [Nelyubin N. I. The methods of the research of thinking in the perspective of the development of Russian psychology. *Psychology in Education*, 2024, 6(3): 349–361. (In Russ.)] <https://doi.org/10.33910/2686-9527-2024-6-3-349-361>
- Нойманн Э. Происхождение и развитие самосознания. М.: Inter Book, 2024. 428 с. [Neumann E. *The origins and history of consciousness*. Moscow: Inter Book, 2024, 428. (In Russ.)]
- Палмер Д., Палмер Л. Эволюционная психология. Секреты поведения Homo sapiens. СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2008. 384 с. [Palmer J., Palmer L. *Evolutionary psychology. Secrets of Homo sapiens behavior*. St. Petersburg: Prime-EVROZNAK, 2008, 384. (In Russ.)]
- Петренко В. Ф. Многомерное сознание: психосемантическая парадигма. М.: Новый хронограф, 2010. 429 с. [Petrenko V. F. *The multidimensional consciousness: A psycho-semantic paradigm*. Moscow: Novyi khronograf, 2010, 429. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qxysrb>

- Пирсон К. Пробуждение внутреннего героя: 12 архетипов, которые помогут раскрыть свою личность и найти путь. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2025. 480 с. [Pearson C. *Awakening the heroes within: Twelve archetypes to help us find ourselves and transform our world*. Moscow: Mann, Ivanov i Ferber, 2025, 480. (In Russ.)]
- Роджерс К. Становление личности. Взгляд на психотерапию. М.: ИОИ, 2017. 226 с. [Rogers C. *On becoming a person: A therapist's view of psychotherapy*. Moscow: IGHS, 2017, 226. (In Russ.)]
- Рожанский И. Д. Анаксагор. У истоков античной науки. М.: Наука, 1972. 320 с. [Rozhanskiy I. D. *Anaxagoras. At the origins of Antique science*. Moscow: Nauka, 1972, 320. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/tjkbov>
- Савельев С. В. Нищета мозга. 6-е изд. М.: Веди, 2025. 200 с. [Savelyev S. V. *The poverty of the brain*. 6th ed. Moscow: Vedi, 2025, 200. (In Russ.)]
- Свирепо О. А., Туманова О. С. Образ, символ, метафора в современной психотерапии. М.: Ин-т психотерапии, 2004. 270 с. [Svirepo O. A., Tumanova O. S. *The image, symbol, and metaphor in modern psychotherapy*. Moscow: Institute of Psychotherapy, 2004, 270. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qwfsqh>
- Стайн М. Трансформация. Проявление самости. М.: Когито-Центр, 2017. 236 с. [Stein M. *Transformation: Emergence of the self*. Moscow: Kogito-Tsentr, 2017, 236. (In Russ.)]
- Талбот М. Голографическая Вселенная. Новая теория реальности. М.: София, 2014. 384 с. [Talbot M. *The holographic universe: The revolutionary theory of reality*. Moscow: Sofilia, 2014, 384. (In Russ.)]
- Тарт Ч. Практика осознанности в повседневной жизни. Руководство по жизни в настоящем моменте. М.: ПСИ, 2023. 244 с. [Tart C. *The practice of mindfulness in everyday life. A guide to living in the present moment*. Moscow: PSI, 2023, 244. (In Russ.)]
- Таршиш Е. Я. Контент-анализ: принципы методологии. 2-е изд., стер. М.: ЛЕНАНД, 2018. 176 с. [Tarshis E. Ya. *Content-analysis: Principles of methodology*. Moscow: LENAND, 2018, 176. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/yuvgzq>
- Тейлор С. Скачок. Психология духовного пробуждения. М.: София, 2017. 384 с. [Taylor S. *The leap: The psychology of spiritual awakening*. Moscow: Sofilia, 2017, 384. (In Russ.)]
- Уайт Дж. Просветление и иудейско-христианская традиция. *Что такое просветление? Исследование цели духовного пути*, ред. Дж. Уайт. М.: Изд-во Трансперсон. ин-та, 1996. С. 181–194. [White J. *Enlightenment and the Judeo-Christian tradition. What is enlightenment?: Exploring the goal of the spiritual path*, ed. White J. Moscow: Transpersonal Institute Publ., 1996, 181–194. (In Russ.)]
- Уилбер К. Вечная психология: спектр сознания. *Пути за пределы «Эго»: трансперсональная перспектива*, ред. Р. Уолш, Ф. Воон. М.: Изд-во Трансперсон. ин-та, 1996. С. 37–50. [Wilber K. *Eternal psychology: The spectrum of consciousness. Paths beyond Ego: The transpersonal vision*, eds. Walsh R., Vaughn F. Moscow: Transpersonal Institute Publ., 1996, 37–50. (In Russ.)]
- Ульрих Д. Дзен-камера: шесть уроков творческого развития осознанности. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2018. 224 с. [Ulrich D. *Zen Camera: Six lessons for creative development of mindfulness*. Moscow: Mann, Ivanov i Ferber, 2018, 224. (In Russ.)]
- Фейерабенд П. Против метода: очерк анархистской теории познания. М.: ACT, Хранитель, 2007. 413 с. [Firebent P. *Against method*. Moscow: AST, Khranitel, 2007, 413. (In Russ.)]
- Феррер Х. Новый взгляд на трансперсональную теорию: человеческая духовность с точки зрения соучастия. М.: ACT, 2004. 397 с. [Ferrer X. *A new look at transpersonal theory: Human spirituality in terms of Co*. Moscow: AST, 2004, 397. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qxjuxn>
- Франкл В. Неврозы. Теория и терапия. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2024. 320 с. [Frankl V. *Neuroses. Theory and therapy*. Moscow: Mann, Ivanov i Ferber, 2024, 320. (In Russ.)]
- Франц М.-Л. фон. Архетипическое измерение психики. М.: Касталия, 2017. 210 с. [Franz M.-L. von. *Archetypal dimensions of the psyche*. Moscow: Kastaliiia, 2017, 210. (In Russ.)]
- Франц М.-Л. фон. Прорицание и синхрония: психология значимого случая. СПб.: Азбука Классика, 2009. 224 с. [Franz M.-L. von. *On divination and synchronicity: The psychology of meaningful chance*. St. Petersburg: Azbuka Klassika, 2009, 224. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qwvcl>
- Фрейджен Р., Фадимен Д. Личность: теории, эксперименты, упражнения. СПб.: Прайм-ЕвроЗнак, 2008. 704 с. [Frager R., Fadimen D. *Personality: Theory, Experiments, Exercises*. St. Petersburg: Praim-Evroznak, 2008, 704. (In Russ.)]

- Фролов А. В. Феноменология в цифровую эпоху: обзор проблем. *Философия и общество*. 2019. № 1. С. 18–38. [Frolov A. V. Phenomenology in the digital age: A review of problems. *Filosofia i obshchestvo*, 2019, (1): 18–38. (In Russ.)] <https://doi.org/10.30884/jfio/2019.01.02>
- Хаген Г. Синергетика и некоторые ее применения в психологии. *Синергетическая парадигма. Нелинейное мышление в науке и искусстве*, сост. В. А. Копчик. М.: Прогресс-Традиция, 2002. С. 296–307. [Haken G. Synergy and some of its applications in psychology. *Synergetic paradigm. Nonlinear thinking in science and art*, comp. Koptsi V. A. Moscow: Progress-Traditsiia, 2002, 296–307. (In Russ.)]
- Чалмерс Д. Сознающий ум. В поисках фундаментальной теории. 2-е изд. М.: ЛИБРОКОМ, 2015. 512 с. [Chalmers D. *The conscious mind. In search of a fundamental theory*. 2nd ed. Moscow: LIBROKOM, 2015. 512. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vzygud>
- Чёрч Д. Разум покоряет материю: поразительная наука создания материальной реальности силой разума. М.: Эксмо, 2019. 526 с. [Church D. *Mind to matter: The astonishing science of how your brain creates material reality*. Moscow: Eksmo, 2019, 526. (In Russ.)]
- Чиксентмихайи М. Креативность. Поток и психология открытий и изобретений. М.: Карьера Пресс, 2019. 528 с. [Csikszentmihalyi M. *Creativity: Flow and the psychology of discovery and invention*. Moscow: Kariera Press, 2019, 528. (In Russ.)]
- Шарден П.-Т. де. Феномен человека. Божественная среда. М.: ACT, 2022. 416 с. [Chardin P.-T. de. *The phenomenon of man. The divine environment*. Moscow: AST, 2022, 416. (In Russ.)]
- Шибутани Т. Социальная психология. М.: ACT; Ростов н/Д: Феникс, 1998. 544 с. [Shibutani T. *The social psychology*. Moscow: AST; Rostov-on-Don: Feniks, 1998, 544. (In Russ.)]
- Щеклик А. Катарсис. О целебной силе природы и искусства. М.: НЛО, 2008. 192 с. [Szczeklik A. *Catharsis. On the healing power of nature and art*. Moscow: NLO, 2008, 192. (In Russ.)]
- Эванс Д. Свобода от контроля. Как выйти за рамки внутренних ограничений. М.: Эксмо, 2018. 432 с. [Evans J. *The art of losing control: A philosopher's search for ecstatic experiences*. Moscow: Eksmo, 2018, 432. (In Russ.)]
- Эйрих Т. Инсайт: почему мы не осознаем себя так хорошо, как нам кажется, и почему отчетливое представление о себе помогает добиться успеха в работе и личной жизни. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2018. 352 с. [Eurich T. *Insight: Why we're not as self-aware as we think, and how seeing ourselves clearly helps us succeed at work and in life*. Moscow: Mann, Ivanov i Ferber, 2018, 352. (In Russ.)]
- Юнг К. Г. Aion. Исследование о символике Самости. М.: ACT, 2019. 352 с. [Jung C. G. *Aion: Researches into the Phenomenology of the Self*. Moscow: AST, 2019, 352. (In Russ.)]
- Юнг К. Г. Божественный ребенок. М.: ACT, Олимп, 1997. 400 с. [Jung C. G. *The divine child*. Moscow: AST, Olimp, 1997, 400. (In Russ.)]
- Юнг К. Г. Душа и миф. Шесть архетипов. М.: Книга, 2023. 288 с. [Jung C. G. *Soul and myth. Six archetypes*. Moscow: Book, 2023, 288. (In Russ.)]
- Юнг К. Г. Синхрония. 2-е изд., испр. и доп. М.: Рефл-бук; К.: Ваклер, 2003. 320 с. [Jung C. G. *Synchrony*. 2nd ed. Moscow: Refl-buk; Kyiv: Vakler, 2003, 320. (In Russ.)]
- Юревич А. В. Методология и социология психологии. М.: ИП РАН, 2010. 272 с. [Yurevich A. V. *Methodology and sociology of psychology*. Moscow: IP RAS, 2010, 272. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/raxszl>
- Ялом И. Дар психотерапии. М.: Бомбара, 2025. 320 с. [Yalom I. *The gift of therapy*. Moscow: Bombora, 2025, 320. (In Russ.)]
- Ясперс К. Философия. Книга вторая. Просветление экзистенции. М.: Канон+, 2021. 448 с. [Jaspers K. *Philosophy. Book 2. The enlightenment of existence*. Moscow: Kanon+, 2021, 448. (In Russ.)]
- Bohm D. *Wholeness and the implicate order*. L.: Routledge, 2002, 304.
- De Castro J. M. A model of enlightened mystical awakened experience. *Psychology of Religion and Spirituality*, 2017, 9(1): 34–45. <https://doi.org/10.1037/rel0000037>
- Smuts J. C. *Holism and evolution*. L.: Macmillan and Co., 1936, 358.
- Wahbeh H., Fry N., Speirn P., Hrnjic L., Ancel E., Niebauer E. Qualitative analysis of first-person accounts of noetic experiences. *F1000Research*, 2022, 10. <https://doi.org/10.12688/f1000research.52957.3>

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/gqdbml>

Образ собственного тела у пациентов со сколиозом как внешний критерий валидности методики SRS-22

Котельникова Анастасия Владимировна

Первый Московский государственный медицинский университет имени И. М. Сеченова (Сеченовский Университет), Россия, Москва
eLibrary Author SPIN: 7493-6708
<https://orcid.org/0000-0003-1584-4815>
Scopus Author ID: 57194742733

Еремушкина София Михайловна

Первый Московский государственный медицинский университет имени И. М. Сеченова (Сеченовский Университет), Россия, Москва
eLibrary Author SPIN: 7774-4779
<https://orcid.org/0000-0002-0311-966X>
Scopus Author ID: 60050850200
sofiyaer@yandex.ru

Киселева Мария Георгиевна

Первый Московский государственный медицинский университет имени И. М. Сеченова (Сеченовский Университет), Россия, Москва
eLibrary Author SPIN: 9228-2173
<https://orcid.org/0000-0002-9984-1090>
Scopus Author ID: 54943011600

Сыркин Леонид Давидович

Первый Московский государственный медицинский университет имени И. М. Сеченова (Сеченовский Университет), Россия, Москва
eLibrary Author SPIN: 8475-5755
<https://orcid.org/0000-0001-8279-7911>
Scopus Author ID: 6603382449

Аннотация: Качество жизни пациентов с идиопатическим сколиозом является основным критерием эффективности и конечной целью реабилитационных мероприятий в рамках комплексной медицинской реабилитации пациентов с идиопатическим сколиозом. Учитывая требования, предъявляемые к измерительным шкалам и опросникам, наиболее соответствующим инструментом диагностической работы медицинского психолога с данной когортой пациентов является методика SRS-22. Опросник имеет известные психометрические характеристики, прошел лингвокультурную адаптацию, содержательно специфичен по отношению к популяции больных идиопатическим сколиозом. Непроясненным остается вопрос о критериальной, в частности эмпирической, валидности теста по отношению к психологическим конструктам, чья роль в формировании внутренней картины болезни и самоощущении больных с физически деформирующими тело заболеванием известна. Цель настоящей работы – верификация эмпирической валидности опросника SRS-22 путем соотнесения с психологически значимым для пациентов с идиопатическим сколиозом восприятием образа тела, операционализированным посредством методики «Шкала удовлетворенности собственным телом». В исследование были включены 66 женщин в возрасте $29,6 \pm 6,3$ года с II–IV степенью деформации позвоночного столба: реабилитировавшихся после хирургического лечения (62 %) либо в процессе консервативного лечения (38 %). Оказалось, что образ тела имеет трехфакторную структуру, включающую функциональную, социальную и скрыто-социальную составляющие. Наибольшее влияние образ тела оказывает на самовосприятие пациентов, при этом формирование качества жизни в целом основано преимущественно на функциональном образе, который в восприятии пациентов с идиопатическим сколиозом связан с возможностью полноценной реализации двигательной и социальной активности, получения эстетического удовольствия от собственной внешности. В результате проведенного исследования доказана эмпирическая валидность опросника SRS-22 в отношении образа тела пациентов с идиопатическим сколиозом, инструмент рекомендован для первичной и динамической психоdiagностики и составления психокоррекционных программ.

Ключевые слова: сколиоз, качество жизни, образ тела, самовосприятие, валидность, удовлетворенность собственным телом, SRS-22

Цитирование: Котельникова А. В., Еремушкина С. М., Киселева М. Г., Сыркин Л. Д. Образ собственного тела у пациентов со сколиозом как внешний критерий валидности методики SRS-22. СибСкрипт. 2025. Т. 27. № 5. С. 905–915. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2025-27-5-905-915>

Поступила в редакцию 01.04.2025. Принята после рецензирования 27.06.2025. Принята в печать 30.06.2025.

full article

Body-Image in Patients with Scoliosis as External Validity Criterion for SRS-22

Anastasia V. Kotelnikova

First Moscow State Medical University (Sechenov University),
Russia, Moscow
eLibrary Author SPIN: 7493-6708
<https://orcid.org/0000-0003-1584-4815>
Scopus Author ID: 57194742733

Sofia M. Eremushkina

First Moscow State Medical University (Sechenov University),
Russia, Moscow
eLibrary Author SPIN: 7774-4779
<https://orcid.org/0000-0002-0311-966X>
Scopus Author ID: 60050850200
sofiyaer@yandex.ru

Maria G. Kiseleva

First Moscow State Medical University (Sechenov University),
Russia, Moscow
eLibrary Author SPIN: 9228-2173
<https://orcid.org/0000-0002-9984-1090>
Scopus Author ID: 54943011600

Leonid D. Syrkin

First Moscow State Medical University (Sechenov University),
Russia, Moscow
eLibrary Author SPIN: 8475-5755
<https://orcid.org/0000-0001-8279-7911>
Scopus Author ID: 6603382449

Abstract: For patients with idiopathic scoliosis, the quality of life is a key outcome criterion. SRS-22 is a patient outcome questionnaire designed by the Scoliosis Research Society. It is an effective diagnostic tool for a medical psychologist. Based on reliable psychometry, the questionnaire has been adapted to many linguistic cultures and is content-specific to patients with idiopathic scoliosis. However, its empirical validity remains unclear when it comes to psychological constructs that shape the perception of the illness and the self-image in patients with distortive diseases. This study correlated the results of the SRS-22 questionnaire with the data obtained using the Body Appreciation Scale. The study included 66 patients (29.6 ± 6.3 y.o.) with grades II–IV spinal deformity, who were rehabilitating after surgical treatment (62%) or undergoing conservative corset treatment (38%). The resulting body image demonstrated a three-factor structure with functional, social, and latent social components. Body image had a strong effect on self-perception: the overall quality of life depended on the functional image, which the patients associated with satisfactory motor and social activities, as well as with ability to derive aesthetic pleasure from their own appearance. The research confirmed the empirical validity of SRS-22 in relation to the body image in patients with idiopathic scoliosis. It could be used as a tool for primary or dynamic psychodiagnostics and psychological support.

Keywords: scoliosis, quality of life, body image, self-perception, validity, body satisfaction, SRS-22

Citation: Kotelnikova A. V., Eremushkina S. M., Kiseleva M. G., Syrkin L. D. Body-Image in Patients with Scoliosis as External Validity Criterion for SRS-22. *SibScript*, 2025, 27(5): 905–915. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/sibscript-2025-27-5-905-915>

Received 1 Apr 2025. Accepted after peer review 27 Jun 2025. Accepted for publication 30 Jun 2025.

Введение

В связи с законодательным закреплением медицинского психолога как члена мультидисциплинарной реабилитационной команды (МДРК), должностные полномочия которого включают в себя широкий спектр мероприятий по психодиагностике, психокоррекции и психопрофилактике, особую актуальность приобретают вопросы методического обеспечения его работы. К инструментам психодиагностики предъявляются серьезные требования

по валидизации, оценке психометрических свойств и лингвистической адаптации. Использование полученных результатов для разработки индивидуальных программ психокоррекции делает особенно важной проверку эмпирической валидности используемых методик относительно тех психологических конструктов, которые могут в дальнейшем выступить как психокоррекционные мишени. Наиболее существенным критерием эффективности и конечной

целью реабилитационных мероприятий выступает субъективная оценка качества жизни пациентов [Исаева, Мухитова 2017], которая значительно связана с контекстом болезни [Антонова и др. 2019; Баринов и др. 2016; Варако и др. 2019; Еремян, Щелкова 2022; Коробов и др. 2013; Лабунская 2022; Тихонова 2019; Durmała et al. 2015; Gallant et al. 2018; Grabala et al. 2024; Mark et al. 2022]. В ситуации хронического заболевания на формирование качества жизни оказывает воздействие не только характер лечения, наличие госпитализаций и т. п., но и те психологические трансформации, которые переживает человек: с течением времени возрастает неудовлетворенность своим телом, этот новый физический опыт постепенно становится частью нового самовосприятия [Василенко и др. 2016].

Визуализируемый характер основного симптома (дефект осанки) у пациентов со сколиозом *a priori* предполагает участие психолога в коррекционных мероприятиях у этой когорты, т. к. их качество жизни страдает не только в контексте физического функционирования, но и в части оценки собственных возможностей и потенциального успеха социальных коммуникаций. В литературе описана взаимосвязь удовлетворенности определенными частями тела с общей удовлетворенностью телом, при этом у женщин физическая привлекательность влияет на самооценку, а у мужчин – нет [Хавыло и др. 2021]. Поскольку идиопатический сколиоз гораздо чаще встречается у женской половины населения, качество жизни именно этих пациентов чаще всего становится мишенью психокоррекционного воздействия [AlNouri et al. 2022].

Рассмотрев телесный недуг пациента с идиопатическим сколиозом в контексте теории социальных представлений С. Московиси, согласно которому соотношение *здравье – болезнь* включено в социальный контекст представлений, можно констатировать, что само тело в данном случае представляется частью этого социального конструкта, а качество жизни выступает формой реализации общественно нормативного функционирования телесного и психического Я. Являясь одновременно активным и пассивным субъектом получения информации о своем функционировании, человек формирует уникальные системы внутренней картины здоровья и болезни, одним из наиважнейших аспектов которой является образ тела. Таким образом, *качество жизни и образ тела* представляют собой два многомерных феномена, имеющих множество точек соприкосновения.

На сегодняшний день существует огромное количество методик и шкал, предназначенных для исследования качества жизни [Акулаев и др. 2024; Александрова, Хабибуллина 2019]. Фокус исследовательского внимания в настоящей работе сосредоточен на опроснике SRS-22 в результате сопоставления наиболее распространенных в клинической практике [Новик, Ионова 2021] и включенных в клинические рекомендации инструментов психоdiagностики.

Результаты анализа, представленные в таблице 1, свидетельствуют о том, что большая часть методик не прошли процедуру валидизации на русскоязычной выборке, не имеют данных об аprobации на когорте пациентов с идиопатическим сколиозом либо затруднены к использованию ввиду большого объема стимульного материала. Таким образом, наиболее подходящим для работы в процессе комплексной реабилитации пациентов с идиопатическим сколиозом является психоdiagностический опросник SRS-22 ввиду его известных психометрических характеристик, нозологической специфиности содержательного наполнения, компактности и простоты выполнения и количественной обработки данных. Однако, учитывая то, что процедура валидизации данной методики имела своей целью создание инструмента, предназначенного для использования любым членом МДРК, остается недостаточно проясненной эмпирическая валидность SRS-22 относительно психологических конструктов.

Вышеизложенные соображения определили цель настоящего исследования – верификация эмпирической валидности опросника SRS-22 путем соотнесения с психологически значимым для пациентов с идиопатическим сколиозом восприятием образа тела, операционализированным посредством методики «Шкала удовлетворенности собственным телом».

Методы и материалы

В исследовании приняли участие 66 пациенток с диагнозом сколиоз (M41), проходивших реабилитацию на базе Национального медицинского исследовательского центра травматологии и ортопедии имени Н. Н. Приорова. Возраст – $29,6 \pm 6,3$ года; степень деформации позвоночного столба (по В. Д. Чаклину) – II, III и IV; 41 (62,0 %) – хирургическое лечение, 25 (38,0 %) – консервативное лечение. Методология работы одобрена Локальным этическим комитетом Первого Московского государственного медицинского университета имени И. М. Сеченова (Сеченовский Университет) – протокол № 01-25 от 23.01.2025.

Табл. 1. Наиболее используемые в клинической практике психодиагностические опросники, предназначенные для измерения качества жизни

Tab. 1. Popular quality-of-life questionnaires

Специфика методики	Сведения о валидности	Апробация на когорте больных идиопатическим сколиозом	Объем и структура методики
Индекс благополучия (Quality of Well-Being Index, QWB)			
Возможно самостоятельное заполнение и заполнение интервьюером-наблюдателем; учтена автономность пациента	[Sarkin et al. 2013]	нет	71 пункт, 3 шкалы (мобильность, физическая и социальная активность)
Профиль влияния заболевания (Sickness Impact Profile, SIP)			
Ориентирован на наблюдаемое поведение; учтена автономность пациента	[Siavash et al. 2025]	нет	136 вопросов, 12 шкал (физические, психосоциальные параметры)
Ноттингемский профиль здоровья (Nottingham Health Profile, NHP)			
Недостаточно чувствителен к незначительной динамике	[Стеклов и др. 2021]	нет	1 часть: эмоции, сон, энергия, боль, подвижность, социальная изоляция; 2 часть: работа, домашнее хозяйство, социальная сфера, семейная жизнь, сексуальная сфера, увлечения, отдых
Опросник оценки качества жизни Европейской группы качества жизни (EuroQoL, EQ-5D)			
Репрезентативная выборка (n = 245), но не позволяет рассмотреть широкий аспект качества жизни	[Feng et al. 2021]	[Bae et al. 2023]	1 часть – опросник: подвижность, уход за собой, обычная деятельность, боль / дискомфорт, тревога / депрессия); 2 часть – визуальная аналоговая шкала оценки состояния здоровья
Общий опросник здоровья (RAND SF-36)			
Применяется для валидизации иных опросников по качеству жизни	[Новик, Ионова 2021]	[Новик, Ионова 2021]	36 вопросов, 8 шкал, интегральные показатели (физическая и психологическая составляющие качества жизни)
Scoliosis Research Society-22 (SRS-22)			
Входит в клинические рекомендации с грифом Минздрава РФ по профилю «Идиопатический сколиоз» от 2024 г.	нет	[Губин и др. 2017]	22 вопроса, 5 доменов: функция, боль в спине, самовосприятие, психическое здоровье, удовлетворенность результатами лечения

Обследование проводилось в первые три дня после поступления пациента на стационарный этап лечения или при обращении за динамическим наблюдением. После проведения разъяснительной беседы и получения информированного согласия пациенткам для самостоятельного заполнения предлагались опросники: SRS-22 и Шкала удовлетворенности собственным телом (ШУСТ) [Скугаревский, Сивуха 2006].

Методика ШУСТ предназначена для изучения восприятия образа тела в привязке к конкретным параметрам у пациентов с идиопатическим сколиозом: форма головы, лицо в целом, лоб, глаза, губы, шея, спина, живот и т.д. – всего 34 характеристики, степень удовлетворенности которыми предлагается оценить по 5-балльной шкале: 5 – полностью удовлетворен, 1 – крайне не удовлетворен.

Обработка полученных данных проводилась в программе Статистика 12.0. Использовались анализ значимости различий по критерию Манна-Уитни, факторный анализ, кластерный анализ, корреляционный анализ по Спирмену. Статистическая достоверность фиксировалась на уровне $p \leq 0,05$.

Результаты

На **первом этапе** работы проанализированы различия в качестве жизни пациенток с идиопатическим сколиозом в зависимости от типа проводимого лечения. Выявлены достоверные различия по шкалам функция ($U = 162,5$; $p = 0,01$) и удовлетворенность результатом ($U = 183,5$; $p = 0,03$) опросника SRS-22. Средние значения по шкале функция выше в группе, получавшей консервативное лечение ($3,8 \pm 0,4$ в сопоставлении с $3,2 \pm 1,0$ балла), по шкале удовлетворенность результатом – в группе, получавшей хирургическое лечение ($3,8 \pm 1,1$ в сопоставлении с $3,2 \pm 1,0$ балла). При анализе общего балла по методике отличий между группами консервативного и хирургического лечения различий не обнаружено.

Второй этап работы был посвящен методическому аспекту подготовки собранных данных к верификации эмпирической валидности субшкал опросника SRS-22: к результатам опросника ШУСТ была применена процедура снижения размерности. Последовательное применение процедур снижения размерности данных и совместное использование факторного и кластерного анализа не противоречит основной идеи методов многомерного шкалирования (изучение структуры феномена путем выделения структур и подструктур) и распространено в гуманитарном и естественно-научном знании

[Савченко, Головина 2014]. Использовался факторный анализ по методу главных компонент (вращение Varimax normalized) – найденное решение содержало 7 факторов и объяснило 71,0 % исходной дисперсии. Ввиду того, что ряд переменных продемонстрировал достаточно высокие нагрузки одновременно по нескольким факторам (например: 0,51 и 0,58; 0,55 и 0,65), было принято решение продолжить снижение размерности полученных факторов путем использования кластерного анализа по методу иерархического древа, в итоге переменные сгруппированы в три кластера (рис.). На рисунке видно, что выделившиеся в результате факторного анализа 7 факторов при кластеризации объединились следующим образом: единные кластеры составили первый, четвертый и пятый фактор; второй и третий; шестой и седьмой.

В таблице 2 представлены факторные нагрузки пунктов опросника ШУСТ, вошедших в итоговые группировки. Пункты опросника ШУСТ сгруппировались в содержательные кластеры, отражающие восприятие образа собственного тела у пациентов с идиопатическим сколиозом.

После снижения размерности и смысловой интерпретации получившихся кластеров исходные эмпирические данные, полученные по методике ШУСТ, были пересчитаны для последующего анализа в рамках трех шкал: функциональный образ, социальный образ, скрыто-социальный образ.

На **третьем этапе** работы произведен корреляционный анализ взаимосвязей результатов применения опросников SRS-22 и ШУСТ. В таблице 3 приведены значения только тех коэффициентов корреляции, для которых зафиксирован достаточный уровень

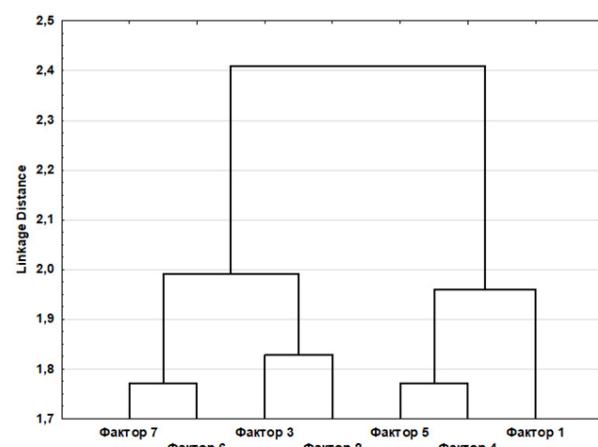

Рис. Дендрограмма кластеризации данных по методике ШУСТ
Fig. Body Appreciation Scale: data clustering

Табл. 2. Факторная структура опросника ШУСТ по итоговым кластерам

Tab. 2. Body Appreciation Scale: factor structure

Пункт опросника	Факторная нагрузка
Функциональный образ	
Вес тела	0,86
Размер фигуры	0,84
Колени	0,79
Нога	0,79
Половые органы	0,77
Спина	0,72
Рост	0,71
Кисть	0,67
Зубы	0,65
Ступня	0,65
Таз	0,65
Шея	0,64
Бедра	0,62
Пропорции фигуры	0,61
Ягодицы	0,58
Живот	0,54
Походка	0,54
Грудь	0,52
Руки	0,37
Социальный образ	
Размер головы	0,83
Переносица	0,80
Форма головы	0,72
Нос	0,69
Ресницы	0,66
Глаза	0,60
Лицо в целом	0,57
Губы	0,53
Подбородок	0,47
Язык	0,44
Качество волос на голове	0,39
Скрыто-социальный образ	
Волосы на теле	0,83
Уши	0,78
Кожа	0,72
Лоб	0,48

Прим.: В случае, если какой-либо пункт опросника вошел с достаточными нагрузками в несколько факторов, представлено максимальное значение из них.

Табл. 3. Результаты анализа взаимосвязи шкал опросников SRS-22 и ШУСТ

Tab. 3. SRS-22 vs. Body Appreciation Scale

ШУСТ	SRS-22				
	функция	боль в спине	самовосприятие	психическое здоровье	удовлетворенность результатом
Функциональный образ	0,46***	0,60***	0,75***	0,59***	0,51***
Социальный образ	–	0,29*	0,44**	–	0,40**
Скрыто-социальный образ	–	–	0,34*	0,39**	–

Прим.: * – $p \leq 0,05$; ** – $p \leq 0,01$; *** – $p \leq 0,001$.

достоверности. Отдельно была проанализирована корреляционная связь с общим баллом по методике ШУСТ, наиболее сильная положительная связь отмечается со шкалами *самовосприятие* ($r = 0,98$; $p \leq 0,05$), *боль в спине* ($r = 0,76$; $p \leq 0,05$).

Обсуждение

Вид проводимого лечения является существенным фактором самооценки качества жизни пациентов с хроническими соматическими заболеваниями [Mark et al. 2022] – на первом этапе работы проанализированы соответствующие различия. Оказалось, что качество жизни пациентов, получавших консервативное лечение, по шкале *функция* было выше, по шкале *удовлетворенность результатом* – ниже, чем у пациентов, прооперированных по поводу идиопатического сколиоза. Вероятно, описанный результат соотносится с различной локализацией локуса контроля и характером атрибуции ответственности за выздоровление: консервативное лечение основано на активном приложении собственных усилий больного во время занятий лечебной физической культурой или при применении корсета, а результат, в отличие от «немедленного преображения» в случае хирургического вмешательства, серьезно отсрочен во времени. Однако после освоения курса лечебной физической культуры пациенты существенно расширяют диапазон двигательных навыков, у них формируются новые биомеханические цепи

и паттерны движения, что в свою очередь позволяет более широко воспринимать свои физические возможности [Антонова и др. 2019]. Выявленные факты учитывались в дальнейшем при анализе результатов.

Для верификации эмпирической валидности опросника SRS-22 был выбран конструкт восприятия образа тела, операционализированный посредством весьма объемной методики ШУСТ. Для облегчения анализа и последующих интерпретаций было принято решение о сокращении размерности данных, в результате чего оцениваемые параметры были сгруппированы в три содержательных кластера, описывающих различные аспекты восприятия образа тела: функциональный образ, социальный образ, скрыто-социальный образ.

Первый кластер (функциональный образ) объединил характеристики тела, соотносящиеся с возможностью реализации двигательной функции: видимые и оцениваемые параметры тела, как связанные с самоощущением в момент реализации движений, в том числе в повседневной активности, так и имеющие личностную и медицинскую значимость при лечении идиопатического сколиоза. Спина, живот, ягодицы, таз, походка и т. п. имеют значимость как при реализации биомеханической активности, так и при оценке собственной внешности и положения тела в пространстве с помощью зеркал или по соотношению себя в пространстве. В рамках Международной классификации функционирования, ограничений жизнедеятельности и здоровья (МКФ) данный кластер соответствует домену b7 – Нейромышечные, скелетные и связанные с движением функции.

Во второй кластер (социальный образ) вошли характеристики, соотносящиеся с социальным функционированием (мимика, части лица) и социальной атрибуцией, напрямую связанной с самовосприятием эстетического компонента своей внешности – качество волос на голове, форма головы, размер головы, лицо в целом, переносица, ресницы, глаза, нос, губы, язык, подбородок. В МКФ кластер соответствует доменам d3 – Общение и d7 – Межличностные взаимодействия и отношения.

Третий кластер образ составили пункты опросника ШУСТ (уши, лоб, кожа, волосы на теле), не имеющие очевидной связи с реализацией социального или функционального образа, однако, скорее всего, для пациентов с идиопатическим сколиозом они имеют личностную значимость в отношении различных аспектов социального взаимодействия: например, известный факт о том, что качество кожи

или наличие кожных заболеваний соотносится с неудовлетворенностью или гиперкомпенсаторной удовлетворенностью своей внешностью [Тихонова 2019]. По всей видимости, оставаясь на неосознаваемом уровне, данный фактор может оказывать воздействие на самовосприятие образа тела в целом – третий кластер получил название *скрыто-социальный образ*.

Корреляционный анализ шкал опросников SRS-22 и ШУСТ выявил наличие многочисленных положительных взаимосвязей, наиболее существенные из которых касаются факторов формирования качества жизни пациентов с идиопатическим сколиозом в части самовосприятия. Оказалось, что их самовосприятие тесно связано и, вероятнее всего, обусловлено восприятием образа тела, всех его составляющих: функционального образа ($r = 0,75$; $p \leq 0,001$), социального образа ($r = 0,44$; $p \leq 0,01$), скрыто-социального образа ($r = 0,34$; $p \leq 0,05$). Следовательно, образ тела может быть обозначен как значимая психокоррекционная мишень в процессе комплексной медицинской реабилитации пациентов с идиопатическим сколиозом, динамические изменения которой повлекут за собой улучшение качества жизни.

Необходимо отметить важность еще одной из выявленных закономерностей, касающейся определенной в процессе исследования структуры восприятия образа тела: обнаружено, что функциональная составляющая образа тела (функциональный образ) на высоком уровне статистической достоверности ($p \leq 0,001$) связана со всеми аспектами качества жизни пациентов с идиопатическим сколиозом. Так, позитивный функциональный образ соотносится с высоким уровнем качества жизни в части возможности полноценной реализации двигательных функций (шкала функция – $r = 0,46$), преодоления болевого синдрома (шкала боль в спине – $r = 0,60$), оптимизации эмоционального состояния (шкала психическое здоровье – $r = 0,59$) и удовлетворенности результатом лечения (шкала удовлетворенность результатом – $r = 0,51$). Любопытно, что в данном случае можно было бы порассуждать о возможной артефактной роли характера проведенного лечения (консервативное или хирургическое), имея в виду выявленные ранее различия по шкалам функция и удовлетворенность результатом, однако наибольшим аргументом в пользу превалирующей роли функционального образа в формировании качества жизни обследованных пациентов является его положительная корреляция со шкалой самовосприятие ($r = 0,75$), абсолютное

значение которой является максимальным из всех выявленных взаимосвязей.

Оставшиеся необъясненными корреляции шкал *удовлетворенность результатом* ($r = 0,40$; $p \leq 0,01$), *боль в спине* ($r = 0,29$; $p \leq 0,05$) и *психическое здоровье* ($r = 0,39$; $p \leq 0,01$) с социальной и скрыто-социальной составляющей образа тела могут быть интерпретированы в контексте особенностей социальной коммуникации пациентов с идиопатическим сколиозом. Видимые признаки заболевания, проявляющиеся отличием внешности, зачастую являются источником моральных страданий и могут привести к нарушению социальной и психической адаптации [Gallant et al. 2018]. Наиболее важным вклад самооценки своего внешнего облика в формирование субъективного благополучия человека становится в период ранней взрослости, 21–35 лет [Лабунская 2022], когда социальная ситуация развития включает в себя необходимость прежде всего установления крепких связей с другими людьми. У молодых женщин это соотносится также и с возможностью полноценной реализации своей детородной функции, существенным ограничителем которой является боль в спине [Grabala et al. 2024]. В литературе есть данные о том, что асимметрия туловища во фронтальной плоскости может оказывать негативное влияние на женщин со сколиозом, их сексуальное функционирование и самооценку [Durmała et al. 2015].

Выявленные положительные корреляции шкалы *психическое здоровье* как с функциональной, так и с социальной составляющей образа тела, по всей видимости, описывают механизм выстраивания внутренней картины болезни, при котором тело воспринимается не в контексте отрицания и выделения несоответствия стандартам определенных социально одобряемых параметров, но в рамках адаптивной функциональной системы, где отношение к отдельным частям тела формирует уникальность самовосприятия, принятия ситуации болезни и выявления сильных сторон своей внешности. Противоположный исход соотносится с нарушениями самовосприятия и формированием негативного психоэмоционального статуса у пациентов с идиопатическим сколиозом [Тихонова 2019], что в свою очередь может формировать дезадаптивное отношение к ситуации болезни и к своему телу, снижение комплаентности к лечению и реабилитации, отказ от физической активности в виде лечебной физкультуры, нарастание кинезиофобических реакций [Баринов и др. 2016].

Заключение

Эмпирическая валидность психодиагностического опросника SRS-22, предназначенного для исследования качества жизни пациентов с идиопатическим сколиозом, верифицирована путем соотнесения с восприятием образа тела, измеренного с помощью методики «Шкала удовлетворенности собственным телом» – опросник целесообразен к использованию медицинским психологом, работающим в составе МДРК, с целью первичной и динамической диагностики, поиска коррекционных мишеней, а также составления индивидуальных реабилитационных программ.

Восприятие образа тела пациентов с идиопатическим сколиозом может быть описано с помощью следующих содержательных составляющих: функциональный образ – видимые и оцениваемые параметры тела, связанные с ощущением себя в пространстве в момент реализации движений; социальный образ – параметры тела, связанные с реализацией социального функционирования, а также самовосприятием эстетического компонента внешности; скрыто-социальный образ – параметры тела, личностная значимость которых в отношении различных аспектов социального взаимодействия не осознается, но оказывает воздействие на самовосприятие образа тела в целом.

Субъективные ощущения образа тела играют существенную роль в формировании самовосприятия пациента с идиопатическим сколиозом, при этом функциональная составляющая субъективного образа тела вносит максимальный вклад в формирование различных аспектов качества жизни: положительное восприятие функционального образа собственного тела соотносится с высоким качеством жизни в части возможности полноценной реализации движений, преодоления болевого синдрома, психического здоровья и удовлетворенности результатом лечения.

Точкой приложения психокоррекционных усилий в процессе комплексной реабилитации является самовосприятие пациента с идиопатическим сколиозом, детерминированное его отношением к собственному телу: возможностью полноценно двигаться, поддерживать социальное общение, испытывать эстетическое удовольствие от оценки собственной внешности.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: А. В. Котельникова – разработка методологии, написание – обзор и редактирование, контроль данных. С. М. Еремушкина – проведение исследования, написание – первоначальный проект. М. Г. Киселева – администрирование проекта, разработка методологии, написание – обзор и редактирование. Л. Д. Сыркин – написание – обзор и редактирование.

Contribution: A. V. Kotelnikova developed the research methodology, wrote the review, proofread the manuscript, and provided data curation. S. M. Eremushkina performed the research and wrote the original draft. M. G. Kiseleva supervised the project, designed the methodology, wrote the review, and proofread the manuscript. L. D. Syrkin wrote the review and proofread the manuscript.

Благодарности: Авторы выражают благодарность коллективу Национального медицинского исследовательского центра травматологии и ортопедии имени Н. Н. Приорова, отделению медицинской реабилитации и 7-му травматолого-ортопедическому отделению (патологии позвоночника), лично директору учреждения А. Г. Назаренко за возможность проведения исследования и заведующим отделений М. Б. Цыкунову и С. В. Колесову за помощь во взаимодействии с респондентами и анализе медицинской документации.

Acknowledgments: The authors would like to express their sincere gratitude to the staff of the Department of Medical Rehabilitation and the Department of Traumatology and Orthopedics of Spinal Pathologies no.7, Priorov National Medical Research Center of Traumatology and Orthopedics, Director A. G. Nazarenko for the permit to conduct the research and Department Heads M. B. Tsykunov and S. V. Kolesov for assistance.

Литература / References

- Акулаев А. А., Иванов А. А., Ионова Т. И., Никитина Т. П., Тищенков К. А., Повалий А. А. Апробация русскоязычных опросников FADI и FAAM для определения функции стопы до и после хирургического лечения. *Гений ортопедии*. 2024. Т. 30. № 3. С. 384–393. [Akulaev A. A., Ivanov A. A., Ionova T. I., Nikitina T. P., Tishchenkov K. A., Povaliy A. A. Russian versions of FADI and FAAM for preoperative and postoperative assessment of the foot function. *Genij Ortopedii*, 2024, 30(3): 384–393. (In Russ.)] <https://doi.org/10.18019/1028-4427-2024-30-3-384-393>
- Александрова Е. А., Хабибуллина А. Р. Методология оценки качества жизни, связанного со здоровьем, с использованием опросника EQ-5D-3L. *Российский медицинский журнал*. 2019. Т. 25. № 4. С. 202–209. [Aleksandrova E. A., Khabibullina A. R. Health-related quality of life measurement using EQ-5D-3L questionnaire. *Russian Medicine*, 2019, 25(4): 202–209. (In Russ.)] <https://doi.org/10.18821/0869-2106-2019-25-4-202-209>
- Антонова Ю. О., Абрамова М. А., Афанасенкова Н. В., Сунгуррова А. В. Оценка динамики функционального состояния и физического развития. *Ученые записки университета имени П. Ф. Лесгафта*. 2019. № 7. С. 13–18. [Antonova Yu. O., Abramova M. A., Afanasenkova N. V., Sungurova A. V. Assessment of dynamics of physical development of primary school-age children with I degree scoliosis. *Uchenye zapiski universiteta imeni P. F. Lesgafta*, 2019, (7): 13–18. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/obwphy>
- Баринов А. Н., Махинов К. А., Сергиенко Д. А. Острая боль в спине. *Медицинский совет*. 2016. № 8. С. 44–49. [Barinov A. N., Makhinov K. A., Sergienko D. A. Acute back pain. *Meditinskij Sovet*, 2016, (8): 44–49. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21518/2079-701X-2016-8-44-49>
- Варако Н. А., Шилко Р. С., Ковязина М. С., Рассказова Е. И., Меньшикова Г. Я., Зинченко Ю. П. Международная классификация функционирования, ограничений жизнедеятельности и здоровья (МКФ) и культурно-деятельностный подход Л. С. Выготского – А. Н. Леонтьева – А. Р. Лурии. *Клиническая и специальная психология*. 2019. Т. 8. № 3. С. 143–159. [Varako N. A., Shilko R. S., Kovayazina M. S., Rasskazova E. I., Menshikova G. Y., Zinchenko Y. P. International classification of functioning, disability and health (ICF-DH) and cultural-activity approach of L. S. Vygotsky – A. N. Leontiev – A. R. Luria. *Clinical Psychology and Special Education*, 2019, 8(3): 143–159. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/balnbh>
- Василенко Т. Д., Селин А. В., Мангушев Ф. Ю. Смыловые аспекты телесного опыта хронического соматического заболевания. *Человек и его здоровье*. 2016. № 2. С. 116–121. [Vasilenko T. D., Selin A. V., Mangushev F. Yu. Semantic aspects of corporal experience in a chronic somatic disease. *Humans and their Health*, 2016, (2): 116–121. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21626/vestnik/2016-2/22>

- Губин А. В., Прудникова О. Г., Камышева В. В., Коваленко П. И., Нестерова И. Н. Клиническая апробация русскоязычной версии анкеты SRS-22 для взрослых пациентов со сколиозом. *Хирургия позвоночника*. 2017. Т. 14. № 2. С. 31–40. [Gubin A. V., Prudnikova O. G., Kamysheva V. V., Kovalenko P. I., Nesterova I. N. Clinical testing of the Russian version of the SRS-22 questionnaire for adult scoliosis patients. *Hirurgija Pozvonochnika*, 2017, 14(2): 31–40. (In Russ.)] <http://dx.doi.org/10.14531/ss2017.2.31-40>
- Еремян З. А., Щелкова О. Ю. История становления и развития концепции качества жизни в медицине. *Психология. Психофизиология*. 2022. Т. 15. № 1. С. 37–49. [Yeremyan Z. A., Shchelkova O. Yu. The concept of quality of life in medicine. *Psikhologiya. Psikhofiziologiya*, 2022, 15(1): 37–49. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vjpqxs>
- Исаева Е. Р., Мухитова Ю. В. Критерии оценки эффективности психосоциальной реабилитации: современное состояние проблемы. *Социальная и клиническая психиатрия*. 2017. Т. 27. № 1. С. 83–90. [Isaeva E. R., Mukhitova Yu. V. Criteria to evaluate the efficacy of psychosocial rehabilitation: State-of-the-art review. *Sotsial'naya i klinicheskaya psikiatriya*, 2017, 27(1): 83–90. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/yizwtv>
- Коробов М. В., Катюхин В. Н., Шварцман З. Д., Помников В. Г. Международная классификация функционирования, ограничений жизнедеятельности и здоровья в практике медико-социальной экспертизы при внутренних болезнях. *Терапевтический архив*. 2013. Т. 85. № 4. С. 43–46. [Korobov M. V., Katiukhin V. N., Shvartsman Z. D., Pomnikov V. G. The International Classification of Functioning, Disability, and Health in the practice of a sociomedical examination service for internal diseases. *Terapevticheskii Arkhiv*, 2013, 85(4): 43–46. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qbdfyff>
- Лабунская В. А. Полидетерминация отношения к внешнему облику и его влияния на субъективное благополучие человека: социально-психологический гендерно-возрастной подход. *Психологические исследования внешности и образа тела*, отв. ред. А. Г. Faustova. Рязань: РязГМУ, 2022. С. 7–30. [Labunskaya V. A. Polydetermination of attitudes towards appearance and its impact on human subjective well-being: A socio-psychological gender-age approach. *Psychological studies of appearance and body image*, ed. Faustova A. G. RyazSMU, 2022, 7–30. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qpjnec>
- Новик А. А., Ионова Т. И. Руководство по исследованию качества жизни в медицине. 4-е изд., перераб. и доп. М.: PAEH, 2021. 662 с. [Novik A. A., Ionova T. I. *Handbook of quality of life research in medicine*. 4th ed. Moscow: RANS, 2021, 662. (In Russ.)]
- Савченко Т. Н., Головина Г. М. Роль математической психологии в гуманитарном знании. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*. 2014. Т. 11. № 3. С. 8–22. [Savchenko T. N., Golovina G. M. The role of mathematical psychology in social sciences. *Psychology, Journal of the Higher School of Economics*, 2014, 11(3): 8–22. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/rwrnnu>
- Скугаревский О. А., Сивуха С. В. Образ собственного тела: разработка инструмента для оценки. *Психологический журнал (Минск)*. 2006. № 2. С. 40–48. [Skugarevski O. A., Sivukha S. V. Body image: Development of an assessment tool. *Psikhologicheskii zhurnal (Minsk)*, (2006). 2, 40–48. (In Russ.)]
- Стеклов В. И., Ким Е. А., Крайнюков П. Е., Демьяненко А. В., Нуяева Н. Р., Рзаев Ф. Г. Методы оценки качества жизни больных с нарушениями ритма сердца. *Вестник аритмологии*. 2021. Т. 28. № 1. С. 55–63. [Steklov V. I., Kim E. A., Kraynyukov P. E., Demyankov A. V., Nugayeva N. R., Rzaev F. G. Methods for assessing the quality of life of patients with cardiac arrhythmias. *Journal of Arrhythmology*, 2021, 28(1): 55–63. (In Russ.)] <https://doi.org/10.35336/VA-2021-1-55-63>
- Тихонова А. А. Психосоматические «маски» при хронических кожных заболеваниях у подростков. *FORCIPE*. 2019. Т. 2. № S1. С. 408. [Tikhonova A. A. Psychosomatic masks in adolescents with chronic skin diseases. *FORCIPE*, 2019, 2(S1): 408. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/fpiouc>
- Хавыло А. В., Ситцева М. С., Еремина И. И. Удовлетворенность образом тела как компонент субъективного благополучия человека. *Известия Иркутского государственного университета. Серия Психология*. 2021. Т. 38. С. 100–113. [Khavylo A. V., Sitseva M. S., Eremina I. I. Satisfaction with a body image as a component of subjective well-being of a person. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series Psychology*, 2021, 38: 100–113. (In Russ.)] <https://doi.org/10.26516/2304-1226.2021.38.100>
- AlNouri M., Wada K., Kumagai G., Asari T., Nitobe Y., Morishima T., Uesato R., Aoki M., Ishibashi Y. The incidence and prevalence of early-onset scoliosis: A regional multicenter epidemiological study. *The Spine Journal*, 2022, 22(9): 1540–1550. <https://doi.org/10.1016/j.spinee.2022.03.016>

- Bae B. H., Ham C. H., Patel U., Suh Y. Psychosocial effect of brace treatment in adolescent idiopathic scoliosis: A study using EQ-5D. *Clinical Spine Surgery*, 2023, 36(10): E488–E492. <https://doi.org/10.1097/BSD.0000000000001489>
- Durmała J., Blicharska I., Drosdzol-Cop A., Skrzypulec-Plinta V. The level of self-esteem and sexual functioning in women with idiopathic scoliosis: A preliminary study. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 2015, 12(8): 9444–9453. <https://doi.org/10.3390/ijerph120809444>
- Feng Y. S., Kohlmann T., Janssen M. F., Buchholz I. Psychometric properties of the EQ-5D-5L: A systematic review of the literature. *Quality of Life Research*, 2021, 30(3): 647–673. <https://doi.org/10.1007/s11136-020-02688-y>
- Gallant J.-N., Morgan C. D., Stoklosa J. B., Gannon S. R., Shannon C. N., Bonfield C. M. Psychosocial difficulties in adolescent idiopathic scoliosis: Body image, eating behaviors, and mood disorders. *World Neurosurgery*, 2018, 116: 421–432.e1. <https://doi.org/10.1016/j.wneu.2018.05.104>
- Grabala P., Kowalski P., Grabala M. From rib hump to baby hump – Common questions of patients suffering from and undergoing treatment for scoliosis – A comprehensive literature review. *Journal of Clinical Medicine*, 2024, 13(13). <https://doi.org/10.3390/jcm13133814>
- Mark D. B., Spertus J. A., Bigelow R., Anderson S., Daniels M. R., Anstrom K. J., Baloch K. N., Cohen D. J., Held C., Goodman S. G., Bangalore S., Cyr D., Reynolds H. R., Alexander K. P., Rosenberg Y., Stone G. W., Maron D. J., Hochman J. S. Comprehensive quality-of-life outcomes with invasive versus conservative management of chronic coronary disease in ISCHEMIA. *Circulation*, 2022, 145(17): 1294–1307. <https://doi.org/10.1161/CIRCULATIONAHA.121.057363>
- Sarkin A. J., Groessl E. J., Carlson J. A., Tally S. R., Kaplan R. M., Sieber W. J., Ganiats T. G. Development and validation of a mental health subscale from the Quality of Well-Being Self-Administered. *Quality of Life Research*, 2013, 22(7): 1685–1696. <https://doi.org/10.1007/s11136-012-0296-2>
- Siavash S., Ghaffari A., Taghizadeh G., Lajevardi L., Azad A. Psychometric properties of the Persian version of Sickness Impact Profile-30 (SIP-30) in community-dwelling older adults. *Journal of Aging Research*, 2025, 2025(1). <https://doi.org/10.1155/jare/9959086>

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/ippww>

Смысло́вое пространство представлений о маме у студенческой молодежи

Скорова Лариса Владимировна

Иркутский государственный университет, Россия, Иркутск

eLibrary Author SPIN: 4837-8566

<https://orcid.org/0000-0002-7849-8625>

Scopus Author ID: 57208554057

larisa.skorova@gmail.com

Аннотация: Современное общество сталкивается с изменениями в понимании традиционного института материнства и мамы. Студенчество является ключевым этапом осознания ценности материнства, оценки влияния родителей на личностное развитие, понимания собственной роли в будущем воспитании детей. Цель – определить содержание смыслового пространства представлений о маме у студенческой молодежи. Методологическая основа исследования: методология психологии социального познания, социально-психологический подход к исследованию представлений о маме. Для содержательного анализа представлений о маме использовались ассоциативные методики: простые свободные ассоциации, специфические ассоциативные методики, «вынужденные» ассоциации. В исследовании приняли участие 435 студентов. В общей сложности было подвергнуто анализу около 22000 слов. В исследовании обнаружена согласованность ответов, полученных с помощь различных ассоциативных методик. Смысло́вое пространство представлений о маме представлено следующими блоками: первый отображает культурные нормы и традиции, второй – эмоциональную близость и поддержку, третий – воспитание и обучение, четвертый – гармоничные отношения в семье, пятый – уважение и доверие к себе и другому. Смысло́вое поле представлений имеет высокую эмоциональную выраженность и включает, наряду с традиционными категориями (забота, мудрость, доброта), категории, характеризующие созависимые отношения и изменяющуюся маму (забота о себе, изменения мамы в связи с взрослением ребенка). Это может свидетельствовать о необходимости реальных и / или ожидаемых действий (поддержки) со стороны мамы и проектировании своей родительской позиции. В социальных представлениях молодежи о маме отражается их личный опыт, семейное воспитание, понимание детско-родительских отношений и психологическая грамотность, которая приобретается в процессе изучения в университете психологических дисциплин. Результаты исследования могут быть полезны для понимания динамики семейных отношений, их влияния на развитие детей, формирования психологической готовности к материнству, а также для практической работы психолога с созависимыми отношениями, родительскими предписаниями.

Ключевые слова: материнство, социальные представления, ассоциативные методики, контент-анализ, категории анализа, детские впечатления, семейные отношения

Цитирование: Скорова Л. В. Смысло́вое пространство представлений о маме у студенческой молодежи. *СибСкрипт*. 2025. Т. 27. № 5. С. 916–930. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2025-27-5-916-930>

Поступила в редакцию 21.05.2025. Принята после рецензирования 22.08.2025. Принята в печать 25.08.2025.

Скорова Л. В.

Смыслоное пространство представлений о маме

full article

Semantics of Mother Image in University Students

Larisa V. Skorova

Irkutsk State University, Russia, Irkutsk

eLibrary Author SPIN: 4837-8566

<https://orcid.org/0000-0002-7849-8625>

Scopus Author ID: 57208554057

larisa.skorova@gmail.com

Abstract: The traditional understanding of motherhood is undergoing some profound changes. University and college are a key stage for understanding the value of motherhood, assessing the influence of parents on one's personal development, and comprehending the basics of family planning. The article describes the way university students perceive motherhood. The research relied on social cognitive psychology, socio-psychological approach, and associative techniques, e.g., free associations, specific, and forced associations. It involved 435 students and 22,000 verbal associates. The resulting semantics of mother image consisted of a set of blocks: 1) cultural norms and traditions; 2) emotional closeness and support; 3) upbringing and education; 4) harmonious family relationships; 5) respect and trust in oneself and others. This semantic field of ideas was highly emotional and expressive. Along with such traditional categories as care, wisdom, and kindness, they included codependent relationships and the image of a "changing mother" (self-care, changes in the mother as the child grows, etc.). This may indicate a need for actual and / or expected support from the mother and the development of one's own parental position. Young people's social ideas about mothers reflect their personal experience, family upbringing, understanding of parent-child relationships, and psychological literacy acquired at university. The results demonstrated the dynamics of family relationships and their influence on personal development. They could be used to facilitate the psychological readiness for motherhood, as well as for the psychological counselling of codependent relationships and parenting.

Keywords: motherhood, social representations, associative methods, content analysis, categories of analysis, childhood impressions, family relationships

Citation: Skorova L. V. Semantics of Mother Image in University Students. *SibScript*, 2025, 27(5): 916–930. (In Russ.)
<https://doi.org/10.21603/sibscript-2025-27-5-916-930>

Received 21 May 2025. Accepted after peer review 22 Aug 2025. Accepted for publication 25 Aug 2025.

Введение

В современном обществе наблюдаются тенденции к изменению традиционных представлений о материнстве и матери, обусловленные переосмысливанием обыденной роли мамы. В условиях непредсказуемости новой реальности – TACI-мир – общество заинтересовано в формировании позитивных представлений о маме у подростков и молодежи, поскольку в своей жизни и деятельности они создают и воспроизводят в своем сознании образы предметов, людей и событий, ранее воспринятые ими. Именно в студенческом возрасте происходит формирование взглядов на материнство, оценка роли родителей в личностном становлении, понимание своей роли в воспитании будущих детей, трансформация отношений с родителями. Кроме того, в смысловой системе взрослого человека удерживаются родительские ценности и установки [Сапогова 2022]. В связи с этим важным видится

не только изучение образа матери и механизмов его влияния на становление собственной материнской позиции, но и анализ смыслового пространства социальных представлений, которые обуславливают отношения, личностные трансформации и регулируют жизнь и поведение человека.

Феномен материнства давно находится в ракурсе теоретических и эмпирических исследований в отечественной и зарубежной психологии, поскольку материнская фигура играет ключевую роль в формировании личности ребенка и развитии семейных отношений. Материнство раскрывается посредством изучения характера взаимодействия матерей с детьми разного возраста [Савина и др. 2019], психологической готовности к материнству [Жупиева 2015; Кыштымова, Каменюк 2021; Ткачева 2021], родительских экзистенциальных установок [Сапогова 2022], родительской

компетентности [Антипова и др. 2023; Минина 2017], влияния возраста, социального статуса, социальной роли матери, моделей поведения и эмоционального реагирования родителей на развитие ребенка [Счастная, Чибисова 2006], образа матери в сознании подростков и молодежи [Глотова, Кузьмина 2015; Жупиева 2024; Конторович 2010; Писарева 2009], представления о «хорошой маме» [Сафонова, Ковалева 2021] и пр. Особого внимания в рамках данной работы заслуживают работы, рассматривающие семью как ресурс развития личности [Сапогова 2018] и влияние родительских ценностей и установок на жизненное самоопределение ребенка [Сапогова 2022]. Обоснована неоднозначность образа матери у современных девушки. Так, показана роль идеализации матери в формировании представлений об ответственном родительстве и нежелание повторять модель семейных отношений, а также значимость исследовательской работы с такой категорией молодежи [Иванова 2022]. Исследование особенностей восприятия детьми своих родителей, создание их субъективного образа будет способствовать трансформации собственного отношения к родителям и себе [Писарева 2009].

В научной литературе содержится подробный анализ социальных представлений как социально-психологического понятия [Тузова 2022] и теории социальных представлений [Бовина 2010; Емельянова 2016]. Отмечается рост исследований социальных представлений, что свидетельствует о том, что требуют дальнейшего обсуждения вопросы стратегий исследования социальных представлений [Бовина и др. 2022]. Вместе с тем недостаточно полным видится социальный контекст этого феномена, а именно – смысловое пространство представлений, образ мамы как воплощение оценки определенной социальной группы – студенческой молодежи, состоявшейся взрослой личности. Исследование представлений о маме позволит не только выстроить коммуникацию между взрослыми детьми и их мамами, но и будет способствовать выстраиванию эффективной межпоколенной коммуникации (прапородитель – родитель – ребенок). Кроме того, представления о маме показывают изменения отношения к семье, родителям и родительству, что позволит определить показатели динамики семейных отношений и предвидеть их влияние на развитие детей. Однако социальные представления выступают всего лишь одним из способов понимания человеком окружающей действительности и представляют собой знания, переданные поколениями и полученные личным опытом [Jodelet 1984; Moscovici 1994].

Нам представляется интересным изучение материнства как феномена социального познания посредством анализа структуры представлений о маме. И в этом контексте следует обратиться к трудам С. Московичи, который полагает, что социальные представления возникают в процессе межличностного общения в обыденной жизни в группе, носят общественный характер и имеют черты сходства с мифами [Есипов 2019]. Социальные представления выступают одним из компонентов социального мышления [Андреева 2005]. Материнство как совокупность обыденного знания в виде понятий и идей, описательные характеристики и нормы материнского поведения рассматривает В. В. Мецлер. Автором обоснована зависимость социальных представлений о материнстве от социально-психологических факторов – гендерного, возрастного и статусно-ролевого [Мецлер 2009].

Обзор научной литературы позволяет утверждать, что представления о материнстве формируются у личности в процессе ее онтогенетического развития и под влиянием референтной группы и зависят от индивидуально-психологических особенностей матери и отношений с ней. Социальные представления о матери образуют определенные стереотипы и нормы, которые влияют на восприятие и оценку различных аспектов материнства, что является основой понимания и объяснения роли матери как социокультурного феномена. И в этом контексте материнство рассматривается как объект, обеспечивающий условия для развития ребенка, и как одна из частей личностной сферы женщины в контексте удовлетворенности своей ролью и личностной идентификацией [Филиппова 2001]. Отмечается дискретность многочисленных исследований представлений о матери и материнстве. В исследовании С. Д. Конторович отмечается, что мама ассоциируется с предметами быта, декоративными растениями [Конторович 2010]. Во внешнем облике матери современные россияне отмечают добрый взгляд, спокойную улыбку, умение готовить, темные волосы, одета в платье, ее окружают семья, дети. Во внешних характеристиках часто присутствуют ласковые руки, усталые плечи [Там же].

При изучении смыслового пространства представлений о маме мы исходили, во-первых, из того, что представления, выступая формой познания реальности, имеющей структуру (ядро и периферическую систему) [Moliner, Abric 2015], являются фактором, определяющим повседневную жизнь человека в процессе включения в различные формы

Скорова Л. В.

Смыслоное пространство представлений о маме

активности, в результате которой он воссоздает в своем сознании прожитые события, отношения с людьми и проектирует на их основе будущие, во-вторых, из способности молодежи объяснять собственную жизненную ситуацию, анализировать личный опыт, вспоминать события и находить смысл в своих действиях и действиях других людей, в-третьих, из понимания того, что социальные представления формируются как картина мира, направляющая усилия человека «на преобразование среды» [Moscovici 2001] и формирование готовность к материнству и родительству [Жупиева 2024], что может служить основой для психологического обучения молодежи, формирования у нее готовности к осознанному родительству и выстраиванию межпоколенных отношений. Авторы анализируемых работ в качестве методик исследования представлений о маме чаще всего используют простые свободные ассоциации и семантический дифференциал. В связи с отсутствием единого способа изучения социальных представлений [Бовина и др. 2022] в данном исследовании использовались специфические ассоциативные методики и «вынужденные» ассоциации.

Цель – определить содержание смыслового пространства представлений о маме у студенческой молодежи. Мы исходили из того, что семья порождает модель представлений о маме, в структуре которой содержатся категории, наполненные смысловым содержанием, характеризующим изменения в понимании молодежью традиционной роли мамы.

Методы и материалы

Методологической основой исследования стали методология психологии социального познания, социально-психологический подход к исследованию социальных представлений о маме. Мы опирались на концепцию социальных представлений С. Московичи, Ж.-К. Абрика, К. Фламана, Г. М. Андреевой, исследования в области материнства и родительства (Р. В. Овчарова, К. Н. Поливанова, А. А. Абрамова и др.). При анализе представлений мы исходили из активности студентов в создании смыслов и интерпретации объектов окружающей действительности (К. Эрзлиш, Д. Жоделе, С. Московичи) и структуры социальных представлений (П. Вержес). На разных этапах исследования и в зависимости от задач использовались основные теоретические методы, ассоциативный метод, качественные методы, в том числе ориентированные на семантический анализ текста [Митина, Евдокименко 2010] и создание схем категоризации,

а также контент-анализ для оценки частотного распределения слов, удельного веса на основе методики Textanz. Для определения смыслового содержания представлений использовались вербальные данные, полученные с помощью проективного метода (ассоциативные методики) и текстовых материалов. Для содержательного анализа представлений применены ассоциативные методики: 1) простые свободные ассоциации, когда респондентам предлагалось одно слово-стимул, к которому называются ассоциации; 2) специфические ассоциативные методики – ассоциации в предложениях, когда респонденту предлагается завершить предложение; 3) «вынужденные» ассоциации – респондентам предлагается утверждение, к которому подбираются слова. Анализ содержания представлений осуществлялся с помощью прототипического и лексико-метрического анализа.

В исследовании приняли участие 435 человек в возрасте 18–20 лет, из них 32 человека (7,3 %) – респонденты мужского пола. Все респонденты – студенты университета. На первом этапе респондентам предлагалось написать пять слов-ассоциаций, которые приходят в голову к слову *мама* (использовалось именно слово *мама*, поскольку *мать* – это иной концепт, соотносимый с образами родины и дома [Глотова, Кузьмина 2015]). Полученные результаты группировались по зонам представлений исходя из частоты встречаемости и рейтинга – ядерная (высокая частота встречаемости и в первую очередь), периферическая (редко встречаются и в последнюю очередь) и буферная (высокая частота встречаемости и в последнюю очередь, редко встречаются и в первую очередь) – на основе техники прототипического анализа, предложенного П. Вержесом и соавторами [Vergès et al. 1994]. Это позволило определить устойчивые единицы / категории, характеризующие общекультурные нормы, и индивидуальный опыт, отражающие представления о маме у группы студенческой молодежи. Для детализации представлений, их углубленного анализа и определения смыслового поля на втором этапе исследования респондентам предлагалось: 1) вспомнить и описать самое яркое впечатление из детства, связанное с мамой, 2) закончить предложение *Я хочу поблагодарить свою маму за...* На третьем этапе респондентам было предложено представить себя мамой и ответить на вопрос *Что хочется сказать своему ребенку с позиции мамы?* На заключительном этапе предлагалось написать текст-размышление на тему *Счастливая мама – счастливый ребенок*.

Так как были получены неструктурированные текстовые данные, использовался качественный контент-анализ, который предполагал подсчет слов-понятий, группировку высказываний респондентов, определение элементов, связанных с основными и периферийными представлениями о маме, выявление явных и скрытых тем, выяснение характера соотношения текстовых материалов, полученных на разных этапах исследования, подсчет частоты встречаемости. Для этого составлялись кодировочные таблицы и обрабатывались количественные данные. Интерпретация осуществлялась на основе выделенных единиц анализа и категорий по каждому тексту. Удельный вес смысловых категорий рассчитывался по формуле оценки удельного веса А. Н. Алексеева. Анализ текстов-размышлений осуществлялся с использованием модели гемтаз (лицензия Apache 2.0). Для быстрой оценки содержания слов-ассоциаций / фраз и расстановки акцентов использовался визуальный способ отображения результатов исследования. Для этого использовался сервис Word's Cloud (облако слов): слова, которые встречаются чаще, отображаются большим шрифтом, а менее частые – меньшими. В общей сложности было подвергнуто анализу около 22000 слов.

Результаты

На первом этапе было проанализировано 2175 ассоциаций к слову *мама*. Значение рангомизированного распределения составило 3,4 ($p = 0,02$). На основе качественного анализа все слова-ассоциации были разделены на 4 зоны, в каждой из которых они были объединены в категории. Данные представлены в таблице 1, визуализация слов-ассоциаций – на рисунке 1.

Центральная зона (ядро представлений) о маме у студенческой молодежи представлена следующими категориями:

- **Эмоциональная близость**, включающая слова-ассоциации, связанные между собой эмоционально-положительным спектром переживаний мамы к своему ребенку: любовь к ребенку и теплота воспринимаются респондентами как фундаментальная основа отношений мамы к ребенку, а ее доброта и нежность – конкретные проявления теплоты. Респонденты называли такие свойства, как способность мамы проникнуться мыслями и чувствами, ее теплое, нежное отношение.
- **Безопасность** включает слова-ассоциации, символизирующие место безопасности, защищенности, комфорта через конкретный объект.

Табл. 1. Зоны представлений студенческой молодежи о маме

Tab. 1. Zones of mother image in university students

Частота встречаемости	Ранг < 3,4	Ранг ≥ 3,4
≥ 40	<ul style="list-style-type: none"> • Эмоциональная близость: любовь (231; 2,2), тепло (149; 2,1), доброта (119; 2,3), нежность (103; 2,8) • Забота и поддержка: забота (195; 2,7), поддержка (149; 3,3) • Безопасность: дом (56; 2,6) • Наставничество: наставник (41; 3,2) 	<ul style="list-style-type: none"> • Понимание (53; 3,4) • Сильная (45; 3,5) • Уют (54; 3,4)
< 40	<ul style="list-style-type: none"> • Семейные ценности и отношения: семья (38; 3,2), родная (28; 2,7), любящая (14; 2,9), ответственность (17; 2,1), переживает (7; 3,0), защита (15; 3,2) • Умиротворенность: спокойствие (11; 2,8), гармония (5; 2,8) • Авторитет и дисциплина: строгая (12; 1,6) • Коммуникация и взаимодействие: разговоры (6; 3,1) • Лучшая (14; 3,1) • Крик (11; 3,1) 	<ul style="list-style-type: none"> • Эмоциональное благополучие и позитивные чувства: счастье (35; 3,6), радость (26; 3,5), веселая (24; 3,6), улыбка (13; 4,1) • Любовь и близкие отношения: доверие (17; 3,7), друг (15; 3,8), любимая (28; 6,4), объятия (9; 3,8), взаимопонимание (7; 3,6), принимающая (6; 4,1), уважение (7; 3,57) • Ощущения благополучия и удовлетворения потребностей: красота (35; 3,8), вкусная еда (19; 3,6) • Умственные способности и личностные качества: мудрая (12; 3,5), ум (11; 3,5), терпение (8; 3,4), внимательная (8; 5), уверенность (5; 4,0) • Негативные ощущения и реакции: страх (5; 4,2), контроль (5; 2,6)

Скорова Л. В.

Смыслоное пространство представлений о маме

Рис. 1. Облако слов к слову *мама*

Fig. 1. Word cloud for the verbal stimulus *Mom*

- *Забота и поддержка* представлена словами-ассоциациями, связанными с действиями и поведением мамы и направленными на помочь (внимание мамы к нуждам ребенка) и обеспечение благополучия. Поддержка мамы может указывать на ее важность в критических моментах в жизни ребенка.
 - *Насставничество* содержит ассоциации, связанные с обучением бытовым навыкам, передачей мамой своего опыта.

Буферная зона (зона потенциальных изменений) представлений о маме включает следующие категории:

- Умиротворенность включает слова-ассоциации, описывающие мягкость характера мамы, ее внутреннее спокойствие, атмосферу гармонии. Респонденты называли такие качества мамы, которые обеспечивают внутреннее спокойствие, отсутствие тревоги, согласованность мыслей, чувств и действий.
 - Семейные ценности и отношения представлены словами-ассоциациями, отражающими общие характеристики семейных отношений, такие как близость, взаимопонимание, заботу друг о друге, взаимоподдержку и ответственность мамы за психическое благополучие ребенка.

- *Авторитет и дисциплина* содержит слова-ассоциации, описывающие авторитарность, дисциплину и строгость мамы, которые могут проявляться в воспитании детей, что может быть свидетельством проявления мамы как авторитетной фигуры (с сильной волей, твердостью). Кроме того, это может быть условием формирования у ребенка самоконтроля и самодисциплины: мама способна принимать решения и брать на себя ответственность, предъявлять требования к соблюдению правил и дисциплины.

- **Коммуникация и взаимодействие** включает слова-ассоциации, связанные с общением, обменом информацией и взаимодействием мамы с ребенком: только через диалог можно установить доверительные отношения и лучше понимать друг друга.

Кроме того, буферная зона представлена и такими категориями, как:

- *Крик* – выделяется негативным оттенком и относится скорее к конфликтному поведению, отличаясь от всех остальных категорий, и характеризует резко негативное явление, противоречащее атмосфере взаимопонимания и доверия между мамой и ребенком.

- *Лучшая* – обобщенное выражение высокой оценки, применимое ко многим категориям зоны, не несет конкретного смысла вне контекста.

Периферическая зона представлений о маме включает следующие категории:

- *Эмоциональное благополучие и позитивные чувства* включает слова-ассоциации, которые передают приятные впечатления, положительные эмоции и комфортные состояния.
 - *Любовь и близкие отношения* объединяет слова-ассоциации, подчеркивающие важность эмоциональной связи и поддержки мамы с ребенком, что является залогом гармоничных взаимоотношений.

- *Ощущения благополучия и удовлетворения потребностей* содержит слова-ассоциации, описывающие внешние условия, обеспечивающие удовольствие и удовлетворение базовых нужд, а также создающие условия для хорошего самочувствия.

- *Умственные способности и личностные качества* представлена словами-ассоциациями, отражающими интеллектуальные способности и личные качества мамы, характеризующие ее внутренний мир и влияющие на восприятие ребенком окружающего мира и поведение.

- *Негативные ощущения и реакции* включает слова-ассоциации, отражающие неприятные переживания и эмоциональные отклики респондентов на стрессовые ситуации.

Лексико-метрический анализ показал разнообразие лексического запаса представлений о маме у студенческой молодежи. Но наблюдается слабость организации социальных представлений, обусловленная достаточным количеством единичных слов-ассоциаций, что свидетельствует о высоком варьировании между респондентами.

Таким образом, в структуре представлений о маме у студенческой молодежи наиболее устойчивыми, принимаемыми данной группой и определяющими

отношение к маме являются слова-ассоциации, характеризующие эмоциональную близость с мамой, безопасность, поддержку, заботу и наставничество, т. е. мама добрая, нежная, любит, поддерживает, заботится, создает пространство комфорта и безопасности в доме, наставник – проводник в жизни ребенка. Ядро представлений содержит позитивные и согласованные между собой элементы. Слова-ассоциации в буферной зоне характеризуют многообразие представлений о маме и выступают источником потенциальных изменений и трансформации представлений

о ней, они изменчивы и могут меняться в зависимости от контекста, но при этом выполняют адаптационную функцию к реалиям жизни и защиты зоны ядра: мама мягкая, спокойная, обеспечивает гармоничные отношения в семье, но вместе с тем строгая и сильная.

На втором этапе исследования мы проанализировали 4175 слов (в среднем по 9,6 слова на одного респондента), описывающих самые яркие воспоминания, связанные с мамой. Единицы анализа и их удельный вес представлены в таблице 2.

Табл. 2. Единица анализа воспоминаний, связанных с мамой

Tab. 2. Memories associated with mother: units of analysis

Единицы анализа	Удельный вес (%)
Путешествия (вместе с мамой в другие города / страны)	12,08
Совместный досуг (театр, прогулки в лесу, походы, кинотеатр и пр.)	9,06
Прогулки вместе	8,7
Посещение парка развлечений и аттракционов	6,3
Поддержка мамы (на конкурсах, соревнованиях, мероприятиях)	6,9
Забота и поддержка мамы в периоды болезни и в сложных ситуациях	6,3
Детский сад (наблюдения за снежинками, катание на санках по дороге домой)	4,8
Организация праздников (день рождения, новый год, сюрпризы, создание причесок)	4,8
Дарение подарков (рюкзаки, подарки на день рождения, новогодние презенты)	4,5
Обучение новым навыкам (езды на велосипеде, катание на коньках, кулинария, плавание)	3,6
Совместное приготовление еды (пироги, супы, торты, пицца)	3,6
Яркие эмоции	3,6
Посещение маминой работы	2,7
Чтение сказок и книг перед сном, совместные чтения	2,4
Игровая активность	2,4
Встречи после долгой разлуки (командировка, учеба, приезд мамы на выходные)	1,8
Совместное творчество (сочинение стихов, рассказов, создание образов, рисование, рукоделие)	1,8
Приобретение любимой игрушки	1,8
Наказание (физическое)	1,8
Совместный просмотр телевизионных передач	1,5
Обида на маму (не разделила радость), конфликтные ситуации	1,2
Обучение навыкам стрессоустойчивости и пониманию личностного ресурса	1,2
Начало школьной жизни: сборы в первый класс, празднование первого школьного праздника	1,2
Теплые объятия	1,2
Мамина защита (от угроз и опасности)	0,9
Негативные проявления маминой несдержанности, непонимания	0,9
Проявления маминого счастья	0,9
Ожидание возвращения мамы с работы	0,9
Воспоминания о детсадовском периоде (слезливые расставания, ожидания возвращения мамы)	0,6

Скорова Л. В.

Смыслоное пространство представлений о маме

Анализ ярких воспоминаний, связанных с мамой, позволил структурировать их по основаниям:

1. Совместные активности и досуг (удельный вес представленности категории в текстах респондентов – 45,74 %) объединяет события активного отдыха и посещение новых мест совместно с мамой: культурные, развлекательные и познавательные активности, способствующие созданию ярких воспоминаний и укреплению отношений между мамой и ребенком, расширению личного опыта: совместные поездки в другие города или страны, прогулки в театр, походы в лес, кинотеатры, отдых на природе, посещение парков развлечений и катание на аттракционах; семейные праздники, организованные мамой, создание сюрпризов, праздничных украшений, покупки подарков, сувениров ко дню рождения или новогодним праздникам. Такие ситуации подчеркивают значимость совместных занятий и образования, способствуют приобретению полезных навыков и углубляют эмоциональную связь между родителями и детьми.

2. Забота и поддержка (17,1 %) включает ситуации, вызывающие сильные эмоциональные отклики и демонстрирующие проявление материнской любви, поддержки и реакцию на жизненные трудности – как положительные (забота, поддержка, объятия, радость встречи после разлуки), так и негативные (наказание, стрессы, эмоциональная нестабильность мамы, ссоры, обиды, страх). Это проявляется в поддержке детей на конкурсах и соревнованиях, уходе в период болезни, переживании тяжелых ситуаций, а также в возможных конфликтах и наказаниях. Яркими примерами являются встречи после долгой разлуки, радость и утешение от объятий после приезда мамы из командировки / учебы, счастливые минуты общения с мамой. Однако наряду с этими светлыми эмоциями возникают и негативные ощущения: боль от обид, недопонимание, ссоры и даже страхи. Важно подчеркнуть, что подобные эмоциональные эпизоды формируют внутренний мир ребенка, развивая способности к сочувствию, сопереживанию и глубокому восприятию окружающих чувств.

3. Обучение и развитие навыков (9,6 %) включает ситуации обучения различным практическим навыкам (катание на велосипеде, коньках и пр.) и развития необходимых жизненных умений (стрессоустойчивость, личностная ресурсность). Личный опыт, советы и поведение мамы оказывают влияние на развитие способности справляться со сложностями и понимать собственные ресурсы.

4. Воспоминания о детстве (6,6 %) объединяет события, связанные с такими этапами жизни, как детский сад и начало школьной жизни: слезливые расставания с мамой в детском саду, ожидание ее возвращения, дорога домой из детского сада, наблюдение за снежинками, сборы в первый класс и пр.

5. Конфликты и негативные эмоции (3,9 %) объединяет сложные моменты в отношениях между мамой и ребенком: негативные проявления маминой несдержанности, непонимание, ссоры.

Таким образом, яркие детские воспоминания о маме формируются из множества разнородных событий, каждое из которых играет важную роль в развитии личности ребенка и создании особой атмосферы семейного благополучия. Категории анализа ситуаций демонстрируют многообразие воспоминаний и эпизодов, показывающих глубину материнской заботы, влияние совместных занятий и важную роль эмоциональных моментов в формировании детских впечатлений. При этом наибольший удельный вес имеют воспоминания, связанные с совместным времяпрепровождением.

Ответ на вопрос *За что вам хотелось бы поблагодарить свою маму?* предоставил к анализу 5615 слов (в среднем по 12,9 слова на респондента) (рис. 2).

Качественный анализ выделенных единиц (табл. 3) позволил сгруппировать их на основе взаимосвязи основных характеристик. Были выделены следующие категории, выражющие благодарность маме:

1. *Эмоциональная поддержка и любовь* (удельный вес представленности категории в текстах респондентов – 18,8 %) объединяет слова, отражающие эмоциональную составляющую отношений между мамой и ребенком и подчеркивающие важность любви, поддержки и принятия, которые создают безопасное

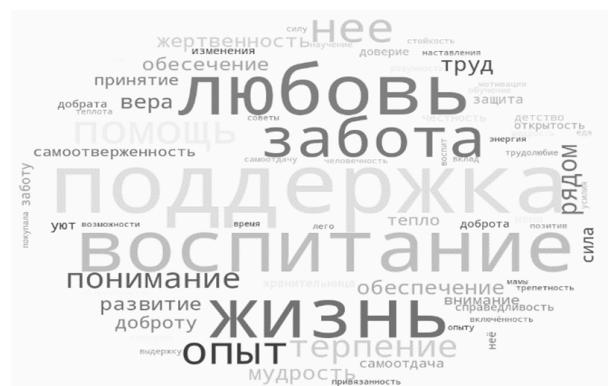

Рис. 2. Облако слов-благодарностей маме
Fig. 2. Word cloud for verbal associates gratitude to mother

пространство для развития ребенка: любовь, тепло, доброта, понимание, принятие, вера в способности и потенциал ребенка.

2. *Воспитание и развитие* (18,4 %) представлена словами, связанными с процессами обучения и воспитания ребенка, подчеркивающими важность передачи знаний, навыков и жизненного опыта в формировании личности ребенка.

Табл. 3. Единицы анализа слов-благодарностей маме
Tab. 3. Words of gratitude to mother: units of analysis

Единицы анализа	Удельный вес (%)
Поддержка	16,3
Воспитание	11,9
Материнская любовь	11,4
Жизнь	11,3
Забота о ребенке	8,9
Благодарность за то, что есть мама	4,6
Передача знаний и опыта	4,1
Помощь в трудные моменты	4,0
Терпение в воспитании	3,5
Понимание	2,8
Обеспечение материальное	2,4
Самоотверженность и жертвенность	2,4
Близость (рядом)	2,0
Мудрость	1,7
Доброта	1,6
Труд и усилия в воспитании	1,3
Вера в способности и потенциал	1,3
Развитие личности и навыков	1,1
Тепло	0,9
Принятие ребенка таким, каков он есть	0,8
Сила духа мамы	0,8
Внимание к потребностям ребенка	0,6
Изменения, происходящие с мамой на протяжении жизни	0,5
Создание уюта и комфортной атмосферы дома	0,5
Честность в отношениях с ребенком	0,5
Защита от внешних угроз	0,5

3. *Забота и защита* (15,8 %) включает действия мамы, направленные на физическое, эмоциональное благополучие и материальное обеспечение. Забота, защита, помочь, обеспечение – то, что создает ощущение безопасности.

4. *Самоотверженность и жертвенность* (5,9 %) включает качества, характеризующие материнскую преданность и готовность к жертвенности ради блага ребенка: самоотверженность, самоотдача, жертвенность, терпение.

5. *Мудрость и жизненные изменения* (2,2 %) отражает опыт и адаптацию мамы к изменениям в жизни по мере взросления ребенка: благодаря мудрости мама принимает взвешенные решения в воспитании ребенка, а ее изменения способствуют ее личностному росту.

6. *Уют и близость* (2,5 %) представлена понятиями, подчеркивающими важность физического и эмоционального комфорта в отношениях между мамой и ребенком. Уют создает атмосферу доверия и близости.

7. *Сила и честность* (1,3 %) представлена качествами, характеризующими внутреннюю силу мамы, а также важность честности в отношениях с ребенком, что способствует формированию доверительных отношений.

В анализируемом материале встречался ответ *за все*, удельный вес этой единицы в текстах респондентов составил 9,1 %. Таким образом, чаще всего слова-благодарности маме адресованы за ее любовь, поддержку, заботу и воспитание. Вместе с тем заслуживает внимание присутствие в текстах слов-благодарностей за изменения мамы, обусловленные принятием процесса взросления ребенка, изменения себя и отношения к нему в связи с этим. Кроме того, отметим, что слова поддержки в представлениях о маме связаны с культурными нормами: в традиционной русской культуре мама рассматривается как символ заботы, жертвенности, мудрости [Коляскина 2012]. Общий удельный вес этих категорий составляет менее $\frac{1}{4}$ (23,9 %). Заметим, что представленность категорий в этой группе текстов имеет ровную выраженность: максимальный удельный вес категории – 18,8 %.

На третьем этапе было проанализировано 3895 слов (в среднем по 8,95 слова на одного респондента), содержащихся в текстах респондентов, представившими себя мамой и ответивших на вопрос *Что хочется сказать своему ребенку с позиции мамы?* (рис. 3).

Анализ слов / фраз на вопрос *Что хочется сказать своему ребенку*, представленных в таблице 4, позволяет выделить следующие группы категорий:

Скорова Л. В.

Смыслоное пространство представлений о маме

1. *Поддержка, мотивация и любовь* (удельный вес представленности этой группы слов / фраз в текстах респондентов – 57,8 %) включает слова / фразы, направленные на поддержку, вдохновение, развитие самостоятельности, подготовку к преодолению трудностей: *я тебя люблю, у тебя все получится, я всегда готова помочь, я ценю тебя, я принимаю тебя таким, какой ты есть, я горжусь тобой и пр.* Они создают позитивный настрой и побуждают к действию. Дети получают конкретные советы и стимулы к действию, поддержку в непростых ситуациях.

2. *Уверенность в себе и саморазвитие* (6,9 %) объединяет слова / фразы, направленные на развитие уверенности в себе и стремление к саморазвитию: *не бойся ошибаться, верь в себя, учись и развивайся, не сдавайся на пути к своей мечте, цени себя и свои достижения, будь мудрым, смелым и пр.* Они побуждают ребенка верить в свои силы, учиться на ошибках и стремиться к своим целям. В них содержатся конкретные советы, направленные на укрепление уверенности, независимости и продвижение вперед несмотря на трудности.

3. *Похвала и признание* (4,7 %) включает общие слова: *лучший, молодец.*

4. *Уважение, принятие и доверие* (3,9 %) объединяет слова / фразы, акцентирующие внимание на уважении к ребенку, его уникальности: *ты уникальный, я всегда выслушаю тебя, уважай других.*

Анализируемые тексты респондентов звучат как некие психологические установки и убеждения, которые влияют на восприятие человеком окружающего мира и взаимодействие с ним. Отметим наличие в текстах фраз с повышенной тревожностью и недоверием к миру, что может свидетельствовать о глубоких личностных переживаниях и пережитом негативном

детском опыте (насилие, жестокость, предательство и пр.). Удельный вес представленности этой группы слов / фраз в текстах респондентов – 1,1 %. Вместе с тем необходимо понимать, что выявление такой категории молодежи требует организации специальной работы, предполагающей психологическую помощь, направленную на построение здоровых отношений с миром и окружающими людьми. Но все же большее количество слов связано с поддержкой ребенка в различных ситуациях. В этих словах / фразах можно наблюдать психосемантическую проекцию [Сапогова 2022] – один из механизмов трансляции родительского опыта: то, что ребенок получил в смысловом поле семьи, пережил, фиксируется

Табл. 4. Единицы анализа слов / фраз поддержки
Tab. 4. Support words / phrases: units of analysis

Единицы анализа	Удельный вес (%)
Я тебя люблю	34,4
У тебя все получится, ты справишься	6,1
Ты лучший	4,4
Я всегда готова помочь	4,2
Оставайся собой	3,9
Я ценю тебя	2,9
Я принимаю тебя таким, какой ты есть	1,7
Будь счастлива	1,5
Доверяй мне	1,3
Я горжусь тобой	1,3
Думай самостоятельно и выражай свое мнение	1,3
Я пойму и поддержу тебя	1,1
Мир опасен, не доверяй никому	1,1
Ты уникальный	0,9
Я сделаю все ради тебя	0,9
Будь сильным	0,9
Смотри на жизнь с позитивом	0,7
Будь честным	0,7
Я верю в тебя	0,7
Не бойся ошибаться	0,7
Верь в себя	0,5
Я всегда выслушаю тебя	0,5

Рис. 3. Облако слов поддержки
Fig. 3. Word cloud for verbal associates support words

им и транслируется в той форме, которая определяет его субъективные убеждения в отношении своего будущего ребенка.

На заключительном этапе исследования было проанализировано более 5650 слов (более 500 предложений, в среднем по 13 слов на одного респондента) в текстах-размышлениях на тему *Счастливая мама – счастливый ребенок* (табл. 5). Все тексты носят эмоциональный и личный характер, акцентируется внимание на важности любви, заботы и взаимоотношений в семье. Но встречаются нотки тревоги по поводу негативного влияния несчастья родителей на детей, а также метафоры и аналогии (например, *круговорот счастья, невидимая нить, гармония в семье* и др.), что придает текстам образность.

Приведем примеры выражений в текстах-размышлениях респондентов: *счастье мамы – основа счастья ребенка; ребенок чувствует настроение матери и перенимает его; ребенок «отзеркаливает» состояние мамы, чувствует ее переживания; мамина тревога, грусть, раздражение могут передаваться ребенку; мама делает всё для счастья ребенка, а ребенок старается сделать счастливой маму; мама – не только родитель, но и женщина со своими мечтами, интересами, которые важно уважать; психическое здоровье и удовлетворение потребностей мамы – основа для воспитания здорового и счастливого ребенка; мама должна быть в ресурсе; когда у мамы всё хорошо, то и ребенку легче, и наоборот; мама – пример в преодолении трудностей; мама – образец для подражания; счастливая мама лучше справляется со своими родительскими обязанностями, больше внимания уделяет детям; мама – носитель жизненных ценностей и привычек;*

благополучие мамы создает атмосферу мира и гармонии в семье; семья – единая система, обеспечивающая поддержку друг друга; взаимопонимание между родителями и детьми – ключевой момент для формирования доверительных отношений. В текстах отмечаются необходимость родителей справляться со своими проблемами без их проекции на детей и важность внимания к эмоциональному состоянию всех членов семьи как основы взаимопонимания.

Большое внимание в текстах уделяется осознанию мамами заботы о своем эмоциональном состоянии и его влияния на детей. Респонденты отмечают, что только эмоционально-устойчивая, отдохнувшая, поддерживаемая супругом мама способна дарить любовь и поддержку своим детям. Таким образом, смысловыми темами в текстах являются эмоциональное *благополучие мамы – основа счастья ребенка; счастливая мама – это не только та, которая заботится о ребенке, но и та, которая заботится о себе, реализует свои потребности и является примером для подражания.* По частоте встречаемости основными являются проекция эмоций, внутренний ресурс, эмоциональная стабильность, модель поведения (для ребенка).

В текстах-размышлениях обращает на себя внимание тема *мама делает всё для счастья ребенка, а ребенок старается сделать счастливой маму*: во-первых, это может говорить о стремлении детей радовать родителей, получать одобрение и подтверждать свою значимость, во-вторых, о стремлении соответствовать высоким ожиданиям родителей при постоянном давлении со стороны мамы, в-третьих, о развитии созависимых отношений, чувства вины у ребенка

Табл. 5. Категории анализа текстов-размышлений
Tab. 5. Categories of analysis of reflective texts

Основные категории	Ключевые слова	Частота встречаемости, %
Взаимосвязь счастья мамы и ребенка	Мама делает всё для счастья ребенка, ребенок делает всё для счастья мамы	27,6
Эмоциональная связь и взаимовлияние	Эмоциональная связь, взаимовлияние состояний, зеркальть, проекция, настроение, эмоции, чувства	35,2
Самореализация и благополучие мамы	Самореализация, благополучие, забота о себе, интересы, потребности, ресурс, гармония, самочувствие	32,4
Модель поведения и пример для ребенка	Пример, модель поведения, воспитание, ценности, образ жизни	15,3
Семейные отношения и атмосфера	Гармония в семье, взаимопонимание, доверие, поддержка, любовь, эмпатия, отношения, ответственность	18,1

при постоянной жертвенности мамы собой ради ребенка при игнорировании собственных потребностей.

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы:

1. Социальные представления о маме студенческой молодежи отражают то, как они воспринимают маму, как интерпретируют события и отношения с ней. В них отражается их личный опыт, семейное воспитание, понимание детско-родительских отношений и психологическая грамотность, которая приобретается в процессе изучения в университете психологических дисциплин.

2. Анализ воспоминаний конкретных событий, связанных с мамой, показал, что, во-первых, респонденты фокусируются на различных аспектах совместного времяпрепровождения и эмоциональных переживаниях, во-вторых, удельный вес категорий показывает разнообразие воспоминаний (варьируется от 3,9 до 45,74), в-третьих, воспоминания связаны не только с приятными событиями, но и со сложными моментами в отношениях.

3. Анализ текстов, содержащих благодарность маме, обнаружил, что респонденты фокусируются на внутреннем состоянии мамы и ее роли в жизни ребенка: эмоциональная поддержка, забота, защита, самоотверженность (удельный вес варьируется от 1,3 до 18,8). Основной акцент сделан на эмоциональных аспектах и положительных качествах мамы.

4. В текстах, содержащих слова к своему ребенку, респонденты акцентируют внимание на позитивных утверждениях, вербальной поддержке и мотивации, негативные аспекты упоминаются вскользь через фразы о недоверии. Удельный вес категорий показывает разнообразие слов поддержки (от 1,1 до 57,8).

5. В текстах-размышлениях респонденты фокусируются на размышлениях о взаимосвязи счастья мамы и ребенка, необходимости психического здоровья мамы для развития ребенка и семьи, работы над собой, включая умение справляться со стрессом и сохранять позитивный взгляд на жизнь. Негативные аспекты упоминаются в контексте необходимости родителей справляться со своими проблемами без проекции на детей.

6. Все тексты содержат категории, которые помогают структурировать восприятие материнской роли. Они позволили получить детализированную структуру представлений о маме и ее роли в воспитании ребенка, что дает возможность проанализировать особенности взаимодействия мамы с ребенком.

Заключение

Анализ всех текстов и ассоциаций позволяет выявить наличие согласованности ответов, полученных с помощью различных методик, и определить смысловое пространство представлений о маме у студенческой молодежи, которое может быть описано несколькими блоками:

- культурные нормы и традиции (забота, жертвенность, мудрость и др.),
- эмоциональная близость и поддержка,
- воспитание и обучение,
- гармоничные отношения в семье,
- уважение и доверие к себе и другому.

Безусловно, представления о маме основываются на рефлексии личного опыта и отношений с мамой и транслируют его семантическое содержание. На основе представлений о маме у молодежи выстраивается собственное смысловое пространство о себе как будущей маме, определяется собственная позиция по отношению к детям. Смыслоное поле представлений о маме имеет высокую эмоциональную выраженность и включает, наряду с традиционными категориями (забота, мудрость, доброта), категории, характеризующие созависимые отношения и изменяющуюся маму (забота о себе, изменения мамы в связи с взрослением ребенка), что может свидетельствовать о необходимости для респондентов реальных и ожидаемых действий (поддержки) со стороны мамы и проектировании своей родительской позиции.

Данное исследование не претендует на реализацию всех задач анализа социальных представлений, но вместе с тем объясняет позицию молодежи и определяет механизмы трансформации представлений в зависимости от социального опыта. Перспективными в этом плане могут быть следующие направления: сравнительный анализ содержания представлений о маме в разных возрастных и социальных группах, исследование изменений представлений о маме в ходе онтогенеза, а также взаимосвязи представлений о маме с семейными дисфункциями в родительской семье.

Результаты проведенного исследования могут быть полезны для понимания динамики семейных, в том числе межпоколенных, отношений и их влияния на развитие детей, для формирования психологической готовности к материнству, для практической работы психолога с созависимыми отношениями, родительскими предписаниями.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Литература / References

- Андреева Г. М. Психология социального познания. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Аспект-пресс, 2005. 288 с. [Andreeva G. M. *Psychology of social cognition*. 3rd ed. Moscow: Aspekt-press, 2005, 288. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qodldh>
- Антипова Ж. В., Бушмарина Н. Н., Воробьева М. В. Консультирование семьи как фактор формирования родительской компетентности. *Mir psichologii*. 2023. № 4. С. 249–256. [Antipova Zh. V., Bushmarina N. N., Vorobyova M. V. Family counseling as a factor in the formation of parental competence. *Mir psichologii*, 2023, (4): 249–256. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/piurnj>
- Бовина И. Б. Теория социальных представлений: история и современное развитие. *Социологический журнал*. 2010. № 3. С. 5–20. [Bovina I. B. Theory of social representations: History and the actual development. *Sotsiologicheskiy Zhurnal*, 2010, (3): 5–20. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/pbdson>
- Бовина И. Б., Дворянчиков Н. В., Мельникова Д. В., Лаврешкин Н. В. К вопросу об исследовании социальных представлений: взгляд со стороны. *Социальная психология и общество*. 2022. Т. 13. № 3. С. 8–25. [Bovina I. B., Dvoryanchikov N. V., Melnikova D. V., Lavreshkin N. V. Studying social representations: An outsider's perspective. *Social Psychology and Society*, 2022, 13(3): 8–25. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17759/sps.2022130302>
- Глотова Е. А., Кузьмина К. Н. Образ матери в представлении современной молодежи (по данным свободного ассоциативного эксперимента). *Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования*. 2015. № 4. С. 33–35. [Glotova E. A., Kuzmina K. N. The image of the mother in the view of today's youth (according to the data on the free associative experiment). *Review of Omsk State Pedagogical University. Humanitarian Research*, 2015, (4): 33–35. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vlomkv>
- Емельянова Т. П. Социальные представления: история, теория и эмпирические исследования. М.: ИП РАН, 2016. 476 с. [Emel'yanova T. P. *Social representations: History, theory, and empirical research*. Moscow: IP RAS, 2016, 476. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/whacgr>
- Есипов М. А. Теория социальных представлений С. Московичи. *Актуальные проблемы теории и практики психологических, психолого-педагогических и лингводидактических исследований*: Междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 17–18 апреля 2019 г.) М.: МГОУ, 2019. Т. 1. С. 323–327. [Esipov M. A. Social representations theory of S. Moscovici. *Current issues in the theory and practice of psychological, psychological-pedagogical, and linguadidactic research*: Proc. Intern. Sci.-Prac. Conf., Moscow, 17–18 Apr 2019. Moscow: MRSU, 2019, vol. 1, 323–327. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/xkgbjg>
- Жупиева Е. И. Образ идеальной матери как элемент когнитивного компонента психологической готовности к материнству у девушек. *Научное обозрение. Серия 2: Гуманитарные науки*. 2024. № 8. С. 129–136. [Zhupieva E. I. The image of an ideal mother as an element of the cognitive component of psychological readiness for motherhood in young girls. *Nauchnoe obozrenie. Seriia 2: Gumanitarnye nauki*, 2024, (8): 129–136. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/dbfvxo>
- Жупиева Е. И. Особенности психологической готовности к материнству студенток. *Сибирский психологический журнал*. 2015. № 56. С. 100–108. [Zhupieva E. I. Peculiarities psychological readiness to maternity among female students. *Sibirskiy Psichologicheskiy Zhurnal*, 2015, (56): 100–108. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17223/17267080/56/8>
- Иванова С. П. Роль образа матери в формировании представлений современных девушек об ответственном родительстве. *Вестник Псковского государственного университета. Серия: Психолого-педагогические науки*. 2022. № 14. С. 19–27. [Ivanova S. P. The role of mother's image in formation of modern girls' ideas about responsible parenthood. *Vestnik Pskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Series: Psichologo-pedagogicheskie nauki*, 2022, (14): 19–27. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/hktbtj>

Скорова Л. В.

Смыслоное пространство представлений о маме

Коляскина Е. А. Мать и ребенок в представлениях русских крестьян Алтая во второй половине XIX – первой половине XX в. *Известия Алтайского государственного университета*. 2012. № 4-2. С. 110–115. [Kolyaskina E. A. Mother and a child in perception of Russian peasants of the Altai Region in the latter half of the XIX – the first half of the XX centuries. *Izvestiya of Altai State University*, 2012, (4-2): 110–115. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/purqr>

Конторович С. Д. Некоторые аспекты образа Матери и их отражение в представлениях современных россиян. *Вестник Тихоокеанского государственного экономического университета*. 2010. № 1. С. 101–107. [Kontorovich S. D. Some aspects of the image of the Mother and their reflection in the presentation of modern Russian. *Vestnik Tikhookeanskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta*, 2010, (1): 101–107. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/micfsj>

Кыштымова И. М., Каменюк А. В. Взаимосвязь психологической готовности к материнству с социально-психологическими установками женщин. *Известия Иркутского государственного университета. Серия Психология*. 2021. № 36. С. 53–64. [Kyshtymova I. M., Kamenyuk A. V. Relationship of psychological readiness to maternity with women's socio-psychological set. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series Psychology*, 2021, (36): 53–64. (In Russ.)] <https://doi.org/10.26516/2304-1226.2021.36.53>

Мецлер В. В. Особенности содержания социальных представлений о матери в юношеском возрасте. *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки*. 2009. № 1. С. 178–184. [Metsler V. V. Specificity of social representations of mother in late adolescence. *Bulletin of State University of Education. Psychological sciences*, 2009, (1): 178–184 (In Russ.)] <https://elibrary.ru/rlwlfd>

Минина А. А. Проблема родительской компетентности в отечественной психологико-педагогической литературе. *Вестник Псковского государственного университета. Серия: Психологико-педагогические науки*. 2017. № 6. С. 67–76. [Minina A. A. The problem of parental competence in native psychological and pedagogical literature. *Vestnik Pskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Series: Psichologo-pedagogicheskie nauki*, 2017, (6): 67–76. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/uxcaue>

Митина О. В., Евдокименко А. С. Методы анализа текста: методологические основания и программная реализация. *Вестник ЮУрГУ. Серия: Психология*. 2010. № 40. С. 29–38. [Mitina O. V., Evdokimenko A. S. Methods of analysis of text: Methodological foundations and software implementation. *Vestnik YuUrGU. Seriya: Psichologiya*, 2010, (40): 29–38. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/nygeon>

Писарева А. А. Значимость образа родителя в психологическом консультировании подростка. *Известия Российского государственного университета им. А. И. Герцена*. 2009. № 105. С. 188–192. [Pisareva A. A. Significance of the image of parents in teenager psychological counseling. *Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*, 2009, (105): 188–192. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/khontb>

Савина Е. А., Быкова М. В., Филиппова Г. Г., Мещерякова С. Ю., Лужецкая И. А., Павлова О. Н., Эйдемиллер Э. Г., Смирнова Е. О., Максименко О. В., Чарова О. Б. Родители и дети: психология взаимоотношений. 2-е изд. М.: Когито-Центр, 2019. 230 с. [Savina E. A., Bykova M. V., Filippova G. G., Meshcheryakova S. Yu., Luzhetskaya I. A., Pavlova O. N., Eidemiller E. G., Smirnova E. O., Maksimenko O. V., Charova O. B. *Parents and children: Psychology of relationships*. 2nd ed. Moscow: Kogito-Tsentr, 2019, 230. (In Russ.)]

Сапогова Е. Е. Родительские экзистенциальные установки в смысловой системе взрослой личности. Актуальные проблемы развития личности в условиях современных реалий: III Междунар. науч.-практ. конф. (Ереван, 8–9 апреля 2022 г.) Ереван: PAV, 2022. С. 587–597. [Sapogova E. E. Parents' existential settings in adult's meaning system. *Relevant issues of personal development in the context of modern realities: Proc. III Intern. Sci.-Prac. Conf.*, Yerevan, 8–9 Apr 2022. Yerevan: RAU, 2022, 587–597. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/kbsico>

Сапогова Е. Е. Семейная микрокультура как ресурс развития личности. Семья и дети в современном мире. Т. IV: Семья. Дети. Социум, ред. В. Л. Ситников. СПб.: РГПУ им. А. И. Герцена, 2018. С. 442–450. [Sapogova E. E. Family microculture as a resource for personality development. *Family and children in the modern world. Vol. IV: Family. Children. Society*, ed. Sitnikov V. L. St. Petersburg: Herzen University, 2018, 442–450. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/dztof>

- Сафонова М. В., Ковалева О. М. Анализ социальных представлений современных россиян о «хорошей маме» и «хорошем папе». *Вестник КГПУ им. В. П. Астафьева*. 2021. № 3. С. 100–112. [Safonova M. V., Kovaleva O. M. Analysis of social perceptions of modern Russians about a "good mom" and a "good dad". *Vestnik KGPU a im. V. P. Astafieva*, 2021, (3): 100–112. (In Russ.)] <https://doi.org/10.25146/1995-0861-2021-57-3-294>
- Счастная Т. Н., Чибисова М. Ю. Феноменология материнства как социально-психологическая проблема. *Социально-психологические проблемы образования. Вопросы теории и практики*, ред. М. Ю. Кондратьев. М.: МГППУ, 2006. Вып. 4. Ч. 1. С. 67–72. [Schastnaya T. N., Chibisova M. Yu. The phenomenon of motherhood as a socio-psychological problem. *Social and psychological problems of education. Theoretical and practical issues*, ed. Kondratiev M. Iu. M.: MGPU, 2006, iss. 4, pt. 1, 67–72. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/xbacrv>
- Ткачева Ю. Г. Методологические основы формирования готовности к материнству у студенток вузов. *Ученые записки Орловского государственного университета*. 2021. № 1. С. 274–277. [Tkacheva Yu. G. Methodological foundations of the formation of readiness for motherhood in university students. *Scientific notes of Orel State University*, 2021, (1): 274–277. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vvqwnz>
- Тузова О. Н. Социальные представления как социально-психологическое понятие. *Общество: социология, психология, педагогика*. 2022. № 4. С. 91–95. [Tuzova O. N. Social perceptions as a socio-psychological concept. *Society: Sociology, Psychology, Pedagogics*, 2022, (4): 91–95. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24158/spp.2022.4.13>
- Филиппова Г. Г. Материнство и основные аспекты его исследования в психологии. *Вопросы психологии*. 2001. № 2. С. 22–36. [Filippova G. G. Motherhood and general aspects of its studies in psychology. *Voprosy Psichologii*, 2001, 2: 22–36. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/nbeumj>
- Jodelet D. *Représentations sociales: Phénomènes, concepts et théories*. *Psychologie sociale*, ed. Moscovici S. Paris: PUF, 1984, 357–378.
- Moliner P., Abric J.-C. Central core theory. *The Cambridge Handbook Of Social Representations*, eds. Sammut G., Andreouli E., Gaskell G., Valsiner J. Cambridge University Press, 2015, 83–95. <https://doi.org/10.1017/CBO9781107323650.009>
- Moscovici S. Social representations and pragmatic communication. *Social Sciences Information*, 1994, 33(2): 163–177.
- Moscovici S. Why a theory of social representations? *Representations of the social: Bridging theoretical traditions*, eds. Deaux K., Philogène G. Oxford: Blackwell Publishers, 2001, 18–61.
- Vergès P., Tyszka T., Vergès P. Noyau central, saillance et propriétés structurales. *Textes sur les représentations sociales*, 1994, 3(1): 3–12.

оригинальная статья

<https://elibRARY.ru/jtzmaa>

Личностная стрессоустойчивость как фактор эффективности обучения навыкам первой психологической помощи

Колесник Татьяна Олеговна

Российская академия образования, Россия, Москва

eLibrary Author SPIN: 8074-9783

<https://orcid.org/0009-0002-4345-4064>

kolesnik.epa@gmail.com

Брель Елена Юрьевна

Российская академия образования, Россия, Москва

eLibrary Author SPIN: 1306-8390

<https://orcid.org/0000-0002-7737-8058>

Аннотация: В статье освещается проблема значимости личностной стрессоустойчивости для освоения навыка грамотной коммуникации с человеком, находящимся в ситуации острого эмоционального страдания. Для подтверждения актуальности проблемы личностной готовности к оказанию первой психологической помощи страдающему человеку авторами проведено эмпирическое исследование в ходе тренингов навыков грамотной коммуникации с пострадавшим методами опроса (анкетирования), стандартизированного наблюдения и моделирования сценария трагической ситуации (симуляции). В тренингах приняли участие 40 человек (большинство – психологи и студенты психологических факультетов). Для обоснования дизайна эмпирического исследования обозначены теоретические подходы, на основании которых сформулированы алгоритмы реализации навыка грамотной коммуникации с пострадавшими, являющиеся научно-доказательным теоретическим основанием для формирования методических пособий международных благотворительных институтов и отечественных обучающих практик навыку грамотной коммуникации с пострадавшим. Акцентировано и то, что личностные компетенции и стрессоустойчивость специалиста определяют эффективность реализации обучающих мероприятий по первой психологической помощи для участников тренингов. Соответственно, поставлена проблема подготовки профессионального сообщества психологов к ведению тренингов навыка первой психологической помощи для аудитории, не владеющей специальными психологическими знаниями. Исследование показало, что большинство участников тренингов ориентированы на алгоритмы и речевые модули реализации грамотной коммуникации. Они хорошо подготовлены теоретически, но уровень собственного стресса при реагировании на острое эмоциональное состояние пострадавшего человека ранее не рефлексировали и не учитывали. В выводах по результатам исследования отмечено, что на тренингах навыков грамотной коммуникации с пострадавшим и других обучающих мероприятиях по первой психологической помощи важно использовать образовательные технологии, способствующие развитию стрессоустойчивости участников подобных образовательных мероприятий и личностных компетенций тех, кто их проводит.

Ключевые слова: первая психологическая помощь, кризисная ситуация, трудная жизненная ситуация, экстренная ситуация, чрезвычайная ситуация, социальное взаимодействие, поведенческий автоматизм, психосоциальная поддержка, личностные компетенции специалиста-психолога, принципы психологической помощи, просветительские мероприятия, участники образовательных отношений

Цитирование: Колесник Т. О., Брель Е. Ю. Личностная стрессоустойчивость как фактор эффективности обучения навыкам первой психологической помощи. СибСкрипт. 2025. Т. 27. № 5. С. 931–946. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2025-27-5-931-946>

Поступила в редакцию 19.03.2025. Принята после рецензирования 29.07.2025. Принята в печать 04.08.2025.

full article

Personal Stress Resistance in Mental Health First Aid Training

Tatyana O. Kolesnik

Russian Academy of Education, Moscow, Russia

eLibrary Author SPIN: 8074-9783

<https://orcid.org/0009-0002-4345-4064>

kolesnik.epa@gmail.com

Elena Yu. Brel

Russian Academy of Education, Moscow, Russia

eLibrary Author SPIN: 1306-8390

<https://orcid.org/0000-0002-7737-8058>

Abstract: Stress resistance is important for effective communication with a first-aid recipient in a state of acute emotional suffering. The authors used survey, standardized observation, and tragic situation simulations to study the effect of stress resistance on the efficiency of psychological counselling and courses of mental health first aid. The research involved 40 psychologists and psychology students. The article describes algorithms of mental health first aid published in manuals of international and domestic charity institutions. Personal competencies and stress resistance determine the outcome of training. In addition, professional community needs training patterns for non-psychologists. In this research, most trainees appealed to algorithms and speech modules for competent communication. However, their theoretical base did not prepare them for coping with their own stress during mental health first aid. Courses of first psychological support should involve technologies that contribute to the development of stress resistance in the trainees and the training personnel.

Keywords: first psychological aid, crisis situation, hard circumstances, emergency, emergency situation, social interaction, behavioral automatism, psychosocial support, personal skills of psychologist, principles of psychological assistance, educational events, education participants

Citation: Kolesnik T. O., Brel E. Yu. Personal Stress Resistance in Mental Health First Aid Training. *SibScript*, 2025, 27(5): 931–946. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/sibscript-2025-27-5-931-946>

Received 19 Mar 2025. Accepted after peer review 29 Jul 2025. Accepted for publication 4 Aug 2025.

Введение

Личностные компетенции и стрессоустойчивость специалиста во многом определяют эффективность реализации обучающих мероприятий по первой психологической помощи и значимы для освоения навыка грамотной коммуникации с человеком, находящимся в ситуации острого эмоционального страдания. Рассмотрение вопросов, связанных с обучением навыкам оказания первой психологической помощи, невозможно без ключевого пояснения, касающегося используемой терминологии. Само понятие *первая психологическая помощь* соотносится с тем, что мы называем психологической поддержкой, помощью, которую может оказать любой человек, не имеющий квалификации профессионального психолога. Также первая психологическая помощь является неотъемлемой частью психосоциальной поддержки¹, реализуемой для пострадавшего человека

в экстремальной, чрезвычайной ситуации в долгосрочном периоде, ограниченном нормой переживания жизнеопределяющей необратимой утраты².

Первая психологическая помощь (психологическая поддержка) по сути является навыком грамотной поддерживающей коммуникации человека в ситуации переживания острого страдания, формой реализации гуманного отношения к человеку, оказавшемуся в любой трудной жизненной ситуации, и ставит своей целью сохранение психического благополучия личности в целом [Климова 2021].

Столь очевидное содержание первой психологической помощи с житейской точки зрения, как показывает практика обучающих мероприятий, не должно упрощать представление о научно-доказательном основании, заложенном в алгоритмы, применяемые для формирования этого навыка. Глубокое понимание

¹ Руководство МПК по психическому здоровью и психосоциальной поддержке в условиях чрезвычайной ситуации. Женева: МПК, 2017.

² Diagnostic and statistical manual of mental disorders: DSM-5. 5th ed. Washington, DC; London: American Psychiatric Association, 2013.

992 p. URL: https://solnechnymir.ru/upload/files/Diagnostic%20and%20statistical%20manual%20of%20mental%20disorders%20_%20DSM-5.pdf?ysclid=m45j3lzd2u824340908 (accessed 20 Feb 2025).

навыка первой психологической помощи требует теоретического обоснования предложенного международного стандарта³ и алгоритма первой психологической помощи, пояснений для участников обучающих мероприятий того, почему житейски привычные способы поддержки человека в кризисной ситуации рекомендованы или не рекомендованы стандартом ее оказания [Замбржицкий 2021]. В связи с этим также актуализируется проблема формирования, развития и оценки личностных компетенций человека, оказывающего первую психологическую помощь [Иванова 2018; Малкина-Пых 2005а; 2005б; Меньшиков 2005; Нехорошкова и др. 2014; Олпорт 2002].

В аспекте кризисного психологического консультирования как профессионального навыка первая психологическая помощь является допрофессиональной психологической поддержкой в чистом виде и занимает то же место в отношении профессиональной психологической помощи, какое есть у первой доврачебной помощи по отношению к медицинской. С этой точки зрения образовательное пространство как территория большого студенческого сообщества, требующего строгого соблюдения принципов психологической безопасности, в контексте первой психологической помощи как навыка грамотной коммуникации при его освоении получает эффект снижения уязвимости сообщества к последствиям переживания чрезвычайных, экстремальных ситуаций и имеет эффект концентрации человекоцентричности как психологического качества сообщества, что само по себе является гарантом психологической безопасности образовательного пространства. В целом формирование и сохранение психологической безопасности образовательного пространства –

одна из первостепенных задач психологической службы образовательной организации, выступающей в том числе в качестве площадки для обучающих мероприятий по первой психологической помощи. Решение этой задачи способствует гуманизации сообщества участников образовательных отношений. Ценность обучающих мероприятий для образовательной организации заключается также в том, что снижает нагрузку на специалистов психологической службы в контексте реализации кризисного консультирования, которое ввиду большого объема стресс-факторов в образовательной среде особенно востребовано [Жигинас 2007]. Поэтому нам надо уточнить соотношение таких ключевых понятий данного изложения, как первая психологическая помощь и кризисное консультирование, в аспекте психологической безопасности образовательного пространства.

Прежде всего необходимо заметить, что в международной психологической практике используют понятие *первая психологическая помощь*, а понятие *психологическая поддержка* не применяется⁴. Отечественные исследователи и консультанты при определении допсихологической (допрофессиональной) помощи используют понятие *психологическая поддержка* [Малкина-Пых 2005а; Рогозина 2014]. В связи с этим возникает необходимость уточнения данного терминологического расхождения между отечественным институтом экстренной психологической помощи и международными стандартами первой психологической помощи.

Сегодня навык психологической поддержки пострадавшего в экстремальной ситуации является одним из ключевых навыков гуманитарной деятельности отечественных и международных благотворительных институтов⁵. Алгоритмы обучения этому навыку

³ Гуманитарная хартия и минимальные стандарты, применяемые при оказании помощи в случае стихийных бедствий, катастроф, конфликтов и чрезвычайных ситуаций. Женева, 2004; Курс по оказанию первой психологической помощи, методические рекомендации, БОКК; Международное руководство по первой помощи и реанимации. Женева: Международная Федерация обществ Красного Креста и Красного Полумесяца, 2016; Первая психологическая помощь: руководство для работников на местах. Женева: ВОЗ, 2014; Первая психологическая помощь. Книга тренера. Минск, 2021; Экстренная допсихологическая помощь при острых стрессовых реакциях: практическое пособие. М.: ФКУ ЦЭПП МЧС, 2012; Руководство в области психического здоровья и психосоциальной поддержки: справочное пособие. МККК, 2021; Руководство МПК по психическому здоровью и психосоциальной поддержке в условиях чрезвычайной ситуации...

⁴ Первая психологическая помощь: руководство для работников на местах...; Экстренная допсихологическая помощь при острых стрессовых реакциях...; Руководство в области психического здоровья и психосоциальной поддержки...; Этический кодекс психолога. Российское психологическое общество. URL: <https://psyrus.ru/doc/ethics.pdf> (дата обращения: 20.02.2025).

⁵ Гуманитарная хартия и минимальные стандарты...; Курс по оказанию первой психологической помощи...; Международное руководство по первой помощи и реанимации...; Первая психологическая помощь: руководство для работников на местах...; Первая психологическая помощь. Книга тренера...; Экстренная допсихологическая помощь при острых стрессовых реакциях...; Руководство в области психического здоровья и психосоциальной поддержки...; Руководство МПК по психическому здоровью и психосоциальной поддержке в условиях чрезвычайной ситуации...; Психологическое сопровождение, оказываемое волонтерами: руководство для преподавателей. Центр психосоциальной поддержки, Международная федерация обществ Красного Креста и Красного Полумесяца.

разработаны и финализированы на международном уровне во время переживания психологических последствий трагедии в Беслане. Вызовы, с которыми столкнулось профессиональное психологическое сообщество, представители международной гуманитарной миссии, поставили задачу адаптировать стандарты первой психологической помощи так, чтобы навык был доступным к освоению любому взрослому человеку, независимо от вероисповедания, социального статуса, национальности, места жительства и т.д., в том числе и потому, что наличие теоретических знаний академической и прикладной психологии не обеспечили пострадавшему сообществу психосоциальной поддержки того уровня, который смогли обеспечить представители пострадавшего сообщества, обладающие необходимыми личностными компетенциями. Действия гуманитарных миссий реализуются в разных национальных обществах и потому базовые навыки, обучение которым является частью работы миссии, должны быть приведены к общему знаменателю с целью доступности для восприятия любым членом пострадавшего сообщества⁶ в том числе и на тот случай, когда государство не может обеспечить пострадавшему сообществу профессиональную помощь. Предполагается, что первичную психологическую поддержку может оказать любой обученный человек, а дальнейшее сопровождение может быть реализовано на любом необходимом профессиональном уровне. Следуя этой логике, в мировом сообществе навык обозначен как *psychological first aid*⁷.

Подход отечественного профессионального сообщества несколько другой. Обращаясь к понятию первой психологической помощи в аспекте понимания ее как части профессиональной деятельности, отметим, что в России термин *психологическая помощь* отражает строго профессиональный навык, реализовать который может только квалифицированный специалист [Малкина-Пых 2005а]. Соответственно,

первая психологическая помощь – это первая психологическая консультация, осуществляемая профессиональным психологом. В этой связи термин *психологическая поддержка* подразумевает навыки и возможности личности за пределами профессионального поля научной и практической психологии, но по факту рождает понятийное расхождение с профессиональным словарем международной научной психологии. Это и вызывает вопросы у российского профессионального сообщества и провоцирует разнотечения с международными стандартами (алгоритмами) психосоциальной поддержки.

В решении данной дилеммы ключевым является то, что любая гуманитарная деятельность регулируется гуманитарной хартией⁸, к которой присоединилась и Россия. Чтобы оставаться в одном понятийном поле с этим документом, имеет смысл ввести в употребление общепринятое название допсихологической помощи и психологическую поддержку сохранить как *первая психологическая помощь* (ППП), а в обучающие программы включать соответствующие пояснения.

Определив суть первой психологической помощи, мы сталкивается еще с одним понятием, которое в аспекте терминологического использования вызывает разнотечения, а именно понятием *кризисная ситуация*, включающим в себя (согласно международным руководствам по психосоциальной поддержке) любую необратимую чрезвычайную жизненную ситуацию, нарушающую обыденный регламент жизни личности за счет переживания ею негативных жизнеопределяющих событий⁹. То есть, согласно определениям в международных методических рекомендациях, кризисная ситуация как термин объединяет понятия экстремальной ситуации, трудной жизненной ситуации, чрезвычайной ситуации¹⁰. В России чрезвычайная ситуация определена федеральными нормативными актами¹¹ [Ильичёв 2020;

⁶ Первая психологическая помощь: руководство для работников на местах...

⁷ Курс по оказанию первой психологической помощи...; Первая психологическая помощь: руководство для работников на местах...; Первая психологическая помощь. Книга тренера...; Руководство в области психического здоровья и психосоциальной поддержки...; Руководство МПК по психическому здоровью и психосоциальной поддержке в условиях чрезвычайной ситуации...

⁸ Гуманитарная хартия и минимальные стандарты...

⁹ Курс по оказанию первой психологической помощи...; Международное руководство по первой помощи и реанимации...; Первая психологическая помощь: руководство для работников на местах...; Первая психологическая помощь. Книга тренера...; Экстренная допсихологическая помощь при острых стрессовых реакциях...; Руководство в области психического здоровья и психосоциальной поддержки...; Руководство МПК по психическому здоровью и психосоциальной поддержке в условиях чрезвычайной ситуации...; Психологическое сопровождение, оказываемое волонтерами...

¹⁰ Гуманитарная хартия и минимальные стандарты...; Руководство в области психического здоровья и психосоциальной поддержки...

¹¹ О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера. ФЗ № 68-ФЗ от 21.12.1994 (ред. от 14.04.2023). СПС КонсультантПлюс.

Малкина-Пых 2005b; Рогозина 2014]. Понятие *трудная жизненная ситуация* используется в житейском контексте и одновременно является синонимом всех представленных в руководствах по реагированию на экстремальную ситуацию понятий, описывает ситуацию переживания текущих, непредвиденных трудностей, остро переживаемых в индивидуально значимых жизненных обстоятельствах [Климова 2021].

Таким образом, в контексте существующих обучающих программ подготовки, программ повышения квалификации по ППП и первой (деврачебной) помощи в рамках термина *экстремальная ситуация* – *чрезвычайная ситуация разного уровня* вопросов не возникает. У каждого из нас есть собственное представление об экстремальной ситуации, последствиями которой являются необратимые утраты, тяжелые аффективные состояния, переживаемые согласно установленным в кризисной психологии стадиям горевания [Ворден 2020]. Статус экстремальной ситуации также имеет значение в аспекте возрастной готовности к ее переживанию и, соответственно, определяет содержание травматических ситуаций, которое кардинально отличается от того, что может вызвать острую стрессовую реакцию у ребенка и у взрослого [Колк 2021; Крукович, Ромек 2003; Малкина-Пых 2005a]. Так или иначе филогенетический статус центральной нервной системы, обеспечивающий физиологический формат реагирования человека на экстремальное событие, реализуется по установленному природному механизму, психологическую помощь пострадавшему оказывают в установленном порядке [Понамарева 2014; Порджес 2020; Порджес, Деб 2021].

Однако необходимо учитывать, что навык ППП рассчитан на ситуации острого эмоционального страдания, возникшего как реакция на субъективно-оценеваемое событие, индивидуально-личностное обозначение его как кризисного. В этом случае эмоциональные реакции пострадавшего (с точки зрения наблюдателя) могут быть избыточными, недостаточными и т.д. Но согласно международным нормам, ППП оказывается такому пострадавшему с целью компенсации опасного для психического благополучия формата эмоционального ответа на кризисную ситуацию и помощи страдающему человеку в обретении эмоциональной стабильности. В такой ситуации стандарт ППП реализуется в контексте психогигиены и психопрофилактики независимо от содержания переживаемого

кризисного события [Замбржицкий 2021]. Анализ субъективной оценки опасности ситуации для лица, реализующего помочь страдающему человеку, не предусмотрен в аспекте выбора стратегии реагирования. Но проведение такого анализа полезно при оценке демонстрируемой симптоматики для формулирования гипотезы о клиническом статусе пострадавшего в аспекте выбора способа реагирования на поведение пострадавшего человека.

С учетом данного аспекта ППП в обучающих программах целесообразно наличие модуля, обучающего слушателя навыкам чтения окологинической и клинической симптоматики психических расстройств, пограничных состояний и т. д. В этом обучающие программы по ППП очень схожи с задачами программ первой (деврачебной) помощи, преподаваемой всем желающим¹² [Дежурный и др. 2018]. Регламенты мероприятий по ППП международного движения Красного креста и Красного Полумесяца такие модули предусматривают.

Возвращаясь к определению кризисного события, которое дает международный стандарт по ППП, его можно соотнести с определением чрезвычайной и экстремальной ситуации в отечественном психологическом понятийном поле. В отечественных исследованиях кризисной ситуацией называют ситуацию, которая ближе к обыденной жизненной, создающей человеку трудности и препятствия [Климова 2021], иногда обратимой.

Сам по себе алгоритм освоения навыка ППП в методическом изложении максимально прост¹³, но в реализации оказывается таким же сложным, требующим отработки и закрепления, как и любой навык, применение которого осваивается в рамках реагирования на различные кризисные и / или экстремальные ситуации. Как уже отмечалось на примере трагедии Беслана, в опыте применения навыка это объясняется тем, что в процессе его реализации ключевые эффекты зависят не от профессиональной подготовки помогающего человека, а от его личностных компетенций, осмысленного жизненного опыта и т.д.

Навык эффективного совладания и сохранения исполнительной функции мышления, обеспечивающий грамотное реагирование в экстремальной ситуации, обусловлен тем, что требует отработки в формате симуляций ситуаций методом моделирования, закрепляющих нейродинамическое основание

¹² Международное руководство по первой помощи и реанимации...

¹³ Первая психологическая помощь: руководство для работников на местах...; Первая психологическая помощь. Книга тренера...

поведенческого автоматизма. При этом первичны именно личностные компетенции: без них наработать поведенческий автоматизм в реализации навыка ППП практически невозможно.

Развивая тему личностных компетенций, следует отметить максимальную значимость тех, которые выполняют защитные функции и для реципиента, и для специалиста. Речь идет о защите реципиента первой психологической помощи от эмоционально ошибочного взаимодействия с человеком, помогающим ему в ситуации переживания трагического события, и защите специалиста, оказывающего первую психологическую помощь, от угрозы развития синдрома эмоционального выгорания и / или ретравматизации личности помогающего при наличии у него скрытого психотравматического опыта. Синдром эмоционального выгорания, развивающийся в процессе социального взаимодействия с людьми, испытывающими острое страдание, угрозы ретравматизации являются первостепенными вызовами как для специалистов-психологов, так и для волонтеров, далеких от профессиональной психологической практики, но включенных в коммуникацию и / или психосоциальное сопровождение пострадавших. Таким образом, свойства личности, способствующие ее стрессоустойчивости, возможности сохранения и демонстрации пострадавшему эмоциональной стабильности и принятия в экстремальной ситуации, приобретают огромное значение.

Кроме стрессоустойчивости как качества, отражающего состояние психоэмоционального интеллекта личности, значимы те поведенческие навыки, которые обеспечивают здоровую коммуникацию и этику реализации профессиональной психологической помощи и первой психологической помощи [Ананьев 2010; Иванова 2018; Олпорт 2002].

Перечисленные личностные качества могут использоваться в ситуации необходимости оказания ППП в том случае, если они представлены у субъекта на уровне личностных компетенций, т. е. могут быть реализованы субъектом с весомой коммуникативно-деятельностной составляющей в общей совокупности процесса оказания ППП. Примером, иллюстрирующим устойчивость любого навыка, может служить хирург, уверенно оперирующий в условиях сейсмической угрозы или вблизи зоны боевых действий. В такой ситуации сформированность профессиональных навыков реализуется в широком спектре обстоятельств благодаря высокому уровню, в том числе и личностных компетенций, таких как

стрессоустойчивость и жизнестойкость. В экстремальных условиях оказания ППП навыки беспристрастности, нейтральности, стрессоустойчивости и / или жизнестойкости становятся компетенциями личности, уверенно предъявляемыми пострадавшему на уровне как вербальной, так и невербальной коммуникации, позволяющими оказывать ППП пострадавшему в чрезвычайной ситуации, трудной жизненной ситуации и т. д. на высоком профессиональном уровне. Навык грамотной коммуникации в этом случае должен быть отработан так же хорошо, как и любые профессиональные навыки. В этом смысле требования к навыку ППП по уровню устойчивости и возможности применения его в любых обстоятельствах тождественны требованиям к навыку первой помощи (дворачебной).

Если в освещении проблемы личностных компетенций, необходимых для оказания первой психологической помощи, отталкиваться от стрессоустойчивости как социогенетического свойства личности, надо отметить то, что данная компетенция является маркером не только психического здоровья, но и результатом личностной проработанности специалиста, которая включает в себя навыки саморефлексии и самоосознанности в отношении собственных психических содержаний. С точки зрения интегрированной психоаналитической теории О. Кернберга, человек, готовый к оказанию ППП в экстремальной ситуации, должен демонстрировать высоко дифференциированную эго-идентичность [Kernberg 1975]. Дифференциация эго-идентичности личности предполагает прежде всего навыки психоэмоциональной саморегуляции, возможность отслеживать на уровне саморефлексии и самоосознанности навыки управления своим эмоциональным состоянием, адаптации его к внешним обстоятельствам так, чтобы эмоциональная тревога не препятствовала адаптивным механизмам, предусмотренным и реализуемым исполнительной функцией мышления [Ядов и др. 2013].

Большое значение имеют тип и конституционные свойства нервной системы человека [Русалов 2012], которые фундаментально обуславливают характер личности в аспекте содержаний ее жизненного цикла (жизненного анамнеза). Одновременно с акцентом на жизненный анамнез важным в оценке стрессоустойчивости личности является наличие / отсутствие в жизненном анамнезе человека значительных внешних локальных психотравмирующих событий, опосредующих серьезные ограничивающие жизненные изменения [Колк 2021; Мак-Вильямс 2021].

Всё перечисленное является маркерами, обеспечивающими мониторинг личностных компетенций тех, кто начинает обучение навыкам ППП и психосоциального сопровождения. Возвращаясь к диффузной эго-идентичности как препятствию в овладении навыком ППП, отметим, что наличие травматического процесса в психическом развитии и возрастной периодизации личности является тем содержанием жизненного анамнеза, которое затрудняет дифференциацию эго-идентичности, психоэмоционального интеллекта человека как здоровой основы для развития стрессоустойчивости и осознанной саморегуляции.

Кроме стрессоустойчивости, манифестирующей готовность человека к работе с пострадавшими и / или людьми, переживающими кризисные ситуации, как уже было отмечено выше, значение имеют навыки психологически безопасной обратной связи, которые требуют осознания таких важных коммуникативных позиций, как безоценочность, (беспристрастность) и нейтральность. Данные позиции, как и любые навыки психологически безопасной коммуникации, отражают гуманитарные принципы, в рамках которых работают все международные благотворительные институты. В аспекте возможности оказания ППП данные навыки вербальной и невербальной коммуникации должны быть отработаны до уровня личностных компетенций, т. е. человек, оказывающий ППП в рамках грамотной поддерживающей коммуникации, должен их применять на уровне поведенческого автоматизма.

Гуманитарные принципы как идиома в основе личностной компетенции гуманного отношения к человеку являются базовыми принципами профессионального этического кодекса не только психолога, но и всех помогающих профессий. В первую очередь речь идет о медицинских работниках, психологах и сотрудниках отделений социальной защиты.

В рамках профессионального требования личностной проработанности психолога¹⁴ достижение эмоционально нейтрального статуса в реализации поведенческого автоматизма для личности в позиции беспристрастности и нейтральности является основным навыком в реализации психосоциальной поддержки и может трактоваться на уровне мониторинга профпригодности / профнепригодности человека к деятельности в направлении психологического консультирования и / или психотерапии.

Его достижение возможно только при полном осознании собственного травматического опыта, саморефлексии и самоосознанности своего эмоционального статуса в любой коммуникации, где так или иначе присутствует стрессовая составляющая.

Оценка травматического опыта волонтера, мониторинг его личностных компетенций необходимы для определения его готовности к работе с пострадавшими на уровне сложности ситуаций и актуальных обстоятельств пострадавшего: учитывать надо и возраст волонтера, и его личностные компетенции, и его собственный травматический опыт. Мониторинг и оценка личностных компетенций волонтера становятся возможны на тренинге навыков ППП на этапе отработки навыка в сценариях симуляций реагирования на трагическое событие в рамках обучающего мероприятия. Общее наблюдение за личностным потенциалом волонтера, участника обучающего мероприятия, ведущий тренинга осуществляет, руководствуясь собственными профессиональными и личностными компетенциями.

В программах тренингов по первой психологической помощи, личностным компетенциям и гуманитарным принципам, согласно международным стандартам, отводится целый модуль¹⁵. Интерактивный формат подготовки слушателей к оказанию ППП как никакой другой позволяет осуществить мониторинг и оценку личностных компетенций с высокой достоверностью сделанных выводов. Столь пристальное внимание к беспристрастности и нейтральности как личностным компетенциям, отраженным в коммуникативных навыках, оправдывает себя и в контексте эффективности оказания ППП, и в контексте профилактики синдрома эмоционального выгорания у специалистов и волонтеров.

Таким образом, оба вышеприведенных контекста акцентируют большое значение беспристрастности и нейтральности для психического здоровья специалиста и волонтера, которые включены в работу с пострадавшими людьми. Маркеры, которые подтверждают наличие / отсутствие у волонтера или специалиста поведенческих автоматизмов, обуславливающих реализацию грамотной поддерживающей коммуникации, отраженных принципами беспристрастности и нейтральности, тестируются в практической части образовательного мероприятия в формате симуляций экстренных ситуаций.

¹⁴ Этический кодекс психолога...

¹⁵ Первая психологическая помощь. Книга тренера...

Демонстрация слушателем трудностей с обозначенными личностными качествами и нарушений грамотной эмоционально нейтральной коммуникации является основанием для ограничения возможности общения с пострадавшими людьми в команде реагирования на чрезвычайную ситуацию.

С другой стороны, навык ППП настолько важен для повышения психологических компетенций в целом в общественном сознании и в любом институциональном сообществе в частности, что ограничивать программы обучения этому навыку критерием личностной готовности слушателя было бы крайне неосмотрительно. Обучать надо всех, способствовать реализации навыка в экстренной ситуации надо с осторожностью. Именно такой политики придерживаются Комитеты и Федерации ведущих благотворительных и гуманитарных объединений мира.

Значение гуманитарных принципов в аспекте формирования навыков грамотной коммуникации и распознаваемых личностных компетенций в работе с пострадавшими обусловило необходимость описать их с позиции психологического феномена, гипотетически проиллюстрировать их психологическую природу.

Принцип беспристрастности как человеческое качество метафорически может быть отражен известными новозаветными фразами: *Пусть бросит в нее камень тот, кто безгрешен; не суди, да судим не будешь.* Что это значит с точки зрения психологической природы беспристрастности как личностной компетенции? В регламенте коммуникации ППП и психосоциальной поддержки отсутствует принцип причинно-следственных связей и соответствующих интерпретаций кем бы то ни было переживания конкретным человеком психологических и обстоятельственных последствий кризисных событий. В той же мере это касается и трудной жизненной ситуации, в которой нет экстремального компонента. Обратная связь, котораядается пострадавшему, рассчитывается исходя из потребностей того, кому она предназначена, а не того, кто ее реализует. И как показывает практика, на деле реализовать контекст обратной связи в пользу того, кому она предназначена, совсем непросто, особенно если у человека, обучающегося ППП, сформирован устойчивый навык защитной, отрицающей свою ответственность за последствия выбора коммуникации.

Очевидная с житейской точки зрения позиция, отражающая гуманное отношение к человеку, на деле может быть очень сложна в реализации из-за того, что наши социальные связи и контакты предполагают

автоматическое формирование личного отношения к происходящему, исходя из иррациональных глубинных убеждений к человеку, с которым мы коммуникуем, как компенсационного механизма совладания с личностной тревогой, которая возникает всякий раз, когда линия поведения другого человека идет вразрез с общепринятым стереотипом. Усвоение социально стереотипизированных норм в формате социальных представлений – это тот механизм, который становится основанием для формирования устойчивых убеждений как неких фильтров восприятия объективной действительности [Радюк и др. 2018]. Наличие отношения к кому-то и чему-то автоматически провоцирует назидательную позицию в интонировании, в поведении реализуется паттерн доминирующей коммуникации, следствием чего являются неправильно сформулированные фразы, искаженные вербальные образы и т.д.

Зачастую в процессе реализации обратной связи помогающий человек борется с тревогой, которая рождается от соприкосновения с чужим несчастьем, и оценочное суждение становится способом снижения тревоги, компенсационным механизмом совладания по принципу «сам виноват». Причем запрет на такой мысленный автоматизм существует не только во внешней вербализации своего отношения к пострадавшему, но даже на уровне внутренней речи. В целом оценочная позиция в отношении пострадавшего недопустима в реализации ППП даже в житейски-бытовом формате, т. к. максимально травмирует уже травмированного человека: бессознательная нейроцепция очень хорошо читается тем, кто переживает стресс [Порджес, Деб 2021]. Таким образом, соблюдение принципа обратной связи, направленной на интересы нуждающегося в помощи человека, является залогом эффективности этой помощи пострадавшему и психологической безопасности помогающего.

Формирование беспристрастности как коммуникативного навыка в итоге сосредотачивается на обучении слушателя умению отследить, осознать и взять под контроль собственные личностные особенности, мыслительные автоматизмы и поведенческие реакции в направлении формирования и интерпретации личного отношения к человеку и переживаемым им событиям. Это может сделать только тот специалист, у которого кроме профессиональных знаний есть личный опыт в освоении навыка саморефлексии.

С принципом нейтральности как гуманитарным принципом дело обстоит менее очевидно, чем с беспристрастностью, по той причине, что до сих пор

нет четкого научного понимания разницы между психологической природой убеждений и ценностей. Природа этих понятий связана с эмоциональными последствиями сформированных когнитивных схем в оценках реальной действительности [Радюк и др. 2018]. Последние являются нейродинамическим стимулом для формирования основополагающих убеждений, формирующих мышление человека, и отражают уровень проработанности, включенности ценностей в осознанный жизненный опыт. Ценности отличаются от убеждений тем, что являются базовыми ориентирами личности и не имеют дестабилизирующих эмоциональных последствий в ситуации опровержения их кем бы то ни было.

Коммуникация с пострадавшим человеком, который нуждается в психологической поддержке, может спровоцировать дестабилизирующие эмоциональные последствия у волонтера, профессионального психолога, участвующих в помощи, по причине вынужденной необходимости скрывать свое истинное эмоциональное состояние от пострадавшего, если высказывания последнего отражают противоположные убеждения, другую позицию в оценке ситуации, взглядов и т.д. Но как бы хорошо не удалось держать лицо помогающему, не одобряемые им эмоционально заряженные высказывания реципиента помощи вызывают соответствующие реакции у специалиста или волонтера, включенного в коммуникацию с пострадавшим и / или нуждающимся в помощи.

Как бы помогающий специалист ни старался соответствовать в поведении гуманитарным принципам в общении с пострадавшим, переживаемое эмоциональное напряжение создает условия для личной усталости и снижения эффективности наряду с избыточностью усилий в реализации регламента ППП. Это и способствует интенсивному развитию синдрома эмоционального выгорания у помогающего. В этом смысле нейтральность, самосознание отличия убеждений от сформированных жизненных ценностей, умение рефлексировать эмоциональные последствия и регулировать психоэмоциональный ответ на коммуникацию становятся в буквальном смысле навыками самопомощи и профилактики психоэмоционального выгорания у специалиста, волонтера и т.д.

Методы и материалы

В ходе проведения обучающих мероприятий по формированию навыка ППП проведено исследование с участием 40 респондентов. В первую группу вошли 16 студентов и преподавателей факультета психологии

(7 студентов и 9 преподавателей факультета психологии), во вторую – 24 практикующих педагога-психолога системы образования (организаций общего среднего и высшего образования).

Методы:

1. Анкетирование проводили анонимно через электронную форму с применением разработанной нами анкеты, 11 вопросов которой были направлены на выявление личностных особенностей, так или иначе сопряженных со стрессоустойчивостью и жизнестойкостью. Перечень содержал вопросы о наличии законченного высшего психологического образования, об опыте реагирования на острое страдание в результате трагической ситуации, субъективной оценке собственной стрессоустойчивости, готовности к коммуникации с человеком, переживающим трагическое событие, и т.д. В анкету также включены вопросы о субъективной оценке таких профильных характеристик личности, как аккуратность, брезгливость, и о степени выраженности данных качеств в системе поведения.

2. Метод моделирования является способом симуляции события, реализованного по заранее разработанному сценарию, имитирующему ситуацию, в которой необходимо применить навык ППП. Степень трагизма ситуации в сценарии определяется ведущим тренинга по итогам анкетирования.

3. Метод стандартизированного наблюдения. Включенное стандартизированное наблюдение осуществляли участники обучающего мероприятия в формате карусели. Обучающиеся были разделены на тройки, каждая из которых разыгрывала предложенный сценарий симуляции три раза. Всякий раз участники троек менялись ролями пострадавшего, помогающего и наблюдателя. Наблюдателю выдавался бланк протокола наблюдения, в котором он отмечал особенности вербальных и невербальных реакций помогающего во взаимодействии с пострадавшим в моделируемой ситуации.

Результаты

Особенно информативны в контексте содержания обучающего мероприятия три вопроса анкеты, направленные на выявление самочувствия респондентов в определенных неспецифических ситуациях взаимодействия. Формулировки предполагают, что вопросы о брезгливости, неаккуратности, сохранении беспристрастности и нейтральности, готовности к работе с человеком в разных состояниях в контексте тренинга навыков ППП не вызывают у участника подозрений об их скрытом информационном потенциале.

На вопрос *Вы испытываете неприятные чувства при контакте с человеком в антисанитарном положении, гигиенически запущенным, в испачканной разорванной одежде, дурно пахнущим?* был предложен вариант ответа в форме самоотчета: *Все могу перетерпеть, если у меня есть костюм и приспособления, обеспечивающие санитарно-гигиеническую защиту*. Данный вариант ответа включен в список для обозначения человеку границы преодоления собственных личностных барьеров в реализации социального взаимодействия со страдающим человеком. Также содержание предложенной формы ответа способствует рационализации, осознанию границ своих возможностей в деле оказания ППП пострадавшим в различных обстоятельствах. В целом данный показатель позволяет фиксировать общий уровень стрессоустойчивости как личностной компетенции, необходимой в освоении навыка ППП.

Большинство участников обучающего мероприятия в полной мере отдают себе отчет в том, что взаимодействие с таким пострадавшим максимально усложнено для человека, не включенного в такие ситуации на профессиональном уровне (рис. 1). Часть респондентов осознает свою полную неготовность к контакту с человеком в таком состоянии. Всего 12,5 % осознают психологический эффект от наличия костюма, обеспечивающего санитарную защиту, они не готовы преодолеть свою внутреннюю тревогу и психологические барьеры ради помощи человеку в трудной

жизненной ситуации такого рода. 30 % в формате самоотчета осознают психологический эффект от привычки и включенности в процессы помощи на долгосрочной основе. 17,5 % респондентов ответили, что не испытывают трудностей при контакте с человеком в антисанитарном положении. 2,5 % признали, что их психологические возможности зависят от актуального эмоционального состояния. 5 % осознают свои возможности на преодоление неприятных чувств при существующей необходимости оказания помощи пострадавшему. Общая картина распределения ответов по предложенным формулировкам достаточна разнообразна и выглядит достоверно, свидетельствует о том, что пространство доверия между участниками в интерактивном обучающем мероприятии установлено.

Вопрос *Как вы чувствуете себя в среде людей, категорически не разделяющих ваших взглядов, мнений, убеждений и ценностей?* касается исследования отношения респондентов к принципам нейтральности и беспристрастности, которые являются базовыми личностными компетенциями, обеспечивающими возможность обучения и реализации навыка грамотной коммуникации при взаимодействии с пострадавшим без опасности нанести вред самому себе и пострадавшему (рис. 2). Варианты ответов на данный вопрос сформулированы так, чтобы интонирование при прочтении стимулировало проявление определенных психических защит респондента: сарказм

Рис. 1. Результаты распределения ответов респондентов на вопрос *Вы испытываете неприятные чувства при контакте с человеком в антисанитарном положении, гигиенически запущенным, в испачканной разорванной одежде, дурно пахнущим?*

Fig. 1. Responses to the question about the sanitary status of the first-aid recipient: *Do you experience any unpleasant feelings when talking to a person in a state of sanitary neglect (unwashed, bad-smelling, in dirty and/or torn clothes)?*

Рис. 2. Результаты распределения ответов на вопрос *Как вы чувствуете себя в среде людей, категорически не разделяющих ваших взглядов, мнений, убеждений и ценностей?*

Fig. 2. Responses to the question about neutrality and impartiality: *How do you feel when communicating with people whose views, opinions, beliefs, and values are totally different from yours?*

(я как Штирлиц в ставке Бормана), подстройку (все время держу на контроле и т.д.), гиподинамию (не акцентирую чужие мнения, очень много дел надо успеть), нарциссическое уязвление (мне все равно кто, что думает, мне всегда комфортно) и т.д. При этом готовые ответы на вопрос в анкете, касающийся убеждений, читаются нами как формулировка актуальной внутренней позиции и настроения. При интерпретации ответов следует учитывать, что в пространстве коммуникации, не содержащем стресс-фактора, внешние поведенческие проявления могут не совпадать с содержанием реальной внутренней позиции. Это проявляется в формате стресс-реагирования в рамках специфических защитных реакций. Однако в стрессовой ситуации защитные установки могут быть преодолены за счет стресс-реагирования, и поведенческая реализация личности во взаимодействии с человеком в остром горе и страдании может оказаться практически бесконтрольной. Наличие высокой вероятности бесконтрольного реагирования является мишенью для проводимого мониторинга и оценки личностных компетенций участников тренинга в аспекте нейтральности и беспристрастности.

Общее распределение ответов на вопросы по выбранным формулировкам показало наличие в группе респондентов с присущими им психическими защитами из всего предложенного спектра.

20 % респондентов предложили свои варианты ответов, из которых мы можем заключить, что необходимость преодоления собственных защитных паттернов в ситуации взаимодействия с человеком в остром эмоциональном страдании ими осознается и они сами ищут формулировки, которые дают им возможность понять, в каком направлении искать способы компенсации внутренних несовершенств своей личности.

Интерпретация ответов на вопрос *При оказании помощи в переживании трагического события с человеком в каком состоянии вам проще коммунировать?* позволила зафиксировать, что респондентам проще всего взаимодействовать с плачущим человеком, и это легко объясняется тем, что плач – самая нормативная реакция на трагическое событие и острый стресс [Рогачева и др. 2015]. Важно, что участники тренинга практически не отметили коммуникацию с человеком в спокойном состоянии как легкую. Все опрошенные респонденты осознают опасность такого состояния человека в переживании трагической ситуации (рис. 3).

Результаты анкетирования позволяют фиксировать относительную норму переживания тревоги на фоне текущей регламентированной жизненной ситуации (без стрессового события). Людей в остром психоэмоциональном состоянии на тренинге по ППП среди

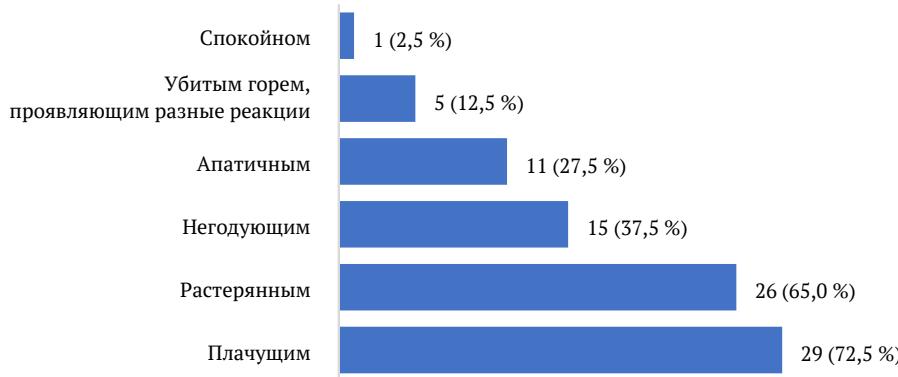

Рис. 3. Распределение ответов респондентов на вопрос При оказании помощи в переживании трагического события с человеком в каком состоянии вам проще коммуницировать?
Fig. 3. Responses to the question about the psychological state of the first-aid recipient: What type of post-traumatic state do you find more comfortable to work with?

участников не было ни в первом, ни во втором случае. Однако на этапе отработки трагического сценария в формате симуляции методом моделирования применить алгоритм грамотной поддерживающей коммуникации смогли всего несколько человек в первой группе и небольшая часть участников второй группы. У остальных участников необходимость реагирования вызвала беспокойство, усилила тревогу и, по сути, спровоцировала текущую неспособность отреагировать на вызов взаимодействия с человеком в остром страдании по стандартам ППП.

Сценарий симуляции трагического события выбран из представленных в пособиях для тренеров навыка ППП¹⁶. Сценарий симулирован людьми без актерских навыков с низким уровнем проявленного трагизма в реагировании, и тем не менее задача грамотной помощи пострадавшему вызвала сложности в обеих группах. Первому помогающему всегда было сложнее, если у него не было личного опыта стандартизированной помощи чужому человеку в ситуации острого страдания. Это было учтено в протоколе оценки реагирования. В целом симуляция вызвала большой интерес у всех участников и продемонстрировала высокий уровень сложности в освоении навыка ППП и, соответственно, важность стрессоустойчивости как личностной компетенции. Уверенное заполнение анкеты участниками в начале тренинга было оспорено переживаниями в роли помогающего в итоговом моделировании сценария для симуляции: все участники осознали значимость ранее обозначенных личностных компетенций для реализации грамотной коммуникации с пострадавшим человеком и объективные сложности в осуществлении навыка ППП. У всех участников закрепилось понимание баланса в соотношении между профессиональными навыками

специалиста психолога и личностными компетенциями, позволяющими его реализовать в экстренной и / или чрезвычайной ситуации

Результаты стандартизированного наблюдения за ходом моделирования сценария симуляции в тройках представлены в таблице.

Представленный в таблице протокол не расписан на общие выводы о группе или на выводы об общей тенденции в групповой динамике, а служит в каждом конкретном случае картой участника тренинга и ориентирует специалиста в личностном профиле участника тренинга, который готовит команду реагирования на чрезвычайную ситуацию по ППП и отбирает туда волонтеров соответственно. При подготовке команды задача наблюдения состоит в необходимости оценки личностных компетенций участников для проектирования перспективы их вовлечения в работу команды реагирования на экстремальные ситуации, к оказанию помощи с учетом степени трагичности и эмоциональной нестабильности пострадавшего. Если тренинг навыкам ППП проходит для всех желающих и не требует категоризации участников по признаку стрессоустойчивости, то протокола наблюдения не требуется, а сценарии для симуляций подбираются в зависимости от общего состояния группы в контексте средней степени личностной тревожности, которая выявляется с помощью анкетирования и обобщается в контексте оценки группы, которая пришла на тренинг.

При использовании в обучающих мероприятиях симуляционных методов участники обучающих мероприятий демонстрируют низкие показатели стрессоустойчивости. Показатель повышается по мере формирования навыка ППП, его отработки и фиксации как устойчивого.

¹⁶ Первая психологическая помощь. Книга тренера...

Табл. Результаты стандартизированного наблюдения

Tab. Standardized observation results

Признаки	Реакции	Проявления реакций	Количество человек
Вербальные	уверенность и логическая последовательность речи в рамках стандартизированного алгоритма грамотной поддерживающей коммуникации	неуверенная, сбивчивая речь	6
		уверенная, с элементами сбивчивости речь	18
		уверенная, логически последовательная, с элементами назидания, субъективной трактовки происходящего, оценочных суждений и демонстрации личного отношения к случившемуся	8
		уверенная, логически последовательная речь в рамках стандарта грамотной коммуникации	8
Невербальные	эмоциональное возбуждение	не выражены	16
		умеренно выражены	24
		устойчиво выражены	–
	подвижность мимики лица	не выражены	27
		умеренно выражены	12
		устойчиво выражены	1
	цвет кожи лица	без изменений	32
		умеренно меняется	8
		заметно изменился	–
Моторно-двигательные	дестикуляция	часто проявляются	1
		проявляются в единичных случаях	10
		не проявляются	29
	функционально заданные интегрированные движения	часто проявляются	29
		проявляются в единичных случаях	1
		не проявляются	10
	тремор конечностей в ситуации обеспечения пострадавшего всем необходимым, согласно актуальным базовым потребностям	часто проявляются	–
		проявляются в единичных случаях	–
		не проявляются	40

Заключение

Если образовательная организация планирует сформировать команду реагирования на чрезвычайные ситуации, такие обучающие мероприятия должны стать плановыми. Их проведение позволит снизить общую тревожность личности, повысит стрессоустойчивость и будет способствовать сохранению исполнительной функции мышления [Колк 2021] в организации реагирования на запрос пострадавшего человека в ситуации стресса.

Отдельное внимание при рассмотрении вопросов стрессоустойчивости и жизнестойкости следует уделять проблеме личного травматического опыта. Она напрямую влияет на стрессоустойчивость и личностную тревожность человека, в том числе и в контексте его обучения навыкам ППП. Уровень осознанности / неосознанности своего травматического опыта, его бессознательный вес, влияющий на психофизиологический статус человека [Порджес, Деб 2021],

косвенно ответственен как за стрессоустойчивость и жизнестойкость, так и за наличие / отсутствие личностной тревожности [Незнанов 2021; Нехорошкова и др. 2014]. Косвенно травматический опыт и уровень его осознанности определяют потенциал человека на участие в реализации помощи пострадавшим, людям в трудной жизненной ситуации в соотношении с иерархией тяжести экстремальных, чрезвычайных, кризисных ситуаций, в которых уместна или необходима ППП.

Необходимо учесть и то, что специфика аудитории для обучающих мероприятий по ППП в России максимально разнообразна, и было бы большим преувеличением ориентировать ее на строго стандартизованные международные образовательные программы по ППП как единственно верные, без возможности их коррекции с учетом особенностей групп слушателей и включения в них уникального опыта ведущего мероприятия специалиста. Это необходимо, если речь идет об участниках образовательных отношений, особенности которых определяются спецификой процесса образования и личностными компетенциями, необходимыми в осваиваемой квалификации.

Важно подчеркнуть, что программы обучения навыкам ППП следует адаптировать до возможности их освоения любым человеком, у которого есть к этому психофизиологическая готовность. Сравнение образовательных программ по первой (дворачебной) помощи¹⁷ [Рогозина 2014], принятых в медицине катастроф России и в международном движении Красного Креста и Красного Полумесяца, позволяет зафиксировать существенные различия: элементарный набор навыков первой помощи в международных гуманитарных институтах, который преподается даже школьникам, и усложненный набор компетентных навыков в программах медицины катастроф. Но оба

формата и содержание образовательных программ предполагают отсутствие у слушателя медицинской подготовки. Принцип, по которому сформулированы стандарты по первой помощи, имеет смысл заложить в стандарты обучения ППП.

Если рассматривать задачи, стоящие перед специалистом психологической службы образовательной организации [Жигинас 2007], который планирует обучить участников образовательных отношений навыкам ППП, то реализация и содержание образовательного мероприятия должны формироваться в зависимости от специфики целевых групп (студенты, преподаватели, уровень образования, направление подготовки и пр.). При этом содержание обучающих мероприятий навыкам ППП может преследовать разнообразные цели, в том числе и овладение навыком грамотной коммуникации с человеком в ситуации острого страдания.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: Т. О. Колесник – концептуализация, курирование данных, написание черновика рукописи. Е. Ю. Брель – научное руководство, валидация результатов, написание рукописи – рецензирование и редактирование.

Contribution: T. O. Kolesnik developed the research concept, provided data curation, and wrote the original draft. E. Yu. Brel supervised the research, provided validation, and proofread the manuscript.

Литература / References

- Ананьев Б. Г. Человек как предмет познания. 3-е изд. СПб.: Питер, 2010. 282 с. [Ananiev B. G. *Man as a subject of knowledge*. 3rd ed. St. Petersburg: Piter, 2010, 282. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qxabyz>
- Ворден В. Консультирование и терапия горя. М.: Центр психологического консультирования и психотерапии, 2020. 332 с. [Worden W. *Grief counseling and grief therapy*. Moscow: Center for psychological counseling and psychotherapy, 2020, 332. (In Russ.)]
- Дежурный Л. И., Шойгу Ю. С., Гуменюк С. А., Неудахин Г. В., Закурдаева А. Ю., Колодкин А. А., Куроев О. Л., Кичанова Л. Ю., Эмке А. А. Первая помощь. М.: ЦНИИОЭЗ Минздрава России, 2018. 136 с. [Dezhurny L. I., Shoigu Yu. S., Gumenyuk S. A., Neudahin G. V., Zakurdaeva A. Yu., Kolodkin A. A., Kuroev O. L., Kichanova L. Yu., Emke A. A. *First aid*. Moscow: CSRIOIH of MoH of the Russia, 2018, 136. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/hmgesw>

¹⁷ Международное руководство по первой помощи и реанимации...

- Жигинас Н. В. Организация, направления и методы исследования психического здоровья студентов. Принципы и методы психологической помощи студентам, переживающим кризис. *Вестник Томского государственного педагогического университета*. 2007. № 10. С. 45–48. [Zhiginas N. V. Organization, directions, and methods of studying students' mental health. Principles and methods of psychological assistance to students in crisis. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 2007, (10): 45–48. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/kkpsal>
- Замбржицкий О. Н. Психогигиена и психопрофилактика. Мн.: БГМУ, 2021. 56 с. [Zambrzhitsky O. N. *Psychohygiene and psychoprophylaxis*. Minsk: BSMU, 2021, 56. (In Russ.)].
- Иванова Н. А. Диспозиционализм: от предикаций и атрибуций к социальной онтологии и миру предрасположеностей. *Вестник Челябинского государственного университета*. 2018. № 11. С. 5–14. [Ivanova N. A. Dispositionalism: From predication and attributions to social ontology and the world of predispositions. *Bulletin of Chelyabinsk State University*, 2018, (11): 5–14. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24411/1994-2796-2018-11101>
- Ильичёв И. Е. О понятии и классификации чрезвычайных ситуаций. *Проблемы правоохранительной деятельности*. 2020. № 1. С. 6–19. [Ilichev I. E. On the concept and classification of emergency situations. *Problems of Law Enforcement Activity*, 2020, (1): 6–19. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/cqroln>
- Климова С. В. Трудная жизненная ситуация в социальной работе с молодежью: уточнения понятийного содержания термина. *Социальные и гуманитарные науки: теория и практика*. 2021. № 1. С. 160–170. [Klimova S. V. Difficult life situation in social work with young people: Clarification of the conceptual content of the term. *Social'nye i gumanitarnye nauki: teoriya i praktika*, 2021, (1): 160–170. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/kaavrj>
- Колк Б. ван дер. Тело помнит все: какую роль психическая травма играет в жизни человека и какие техники помогают ее преодолеть. М.: Эксмо, 2021. 464 с. [Kolk B. van der. *The body remembers everything: The role of mental trauma in human life and coping strategies*. Moscow: Eksmo, 2021, 464. (In Russ.)]
- Крукович Е. И., Ромек В. Г. Кризисное вмешательство. Мн.: ЕГУ, 2003. 92 с. [Krukovich E. I., Romek V. G. *Crisis intervention*. Minsk: ESU, 2003, 92. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ysomdz>
- Мак-Вильямс Н. Психоаналитическая диагностика. Понимание структуры личности в клиническом процессе. М.: Класс, 2021. 592 с. [McWilliams N. *Psychoanalytic diagnostics. Understanding personality structure in the clinical process*. Moscow: Klass, 2021, 592. (In Russ.)]
- Малкина-Пых И. Г. Психологическая помощь в кризисных ситуациях. Справочник практического психолога. М.: Эксмо, 2005а. 960 с. [Malkina-Pykh I. G. *Psychological assistance in crisis situations. Handbook of a practical psychologist*. Moscow: Eksmo, 2005a, 960. (In Russ.)]
- Малкина-Пых И. Г. Экстремальные ситуации. Справочник практического психолога. М.: Эксмо, 2005б. 964 с. [Malkina-Pykh I. G. *Extreme situations. Handbook of a practical psychologist*. Moscow: Eksmo, 2005b, 964. (In Russ.)]
- Меньшиков В. Ю. Психологическое консультирование: работа с кризисными и проблемными ситуациями. М.: Смысл, 2005. 182 с. [Menshikov V. Yu. *Psychological counseling: Working with crisis and problem situations*. Moscow: Smysl, 2005, 182. (In Russ.)]
- Незнанов Н. Г. Тревожно-фобические расстройства. Клинические рекомендации. М.: РОП, 2021. 86 с. [Neznanov N. G. *Anxiety-phobic disorders. Clinical guidelines*. Moscow: RSP, 2021, 86. (In Russ.)]
- Некорощкова А. Н., Грибанов А. В., Джос Ю. С. Проблема тревожности как сложного психофизиологического явления. *Экология человека*. 2014. № 6. С. 47–54. [Nekhoroshkova A. N., Gribanov A. V., Dzhos J. S. Problem of anxiety as difficult psychophysiological phenomenon. *Ekologiya Cheloveka*, 2014, (6): 47–54. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/sepull>
- Олпорт Г. Становление личности. М.: Смысл, 2002. 462 с. [Allport G. *Formation of the personality*. Moscow: Smysl, 2002, 462. (In Russ.)]
- Понамарева И. М. Работа психолога в кризисных ситуациях. СПб.: СПбГИПСР, 2014. 197 с. [Ponomareva I. M. *The work of a psychologist in crisis situations*. St. Petersburg: SPbGIPSR, 2014, 197. (In Russ.)]
- Порджес С. Поливагальная теория. Нейрофизиологические основы эмоций, привязанностей, общения и саморегуляции. Киев: Мультиметод, 2020. 464 с. [Porges S. *The polyvagal theory. Neurophysiological foundations of emotions, attachments, communication, and self-Regulation*. Kyiv: Multimetod, 2020, 464. (In Russ.)]

- Порджес С., Деб Д. Клиническое применение поливагальной теории. Формирование поливагально-информационной терапии. Киев: Мультиметод, 2021. 552 с. [Porges S., Deb D. *Clinical applications of the polyvagal theory: The emergence of polyvagal-informed therapies*. Kyiv: Multimetod, 2021, 552. (In Russ.)]
- Радюк О. М., Каменюкин А. Г., Ерухимович Ю. А., Басинская И. В. Точки соприкосновения в моделях А. Эллиса и А. Бекка. *Когнитивно-поведенческий подход в консультировании и психотерапии*: Междунар. науч.-практ. конф. (Минск, 5–7 октября 2018 г.) Мин.: БГПУ, 2018. С. 94–104. [Radyuk O. M., Kamenyukin A. G., Erukhimovich Yu. A., Basinskaya I. V. Points of contact in the models of A. Ellis and A. Beck. *Cognitive-behavioral approach to counseling and psychotherapy*: Proc. Intern. Sci.-Prac. Conf., Minsk, 5–7 Oct 2018. Minsk: BSPU, 2018, 94–104. (In Russ.)]
- Рогачева Т. В., Залевский Г. В., Левицкая Т. Е. Психология экстремальных ситуаций и состояний. Томск: ТГУ, 2015. 276 с. [Rogacheva T. V., Zalevskii G. V., Levitskaya T. E. *Psychology of extreme situations and conditions*. Tomsk: TSU, 2015, 276. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/yuoefs>
- Рогозина И. В. Медицина катастроф. М.: ГЭОТАР-Медиа, 2014. 152 с. [Rogozina I. V. *Disaster medicine*. Moscow: GEOTAR-Media, 2014, 152. (In Russ.)]
- Русалов В. М. Темперамент в структуре индивидуальности человека. М.: ИП РАН, 2012. 464 с. [Rusalov V. M. *Temperament in the structure of human individuality*. Moscow: IP RAS, 2012, 464. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/szcpiv>
- Ядов В. А., Семенов А. А., Водзинская В. В., Каюрова В. Н., Киссель А. А., Саганенко Г. И., Бозрикова Л. В., Узунова В. Н., Магун В. С., Гоштаутас А., Лосенков В. А., Смирнова Е. Э., Докторова Л. Д. Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности: диспозиционная концепция. 2-е изд. М.: ЦСПиМ, 2013. 376 с. [Yadov V. A., Semenov A. A., Vodzinskaya V. V., Kayurova V. N., Kissel A. A., Saganenko G. I., Bozrikova L. V., Uzunova V. N., Magun V. S., Goshtautas A., Losenkov V. A., Smirnova E. E., Doktorova L. D. *Self-regulation and forecasting of social behavior: A dispositional concept*. 2nd ed. Moscow: CSFM, 2013, 376. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/swynqu>
- Kernberg O. *Borderline conditions and pathological narcissism*. N. Y.: Jason Aronson, 1975, 361.

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/ktvtlg>

Профессиональный выбор первокурсников: в призме когнитивных особенностей личности

Краснорядцева Ольга Михайловна

Национальный исследовательский Томский государственный
университет, Россия, Томск

eLibrary Author SPIN: 2357-7403

<https://orcid.org/0000-0003-1549-9994>

Scopus Author ID: 5719395360

Тетерина Елена Сергеевна

Сибирский университет потребительской кооперации,
Россия, Новосибирск

<https://orcid.org/0009-0000-5490-0715>

teterina_elena@mail.ru

Аннотация: В статье обсуждаются концептуальные основания для определения авторского ракурса в исследовании феномена профессионального выбора в процессе профессионального самоопределения. Цель статьи – выявить взаимосвязи характерных для первокурсников тенденций в принятии решений в ходе профессионального самоопределения и модальности профессионально-психологического типа с учетом когнитивных особенностей личности. Описана использованная батарея диагностических опросников, в которую вошли 7 методик: опросник «Личностные факторы принятия решений, ЛФР-25» (Т. В. Корнилова); опросник «Тенденции в принятии решений» (А. Ю. Развалеева); Мельбурнский опросник принятия решений (Т. В. Корнилова); русскоязычный опросник каузальной ориентации (О. Е. Дергачева, Л. Я. Дорфман, Д. А. Леонтьев); методика «Стремление к когнитивной открытости» (М. И. Ясин, О. Е. Хухлаев); опросник профессиональных предпочтений (А. Н. Воробьев, И. Г. Сенин, В. И. Чирков), представляющий адаптацию теста *Self-Directed Search, SDS* Дж. Голланда, автора модели RIASEC; методика «Определение профессионально-психологического типа личности» (С. В. Духновский). Выборка составила 310 первокурсников гуманитарных направлений подготовки Сибирского университета потребительской кооперации (г. Новосибирск). Предлагается эмпирически выделенная специфика когнитивного своеобразия факторов *когнитивная неопределенность* и *когнитивная открытость*, отражающих особенности взаимосвязи тенденций принятия решений, индивидуально-личностных стратегий выбора и профессионально-психологических типов личности студентов. У значительной части первокурсников достаточно выражены когнитивные особенности открытого типа, включающие конструктивные способы и стратегии принятия решений. Для определенной части студентов характерны высокий уровень когнитивной неопределенности и низкий уровень когнитивной открытости: данная группа респондентов имеет тенденцию к выраженной когнитивной закрытости мышления. Получено эмпирическое обоснование целесообразности использования полученных результатов для определения потенциальных рисков возникновения когнитивных деформаций профессионального самоопределения в процессе вузовской подготовки, и обсуждаются возможные направления по их психолого-педагогической профилактике.

Ключевые слова: профессиональный выбор, профессиональное самоопределение, когнитивные особенности личности, модальность профессионально-психологического типа

Цитирование: Краснорядцева О. М., Тетерина Е. С. Профессиональный выбор первокурсников: в призме когнитивных особенностей личности. *СибСкрипт*. 2025. Т. 27. № 5. С. 947–956. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2025-27-5-947-956>

Поступила в редакцию 30.04.2025. Принята после рецензирования 27.06.2025. Принята в печать 30.06.2025.

full article

Career Choice Issues in First-Year Students: Cognitive Profile

Olga M. Krasnoryadtseva

Tomsk State University, Russia, Tomsk

eLibrary Author SPIN: 2357-7403

<https://orcid.org/0000-0003-1549-9994>

Scopus Author ID: 5719395360

Elena S. Teterina

Siberian University of Consumer Cooperation, Russia, Novosibirsk

<https://orcid.org/0009-0000-5490-0715>

teterina_elena@mail.ru

Abstract: The article introduces an authentic approach to career choice studies. It relies on the following hypothesis: decision-making trends, psychological type, and cognitive profile correlate in university students. The methodology included seven techniques and questionnaires: Personal Factors in Decision-Making (T. V. Kornilova); Decision Making Tendency Inventory (A. Yu. Razvaliaeva); Melbourne Decision Making Questionnaire (adapted by T. V. Kornilova); Causal Orientation (O. E. Dergacheva et al.); Cognitive Closure Test (M. I. Yasin & O. E. Khuklaev); Career Preferences (J. Holland's Self-Directed Search Career Assessment adapted by A. N. Vorobiov et al.); Professional and Psychological Personality Type (S. V. Dukhnovsky). The research involved 310 first-year students from the Siberian University of Consumer Cooperation, Novosibirsk. The factors of cognitive uncertainty and cognitive openness revealed some peculiarities in the relationship between decision-making, personal choice strategies, and professional and psychological personality types in first-year university students. Most of them exhibited strong open-ended cognitive traits, including constructive decision-making methods and strategies. Those with high cognitive ambiguity and poor cognitive openness demonstrated explicit cognitive closed-mindedness. These results may help to determine potential risks of cognitive deformations related to career choice in university students. Research prospects involve a deeper study into career counselling.

Keywords: career choice, professional self-identification, cognitive personality traits, modality of professional psychological type

Citation: Krasnoryadtseva O. M., Teterina E. S. Career Choice Issues in First-Year Students: Cognitive Profile. *SibScript*, 2025, 27(5): 947–956. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/sibscript-2025-27-5-947-956>

Received 30 Apr 2025. Accepted after peer review 27 Jun 2025. Accepted for publication 30 Jun 2025.

Введение

Стремительное внедрение появляющихся новых технологий практически во все сферы жизнедеятельности современного человека на фоне нарастающей геополитической и социально-экономической неопределенности придает особую актуальность проблеме обеспечения психолого-образовательных условий для формирования у будущих специалистов таких универсальных (не зависящих от направления подготовки) компетенций, как готовность и способность к самоопределению. В этой связи можно констатировать некий «исследовательский ренессанс» ставшего уже традиционным предметом психологических исследований процесса профессионального самоопределения на разных этапах жизнеосуществления как одной из значимых психологических характеристик личностной суверенности человека. В течение последних десятилетий зафиксирован целый ряд значимых для понимания этого феномена исследовательских фактов и закономерностей:

- установлены значимые связи способности к осуществлению самоопределения с личной активностью, ответственностью, способностью управлять собой, с внутренней зрелостью личности [Абульханова-Славская 1991; Божович 1995];
- выделены агенты (близкие родственники, родители, окружение, школа, друзья, ситуация на рынке труда) и факторы (пол, возраст, место жительства, уровень образования, социальный класс, наследование профессии, доступность информации о профессиях), влияющие на выбор профессии [Кравченко 2020];
- самоопределение рассматривается как осознанное построение плана профессионального развития [Климов 2004]; выбор себя в профессии [Кузнецов 2001];
- зафиксированы взаимосвязи процесса самоопределения с процессами самореализации и самоактуализации [Пряжников 2002];
- противоречия между целями и планами личности и ее внешними и внутренними возможностями

определенены как факторы, запускающие процесс самоопределения [Сафин, Ников 1984];

- показано, что существует не только значительная связь между процессом профессионального самоопределения и выбором карьеры, но также и прямая связь между социальной поддержкой, карьерной самоэффективностью и выбором карьеры [Yusran et al. 2021];

- обосновано, что профессиональное самоопределение подразумевает учет отдаленных последствий принятого решения [Головаха 1988] и может свидетельствовать о процессе самоидентификации человека с профессией [Попов 2022];

- эмпирически доказано, что профессиональное самоопределение связано с личностной способностью к конструированию будущего [Леонтьев, Шелобанова 2001], в основе внутренней деятельности самоопределяющегося субъекта лежит умение осуществлять личностную саморегуляцию [Леонтьев и др. 2015];

- показано, что непонимание собственных оснований профессионального выбора делает траекторию жизненного развития неопределенной, бесперспективной [Абульханова-Славская 1991];

- факторологически зафиксировано, что существует выраженная взаимосвязь трудностей в профессиональном самоопределении с негативными эмоциональными состояниями (чувства тревоги, состояния депрессии и стресса) [Anghel, Gati 2021; Fris et al. 2022].

Один из современных трендов в изучении профессионального самоопределения в качестве предмета исследования привязан к проблематике психологических особенностей принятия решений и выбора жизненного пути. В настоящее время накоплен объемный массив исследовательских данных относительно многообразия психологических механизмов, участвующих в процессе принятия решений и выбора. Можно отметить выраженность исследовательского поиска взаимосвязи различных внутренних и внешних параметров, влияющих на осуществление профессионального выбора и / или на принятие решений, связанных с психологическими особенностями процесса профессионального самоопределения:

- выбор рассматривается как сложно организованная деятельность, имеющая свою мотивацию и операциональную структуру, обладающая внутренней динамикой, чувствительная к особенностям объекта и регулируемая со стороны субъекта [Леонтьев, Фам 2011; Леонтьев и др. 2015: 420; Фам, Леонтьев 2013а; 2013б], в рамках данного подхода предложена уровневая классификация: а) простой выбор; б) смысловой выбор – подразумевает решение задачи

на смысл; в) экзистенциальный выбор – процесс, происходящий в критических, крайне важных для субъекта выбора ситуациях, где используется самостоятельное конструирование и альтернатив, и критериев;

- в контексте предложенной Т. В. Корниловой функционально-уровневой модели выбора убедительно показано, что принятие рациональных решений требует интеллектуального и личностного соответствия уровню решаемых жизненных и профессиональных задач [Корнилова 1994; 2005; 2016; 2024];

- отмечается тенденция интеграции концепций когнитивной психологии (например, эвристики принятия решений) с моделями принятия решений и использование комплексного подхода к оценке и формированию готовности к сбоям в карьере при оценки профессионального выбора [Lent, Brown 2020].

Выбор профессии и профессиональное самоопределение подразумевают необходимость осуществления сознательного предпочтения одной из доступных альтернатив, что требует аналитических мыслительных действий по выделению доступных вариантов.

Еще одно концептуальное основание для определения направления нашего взгляда на новые ракурсы изучения особенностей профессионального выбора в процессе профессионального самоопределения – объяснительный потенциал системной антропологической психологии, рассматривающей человека как целостную саморазвивающуюся систему, любое изменение состояния которой, связанное с возникновением поисковой познавательной (когнитивной) потребности при необходимости принятия решения уровня смыслового выбора, вызывает динамические преобразования ценностно-смысловой личностной структуры, в свою очередь изменяя саму ситуацию выбора, выделяя ее из поля объективной реальности человека, благодаря наличию ценностно-смыслового основания выбора [Клочко 2012; Клочко, Галажинский 2009; Клочко, Клочко 2015; Мироненкова 2019; Носкова 2008; Стефаненко 2010; Сунцова, Мешков 2022; Турнова и др. 2022; Чугунов и др. 2024; Шаронин 2022]. В этой связи мы полагаем, что когнитивные составляющие профессионального выбора, который является определенным этапом процесса профессионального самоопределения, характеризуются особенностями поисковой познавательной активности, которая в свою очередь преобразует самого человека как открытую саморазвивающуюся систему.

В перманентно идущем процессе профессионального самоопределения выбор направления профессионального обучения является знаковым моментом

с точки зрения становления социальной позиции и последующего жизнеосуществления. В этой связи представляется достаточно обоснованным исследовать особенности профессионального выбора студентов, обучающихся на первых курсах, поскольку все они имеют недавний опыт схожего для всех жизненного выбора – выбора профессионального направления обучения, что делает саму исследовательскую выборку в этом смысле гомогенной.

Цель данного исследования – выявить взаимосвязи характерных для первокурсников тенденций в принятии решений в ходе профессионального самоопределения и модальности профессионально-психологического типа с учетом когнитивных особенностей личности.

Методы и материалы

Данное исследование проводилось среди студентов первых курсов гуманитарных специальностей (психологи, юристы, менеджеры и др.) Сибирского университета потребительской кооперации г. Новосибирска. Всего было задействовано 310 респондентов: 82 – мужского пола, 228 – женского. Возраст – от 18 до 24 лет, средний возраст выборки 20 лет. Выбор респондентов обусловлен наличием у них актуального опыта принятия жизненного решения, связанного с ответственным когнитивным выбором направления профессионального обучения. Участие в исследовании было добровольным, участники были информированы о целях и методах исследования.

В батарею диагностических опросников вошли 5 методик, направленных на диагностирование тенденций и стратегий принятия решений, и 2 опросника, изучающих профессиональные предпочтения и профессионально-психологический тип личности:

1. Опросник «Личностные факторы принятия решений, ЛФР-25» (Т. В. Корнилова), позволяющий определить степень выраженности таких личностных факторов, влияющих на принятие решений, как готовность к риску и рациональность [Корнилова 1994].

2. Опросник «Тенденции в принятии решений» (А. Ю. Разваляева), направленный на исследование склонности к стратегиям максимизации, минимизации и сатисфикации, которые различаются по степени усилий, которые респондент затрачивает при принятии решений [Разваляева 2018].

3. Мельбурнский опросник принятия решений (Т. В. Корнилова), предназначенный для диагностики индивидуальных особенностей принятия решений и стратегий совладания со стрессом, три из которых отражают негативные тенденции

при принятии решений (избегание, прокрастинация и сверхбдительность) и одна – положительную (бдительность) [Корнилова 2013].

4. Русскоязычный опросник каузальной ориентации (О. Е. Дергачева, Л. Я. Дорфман, Д. А. Леонтьев), направленный на определение типа преобладающей мотивации при принятии решений: внутренней (автономия), внешней (контроль) и безличной ориентации [Дергачева и др. 2008].

5. Методика «Стремление к когнитивной закрытости» (М. И. Ясин, О. Е. Хухлаев), позволяющую изучать ту часть познавательного процесса, которая направлена на отсечение лишней, противоречивой и мешающей информации с целью получения однозначного вывода и принятия единственно верного решения [Ясин, Хухлаев 2023].

6. Опросник профессиональных предпочтений (А. Н. Воробьев, И. Г. Сенин, В. И. Чирков), представляющий адаптацию теста *Self-Directed Search, SDS* Дж. Голланда, автора модели RIASEC, который выделил шесть профессионально ориентированных типов личности: реалистический, интеллектуальный, социальный, конвенциональный (ориентированный на общепринятые нормы и традиции), предпринимательский и художественный. Каждый тип личности ориентирован на определенную профессиональную среду: реалистический – на создание материальных вещей, обслуживание технологических процессов и технических устройств; интеллектуальный – на умственный труд; социальный – на взаимодействие с социальной средой; конвенциональный – на четко структурированную деятельность; предпринимательский – на руководство людьми и бизнес; художественный – на творчество [Воробьев и др. 2001].

7. Методика «Определение профессионально-психологического типа личности» (С. В. Духновский) предназначена для определения принадлежности человека к одному из основных профессиональных типов работника (руководителя, исполнителя, коммуникатора, генератора), обусловленных его индивидуально-психологическими характеристиками [Духновский 2018].

Результаты

В таблице представлены корреляционные коэффициенты между переменными и факторами, демонстрирующие взаимосвязи различных продуктивных и непродуктивных стратегий принятия решений и профессионально-психологических типов личности, выделенные на основе использования факторного

анализа, метода главных компонент, с ортогональным вращением факторов методом Варимакс в статистической программе Jamovi 2.2.5.

В результате анализа было выделено четыре фактора, которые суммарно объясняют 48,5 % общей дисперсии: 1) когнитивная неопределенность; 2) социальная ориентированность; 3) когнитивная открытость; 4) адаптивность.

В соответствии с целями и задачами исследования особый интерес для нас представляют факторы, характеризующие когнитивные особенности профессионального выбора первокурсников гуманитарных направлений подготовки. К таким факторам были отнесены факторы *когнитивная неопределенность* и *когнитивная открытость*.

Еще два фактора, полученные в результате факторного анализа, характеризуются тем, что объединяют в себе компоненты методик одной направленности: либо профессиональных предпочтений, либо стратегий принятия решений. Так, фактор *социальная ориентированность* содержит все шкалы Опросника профессиональных предпочтений. Это может свидетельствовать о том, что респонденты, выбирающие данные показатели, в большей степени ориентируются на выбор определенного типа деятельности, соответствующего их интересам и профессиональным предпочтениям для достижения потенциального жизненного успеха, чем на собственные поведенческие копинги и стратегии принятия решений.

Фактор *адаптивность*, напротив, содержит в себе только переменные, отражающие взаимосвязи между различными индивидуально-личностными особенностями принятия решений. В данной модели представлены такие компоненты, как рациональность, стремление к предсказуемости, стремление к порядку, бдительность, которые имеют положительный коэффициент факторной нагрузки, и, компонент *внешний контроль* с отрицательной корреляционной связью показателя. Полученные данные могут свидетельствовать о том, что данная группа респондентов приоритизирует в большей степени выбор поведенческих стратегий и собственные индивидуально-личностные характеристики, не связывая их с собственными профессиональными предпочтениями и склонностями. В целом это достаточно продуктивная модель, отражающая стремление данной группы респондентов к получению достоверных знаний для лучшего ориентирования в ситуации, к структурированности жизни, избеганию беспорядка и хаоса, что способствует принятию рациональных решений.

Таким образом, предметом для интерпретационного анализа были определены два фактора, отражающие собственно когнитивные особенности, значимо связанные с профессиональными предпочтениями, определяющими психологические параметры выбора.

Первый фактор (*когнитивная неопределенность*) включает в себя ряд непродуктивных стратегий,

Табл. Коэффициенты факторной нагрузки
Tab. Factor loading coefficients

Факторы	Компоненты	Нагрузка
1. Когнитивная неопределенность	Прокрастинация	0,761
	Избегание	0,752
	Сверхбдительность	0,723
	Решительность	-0,715
	Тип коммуникатор	0,587
	Безличная ориентация	0,561
	Избегание двусмысленности	0,560
	Минимизация	0,442
2. Социальная ориентированность	Исследовательский тип	0,778
	Традиционный тип	0,763
	Социальный тип	0,755
	Предпринимательский тип	0,728
	Артистичный тип	0,678
	Реалистичный тип	0,590
3. Когнитивная открытость	Тип руководитель	0,705
	Тип генератор	0,633
	Сatisfизация	0,559
	Тип исполнитель	0,555
	Внутренняя автономия	0,511
	Готовность к риску	0,501
	Максимизация	0,476
	Когнитивная закрытость	-0,335
4. Адаптивность	Рациональность	0,717
	Стремление к предсказуемости	0,632
	Стремление к порядку	0,571
	Бдительность	0,558
	Внешний контроль	-0,499

использующихся при принятии решений и совершенении психологического выбора. Такие стратегии, как прокрастинация, избегание, сверхбдительность, безличная ориентация, избегание двусмысленности, минимизация, имеют положительную факторную нагрузку, в то время как продуктивная стратегия *решительность* включена в модель с отрицательным значением коэффициента факторной нагрузки. Также в состав фактора *когнитивная неопределенность* вошел компонент *коммуникатор*, являющийся одним из четырех профессионально-психологических типов личности в классификации С. В. Духновского. Характерной особенностью данной группы признаков является стремление к лености, избеганию трудностей, перекладыванию ответственности, импульсивность и неуверенность в себе при принятии решений, приводящая к рискованным и необдуманным поступкам, недостаток волевой регуляции поведения, стремление откладывать выполнение важных дел на неопределенный срок и перекладывать свою работу на других.

Второй фактор (*когнитивная открытость*) содержит такие продуктивные копинг-стратегии, как максимизация, сатисфикация, внутренняя автономия, готовность к риску, которые вошли в модель с положительным значением факторной нагрузки. В то же время компонент *когнитивная закрытость* имеет отрицательную корреляционную связь с остальными показателями. Также модель включает компоненты, отражающие профессионально-психологические типы личности: *генератор*, *руководитель* и *исполнитель*. С точки зрения С. В. Духновского, выпускники с высокими показателями выраженности типов *руководитель* и *генератор* являются наиболее готовыми к профессиональному выбору и карьере (обладают наибольшей карьерной готовностью) [Духновский 2020]. В нашем случае данный факт может быть предиктором того, что студенты с высокой и выше среднего уровнями выраженности данного фактора имеют более сформированную готовность к совершению профессионального выбора, чем студенты, у которых данный фактор слабо выражен. К характерным особенностям данной факторной модели можно отнести способность к само-регуляции и умение использовать свой прошлый опыт для принятия решений в ситуациях неопределенности, направленность на достижение наилучшего результата среди возможных вариантов, способность при необходимости остановить свой выбор на удовлетворительном результате, не занимаясь бесконечным перебором всевозможных вариантов решений; опора

на себя, свои внутренние личностные ресурсы при принятии решений без достаточной ориентировки в ситуации, готовность взять ответственность за свои действия и выбор, готовность рисковать, если это требуется для принятия важного решения; открытость новому положительному опыту, знаниям, мнениям; готовность поменять точку зрения, когнитивная гибкость и открытость.

Больше чем для половины респондентов свойственны высокий и выше среднего уровни проявления составляющих фактора *когнитивная открытость* (55 %) и только у 5 % студентов все составляющие этого фактора находятся на низком уровне выраженности. Составляющие фактора *когнитивная неопределенность* на высоком уровне выражены только у 11 % респондентов, на низком и ниже среднего уровнях – почти у половины студентов (47 %).

Обсуждение

На наш взгляд, фактор *когнитивная неопределенность* имеет ряд особенностей, которые могут проявлять себя в процессе совершения реального профессионального выбора. Совокупность компонентов фактора свидетельствует о склонности студентов избегать интеллектуальных усилий в процессе принятия решений. Согласно данным, полученным Т. В. Корниловой, такие тенденции, как прокрастинация, сверхбдительность, избегание, характеризуются высокими нейротизмом и импульсивностью при принятии решений, низкими толерантностью к неопределенности и самооценкой, отсутствием настойчивости в достижении цели, когнитивными неудачами при интеллектуальном поиске решения дилеммы, нацеленностью на быстрое избавление от ситуации выбора [Корнилова 2013]. Можно предположить, что студенты с выраженностью данного типа характеризуются отсутствием четких внутренних ориентиров в виде сформулированных целей, смыслов и осознанных интересов, облегчающих процесс выбора собственной траектории профессионального развития. Полученные результаты также могут свидетельствовать о недостаточной развитости у этой категории студентов навыка рефлексии, который представляет собой «сердцевину личностной компетентности, позволяя отрефлексировать смысл и ценность своей деятельности, своего труда» [Краснорядцева 2015: 46]. Таким образом, мишенью психологической работы в данном случае является восполнение дефицитарности рефлексии как механизма, способствующего осознанию ценностно-смысловых оснований собственного жизненного мира.

Когнитивная открытость связана с такими когнитивными особенностями, как достаточно развитые навыки рефлексии, понимание целей собственной деятельности, относительная сформированность ценностно-смысовой личностной структуры, открытость новому положительному опыту, знаниям, мнениям, готовность поменять точку зрения, когнитивная гибкость и открытость. Также к характерным особенностям данной группы студентов можно отнести способность к саморегуляции и умение использовать свой прошлый опыт для принятия решений в ситуациях неопределенности, направленность на достижение наилучшего результата среди возможных вариантов, способность при необходимости остановить свой выбор на удовлетворительном результате, не занимаясь бесконечным перебором всевозможных вариантов решений; опора на себя, свои внутренние личностные ресурсы при принятии решений без достаточной ориентировки в ситуации, готовность взять ответственность за свои действия и выбор, готовность рисковать, если это требуется для принятия важного решения. Данная группа студентов может выступить в роли некого эталона, от характеристик и когнитивных особенностей которого мы можем отталкиваться, чтобы прояснить понимание когнитивных особенностей эффективного принятия решений в ситуации профессионального выбора и самоопределения.

Полученные нами данные согласуются и с выделенными в других исследованиях основными психологическими ориентирами, влияющими на обоснованность профессионального выбора на этапе выбора направленности профессионального обучения, среди которых: профессиональная и личностная успешность, самореализация личности; открытость личности для профессионального самосовершенствования; диалогичность профессионального становления; ценностные ориентации профессионального сообщества [Чугунов и др. 2024; Шаронин 2022].

Заключение

Выделенные в результате эмпирического исследования факторы *когнитивная неопределенность* и *когнитивная открытость* отражают когнитивное своеобразие взаимосвязи тенденций принятия решений, индивидуально-личностных стратегий выбора и профессионально-психологических типов личности студентов.

Полученные данные могут свидетельствовать о том, что у значительной части первокурсников, принявших участие в исследовании, достаточно выражены

когнитивные особенности открытого типа, включающие конструктивные способы и стратегии принятия решений, что также было подтверждено ранее в нашем пилотажном исследовании, проведенном на той же выборке [Краснорядцева и др. 2024].

Особого внимания заслуживает тот факт, что для определенной части студентов, начавших обучение в вузе, характерны высокий уровень когнитивной неопределенности и низкий уровень когнитивной открытости. Эти данные свидетельствуют о том, что данная группа респондентов имеет тенденцию к выраженной когнитивной закрытости мышления, что может выступать психоdiagностическим маркером потенциальных рисков возникновения психологических уязвимостей и сложностей в обучении и последующем профессиональном самоопределении.

Полученная новая эмпирическая фактология о специфике профессионального выбора, осуществляемых первокурсниками, рассматриваемая в призме когнитивных особенностей личности, позволяет выделить и конкретизировать новые миши для психолого-образовательного сопровождения процесса профессионального самоопределения студенческой молодежи.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: О. М. Краснорядцева – концептуализация, курирование, написание и редактирование статьи. Е. С. Тетерина – теоретический анализ исследований, сбор и обработка исследовательской базы данных, написание статьи.

Contribution: O. M. Krasnoryadtseva developed the research concept and curated the data, as well as drafted and proofread the manuscript. E. S. Teterina conducted the review, collected and processed the research data, and drafted the manuscript.

Финансирование: Результаты получены в рамках выполнения государственного задания Минобрнауки России, проект № FSWM-2025-0003.

Funding: The research was part of State Assignment from the Ministry of Education and Science of Russia, No. FSWM-2025-0003.

Литература / References

- Абульханова-Славская К. А. Стратегия жизни. М.: Мысль, 1991. 299 с. [Abulkhanova-Slavskaya K. A. *The strategy of life*. Moscow: Mysl, 1991, 299. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/sgbtrn>
- Божович Л. И. Особенности самосознания у подростков. *Вопросы психологии*. 1995. № 1. С. 98–107. [Bozhovich L. I. Features of self-awareness in adolescents. *Voprosy Psichologii*, 1995, (1): 98–107. (In Russ.)]
- Воробьев А. Н., Сенин И. Г., Чирков В. И. Опросник профессиональных предпочтений по Холланду. М.: Когито-Центр, 2001. 20 с. [Vorobiev A. N., Senin I. G., Chirkov V. I. *Holland's questionnaire of career preferences*. Moscow: Kogito-Tsentr, 2001, 20. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/supnzs>
- Головаха Е. И. Жизненная перспектива и профессиональное самоопределение молодежи. Киев: Наук. думка, 1988. 144 с. [Golovakha E. I. *Life prospects and professional self-determination in young people*. Kyiv: Nauk. dumka, 1988, 144. (In Russ.)]
- Дергачева О. Е., Дорфман Л. Я., Леонтьев Д. А. Русскоязычная адаптация опросника каузальных ориентаций. *Вестник Московского университета. Серия 14: Психология*. 2008. № 3. С. 91–106. [Dergacheva O. E., Dorfman L. Ya., Leontiev D. A. Russian adaptation of the general causality orientation scale. *Lomonosov Psychology Journal*, 2008, (3): 91–106. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/nbuxcz>
- Духновский С. В. Карьерные предпочтения и профессионально-психологические типы студентов вузов. *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика*. 2020. Т. 20. № 1. С. 69–75. [Dukhnovsky S. V. Career preferences and professional and psychological types of students of higher education institutions. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2020, 20(1): 69–75. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/fsrwrs>
- Духновский С. В. Психологическая надежность и кадровая безопасность (на примере государственной гражданской и муниципальной службы). Курган: Курганский филиал РАНХиГС, 2018. 314 с. [Dukhnovsky S. V. *Psychological reliability and personnel security (the case of the state civil and municipal service)*. Kurgan: Kurgan branch of RANEPA, 2018, 314. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ysvkqx>
- Климов Е. А. Психология профессионального самоопределения. М.: Академия, 2004. 304 с. [Klimov E. A. *Psychology of professional self-determination*. Moscow: Academia, 2004, 304. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qxienf>
- Клочко В. Е. Уровни сложности психологического мышления и современная когнитивистика. *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*. 2012. № 4-1. С. 37–43. [Klochko V. E. The complexity levels of psychological thinking and modern cognitive science. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya*, 2012, (4-1): 37–43. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/pvalkr>
- Клочко В. Е., Галажинский Э. В. Инновационный потенциал личности: системно-антропологический контекст. *Вестник Томского государственного университета*. 2009. № 325. С. 146–151. [Klochko V. E., Galazhinsky E. V. Innovative potential of a personality: System anthropological context. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2009, (325): 146–151. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/lhqtz>
- Клочко В. Е., Клочко Ю. В. Человек: открытая система в закрытой среде. *Сибирский психологический журнал*. 2015. № 57. С. 6–16. [Klochko V. E., Klochko Yu. V. A person: An open system in a closed environment. *Sibirskiy Psichologicheskiy Zhurnal*, 2015, (57): 6–16. (In Russ.)]
- Корнилова Т. В. Диагностика «личностных факторов» принятия решений. *Вопросы психологии*. 1994. № 6. С. 99–110. [Kornilova T. V. Diagnostics of personal decision-making factors. *Voprosy Psichologii*, 1994, (6): 99–110. (In Russ.)]
- Корнилова Т. В. Интеллектуально-личностный потенциал человека в условиях неопределенности и риска. СПб.: Нестор-История, 2016. 344 с. [Kornilova T. V. *Intellectual and personal potential of a person in conditions of uncertainty and risk*. St. Petersburg: Nestor-Istoriia, 2016, 344. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/xpvycl>
- Корнилова Т. В. Мельбурнский опросник принятия решений: русскоязычная адаптация. *Психологические исследования*. 2013. Т. 6. № 31. [Kornilova T. V. Melbourne Decision Making questionnaire: A Russian adaptation. *Psychological Studies*, 2013, 6(31). (In Russ.)] <https://doi.org/10.54359/ps.v6i31.671>
- Корнилова Т. В. Методологические проблемы психологии принятия решений. *Психологический журнал*. 2005. Т. 26. № 1. С. 7–17. [Kornilova T. V. Methodological problems of decision making psychology. *Psichologicheskii Zhurnal*, 2005, 26(1): 7–17. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/hrvrit>

- Корнилова Т. В. Общие стили принятия решений: апробация русскоязычной модификации опросника GDMS. *Вестник Московского университета. Серия 14: Психология*. 2024. Т. 47. № 3. С. 123–149. [Kornilova T. V. General decision-making styles: Testing the Russian-language modification of the GDMS questionnaire. *Lomonosov Psychology Journal*, 2024, 47(3): 123–149. (In Russ.)] <https://doi.org/10.11621/LPJ-24-32>
- Кравченко А. И. Выбор профессии: концептуальные фреймы и эмпирические тренды. *Социология*. 2020. № 4. С. 22–51. [Kravchenko A. I. Profession choice: Conceptual frames and empirical trends. *Sotsiologiya*, 2020, (4): 22–51. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/noqsxx>
- Краснорядцева О. М. Образовательный опыт развития рефлексии в структуре личностных компетенций студентов, обучающихся менеджменту. *Сибирский психологический журнал*. 2015. № 58. С. 45–60. [Krasnoryadtseva O. M. Educational experience of reflection developing in the personal competencies structure of students studying management. *Sibirskiy Psikhologicheskiy Zhurnal*, 2015, (58): 45–60. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17223/17267080/58/3>
- Краснорядцева О. М., Тетерина Е. С., Бредун Е. В., Подойницина М. А. Когнитивный выбор как предиктор принятия решений. *Сибирский психологический журнал*. 2024. № 94. С. 139–155. [Krasnoryadtseva O. M., Teterina E. S., Bredun E. V., Podoynitsina M. A. Cognitive choice as a predictor of decision making. *Sibirskiy Psikhologicheskiy Zhurnal*, 2024, (94): 139–155. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17223/17267080/94/8>
- Кузнецов И. Ю. Профессиональный поступок. Ученые записки кафедры психологии Северного Международного университета. Магадан: Кордис, 2001. Вып. 1. С. 77–87. [Kuznetsov I. Yu. Professional act. *Proceedings of the Department of Psychology, Northern International University*. Magadan: Kordis, 2001, iss. 1, 77–87. (In Russ.)]
- Леонтьев Д. А., Овчинникова Е. Ю., Рассказова Е. И., Фам А. Х. Психология выбора. М.: Смысл, 2015. 1984 с. [Leontiev D. A., Ovchinnikova E. Yu., Rasskazova E. I., Fam A. Kh. *Psychology of choice*. Moscow: Smysl, 2015, 1984. (In Russ.)]
- Леонтьев Д. А., Фам А. Х. Как мы выбираем: структуры переживания собственного выбора и их связь с характеристиками личности. *Вестник Московского университета. Серия 14: Психология*. 2011. № 1. С. 39–53. [Leontiev D. A., Pham A. Kh. How we choose: The structures of subjective experience of one's choice and their connections with personality variables. *Lomonosov Psychology Journal*, 2011, (1): 39–53. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/nxnpjl>
- Леонтьев Д. А., Шелобанова Е. В. Профессиональное самоопределение как построение образов возможного будущего. *Вопросы психологии*. 2001. № 1. С. 57–65. [Leontiev D. A., Shelobanova E. V. Vocational choice as anticipation of images of possible future. *Voprosy Psichologii*, 2001, (1): 57–65. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/mwhtbx>
- Мироненкова Н. Н. Проблема ценностно-смыслового выбора в современных психолого-педагогических исследованиях. *Азимут научных исследований: педагогика и психология*. 2019. Т. 8. № 2. С. 158–161. [Mironenkova N. N. The problem of value-semantic choice in modern psychological-pedagogical researches. *Azimuth of Scientific Research: Pedagogy and Psychology*, 2019, 8(2): 158–161. (In Russ.)] <https://doi.org/10.26140/anip-2019-0802-0034>
- Носкова Н. В. Проблема выбора и психология возрастного развития человека. *Вестник ПСТГУ. Серия 4: Педагогика. Психология*. 2008. № 3. С. 59–70. [Noskova N. V. Problem of choice and man's age-related development psychology. *Bulletin of PSTGU. Ser. IV: Pedagogika. Psichologiya*, 2008, (3): 59–70. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/jxkmvt>
- Попов Е. А. Профессия психолога: идеалы абитуриентов и обоснованность выбора студентов. *Социодинамика*. 2022. № 11. С. 28–43. [Popov E. A. The profession of a psychologist: The ideals of applicants and the validity of the choice of students. *Sociodynamics*, 2022, (11): 28–43. (In Russ.)] <https://doi.org/10.25136/2409-7144.2022.11.39158>
- Пряжников Н. С. Методы активизации профессионального и личностного самоопределения. М.: МПСИ; Воронеж: МОДЭК, 2002. 400 с. [Pryazhnikov N. S. *Methods of activating professional and personal self-identification*. Moscow: MPSI; Voronezh: MODEK, 2002, 400. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/wlonnv>
- Разваляева А. Ю. Апробация опросника «Тенденции в принятии решений» на русскоязычной выборке. *Консультативная психология и психотерапия*. 2018. Т. 26. № 3. С. 146–163. [Razvaliaeva A. Yu. Approbation of the decision making tendency inventory in the Russian sample. *Counseling Psychology and Psychotherapy*, 2018, 26(3): 146–163. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17759/cpp.2018260308>

- Сафин В. Ф., Ников Г. П. Психологический аспект самоопределения. *Психологический журнал*. 1984. Т. 5. № 4. С. 65–73. [Safin V. F., Nikov G. P. Psychological aspect of self-identification. *Psichologicheskii Zhurnal*, 1984, 5(4): 65–73. (In Russ.)]
- Стефаненко Н. А. Экзистенциальный выбор подростка как педагогическая проблема. *Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. Серия: Педагогика. Психология. Социальная работа. Ювенология. Социокинетика*. 2010. Т. 16. № 3. С. 15–19. [Stefanenko N. A. Existential choice of the teenager as the pedagogic problem. *Vestnik KGU im. N. A. Nekrasova. Seriya: Pedagogika. Psichologiya. Sotsialnaia rabota. Juvenologiya. Sotsiokinetika*, 2010, 16(3): 15–19. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ntucih>
- Сунцова Я. С., Мешков И. Ю. Феномены выбора и принятия решения в психологической науке. *Вестник Удмуртского университета. Серия Философия. Психология. Педагогика*. 2022. Т. 32. № 4. С. 395–404. [Suntsova Ya. S., Meshkov I. Yu. The phenomena of choice and decision-making in psychological science. *Bulletin of Udmurt University. Series Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2022, 32(4): 395–404. (In Russ.)] <https://doi.org/10.35634/2412-9550-2022-32-4-395-404>
- Турнова Ю. И., Николаева Н. Н., Ильина С. А., Пичугина М. В. Проблема выбора в современных условиях. *Казанский педагогический журнал*. 2022. № 4. С. 236–243. [Turnova Yu. I., Nikolaeva N. N., Ilyina S. A., Pichugina M. V. The problem of choice in modern conditions. *Kazan Pedagogical Journal*, 2022, (4): 236–243. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/pfhukp>
- Фам А. Х., Леонтьев Д. А. Субъективное конструирование выбора в ситуациях разного уровня значимости (Часть 1). *Вестник Московского университета. Серия 14: Психология*. 2013а. № 1. С. 84–96. [Fam A. Kh., Leontiev D. A. Subjective construction of choice in situations of different scale of importance (Part 1). *Lomonosov Psychology Journal*, 2013a, (1): 84–96. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/pxstwh>
- Фам А. Х., Леонтьев Д. А. Субъективное конструирование выбора в ситуациях разного уровня значимости (Окончание). *Вестник Московского университета. Серия 14: Психология*. 2013б. № 2. С. 93–105. [Fam A. Kh., Leontiev D. A. Subjective construction of choice in situations of different scale of importance (the end). *Lomonosov Psychology Journal*, 2013b, (2): 93–105. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qctpwz>
- Чугунов К. В., Николаева А. Б., Юдина С. В. Ориентиры, ожидания и факторы принятия решения о поступлении в вуз. *Вестник Томского государственного университета. Экономика*. 2024. № 65. С. 61–81. [Chugunov K. V., Nikolaeva A. B., Yudina S. V. Professional choice of a student: Guidelines, expectations and factors in making the decision to enter a university. *Tomsk State University Journal of Economics*, 2024, (65): 61–81. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17223/19988648/65/5>
- Шаронин Ю. В. Психологические основы выбора профессии в течение всей жизни. *Вестник РМАТ*. 2022. № 1. С. 42–47. [Sharonin Yu. V. Psychological foundations of career choice in the lifetime. *Vestnik RMAT*, 2022, (1): 42–47. (In Russ.)]
- Ясин М. И., Хухлаев О. Е. Русскоязычная адаптация опросника Д. Вебстер и А. Круглянски «Стремление к когнитивной закрытости». *Психология. Журнал Высшей школы экономики*. 2023. Т. 20. № 2. С. 282–299. [Yasin M. I., Khukhlaev O. E. Russian-language adaptation of the questionnaire D. Webster and A. Kruglyanski "The need for cognitive closure". *Psychology, Journal of the Higher School of Economics*, 2023, 20(2): 282–299. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2023-2-282-299>
- Anghel E., Gati I. The associations between career decision-making difficulties and negative emotional states. *Journal of Career Development*, 2021, 48(4): 537–551. <https://doi.org/10.1177/0894845319884119>
- Fris D. A. H., van Vianen A. E. M., Koen J., de Hoog M., de Pagter A. P. J. Medical students' career decision-making stress during clinical clerkships. *Perspectives on Medical Education*, 2022, 11(6): 350–358. <https://doi.org/10.1007/s40037-022-00734-8>
- Lent R. W., Brown S. D. Career decision making, fast and slow: Toward an integrative model of intervention for sustainable career choice. *Journal of Vocational Behavior*, 2020, 120. <https://doi.org/10.1016/j.jvb.2020.103448>
- Yusran N. A., Puad M. H. M., Omar M. K. Role of career exploration in influencing career choice among pre-university student. *Pertanika Journal of Social Science and Humanities*, 2021, 29(S1). <https://doi.org/10.47836/pjssh.29.s1.05>

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/lmjmr>

Профессионально-личностные качества специалистов-кинологов Росгвардии на различных этапах профессионализации

Скрипкина Татьяна Петровна

Научно-исследовательский институт Федеральной службы
исполнения наказаний России, Россия, Москва

eLibrary Author SPIN: 2566-4808

Scopus Author ID: 57221202571

Кусакина Елена Аркадьевна

Пермский институт Федеральной службы исполнения наказаний
России, Россия, Пермь

eLibrary Author SPIN: 9377-0436

kea.perm@mail.ru

Аннотация: Рассмотрен один из важнейших компонентов психологической структуры субъекта профессиональной деятельности – качества и свойства личности на примере специалистов-кинологов Росгвардии, который влияет на эффективность выполнения поставленных служебно-боевых задач. Цель – определить в структуре личности необходимые профессионально важные и профессионально значимые качества специалистов-кинологов, находящихся на разных этапах профессионализации. Эмпирическое исследование позволило определить направления психолого-педагогического сопровождения в становлении личности профессионала. В нем приняли участие 20 курсантов 4 курса кинологического факультета Пермского военного института Росгвардии и 23 специалиста-кинолога (выполняющие служебно-боевые задачи в зоне специальной военной операции) Отдельной Краснознамённой дивизии оперативного назначения имени Ф. Э. Дзержинского войск национальной гвардии Российской Федерации. Использованы следующие методики: психометрика русскоязычной версии Big Five Inventory-2 (А. Ю. Калугин и др.); опросник структуры темперамента (В. М. Русалов); методика Шварца по изучению ценностных ориентаций; опросник «Стиль саморегуляции поведения ССП-98» (В. И. Моросанова); симптоматический опросник «Самочувствие в экстремальных условиях» (А. Волков, Н. Водопьянова); методика «Тип мышления» (модификация Г. Резапкиной); короткий опросник Темной триады (SD3) (адаптация М. С. Егоровой, М. А. Ситниковой, О. В. Паршиковой). Полученные данные подвергались описательной статистике и межгрупповому сравнению (использование U-критерия Манна-Уитни). В результате исследования установлено, что исследуемые свойства и качества в обеих группах респондентов имеют по ряду показателей значимые отличия, что свидетельствует о влиянии предметной деятельности на формирование личности профессионала и позволяет определить направления его психолого-педагогического сопровождения.

Ключевые слова: национальная безопасность, специалист-кинолог, курсанты, Росгвардия, психологические свойства, качества личности, уровень саморегуляции

Цитирование: Скрипкина Т. П., Кусакина Е. А. Профессионально-личностные качества специалистов-кинологов Росгвардии на различных этапах профессионализации. *СибСкрипт*. 2025. Т. 27. № 5. С. 957–972.
<https://doi.org/10.21603/sibscript-2025-27-5-957-972>

Поступила в редакцию 27.06.2025. Принята после рецензирования 26.09.2025. Принята в печать 29.09.2025.

full article

Canine Trainers in Russian National Guard: Professional and Personal Qualities during Training

Tatyana P. Skripkina

Research Institute of the Federal Penitentiary Service, Russia, Moscow

eLibrary Author SPIN: 2566-4808

Scopus Author ID: 57221202571

Elena A. Kusakina

Perm Institute of the Federal Penitentiary Service, Russia, Perm

eLibrary Author SPIN: 9377-0436

kea.perm@mail.ru

Abstract: Professional qualities and personality traits affect the efficiency of canine team in the Russian National Guard during routine service and military operations. The research involved 20 fourth-year students of the Department of Cynology, Perm Military Institution of the Russian National Guard, and 23 canine trainers of the National Guard currently working at the Special Military Operation. The following questionnaires made it possible to determine a set of personal professional qualities at different stages of education and work: Big Five Inventory-2 (A. Yu. Kalugin et al.); Temperament Structure (V. M. Rusalov); S. Schwartz's Value Survey; Self-Control Style (V. I. Morosanova); Well-Being in Extreme Conditions (A. Volkov & N. Vodopyanova); Cognitive Type (modified by G. Rezapkina); Dark Triad (SD3) (adapted by M. S. Egorova et al.). The obtained data were subjected to descriptive statistics and intergroup comparison using the Mann-Whitney U-Test. The personal qualities demonstrated significant differences in a number of indicators. Thus, professional dog training and handling affects personality development, which reveals prospective directions of psychological and pedagogical support for future military canine trainers.

Keywords: national security, canine trainer, military cadets, Russian National Guard, psychological properties, personality traits, self-control

Citation: Skripkina T. P., Kusakina E. A. Canine Trainers in Russian National Guard: Professional and Personal Qualities during Training. *SibScript*, 2025, 27(5): 957–972. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/sibscript-2025-27-5-957-972>

Received 27 Jun 2025. Accepted after peer review 26 Sep 2025. Accepted for publication 29 Sep 2025.

Введение

На современном этапе развития государства общество испытывает высокий уровень напряженности по причине обострения межнациональных конфликтов, активности террористических организаций и других проявлений криминального сообщества. Обеспечение государственной и общественной безопасности становится одной из первостепенных целей Стратегии национальной безопасности Российской Федерации¹. Достижение поставленной цели возможно в ситуации высокого уровня профессиональной готовности представителей силовых ведомств Российской Федерации. Как отметил в своем обращении к выпускникам военных вузов главнокомандующий России В. В. Путин: «Безопасность граждан и развитие страны во многом зависит от эффективности правоохранительных

органов и специальных служб. Именно офицеры и их профессиональный подход определяют результативность всей работы по укреплению работоспособности России»².

Как отметил заместитель главнокомандующего войсками национальной гвардии Российской Федерации генерал-полковник Алексей Воробьев: «кинологи на протяжении 115 лет отверженно выполняют возложенные на них служебно-боевые задачи по обеспечению безопасности государства, общества и граждан. Профессионализм специалистов, трудолюбие и инициатива являются гарантом эффективной борьбы с преступностью, терроризмом и экстремизмом»³. Профессиональная деятельность специалистов-кинологов Росгвардии сопряжена с высоким уровнем

¹ О стратегии национальной безопасности Российской Федерации. Указ Президента РФ № 400 от 02.07.2021. ИПП Гарант.

² В. В. Путин рассказал, от чего зависит безопасность граждан и развитие России. РИА Новости. 21.06.2024. URL: <https://ria.ru/20240621/putin-1954543160.html> (дата обращения: 20.04.2025).

³ Генерал-полковник Алексей Воробьев поздравил кинологов Росгвардии с профессиональным праздником (видео). Лента новостей Удмуртии. 21.06.2024. URL: <https://udmurt-news.net/incident/2024/06/21/48529.html> (дата обращения: 18.04.2025).

опасности и риска для жизни. Решение таких задач, как охрана важнейших государственных объектов, общественного порядка, проведение специальных операций по борьбе с незаконными вооруженными объединениями и ячейками, особенно в зоне специальной военной операции предъявляет к психологическим ресурсам личности кинолога высокие требования. Превращение личности в полноценного субъекта профессионального труда осуществляется не в моментальном отрезке жизненного пути. Как правило, профессиональное становление личности берет свое начало задолго до принятия окончательного решения о выборе учебного заведения соответствующего профиля. В зарубежной психологической литературе процесс профессионального становления рассматривается учеными в контексте психологии карьеры или карьерного развития и находит свое отражение в трудах Ф. Парсонса, Ш. Бюлера, К. Зиферта [Bühler 1962; Parsons 2008; Siefert 1977]. В ряде работ отмечается, что успех профессионализации напрямую связан с типом личности [Holland 1973; Super 1957; Super, Bahn 1971].

Современная психологическая отечественная наука достаточно широко освещает проблематику профессионального становления личности в контексте жизненной самореализации. Одним из ключевых аспектов профессионализации в исследовании Ю. П. Поваренкова является системогенетический подход к изучению личности в профессии, в рамках которого деятельность важно качества профessionала занимают определяющую позицию и понимаются как система индивидуальных качеств разного уровня интерактивности, влияющая на эффективность формирования, реализации, оптимизации, преобразования профессиональной и метапрофессиональной деятельности в целом и их отдельных компонентов [Поваренков 2021: 172]. Позиция ученого о том, что изучение личностных качеств должно стать основой совершенствования системы профессиональной подготовки специалистов, включая диагностику и оценку уровня сформированности личности, находит свое подтверждение и в других фундаментальных исследованиях.

В монографическом исследовании А. Р. Фонарева проблема личностного становления в профессии, изучение параметров, позволяющих строить обобщенный психологический портрет, включает в себя уровневую организацию профессионально значимых качеств. Выделение важных в профессии качеств определяется результатами исследований личности в конкретной

профессиональной сфере [Фонарев 1998: 146]. По мнению В. А. Бодрова, профессиональная готовность, а в дальнейшем и успех в профессии определяются совокупностью индивидуальных особенностей личности, влияющих на эффективность ее выполнения. Ключевыми психологическими образованиями являются профессиональная мотивация, совокупность знаний, умений и навыков, физиологические функции, профессионально важные качества, темперамент, характер [Бодров 2001: 323].

В эмпирическом исследовании В. Д. Шадрикова доказана специфичность группы качеств субъекта труда, влияющих на эффективность освоения деятельности и их несводимость к собственно профессионально важным качествам – учебно важным качествам. Выделение и разделение данной группы качеств имеет важное методологическое значение для выделения их в метапрофессиональные качества [Шадриков 2004]. В научной литературе достаточно широко освещаются результаты исследований по формированию личностных качеств будущих специалистов на этапе освоения профессии в образовательном пространстве вуза [Бабакина, Попова 2025; Большунова, Чапоргин 2024; Корнеева и др. 2023; Мамонтова 2025; Серебренникова 2022].

Изучение психологических закономерностей профессионально-личностного становления специалистов-кинологов силовых ведомств на различных этапах профессионализации, в частности личностных качеств, препятствующих карьерному росту, а также образованию профессиональных деструкций, представлено в монографическом исследовании Е. А. Кусакиной [Кусакина 2017: 53]. В ряде исследований затрагивались вопросы мотивационной готовности специалистов-кинологов к службе [Дорофеев, Кисилев 2012], аспекты психофизиологической совместимости специалистов-кинологов и служебной собаки при выполнении служебных задач [Данилова 2022; Кусакина, Мальчиков 2019], особенности влияния личностных качеств на повышение результативности деятельности кинолога [Лебедева, Пикалова 2016], методика применения пятифакторного опросника в изучении личностных особенностей [Кусакина 2024], создание психограммы как важнейшего элемента в построении профессиограммы специалистов-кинологов МВД России [Скрипкина, Кусакина 2024], критерии профессионального становления специалистов-кинологов [Кусакина 2023].

Важнейшим направлением в осуществлении психолого-педагогического сопровождения станов-

ления личности профессионала в области служебной кинологии является выбор инструмента для профилактики возможных личностных и профессиональных деструкций. Учитывая психологические особенности личности, важным становится выбор правильной педагогической технологии в решении психологической задачи. В арсенале субъектов психологического сопровождения профессионализации личности методами могут выступать техники формирования знаний, приемы активизации умений и навыков, тренинги по повышению мотивационной готовности, коммуникативной компетентности, профессиональной ориентации. В качестве дополнения к коррекционным программам уместны упражнения по снятию эмоционального напряжения, рефлексии и релаксационно-оздоровительные упражнения.

Цель – определить в структуре личности необходимые профессионально важные и профессионально значимые качества специалистов-кинологов, находящихся на разных этапах профессионализации.

Методы и материалы

В результате проведения фокусированного интервью со специалистами-кинологами Росгвардии была смоделирована психологическая структура субъекта труда, где основными компонентами выступили качества и свойства личности, влияющие на эффективность выполнения служебно-боевых задач. В эмпирическом исследовании приняли участие 20 курсантов 4 курса кинологического факультета Пермского военного института Росгвардии и 23 специалиста-кинолога (выполняющие служебно-боевые задачи в зоне специальной военной операции) Отдельной Краснознамённой дивизии оперативного назначения имени Ф. Э. Дзержинского войск национальной гвардии Российской Федерации.

С помощью матрицы методики исследования (по А. М. Столяренко) был подобран психодиагностический инструментарий для оценки психологических особенностей личности: психометрика русскоязычной версии Big Five Inventory-2 (А. Ю. Калугин, С. А. Щебетенко, А. М. Мишкевич, К. Д. Сото, О. П. Джон) [Калугин и др. 2021]; опросник структуры темперамента (В. М. Русалов) [Русалов 1990]; методика Ш. Шварца

по изучению ценностных ориентаций [Schwartz 1994]; опросник «Стиль саморегуляции поведения ССП-98» (В. И. Моросанова)⁴; симптоматический опросник «Самочувствие в экстремальных условиях» (А. Волков, Н. Водопьянова) [Волков, Водопьянова 2009]; методика «Тип мышления» (модификация Г. В. Резапкиной)⁵; короткий опросник Темной триады (SD3) (адаптация М. С. Егоровой, М. А. Ситниковой, О. В. Паршиковой) [Егорова и др. 2015].

Статистически значимые различия исследуемых параметров групп курсантов и специалистов-кинологов производились с использованием U-критерия Манна-Уитни.

Результаты

Используемый нами опросник структуры темперамента В. М. Русалова направлен на диагностику свойств нервной системы, особенностей поведения и деятельности личности через призму прогноза успешности в профессиональной деятельности. Анализируя полученные результаты по обеим выборкам (курсанты и специалисты-кинологи), можно говорить о том, что такие показатели, как предметная эргичность, социальная эргичность, пластичность, социальная зрелость, находятся в пределах нормы (рис. 1).

Можно утверждать, что участники исследования избирательны в проявлении активности, способны на протяжении длительного времени сохранять необходимый для решения задач уровень работоспособности, особенно в ситуации личной заинтересованности и высокого уровня мотивации достижения профессиональной цели. Респонденты испытывают адекватную потребность в установлении социальных контактов, избирательны по отношению к субъектам и решаемым задачам. Показатель по шкале *пластичность* указывает на способность кинологов переключаться с одного вида деятельности на другой, учитывая обстоятельства предметной среды и личную установку на преобразования себя и форм предметной деятельности. Показатели социальной пластичности отражают оптимальную степень легкости переключения внимания в процессе общения и многообразие различных техник установления психологического контакта в процессе коммуникации. Обращает на себя внимание тот факт,

⁴ Опросник «Стиль саморегуляции поведения» (ССП-98) В. И. Моросановой. In: Байбординова Л. В., Беляева О. А., Бушкова Ю. А., Чернявская А. П., Юферова М. А. Мониторинг допрофессиональной педагогической подготовки школьников. Ярославль: ЯГПУ, 2021. С. 118–127. <https://elibrary.ru/vphzrm>

⁵ Методика определения типа мышления в модификации Г. В. Резапкиной. In: Байбординова Л. В., Беляева О. А., Бушкова Ю. А., Чернявская А. П., Юферова М. А. Мониторинг допрофессиональной педагогической подготовки школьников. Ярославль: ЯГПУ, 2021. С. 132–135. <https://elibrary.ru/kakkzi>

что курсантов характеризует быстрота моторно-двигательных актов, высокая скорость операций при выполнении поставленных задач. У сотрудников данный показатель находится в пределах нормы (7,80). Аналогичная ситуация – по шкале *социальный темп*, которая отражает скорость речедвигательных актов в процессе коммуникации. Курсанты активны в построении диалога, отличаются высокой скоростью в ответах на речевые стимулы и активным применением средств невербальной коммуникации. Полученные результаты по шкале *эмоциональность* в обеих группах респондентов позволяют говорить о том, что в ситуации фruстрации, неудачи, допущенных ошибок не возникает ощущения неуверенности или потери интереса к решению поставленной задачи, а наоборот, возникает состояние спокойствия и уверенности в способности изменить ситуацию и преодолеть возникавшие препятствия в достижении цели. Также специалисты-кинологи и курсанты вполне адекватны в реакциях на неудачи в общении и к критике со стороны субъектов коммуникации.

Установлено, что курсанты-кинологи на значимом уровне отличаются более высокой выраженностью эргичности ($U = 140$; $p < 0,05$), социальной эргичности ($U = 141,5$; $p < 0,05$), темпом психической деятельности ($U = 115$; $p < 0,01$) и менее выраженной эмоциональностью ($U = 149,5$; $p < 0,05$) (табл. 1). Это позволяет утверждать, что курсанты Росгвардии отличаются высокой функциональностью, которая проявляется в повышенной активности как в предметной деятельности, так и в коммуникативной. Они твердо уверены в себе и спокойно воспринимают неудачи, готовы к интенсивному труду (умственному и физическому), стремятся к лидерству и достижению высокого социального статуса, имеют высокую скорость выполняемой деятельности. Полученные результаты диагностического исследования коррелируют с результатами фокусированного интервью. В рамках фокус-группы обучающиеся занимали активную позицию в диалоге, создавали ситуацию живой дискуссии, отстаивали собственную точку зрения и смело выдвигали позицию о понимании своего предназначения в обеспечении безопасности страны.

Психометрика русскоязычной версии позволила изучить основополагающие черты личности и их аспекты: экстраверсия, доброжелательность, добросовестность, нейротизм и открытость опыта, которые являются профессионально важными в становлении личности профессионала. Курсанты характеризуются высоким уровнем выраженности

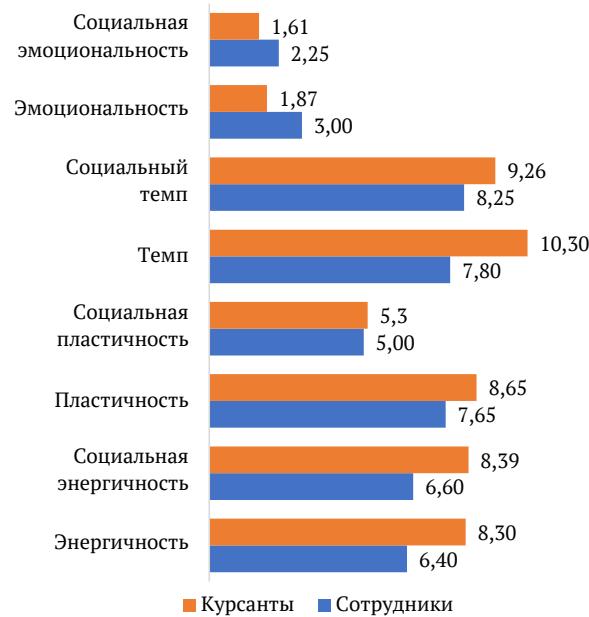

Рис. 1. Опросник структуры темперамента В. М. Русалова: степень выраженности показателей

Fig. 1. Temperament Structure Questionnaire (V. M. Rusalov): results

Табл. 1. Значимость различий в выраженности показателей темперамента у сотрудников и курсантов кинологической службы Росгвардии (U-критерий Манна-Уитни)

Tab. 1. Temperament indicators in employees and trainees of the Russian National Guard canine team: significant differences (Mann-Whitney U-test)

Диагностические шкалы	Средние значения		U	Z	p
	Курсанты	Сотрудники			
Эргичность	6,40	8,30	140	-2,19	0,028408*
Социальная эргичность	6,60	8,39	141,5	-2,16	0,030843*
Пластичность	7,65	8,65	190	-0,97	0,332532
Социальная пластичность	5,00	5,13	201,5	-0,69	0,488622
Темп	7,80	10,30	115	-2,83	0,004619**
Социальный темп	8,25	9,26	154,5	-1,85	0,064611
Эмоциональность	3,00	1,87	149,5	1,99	0,046462*
Социальная эмоциональность	2,25	1,61	171,5	1,47	0,140896

Прим.: * – $p < 0,05$; ** – $p < 0,01$.

доброподобности, экстравертированности и доброжелательности. Присущая им активность в освоении мира (познавательная, предметная, коммуникативная) сопровождается хорошо развитой организованностью, самодисциплиной, прилежностью и продуктивностью. Они открыты к общению, обладают способностями к влиянию на других, готовы принимать на себя ответственность за принятие решений, при необходимости проявляют настойчивость и напористость для достижения поставленных целей. В социальном взаимодействии курсанты доброжелательны, уважительны, достаточно отзывчивы и чутки, готовы к оказанию бескорыстной помощи. Низкий уровень негативной эмоциональности свидетельствует о высокой психологической устойчивости к воздействию негативных факторов среды. Также курсанты характеризуются открытостью опыта, что указывает на широту их интересов и способность к нестандартному решению задач.

Выявленные в результате фокусированного интервью свойства и качества специалиста-кинолога как профессионала подтверждаются результатами психодиагностики. Так, экстраверсия как свойство личности включает в себя такие аспекты, как общительность, настойчивость, энергичность. Необходимые кинологу-профессионалу сочувствие, уважительность и доверие включены в шкалу доброжелательность. Доброподобность, проявляющаяся в отношении к поставленным задачам, обнаруживается в таких чертах личности, как организованность, продуктивность и ответственность. Негативная эмоциональность включает в себя тревожность, депрессивность и эмоциональную изменчивость. Открытость опыта и применению инновационных технологий в области служебной кинологии проявляется в эстетичности, любознательности и творческом воображении. Для курсантов и сотрудников характерен оптимальный уровень общительности, они легко и быстро устанавливают контакт, взаимодействие выстраивается по принципу целесообразности и значимости в решении поставленных задач. В достижении поставленной цели, как общественной, так и лично значимой, курсанты более настойчивы и энергичны, способны к преодолению внешних и внутренних препятствий. Настойчивость как черта личности коррелирует с такими характеристиками, как целеустремленность, чувство долга, уверенность в своих возможностях и знаниях. Энергичность проявляется в демонстрации положительных эмоций в результате успеха и, несмотря на возникновение

трудностей, сохранении активной позиции в решении поставленных задач. Сочувствие как социальный аспект эмпатии у курсантов выражено сильнее, чем у сотрудников, и определяется способностью к сопереживанию и включенностью в решение коллективных задач и в заинтересованности к проблемам других. В целом анализ результатов математической статистики позволяет констатировать факт, что у сотрудников выявлены сходные особенности личностных черт при несколько менее выраженной экстравертированности, доброжелательности и доброподобности.

Среди отдельных аспектов личностных черт (рис. 2) можно отметить у курсантов более высокий уровень энергичности, сочувствия и продуктивности. Проверка статистической достоверности различий, результаты которой представлены в таблице 2, подтверждает наличие различий между курсантами и сотрудниками в выраженности личностных черт.

Рис. 2. Степень выраженности показателей по методике «Психометрика русскоязычной версии Big Five Inventory-2»
Fig. 2. Big Five Inventory-2: results

Табл. 2. Оценка различий между двумя независимыми выборками (Психометрика русскоязычной версии Big Five Inventory-2)

Tab. 2. Big Five Inventory-2: significant differences between employees and trainees

Диагностические шкалы	Средние значения		U	Z	p
	Сотрудники	Курсанты			
НПДРН	Экстраверсия	42,95	48,65	120,5	-2,47
	Доброжелательность	43,58	47,65	149	-1,75
	Добросовестность	47,79	52,22	144	-1,87
	Негативная эмоциональность	23,84	21,17	157,5	1,53
	Открытость опыту	44,16	45,83	189,5	-0,72
АСЛРН	Общительность	14,11	15,17	175	-1,09
	Настойчивость	14,42	15,96	154,5	-1,61
	Энергичность	14,42	17,52	89,5	-3,27
	Сочувствие	14,89	17,52	98	-3,06
	Уважительность	15,74	15,78	218	0,00
	Доверие	12,95	14,35	163,5	-1,38
	Организованность	16,26	17,09	186,5	-0,81
	Продуктивность	15,05	17,22	119,5	-2,51
	Ответственность	16,47	17,91	147	-1,82
	Тревожность	9,21	8,09	173	1,15
	Депрессивность	7,21	6,26	169,5	1,26
	Эмоциональная изменчивость	7,42	6,83	174,5	1,11
	Любознательность	14,89	15,91	169,5	-1,24
	Эстетичность	13,68	13,78	210,5	-0,19
	Творческое воображение	15,58	16,13	191,5	-0,67

Прим.: * – $p < 0,05$; ** – $p < 0,01$.

По сравнению с действующими специалистами-кинологами Росгвардии, курсанты характеризуются более ярко выраженной экстраверсией ($U = 120,5$; $p < 0,05$), что достигается прежде всего за счет более высокого уровня их энергичности ($U = 89,5$; $p < 0,01$). Кроме того, установлено, что курсанты-кинологи обладают более развитой способностью к сочувствию ($U = 98$; $p < 0,01$) и более высокими показателями продуктивности ($U = 119,5$; $p < 0,05$). Сниженный уровень эмпатии, энергичности и продуктивности у действующих специалистов-кинологов преимущественно связан с накоплением усталости и отсутствием необходимых ресурсов для восстановления психоэмоционального состояния.

Профили личности обеих групп по показателям макиавеллизма, психопатии и нарциссизма максимально сближены, что наглядно представлено на рисунке 3. Ведущим свойством личности респондентов выступает макиавеллизм, проявляющийся как склонность к манипуляциям для достижения поставленной цели. Нарциссизм характеризуется повышенной самооценкой, хвастовством и высокомерным поведением. Психопатия выражается в импульсивности, эмоциональности и низком уровне ответственности. Проверка значимости различий подтверждает отсутствие статистически достоверных различий между группами по психологическим чертам Темной триады (табл. 3).

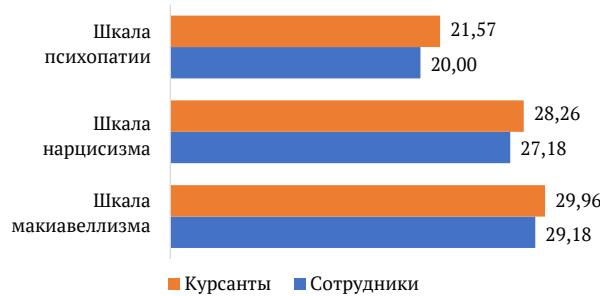

Рис. 3. Средние значения показателей Темной триады личностных свойств сотрудников и курсантов кинологической службы Росгвардии
Fig. 3. Dark Triad Test, mean values

Табл. 3. Значимость различий в выраженности показателей Темной триады личностных свойств у сотрудников и курсантов кинологической службы Росгвардии (U-критерий Манна-Уитни)

Tab. 3. Dark Triad Test: significant differences between employees and trainees (Mann-Whitney U-test)

Диагностические шкалы	Средние значения		U	Z	p
	Сотрудники	Курсанты			
Шкала макиавеллизма	29,18	29,96	183	-0,33	0,741843
Шкала нарцисизма	27,18	28,26	184	-0,30	0,762735
Шкала психопатии	20,00	21,57	185	-0,27	0,783771

Исследование системы ценностей специалистов-кинологов и курсантов осуществлялось с помощью методики Ш. Шварца по изучению ценностей, идеалов и убеждений, ранжирование которых предполагает построение иерархии на уровне индивидуальных приоритетов и нормативных идеалов (обзор ценностей). Нормативные ценности личности на уровне убеждений оказывают влияние на личность, но не всегда определяют ее поведение. Индивидуальные приоритеты (профиль личности) лежат в основе действия и поступков личности. Полученные результаты и их сопоставление свидетельствуют о наличии ценностного конфликта, согласованности ценностей между собой (рис. 4, рис. 5).

Сопоставляя личностные ценностные приоритеты и нормативные идеалы, можно заметить, что сотрудники и курсанты свободны от ценностных конфликтов. Так, ни в одной из групп не наблюдается явных рассогласований между декларируемыми и реальными ценностями, а реализация значимых ценностей не ограничена ни внешними условиями, ни наличием конкурирующих ценностей.

Согласно теории Ш. Шварца, ценностно-интенциональная согласованность свойственна лицам с выраженной дифференциацией убеждений, идеалов, моральных норм. Напротив, ценностная рассогласованность характерна для лиц, имеющих размытые, слабо дифференцированные нормативные идеалы. В условиях социальных ограничений у ценностно конфликтных не только невозможно проявление своих убеждений, но даже происходит «сужение репертуара» ценностной репрезентации социально реализуемого поведения. У ценностно согласованных, напротив, этот репертуар вовсе не сужается, а на поведенческом уровне остается таким же дифференцированным, как и на уровне убеждений. Важно также еще раз указать (и это главное) на то, что поведенческая репрезентация ценностно согласованных соответствует их моральным нормам, убеждениям, принципам, в то время как у ценностно конфликтных происходит трансформация ценностей на уровне поведенческой репрезентации.

В обеих группах кинологов наблюдается довольно слабо дифференцированная система нормативных идеалов. Подавляющее большинство ценностей оцениваются сотрудниками и курсантами как *важные / достаточно важные*. Чуть более значимыми выступают ценности безопасности и конформности. Низкая структурированность системы ценностных идеалов может детерминироваться различными причинами (требующими отдельного изучения): недостаточная интериоризация или низкая устойчивость ценностной системы, недостаточно развитая рефлексия, действие защитных механизмов для избегания конфликта между ценностями среды и индивидуальными убеждениями. При этом практическая регуляция деятельности специалистов-кинологов Росгвардии направляется прежде всего ценностями самостоятельности и безопасности (рис. 5). Сотрудники и курсанты в своем поведении склонны исходить из принципов безопасности и стабильности, они стремятся к автономности и независимости, испытывая потребность в самостоятельной регуляции и управлении своим мышлением и деятельностью.

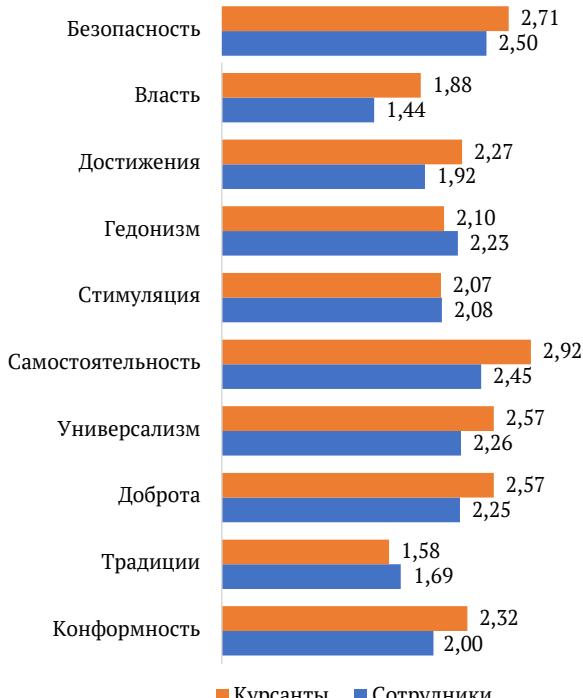

Рис. 4. Средние значения нормативных идеалов у сотрудников и курсантов кинологической службы Росгвардии
Fig. 4. Standard ideals, mean values

Между специалистами-кинологами и курсантами не обнаружено значимых различий по ценностным ориентациям (табл. 4). Это означает, что они обладают сходными нормативными идеалами и личностными приоритетами, ключевое место среди которых занимает ценность безопасности.

Анализируя особенности когнитивной сферы, можно говорить о том, что типы мышления у респондентов имеют средний уровень развития (рис. 6). К преобладающему типу в обеих группах можно отнести предметно-действенное мышление, что позволяет охарактеризовать специалистов-кинологов прежде всего как людей дела, которые предпочитают познавать мир и усваивать информацию через практическую деятельность, движение, с помощью проб и ошибок. Опираясь на многочисленные исследования в области военной психологии, в условиях реальных боевых действий или в ситуациях, сопряженных с риском и угрозой жизни и здоровья, для успешного решения задач требуется тип мышления, позволяющий быстро и точно справляться с интеллектуальной и креативной нагрузкой. Нестандартность военной ситуации зачастую требует воспроизведения не готовых интеллектуальных схем по отработке действий,

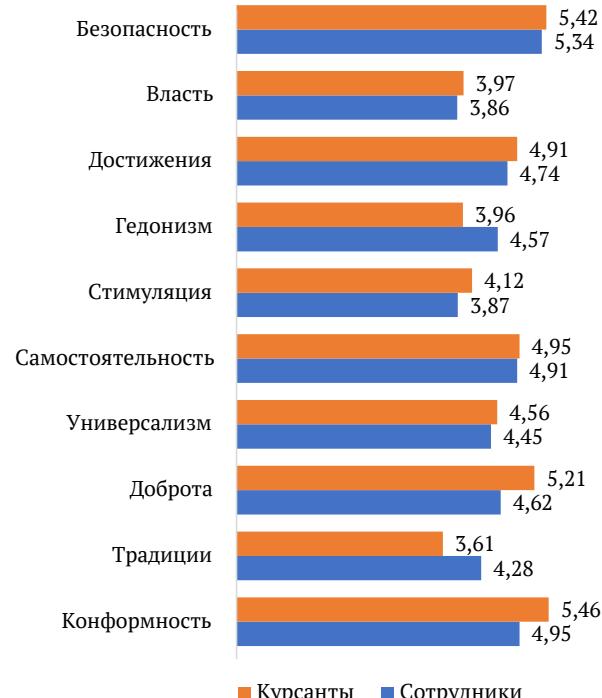

Рис. 5. Средние значения ценностей профиля личности сотрудников и курсантов кинологической службы Росгвардии
Fig. 5. Professional and personality values: employees vs. trainees, mean values

а моментального принятия решения об изменении тактики выполнения задачи. Креативное (творческое) мышление занимает также доминирующую позицию в профиле сотрудника и курсанта Росгвардии. Учитывая тот факт, что специалист-кинолог выполняет поставленные задачи в составе кинологического расчета, необходимо акцентировать внимание на том, что он занимает ведущую роль в нем и по своей сути является командиром. В связи с этим он должен уметь мыслить абстрактно, быстро моделировать различные комбинации, прогнозировать исход тактического решения, координировать свои действия в моменте переструктурирования мыслительного образа. Рассматривая средние значения типов мышления в обеих группах, можно отметить, что абстрактно-символическое мышление менее развито.

Статистическая проверка достоверности различий (табл. 5) не вывела специфических особенностей типа мышления у сотрудников и курсантов кинологической службы Росгвардии.

Уровень развития рефлексивных способностей специалистов-кинологов был выявлен в результате применения методики определения стиля саморегуляции, которая позволяет дать оценку всем

Табл. 4. Значимость различий в выраженности ценностных показателей у сотрудников и курсантов кинологической службы Росгвардии (U-критерий Манна-Уитни)

Tab. 4. Value indicators: significant differences between employees and trainees (Mann-Whitney U-test)

	Диагностические шкалы	Средние значения		U	Z	p
		Сотрудники	Курсанты			
Уровень нормативных идеалов	Конформность	4,95	5,46	181,5	-1,17	0,240573
	Традиции	4,28	3,61	181	1,18	0,236848
	Доброта	4,62	5,21	177,5	-1,27	0,204051
	Универсализм	4,45	4,56	212,5	-0,41	0,678611
	Самостоятельность	4,91	4,95	223,5	-0,15	0,883672
	Стимуляция	3,87	4,12	191	-0,94	0,346097
	Гедонизм	4,57	3,96	174	1,36	0,175265
	Достижения	4,74	4,91	218	-0,28	0,778436
	Власть	3,86	3,97	216,5	-0,32	0,751275
Уровень индивидуальных приоритетов	Безопасность	5,34	5,42	220,5	0,22	0,826157
	Конформность	2,00	2,32	171	-1,44	0,151043
	Традиции	1,69	1,58	219	0,26	0,797398
	Доброта	2,25	2,57	162	-1,66	0,097286
	Универсализм	2,26	2,57	180	-1,21	0,226208
	Самостоятельность	2,45	2,92	170	-1,46	0,144933
	Стимуляция	2,08	2,07	216,5	-0,32	0,749573
	Гедонизм	2,23	2,10	213,5	0,39	0,695197
	Достижения	1,92	2,27	180,5	-1,20	0,231110
	Власть	1,44	1,88	184	-1,11	0,265387
	Безопасность	2,50	2,71	211,5	-0,44	0,657176

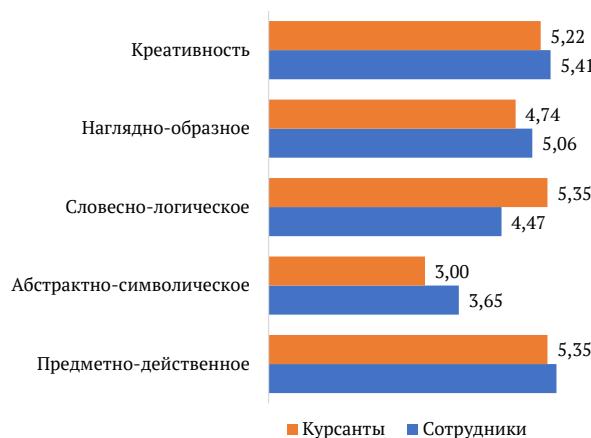

Рис. 6. Средние значения показателей типов мышления у сотрудников и курсантов кинологической службы Росгвардии

Fig. 6. Cognitive types: employees vs. trainees, mean values

составляющим рефлексии. В научном исследовании А. В. Карпова подчеркивается, что именно рефлексивность – показатель высшего уровня психических процессов, позволяющий эффективно выстраивать свою жизнедеятельность, в том числе и профессиональную [Карпов 2004: 234]. По мнению Т. Л. Худяковой и А. Н. Севрюковой, «рефлексивная компетентность помогает личности в процессе профессионального становления сформировать свой уникальный стиль, научиться адекватно оценивать свои профессиональные и личные достижения, анализировать полученные результаты и прогнозировать пути повышения эффективности своей деятельности» [Худякова, Севрюкова 2015: 82].

Закономерно, что сформированность рефлексивных способностей является следствием высокого

Табл. 5. Значимость различий в выраженности показателей типов мышления у сотрудников и курсантов кинологической службы Росгвардии (U-критерий Манна-Уитни)
Tab. 5. Cognitive types: significant differences between employees and trainees (Mann-Whitney U-test)

Диагностические шкалы	Средние значения		U	Z	p
	Сотрудники	Курсанты			
Предметно-действенное	5,59	5,35	173,5	0,60	0,550620
Абстрактно-символическое	3,65	3,00	169	0,72	0,472388
Словесно-логическое	4,47	5,35	146,5	-1,35	0,176239
Наглядно-образное	5,06	4,74	177,5	0,49	0,626931
Креативность	5,41	5,22	180	0,42	0,674078

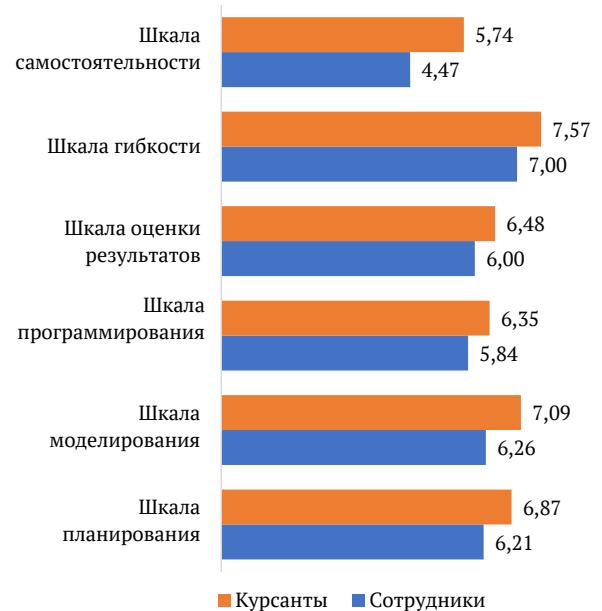

Рис. 7. Средние значения показателей саморегуляции у сотрудников и курсантов кинологической службы Росгвардии
Fig. 7. Self-control indicators: employees vs. trainees, mean values

уровня мотивации и осознанности личностного принятия профессии как ценности и владением системы специальных знаний, умений и навыков в области решения и выполнения профессиональных задач. Рефлексивные способности специалистов-кинологов проявляются в готовности к анализу, оценке, осмыслению и корректировке результатов выполнения поставленных задач и самостоятельных решений, принятых в ходе их выполнения. В результате рефлексии как важнейшего регуляторного механизма профессиональной деятельности существенное значение приобретает овладение сотрудниками эффективными способами самопознания, накопление индивидуального опыта и дальнейшее его применение в процессе профессионализации.

В ходе эмпирического исследования было выявлено, что регулятивные процессы у сотрудников и курсантов сформированы и имеют достаточно высокую выраженность (граница среднего и высокого уровней), что свидетельствует о структурированной индивидуальной системе осознанной саморегуляции произвольной активности (рис. 7).

Испытуемые продемонстрировали высокий уровень регуляторной гибкости, что свидетельствует о способности перестраивать всю систему саморегуляции в зависимости от внешних обстоятельств.

Учитывая характер и сложность выполняемых служебно-боевых задач, необходимо отметить, что доминирование гибкости и пластиности в структуре психики специалистов-кинологов Росгвардии позволяет в ситуации рассогласования поставленной цели и полученного результата максимально быстро и точно грамотно оценить обстоятельства и перестроить программу действий. Особую значимость пластиность приобретает в ситуации риска, уверенность в себе и динамичность психики позволяют минимизировать разрушительность внешнего воздействия. Следует отметить, что у курсантов выраженность всех показателей саморегуляции выше, чем у действующих специалистов-кинологов. Общий показатель саморегуляции у курсантов составил 34,52 балла (высокий уровень), у сотрудников – 30,42 балла (средний уровень). Проверка статистической значимости различий подтвердила наличие достоверных различий по шкале *самостоятельность* (табл. 6).

Курсанты-кинологи Росгвардии характеризуются значимо более высоким уровнем саморегуляции ($U = 117$; $p < 0,05$), что достигается прежде всего за счет более развитой самостоятельности ($U = 141$; $p < 0,05$). Курсанты демонстрируют более высокую автономность при организации своей активности, более выраженную самостоятельность в планировании

деятельности и поведения, контроле за ходом выполнения деятельности, анализе и оценке полученных результатов. Возможно, это связано с тем, что ведущая деятельность на этапе получения профессионального образования – учебная, и решение задач осуществляется при отсутствии контроля со стороны профессорско-преподавательского состава и командиров учебно-строевых подразделений. В целом у курсантов Росгвардии общий уровень саморегуляции профессиональной активности несколько выше, чем у специалистов-кинологов Росгвардии. Для обеих групп характерной особенностью является осознанность и взаимосвязанность всех регуляторных звеньев. В ситуации высокой мотивации достижения результатов в профессиональной деятельности испытуемые способны сформировать стиль саморегуляции, позволяющий достигать поставленной цели несмотря на наличие всевозможных препятствий.

Профессиональная готовность специалистов-кинологов к сложным условиям несения службы

определяется уровнем психологической устойчивости, которая включает в себя необходимый потенциал психоэнергетических ресурсов, эмоциональную уравновешенность, способность отчетливо удерживать в сознании несколько объектов или действий, стабильность настроения, отсутствие немотивированных страхов и опасений. Полученные результаты в ходе исследования демонстрируют пониженный показатель по всем шкалам методики «Самочувствие в экстремальных условиях» (А. Волков, Н. Водопьянова). Однако при одинаково низких показателях общей предрасположенности к патологическим стресс-реакциям и невротическим расстройствам в экстремальных условиях можно отметить, что сотрудники характеризуются более высокой склонностью к проявлениям психофизиологической усталости, эмоциональной неустойчивости и нарушений сна (рис. 8).

Статистическая проверка подтвердила наличие значимых различий между курсантами и сотрудниками (табл. 7).

Специалисты-кинологи характеризуются значимо более высоким уровнем психофизиологической усталости ($U = 113,5$; $p < 0,01$). При сохранении состояния хорошей адаптированности у них тем не менее наблюдаются более выраженные признаки истощения психоэнергетических ресурсов. Вполне очевидно, что специалисты-кинологи, выполняющие задачи в условиях специальной военной операции на территории

Табл. 6. Значимость различий в выраженности показателей саморегуляции у сотрудников и курсантов кинологической службы Росгвардии (U-критерий Манна-Уитни)
 Tab. 6. Self-control: significant differences between employees and trainees (Mann-Whitney U-test)

Диагностические шкалы	Средние значения		U	Z	p
	Сотрудники	Курсанты			
Шкала планирования	6,21	6,87	178,5	-1,02	0,308121
Шкала моделирования	6,26	7,09	158,5	-1,53	0,125687
Шкала программирования	5,84	6,35	180	-0,98	0,325994
Шкала оценки результатов	6,00	6,48	164,5	-1,40	0,160422
Шкала гибкости	7,00	7,57	173	-1,17	0,243466
Шкала самостоятельности	4,47	5,74	141	-1,97	0,048716*
Шкала общего уровня саморегуляции	30,42	34,52	117	-2,56	0,010320*

Прим.: * – $p < 0,05$.

Рис. 8. Средние значения показателей самочувствия в экстремальных условиях у сотрудников и курсантов кинологической службы Росгвардии
 Fig. 8. Well-being indicators in extreme conditions: employees vs. trainees, mean values

Украины, более уязвимы к возникновению патологический состояний, стрессовых и невротических расстройств. Полученные нами данные находят свое подтверждение в исследовании Н. Я. Большуновой и А. Г. Чапоргина, которые в изучении ценностно-смысловой сферы как компонента психологической готовности полагают, что ее преобразование напрямую связано с личностной уязвимостью военнослужащих, имеющих опыт участия в боевых действиях [Большунова, Чапоргин 2024: 322].

Полученные результаты эмпирического исследования личностных особенностей специалистов-кинологов Росгвардии позволяют говорить о несформированности или низком уровне выраженности свойств и качеств, что может препятствовать успешной профессионализации. Умение мыслить абстрактно, моделируя при этом различные вариации с целью принятия правильного решения в экстремальной ситуации, должно стать одним из приоритетных типов мышления. В связи с этим возникает необходимость внедрения специальных педагогических технологий

Табл. 7. Значимость различий в выраженности симптомов самочувствия в экстремальных условиях у сотрудников и курсантов кинологической службы Росгвардии (U-критерий Манна-Уитни)

Tab. 7. Well-being in extreme conditions: significant differences between employees and trainees (Mann-Whitney U-test)

Диагностические шкалы	Средние значения		U	Z	p
	Сотрудники	Курсанты			
Психофизиологическая усталость	1,44	0,65	113,5	2,60	0,009390**
Нарушение воли	0,72	0,57	175	0,99	0,324040
Эмоциональная неустойчивость	1,00	0,39	156	1,76	0,078026
Вегетативная неустойчивость	0,56	0,39	196,5	0,38	0,703904
Нарушения сна	1,06	0,57	165,5	1,28	0,201494
Тревога и страхи	0,83	0,57	159	1,56	0,119680
Дезадаптация (склонность к зависимостям)	0,72	0,35	178	1,00	0,319735

Прим.: ** – p < 0,01.

для формирования и развития соответствующего типа мышления. Целесообразно включать в учебно-воспитательный процесс технологии развития критического мышления. Согласно данной технологии, обучаемые в зависимости от установки и методики занятия становятся активными участниками образовательного процесса. Приемы и методы активизации мышления включены во все стадии аудиторного занятия. Основными технологиями являются составление коллажей, кластеров, бортовых журналов, синквейнов. Интерактивное включение обучаемых в учебный процесс осуществляется за счет поддержания интереса и мотивации в русле нестандартных заданий, способствующих развитию абстрактно-логического мышления. Существенным преимуществом данной технологии является развитие способности к анализу и соотношению информации, глубокому пониманию понятий и их взаимосвязи, построению и генерации идей и проектов, находящихся в непредметной плоскости.

Проблемным аспектом личности по результатам исследования являются проявления психофизиологической усталости и эмоциональной неустойчивости. Несомненно, эффективными технологиями по снижению психоэмоционального напряжения являются слаженная система труда и отдыха, полноценный сон, смена деятельности, хобби и др. Но учитывая специфику профессиональной деятельности специалистов-кинологов и характер выполняемых задач, использование режима труда и отдыха зачастую становится невыполнимым. В связи с этим особую актуальность и значимость в сохранении работоспособности, активности и эмоциональной устойчивости приобретает включение в образовательную программу специальных курсов по развитию аутопсихологической компетенции, в том числе спецкурсов по развитию навыков аутогенной тренировки. Например, включение в программу специальных знаний интимных механизмов эмоциональных реакций позволит профилактировать и снимать психоэмоциональное напряжение в боевых и стрессовых ситуациях, ослаблять или устранять вызываемые ими нарушения.

Заключение

В отечественной психологической науке вопросам изучения закономерностей профессионально-личностного становления отводится существенное значение, где формирование личностных свойств и качеств является определяющим в достижении профессионализма. Личностный подход к проблеме

превращения личности в субъекта профессиональной деятельности предполагает ее изучение на различных этапах. Опираясь на результаты фокусированного интервью, в котором эксперты (опытные специалисты-кинологи) определили структуру профессионально-ориентированных качеств, обеспечивающих успех, нами была совершена попытка выявления и описания психологических особенностей специалистов-кинологов, участвующих в зоне специальной военной операции, и курсантов. Анализ полученных данных в ходе эмпирического исследования позволяет констатировать факт, что значимые различия между специалистами-кинологами и курсантами 4 курса кинологического факультета Пермского военного института Росгвардии обнаружены при изучении показателей саморегуляции. Несмотря на оптимальное сочетание всех регулятивных процессов, общий уровень саморегуляции у сотрудников ниже, чем у обучающихся. Самостоятельность как необходимый элемент саморегуляции проявляется в отсутствии зависимости мнения личности от внешних субъективных и объективных обстоятельств. Значимое различие по данному показателю ($p < 0,05$) между группами респондентов, на наш взгляд, связано с ведущим видом деятельности и условиями несения службы. Смеем предположить, что ярко выраженная психофизиологическая усталость специалистов-кинологов является следствием высокого уровня ответственности и исполнительности по отношению к выполнению служебно-боевых

задач в зоне специальной военной операции и поддержания необходимого уровня профессиональной готовности. Анализ описательной математической статистики показал, что специалисты-кинологи и курсанты демонстрируют сходные психологические особенности, за исключением единичных показателей, которые, несомненно, активизируют внимание исследователей и позволяют наметить пути психологопедагогического сопровождения становления личности профессионала. Актуальность изучения личности специалиста-кинолога, закономерностей его профессионально-личностного становления обусловлена незаменимостью и уникальностью тандема служебная собака – специалист-кинолог в обеспечении национальной безопасности Российской Федерации.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: Авторы в равной степени участвовали в подготовке и написании статьи.

Contribution: All the authors contributed equally to the study and bear equal responsibility for the information published in this article.

Литература / References

- Бабакина Е. П., Попова О. В. Моделирование при формировании профессионально значимых личностных качеств студентов среднего профессионального образования. *Научно-педагогическое обозрение*. 2025. № 1. С. 66–73. [Babakina E. P., Popova O. V. Modeling in the formation of professionally significant personal qualities of students of secondary vocational education. *Pedagogical Review*, 2025, (1): 66–73. (In Russ.)] <https://doi.org/10.23951/2307-6127-2025-1-66-73>
- Бодров В. А. Психология профессиональной пригодности. М.: Пер Сэ, 2001. 511 с. [Bodrov V. A. *Psychology of professional suitability*. Moscow: Per Se, 2001, 511. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/sgkmjj>
- Большунова Н. Я., Чапоргин А. Г. Особенности ценностно-мотивационной сферы как компонента психологической готовности к выполнению служебно-боевых задач у военнослужащих, имеющих опыт участия в боевых действиях. *Военно-правовые и гуманитарные науки Сибири*. 2024. № 4. С. 307–323. [Bolshunova N. Ya., Chapargin A. G. Features of the value and motivational sphere as a component of psychological readiness to perform service and combat tasks in servicemen with experience in combat operations. *Military-Legal and Humanitarian Sciences of Siberia*, 2024, (4): 307–323. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/txkmlq>
- Волков А., Водопьянова Н. Симптоматический опросник «Самочувствие в экстремальных условиях». In: Водопьянова Н. Е. *Психодиагностика стресса*. СПб.: Питер, 2009. С. 31–33. [Volkov A., Vodopyanova N. Symptomatic questionnaire of well-being in extreme conditions. In: Vodopyanova N. E. *Psychodiagnostics of stress*. St. Petersburg: Piter, 2009, 31–33. (In Russ.)]

- Данилова Р. В. Характеристика психофизиологической совместимости специалиста-кинолога и служебных собак с разной стрессовой чувствительностью. *E-Scio*. 2022. № 11. С. 243–248. [Danilova R. V. Characteristics of psychophysiological compatibility of cynologists and service dogs with different stress sensitivity. *E-Scio*, 2022, (11): 243–248. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/wtaqjt>
- Дорофеев В. С., Кисилев Д. С. Проблема профессиональной подготовки специалистов-кинологов во внутренних войсках МВД России в современных условиях. *Армия и общество*. 2012. № 4. С. 50–54. [Dorofeev V. S., Kiselev D. S. Training dog handlers in the internal troops of the Ministry of Internal Affairs of Russia in modern conditions. *Armiia i obshchestvo*, 2012, (4): 50–54. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/rcejmz>
- Егорова М. С., Ситникова М. А., Паршикова О. В. Адаптация Короткого опросника Темной триады. *Психологические исследования*. 2015. Т. 8. № 43. [Egorova M. S., Sitnikova M. A., Parshikova O. V. Adaptation of the Short Dark Triad. *Psychological Studies*, 2015, 8(43). (In Russ.)] <https://doi.org/10.54359/ps.v8i43.1052>
- Калугин А. Ю., Щебетенко С. А., Мишкевич А. М., Сото К. Д., Джон О. П. Психометрика русскоязычной версии Big Five Inventory-2. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*. 2021. Т. 18. № 1. С. 7–33. [Kalugin A. Yu., Shchebetenko S. A., Mishkevich A. M., Soto C. J., John O. P. Properties of the Russian version of the Big Five Inventory-2. *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, 2021, 18(1): 7–33. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2021-1-7-33>
- Карпов А. В. Психология рефлексивных механизмов деятельности. М.: ИП РАН, 2004. 424 с. [Karpov A. V. *Psychology of reflexive mechanisms of activity*. Moscow: IP RAS, 2004, 424. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/surseh>
- Корнеева Я. А., Шахова Л. И., Киричек М. А., Корехова М. В., Симонова Н. Н., Венцките М. С., Шевелева О. С. Взаимосвязь личностных качеств и универсальных навыков для успешного построения карьеры студентов психологических и педагогических направлений подготовки в вузе. *Психология и Психотехника*. 2023. № 3. С. 53–77. [Korneeva Ya. A., Shakhova L. I., Kirichek M. A., Korekhova M. V., Simonova N. N., Venckute M. S., Sheveleva O. S. The relationship of personal qualities and universal skills for successful career building for students of psychological and pedagogical areas of training at the university. *Psychology and Psychotechnics*, 2023, (3): 53–77. (In Russ.)] <https://doi.org/10.7256/2454-0722.2023.3.43538>
- Кусакина Е. А. Использование пятифакторного опросника для изучения личности специалиста-кинолога силовых ведомств Российской Федерации. *Вестник университета*. 2024. № 9. С. 242–249. [Kusakina E. A. Using the five-factor questionnaire to study the personality of a specialist-cynologist of the security agencies of the Russian Federation. *Vestnik universiteta*, 2024, (9): 242–249. (In Russ.)] <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2024-9-242-249>
- Кусакина Е. А. Критерии профессионального становления специалистов-кинологов силовых ведомств. *Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина*. 2023. № 4. С. 457–473. [Kusakina E. A. Criteria for professional development of specialists-cinologists of power departments. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. S. Pushkina*, 2023, (4): 457–473. (In Russ.)] https://doi.org/10.35231/18186653_2023_4_457
- Кусакина Е. А. Профессионально-личностное становление специалиста-кинолога. Пермь: Пермский институт ФСИН России, 2017. 131 с. [Kusakina E. A. *Professional and personal development of a dog handler*. Perm: Perm Institute of the Federal Penitentiary Service, 2017, 131. (In Russ.)]
- Кусакина Е. А., Мальчиков Р. В. Психофизиологическая совместимость специалиста-кинолога и служебной собаки. *Пенитенциарная наука*. 2019. Т. 13. № 3. С. 416–422. [Kusakina E. A., Malchikov R. V. Psychophysiological compatibility of a specialist cynologist and service dog. *Penitentiary science*, 2019, 13(3): 416–422. (In Russ.)] <https://doi.org/10.46741/2686-9764-2019-13-3-416-422>
- Лебедева Е. В., Пикалова М. А. Личностные качества кинолога как фактор повышения эффективности профессиональной деятельности. *Теория и практика современной науки*. 2016. № 6-1. С. 731–737. [Lebedeva E. V., Pikalova M. A. Personal qualities of dog handler as a factor of effective professional activity. *Teoriia i praktika sovremennoi nauki*, 2016, (6-1): 731–737. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/wkfeyt>
- Мамонтова Т. С. Оценка влияния личностных качеств и свойств характера на профессиональную самоидентичность студентов педагогического вуза. *Science for Education Today*. 2025. Т. 15. № 2. С. 25–44. [Mamontova T. S. Evaluating the influence of personal qualities and character traits on the professional self-identity of pedagogical university students. *Science for Education Today*, 2025, 15(2): 25–44. (In Russ.)] <https://doi.org/10.15293/2658-6762.2502.02>

- Поваренков Ю. П. Психология деятельности профессионала. Ярославль: ЯГПУ, 2021. 243 с. [Povarenkov Yu. P. *Psychology of professional activity*. Yaroslavl: YSPU, 2021, 243. (In Russ.)]
- Русалов В. М. Опросник структуры темперамента (ОСТ). М.: ИП РАН, 1990. 50 с. [Rusalov V. M. *Questionnaire of Temperament Structure (OST)*. Moscow: IP RAS, 1990, 50. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/rfvmop>
- Серебренникова Н. А. Модель формирования профессионально-значимых качеств у студентов вузов физкультурно-спортивного профиля. *Педагогический журнал*. 2022. Т. 12. № 1-1. С. 485–492. [Serebrennikova N. A. Model of formation of professionally significant qualities among students of higher education institutions of physical culture and sports profile. *Pedagogicheskii zhurnal*, 2022, 12(1-1): 485–492. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/atnmyh>
- Скрипкина Т. П., Кусакина Е. А. Профессиограмма деятельности специалистов-кинологов МВД России как важнейший элемент качественной подготовки специалиста. *Вестник Мининского университета*. 2024. Т. 12. № 1. С. 9–18. [Skripkina T. P., Kusakina E. A. Professiograph of activity of cynological specialists of the MIA of Russia as a critical element of quality training of a specialist. *Vestnik of Minin University*, 2024, 12(1): 9–18. (In Russ.)] <https://doi.org/10.26795/2307-1281-2024-12-1-9>
- Фонарев А. Р. Психология личностного становления профессионала. М.: ИП РАН, 1998. 347 с. [Fonarev A. R. *Psychology of personal development of a professional*. Moscow: IP RAS, 1998, 347. (In Russ.)]
- Худякова Т. Л., Севрюкова А. Н. Рефлексивная компетентность как составляющая профессиональной компетентности психолога образования. *Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Проблемы высшего образования*. 2015. № 3. С. 80–82. [Khudyakova T. L., Sevryukova A. N. Reflexive competence as part of an educational psychologist's professional competence. *Proceedings of Voronezh State University. Series: Problems of Higher Education*, 2015, (3): 80–82. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vvsmb1>
- Шадриков В. Д. Новая модель специалиста: инновационная подготовка и компетентностный подход. *Высшее образование сегодня*. 2004. № 8. С. 26–31. [Shadrikov V. D. A new model of a specialist, innovative training, and a competency-based approach. *Higher Education Today*, 2004, (8): 120–128. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/skglqx>
- Bühler C. *Psychology in the life of our times*. Zurich, 1962.
- Holland J. L. *Making vocational choices: A theory of careers*. N. Y.: Prentice-Hall, 1973, 150.
- Parsons F. *Choosing a vocation*. Cambridge, 2008, 176.
- Schwartz S. H. Are there universal aspects in the structure and contents of human values? *Journal of Social Issues*, 1994, 50(4): 19–45. <https://doi.org/10.1111/j.1540-4560.1994.tb01196.x>
- Siebert K. H. Theorien der Berufswahl und der beruflichen Entwicklung. In: Seifert K. H., Eckhardt H. H., Jaide W. *Handbuch der Berufspychologie*. Göttingen, 1977, 173–279.
- Super D. E. *Vocational development*. N. Y., 1957, 391.
- Super D. E., Bahn M. Y. *Occupational psychology*. L.: Tavistock, 1971, 209.

СибСкрипт = SibScript

Контакты для сотрудничества:

Серый Андрей Викторович, главный редактор, КемГУ
(Кемерово, Россия), avgrey@yahoo.com

Васютин Сергей Александрович, заместитель главного
редактора по направлению «История», КемГУ
(Кемерово, Россия), vasutin2012@list.ru

Сатучина Татьяна Юрьевна, ответственный редактор
по направлению «Филология», КемГУ (Кемерово, Россия),
tatianakuznetsova86@mail.ru

Старикова Людмила Семеновна, ответственный секретарь,
КемГУ (Кемерово, Россия), vestnik@kemsu.ru,
vestkemsu@gmail.com

Над выпуском работали:

Литературный редактор, корректор –
Старикова Людмила Семеновна.
Литературный редактор (английский язык) –
Рабкина Надежда Владимировна.
Верстка и дизайн – Митько Наталья Викторовна.

Подписано к печати 13.10.2025.

Дата выхода в свет 06.11.2025.

Печать офсетная. Бумага Svetlo Copy.

Формат А4. Усл. печ. л. – 22,8. Уч.-изд. л. – 20.

Тираж 500 экз.

Цена свободная.

Адрес типографии: Россия, Кемеровская область – Кузбасс, 650000, г. Кемерово, пр. Советский, 73.

Contacts for co-operation:

Andrey V. Seryy, Editor-in-Chief, Kemerovo State University
(Kemerovo, Russia), avgrey@yahoo.com

Sergey A. Vasyutin, Vice Editor-in-Chief for History,
Kemerovo State University (Kemerovo, Russia),
vasutin2012@list.ru

Tatiana Yu. Satuchina, Executive Editor for Linguistics and Literary
Studies, Kemerovo State University (Kemerovo, Russia),
tatianakuznetsova86@mail.ru

Lyudmila S. Starikova, Executive Secretary, Kemerovo State
University (Kemerovo, Russia), vestnik@kemsu.ru,
vestkemsu@gmail.com

Editorial team:

Literary editor, proof-reader – Lyudmila S. Starikova.

Literary editor (Eng.) – Nadezhda V. Rabkina.

Layout and design – Natalia V. Mitko.

sibscript.ru

